

63
Д. Семенов
К. Ушков
Л. Кузнецов
Ф. Зенков
А. Мухин
П. Чэкина
П. Исаев
И. Приказчиков
В. Лещинский
А. Ворожев
Т. Лобыхина
О. Сошникова
Г. Шпринбах
И. Дубынин
Ф. Ааз
М. Курнаков
П. Софронов
А. Сивкова
И. Прокофичева
П. Галужная
Р. Церохес
В. Соленик
В. Уозак
И. Парфирьев
Б. Истолин
С. Малышов
П. Жигор
В. Куйбышев
Г. Идрисов
К. Сутюшев
И. Овчинников
И. Залманов
Ф. Смольников
А. Балибардин
И. Балибардин
Б. Петров
А. Родионов
М. Кияница
Л. Еременко
И. Корпейчик
Ф. Рузаев
А. Наумов
С. Муканов
И. Коцьк
А. Айтиев
Ш. Альжанов
И. Шухов
Я. Гашек

В

ПЕТРОПАВЛОВСК СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
«ПРОВИНЦИЯ»**

**Издательство
«Северный Казахстан»**

БИ

Уважаемые читатели!

У вас в руках книга о нашем любимом городе Петропавловске. Это не энциклопедия, не справочник, это сборник краеведческих статей, опубликованных в разное время в газетах и журналах Петропавловска.

Автор их - Тамара Васильевна Макарова, уроженка Северного Казахстана, проживающая в Петропавловске с 1940 года. Более четверти века Тамара Васильевна занимается краеведением.

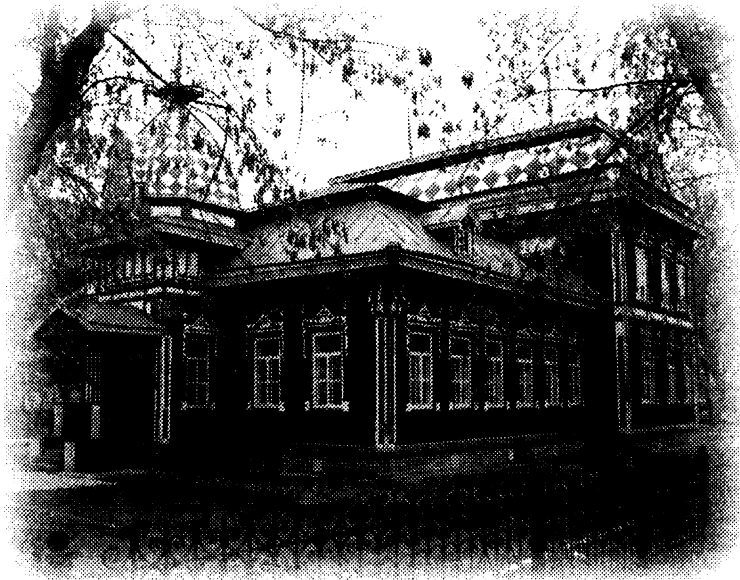
По образованию Т.В. Макарова историк, она окончила Омский педагогический институт, работала учителем истории в школе Подгорья (самой старой, исторической части города). Затем очень увлеченно начала заниматься краеведением: прослушала курс истории нашего края вместе с другими учителями у Михаила Ивановича Беньюха, а по субботам и воскресеньям проводила экскурсии по городу, его окрестностям и даже по области от областного экскурсионного бюро.

Тамара Васильевна работала в областном историко-краеведческом музее и областном госархиве. Вдумчиво, взвешенно и неторопливо Т.В. Макарова уже треть жизни пишет по 2-3 статьи в год, тщательно сверяя даты и факты во всех доступных документах и исторических источниках. Ее статьи - это глубокие исследовательские работы, открывающие забытые страницы в истории нашего края.

Тамара МАКАРОВА

ПЕТРОПАВЛОВСК

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Т. МАКАРОВА

ПЕТРОПАВЛОВСК: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Издательство “Северный Казахстан”, 2008 г.
372 стр.

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА “ПРОВИНЦИЯ”

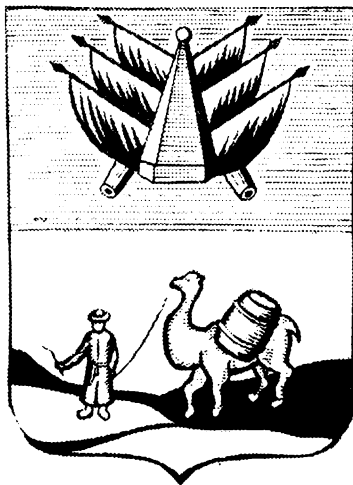
Выпуск №14

Главный редактор В.Г. Шестериков

Поставлен на учетную регистрацию в Министерстве информации Республики Казахстан. Свидетельство № 8271-Ж, выдано 18 апреля 2007 года. Собственник: ТОО “Издательство “Северный Казахстан”. Выходит один раз в месяц. Тираж 500 экземпляров. Номер отпечатан в типографии ТОО “Издательство Северный Казахстан”, Петропавловск, ул. Театральная, 42.

Адрес редакции: 150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.

Перепечатание или частичное использование данной книги в тиражных изданиях не допускаются без письменного разрешения автора.

**ПЕТРОПАВЛОВСК
ТОРГОВЫЙ**

Сто пятьдесят лет назад, в декабре 1842 года, был утвержден первый герб города Петропавловска. Рисунок этого герба многим известен: торговец ведет за веревку-верблюда, нагруженного тюками. В верхней части гербового щита изображался отличительный знак Тобольской губернии. Объяснялось это тем, что в тот период Петропавловск входил в эту губернию. В 1868 году, когда город был подчинен Омску и вошел в Акмолинскую область, верхняя часть герба, соответственно, была изменена. Так, до 1917 года герб отражал самобытность города, основное занятие его жителей. Конечно, на Руси было немало городов, обязанных своему рождению и развитию торговле, но судьба Петропавловска была особой.

В середине 19 века, когда был утвержден этот герб, по сумме оборота Петропавловский торг во всей Сибири уступал только Кяхтинской крепости, где была сосредоточена торговля с Китаем. В то же время наш город занимал первое место по количеству купцов и темпам роста населения среди всех двенадцати городов Западной Сибири, опережая такие города, как Томск, Тюмень, Омск, Ишим, Тобольск и другие.

Думаю, что юбилей герба, тем более в наши дни, - это убедительный повод обратиться к истории старого торгового Петропавловска. Вот что о нем рассказывают материалы архива.

Начало торговли было связано с именем Аблая - одного из самых известных деятелей в истории казахского народа. Тогда Аблай пребывал в сане султана Среднего жуза. До строительства новой пограничной линии степные кочевники торговали с Россией через Оренбург и Семипалатинскую крепость. В первом преобладали товары европейской части России и Туркестана, а в крепости - товары Сибири, Монголии и Китая. С появлением крепости Святого Петра Аблай обратил внимание на то, что ее географическое положение при значительном сокращении караванного пути может обеспечить достоинства обоих торговых пунктов.

12 октября 1759 года Аблай обратился с письмом к оренбургскому губернатору, в руках которого был сосредоточен контроль за пограничной торговлей в Западной Сибири. В письме, в частности, говорилось: «...Моя и моего народа просьба, дабы по Ишиму в Петропавловской крепости продажу производить дозволено было...». Вскоре последовало разрешение об открытии торгового устья у стен крепости.

Накануне его открытия, в последних числах декабря того же года, многие казахские феодалы получили приглашающие письма за подписью командира Сибирского корпуса: «Во удовольствие Вашего народа, - говорилось в приглашении, - в крепости Святого Петра велено ныне учредить сатовку (куплю-продажу), для чего купцам в тою крепость с товарами, с мукою и крупю съезжаться велено... Прошу о той сатовке поблизости Новой линии в улусах публиковать, чтобы они с имеющимся у них товаром, со скотом, лошадьми и пленными калмычатами для той сатовки в Петропавловскую крепость приезжали без всякого опасения...».

Как видим из документа с первых торгов, вдали от глаз цивилизованных европейцев Россия поощряла работоторговлю. До 1825 года Петропавловск оставался главным рынком снабжения невольниками всей империи, хотя в денежном выражении такая торговля составляла незначительную часть от общего оборота.

Уже к концу 18 века Петропавловская крепость не знала себе соперника в торговле на территории Западной Сибири. Сохранилось немало воспоминаний современников, воссоздающих грандиозную картину Петропавловского торгового двора. Я же хочу привести строки из Географического словаря России за 1807 год, которые характеризуют отношения между покупателем и продавцом на Петропавловском меновом дворе во времена еще полудиких нравов: «Можно сказать, что казахи цену товаров наших совершенно знают. В определенный час утра поджидают они, кажется, равнодушно барабанного боя, которым от правительства дается знак к впусшению их на меновой двор. Всякий торговец с нашей стороны старался схватить за ворот того, кто ему больше нравится, и втащить в свою лавку. Здесь, не обижаясь насилью, они садятся и несколько часов рассужда-

ют о покупке. Чтобы убедить казаха в малейшей уступке, надобно чем-либо гостя угостить, например, трубным табаком...».

Шли годы. В связи со все возрастающей ролью Петропавловска как торгового центра сюда в середине прошлого (19-го) столетия из Оренбурга было переведено Управление Сибирской таможенной границей. Отсюда велся контроль за торговлей на восточных границах России.

Однако дореволюционный Петропавловск переживал не только подъем, но и затянувшийся на несколько десятилетий торговый спад. Объяснялось это прежде всего утратой статуса пограничного города. В 1868 году была закрыта пограничная таможня, а в 1876 году - окончательно упразднена Горькая линия. Южнее Петропавловска, на перекрестке торговых путей, появились новые торговые города: Кокчетав, Акмолинск, Атбасар и другие. В этот же период в состав империи вошел Туркестан и Россия получила возможность торговать с Бухарой, Кокандом и Китаем через Ташкент.

Спад в торговле длился до завершения строительства Сибирской железнодорожной магистрали. В конце девятых годов 19-го столетия начинается качественно новый этап развития торговли и всей экономической жизни города и уезда. За короткий промежуток времени в Петропавловске поднялись добротные кирпичные здания с замысловатой кладкой, преобразившие вид города. Это были купеческие особняки, магазины, лабазы, конторы. Часть зданий принадлежала иностранным фирмам. В городе резко увеличилось число предприятий по обработке животноводческого сырья, а на окраине Петропавловска появились мельницы, построенные с размахом, оснащенные современным оборудованием.

Если в прошлом Петропавловску отводилась роль в основном перевалочной базы, то теперь на рынок вывозилась и собственная сельскохозяйственная продукция: прежде всего хлеб, мясо, жиры. В европейскую часть России хлеб из Западной Сибири, в том числе и из Петропавловска, стал поступать сразу по окончании строительства железной дороги. Хлынувший поток дешевого хлеба вызвал панику среди российских помещиков. Они смогли убедить правительство ввести в 1898 году челябинский тариф - пошлину за провоз хлеба дальше Урала. Только в 1911 году торговцы хлебом добились отмены этого тарифа.

Конечно, железная дорога сыграла важную роль в дальнейшем развитии торговли, но это было также время экономических реформ, которые наиболее успешно проводились в отсутствие помещичьих хозяйств.

В областном архиве нет материалов о проведении таких реформ в Петропавловском уезде. Приведу здесь лишь имеющиеся сведения об уже сложившейся накануне революции системе стимулирования роста рентабельности крестьянских хозяйств и вовлечению их в рынок.

Вся земля уезда (как и другие земли Акмолинской области) была разделена на 12 участков. Участком заведовал агроном. Он же являлся председателем земельного общества, в которое входили, как правило, все крестьяне данной территории. Деятельность агронома, его заместителя, всего штата агрономического пункта, а также общества в целом, была направлена на подъем культуры земледелия и взаимопомощь. Перед крестьянами регулярно читались лекции по земледелию, каждый из них мог получить консультацию в агрономическом пункте. Причем не в конторе, а непосредственно на опытном поле. Кроме опытного поля, два агрономических участка имели также показательные огороды, питомники и ягодные сады. Находились они в Явленке и рядом с городом, на берегу озера Пестрого (сейчас здесь Мичуринский совхоз). Здесь же можно было купить семена и саженцы. Можно было получить их и бесплатно, подписав договор о соблюдении всех рекомендаций инструктора по огородничеству и садоводству.

Агрономические пункты оказывали крестьянам помощь и сельхозмашинами, предлагая их напрокат. Крестьяне же, имевшие средства, могли без труда приобрести технику в Петропавловске. Здесь размещались конторы и склады как отечественных, так и иностранных фирм, торгующих новейшими сельхозмашинами и запасными частями к ним.

Не оставалось без внимания и животноводство. Так, в ходе реформ на территории уезда появились рассадники племенных животных. Как и на агрономических пунктах, здесь можно было приобрести породистый молодняк и получить консультацию у специалиста. Рассадник мериносовых овец в селе Всесвятском и рассадник английской белой свиньи в Явленке считались самыми крупными в уезде. Кроме этого, племенная работа велась практически во всех крупных частных хозяйствах. В их

числе было, например, имение братьев Кондратовых (ныне Мамлютский совхоз). Интересно отметить, что материальная база имения Кондратовых позволила разместить здесь после гражданской войны самый крупный в Западной Сибири конный завод, находившийся ранее в Томске.

Развитие животноводства в уезде внесло свои коррективы в традиционную торговлю скотом. Однако по-прежнему местом самых крупных оптовых сделок по купле-продаже мяса оставался старый Меновой двор (на его территории расположен завод МЛД). Модернизированный в годы первой мировой войны Меновой двор представлял собой уникальный специализированный рынок. Здесь все до мелочей было предусмотрено для удобства приезжих купцов и успешных торговых операций. Во дворе, обнесенном высокой каменной стеной, разместились более ста лавок, ветеринарная служба, склады, сушилка для кож, единственная на всю Сибирь пароформалиновая дезинфекционная камера, гостиница и мечеть.

Меновой двор был самым крупным городским рынком, но далеко не единственным. Не считая 582 магазинов и ларьков (на 43 тысячи человек населения в 1916 году), в их распоряжении были хлебный, два мясо-молочных, сенной, зеленый, рыбный и другие рынки.

Рост продуктивности в животноводстве нашел отражение в увеличении производства жиров и прежде всего сливочного масла, которое стало успешно сбываться за границу. Начиная с конца 19-го столетия масло в количестве не менее двухсот тысяч пудов в специальных холодильных вагонах отправлялось в Англию, Францию, Германию и другие страны Европы. В начале 20-го века Петропавловск уже лидировал среди торговых городов Западной Сибири по вывозу этой продукции. Масло вывозили за границу Сибирское экспортное общество, Петропавловское отделение Сибирских маслодельных артелей и ряд иностранных фирм, обосновавшихся в городе. Петропавловск и уезд были покрыты сетью приемных пунктов. Только одна датская фирма имела в Петропавловске шесть контор по приему масла и несколько складов. Кроме этого, сотни агентов в поисках продукции непрерывно колесили по хуторам, селам и станицам.

Основными производителями масла являлись небольшие заводы, разбросанные по уезду. Сохранились воспоминания

одного из переселенцев, осевшего с семьей в 1910 году в Пресновской волости и ставшего маслоделом. В них приведен подробный финансовый расчет производства сливочного масла. Так, стоимость заводика составила 155 рублей. Производственное помещение представляло собой деревянный дом из трех комнат и льдохранилища. Его оборудование состояло из шестисотлитрового сепаратора, маслобойки, аппарата по маслообработке, водогрейного котла, 15 фляг, 20 ушатов и других необходимых производству предметов. Молоко покупалось у крестьян по договорным ценам, в среднем по 35 копеек за пуд. Технологией изготовления продукции руководил специально нанятый мастер. Годовая производительность составляла 400 пудов сливочного масла. Средняя цена, по которой скупали масло торговые агенты, составляла 12 рублей за пуд. Можно было продавать и дороже, если самому отвозить товар на рынок.

Чем больше росло маслодельных заводов, тем больше требовалось специалистов этого профиля. Острая же нехватка квалифицированных рук ощущалась не только с маслоделами. Эти обстоятельства явились причиной появления профессиональных школ. Так, в 1916 году открылась Беловская школа молочного хозяйства. Школа имела первый разряд и считалась лучшей в Западной Сибири. Ей принадлежал один из самых крупных в уезде заводов по производству масла и сыра.

Несколькими годами раньше в Явленке была открыта сельскохозяйственная школа. В 1912 году в Петропавловске был открыт прием в торговую школу. Ее выпускники могли служить торговыми агентами, конторщиками, продавцами, бухгалтерами, приказчиками и т.д. Задачей обучения было «подготовить учащихся к коммерческой деятельности на восточных окраинах империи и в прилегающих к России азиатских государствах». Эти слова я привела из устава школы. Кроме общеобразовательных и специальных предметов, здесь изучались коммерческая география, торговые и промышленные законодательства Монголии и стран Востока. Изучению языков, в том числе казахскому и монгольскому, уделялось особое внимание. Для усовершенствования этих знаний учащиеся в каникулярное время направлялись в дальние командировки. Что Петропавловская торговая школа имела богатую материальную базу, можно судить хотя бы потому, что она могла послать на практику своих

учеников за пределы уезда, в том числе и за границу. Это обстоятельство, как и право школы беспощадно приобретать оборудование, учебную литературу, образцы товаров в любой стране мира, может, думаю, характеризовать в целом и уровень обучения. За 4 года число учащихся школы выросло в два раза: с 60 до 120. В 1917 году городская торговая школа была преобразована в Коммерческое училище.

Кто же финансировал профессиональные школы и, в частности, Торговую школу? Во-первых, обучение было платным. Во-вторых, это учебное заведение было предметом особого внимания как городской думы, так и Петропавловского Коммерческого клуба, на 90% состоящего из купцов. Объяснялось это кровной заинтересованностью хозяев в высоком профессионализме своих служащих. В то же время такая забота не была свидетельством добрых отношений между подчиненными и работодателями.

Чтобы показать, какая грань лежала между «труженниками прилавка», как называли себя приказчики, и хозяевами магазинов, приведу строки из стихотворения, напечатанного в местной газете за 23 января 1913 года. Стихотворение называлось «Сон приказчика»:

*Только смыкаю я очи усталые,
Только ложусь на постель,
Вся моя жизнь одинокая, нудная
Передо мною проходит, как день.
Вижу в углу я хозяина злобного,
Вот он кричит: «Живо, молодчик!
Не корчи здесь барина!»...*

В 1906 году именно торговые служащие организовали в городе первое профессиональное общество. Оно называлось «Общество взаимного вспоможения приказчиков». За короткий промежуток времени общество открыло библиотеку, общедоступный буфет с низкими ценами, организовало два драматических кружка (спектакли шли на русском и татарском языках) и даже духовой оркестр, в котором играли приказчики самого крупного магазина в городе, принадлежащего московским купцам Ганынину и Овсянникову (сейчас на месте магазина расположен почтамт). Чтобы иметь необходимые средства, общество организовывало платные концерты, маскарады, лекции, кото-

рые нередко читали приглашенные профессора из Томска и даже из Москвы. Конечно, общество было создано не только для оказания взаимной помощи, но и для борьбы за свои права.

Когда же наступили революционные дни, большинство его членов включилось в активную политическую борьбу. Среди них были Гариф Идрисов и Карим Сутюшев. По численности, по влиянию на общественную и культурную жизнь старого Петропавловска «Обществу взаимного вспоможения приказчиков» можно было противопоставить только Коммерческий клуб.

Однако эти два влиятельных общества были несравнимы в доходах. С конца 19-го столетия и до 1917 года Коммерческий клуб (в то время он назывался «Вторым общественным собранием») арендовал территорию городского сада, получая прибыль от входных билетов. Кроме этого, с осени 1906 года, когда было завершено строительство драматического театра (сейчас - фабрика сувениров), и до начала первой мировой войны клуб оставался единственным арендатором этого здания, получая немалую прибыль от его эксплуатации.

В отличие от «Общества взаимного вспоможения приказчиков», Коммерческий клуб ставил иные цели своей деятельности. Вот что об этом говорилось в его уставе: «Петропавловский Коммерческий клуб имеет своей целью доставлять своим членам и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». Это означало, что клуб имел право «устраивать для своих членов и их гостей как платные, так и бесплатные спектакли, гуляния и кинематографы, балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, различные дозволенные игры: в шашки, шахматы, бильярд, карты и т.п., а также устраивать систематические научные курсы и приглашать специалистов для чтения лекций по литературе и различным наукам».

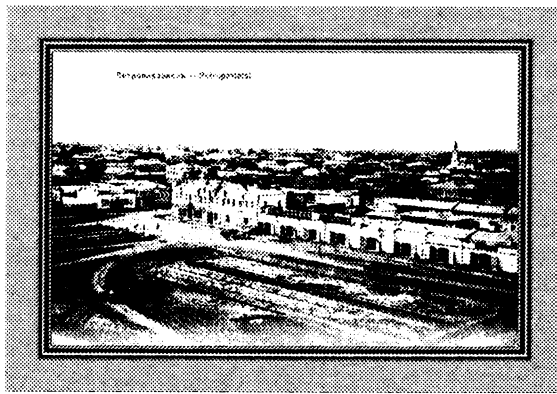
Под влиянием общественности города двери клуба были открыты не только для коммерсантов. С 1912 года в него мог войти любой житель Петропавловска за исключением учащейся молодежи и солдат, находившихся на действительной военной службе. Несмотря на это, Коммерческий клуб оставался местом, где собирались избранные, элита торгового Петропавловска.

Справедливости ради нужно отметить, что Коммерческий клуб занимался и благотворительной деятельностью. Средства из благотворительного фонда поступали не только в Торговую школу на выдачу стипендий, но и обедневшим, больным членам клуба и их семьям, осиротевшим детям и т.д.

О том, что происходило в Коммерческом клубе или в «Обществе взаимного вспоможения приказчиков», жители города всегда могли узнать, раскрыв газету «Приишимье», раздел светской хроники. Описание очередного вечера отдыха, устроенного купцами или приказчиками, как и обширную торговую рекламу, можно найти в любом номере этой газеты. Кстати, о рекламе. У современного читателя она, я думаю, непременно вызовет интерес, например, невиданными товарами, такими как шубы из меха кенгуру или розовое масло из гретьих сливок, французские сардины или дичная колбаса и т.д. Только одного пива петропавловские торговцы предлагали следующие, наверняка неизвестные современникам сорта: пильзенское, столовое, венское, экспортное, черное, светлое и мартовское (газета от 20 декабря 1912 года)!

Но больше всего поражает и удивляет в рекламе непривычный почтительный тон в обращении к покупателю. Это, на мой взгляд, удивляет больше всего, хотя нетрудно понять, что за этим скрывается коммерческий расчет и жесткая конкурентная борьба.

1992 г.

ЛЮДИ И ГОДЫ

АВТОР ГЛАВНОЙ КНИГИ О ПРОШЛОМ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

А.И. Семенов

В 1916 году в городе Омске (административный центр Акмолинской области, в который входил Петропавловский уезд) вышел из печати школьный учебник, на обложке которого стояло такое смкое и порядком забытое слово - «Родиноведение». Учебник был предназначен для начальной школы. Он начинался со вступительной статьи, в которой, между прочим, были такие слова: «Изучение России является могущественным орудием национального воспитания. Оно должно начинаться в младших классах с родины учащихся...». Книга рассказывала об истории, животном и растительном мире, экономике и культуре всех пяти уездов области: Омского, Петропавловского, Акмолинского, Кокчетавского и Атбасарского. Текст учебника дополняли выразительные иллюстрации и подборка прекрасных стихов о природе родного края. Здесь же проводились новейшие статистические данные по городам и уездам о наличии заводов, учебных заведений, культовых учреждений, о национальном составе населения и т. д. Таким образом, учебник являлся еще и настольным справочником для школьника.

Прошло более полувека после написания исторического очерка, но и сегодня он имеет бесспорное преимущество перед всей местной краеведческой литературой. Достаточно отметить, что очерк был создан, помимо тщательно отобранных для него материалов Омского архива, на базе документов архива Северо-Казахстанской области еще до передачи его ценнейших фондов («Сибирское таможенное Управление», «Петропавловская городская Ратуша», «Петропавловское городское Управление», метрические книги мечетей и церквей и др.) в Центральный архив республики. Как известно, во второй

половине 40-х годов повсеместно в Казахстане по распоряжению ЦКВД архивные материалы досоветского периода были переданы в Алма-Ату, и сегодня наш областной архив начинается лишь с событий конца 1919 года.

При всей схожести цели исторический очерк «Петропавловск на 200 лет» во многом отличается от своего предшественника - учебника «Родиноведение». Во-первых, очерк предназначался в первую очередь учителю в качестве методического справочного пособия по краеведческой работе в школе и, конечно, он также был адресован массовому читателю. Во-вторых, в отличие от учебника, исторический очерк принадлежал перу одного автора - неумолимого краеведа и историка Александра Игнатъевича Семенова. В сентябре прошлого года исполнилось 100 лет со дня его рождения (Семенов умер в 1974 году).

Александр Игнатъевич Семенов, выпускник Ленинградского университета, ученик выдающегося историка Е.В. Тарле, бывший старший научный сотрудник Историко-археологического института Академии наук СССР, приехал в Петропавловск в июле 1939 года к месту отбывания ссылки. Накануне, в марте 1938 года, в Москве прошел очередной громкий политический процесс по обвинению в контрреволюционной деятельности Н.И. Бухарина и членов так называемого «правотроцкистского блока». Процесс вызвал волну репрессий в Академии, т.к. Бухарин являлся ее действительным членом.

Уже 1 августа Семенов вступил в должность заведующего кафедрой истории Петропавловского учительского института, который тогда остро нуждался в специалистах с высшим образованием. Преподавал Александр Игнатъевич историю СССР.

Очень скоро молодой ученый открыл для себя необъятное поле для научно-исследовательской работы. Его, например, удивило, что Петропавловск, приближаясь к своему 200-летию, не имеет ни одного основательного труда по истории города. Действительно, все, что относилось к биографии Петропавловска, в то время составляло две тоненькие книжечки, в которых довольно скупо и выборочно освещалось прошлое города. Это «Краткий исторический очерк г.Петропавловска Акмолинской области» Л.А. Кузнецова (1913 год) и «Справочник по городу Петропавловску Акмолинской губернии за 1925 год». Прошло чуть больше года после приезда Семенова, когда на страницах

местной газеты появились его статьи, сразу привлекая внимание горожан. Впервые они познакомились с неизвестными ранее именами и событиями, с живыми картинками прошлого из истории Петропавловска. Вот некоторые заголовки его публикаций: «Как строилась Петропавловская крепость», «Военный быт крепости», «Меновая торговля», «Гражданский быт Петропавловска в XVIII веке».

Семенов задумал напечатать цикл статей о нашем городе, используя при этом только новые архивные материалы, однако завершить эту работу он не успел: началась Великая Отечественная война. Война резко ухудшила положение института, условия преподавательской деятельности и учебы студентов. Достаточно упомянуть о том, что институт лишился своего основного здания, которое было передано военному заводу.

Трудности военного времени усложнили, но не остановили краеведческих поисков Александра Игнатьевича. И не только по истории Петропавловска. Дело в том, что Семенов по специальности был историком-археологом. Еще до приезда в Петропавловск он участвовал во многих археологических экспедициях и ему принадлежал ряд публикаций в научных изданиях. Надо отметить, что в тот период археологическая наука в Казахстане находилась еще в начальной стадии развития. Что же касалось Северного Казахстана, то по этому поводу высказывались самые скептические мнения о возможных каких-либо результатах археологических раскопок. Семенов первый опроверг такую точку зрения. Уже в начале 1940 года он опубликовал статью в местной газете о своих первых археологических раскопках на территории Северного Казахстана, в результате которых были обнаружены предметы бронзового века, пролежавшие в земле 3000-3500 лет. В этой же статье Семенов использовал сведения о раскопках в 1928 году в Кокчетавском районе, когда были найдены золотые украшения, относящиеся к V веку н. э. В этом же 1940 году Александр Игнатьевич приступил к составлению археологической карты, первой в нашей области. Вот что писал директор Учительского института Адам Адамович Кербер (вскоре репрессированный) о научной работе преподавателей в отчете за период с 1-го января по 1-е июля 1941 года: «Тов. Семенов продолжает составлять археологическую карту СКО, написано уже 20 новых обозначений (всего 60). Это очень важная работа. Как из-

вестно, профессор Вяткин писал в декабре 1940 года в «Казахстанской правде», что в стороне от влияния передовых культур древности, возможно, стояли лишь племена Северного Казахстана, о жизни которых в то далекое время исторической науке пока ничего не известно. Когда тов. Семенов поместил весной 1941 года в местной газете статью об археологических работах в нашей области, то этой статьей заинтересовался член-корреспондент Академии наук СССР профессор Шестаков, приславший о ней специальный запрос в редакцию. Разрешение археологических проблем Северного Казахстана могло бы пролить свет на выяснение действительного происхождения отдельных западноевропейских народов, в том числе германцев и венгров. Изучение археологических находок позволило бы разоблачить фашистскую фальсификацию происхождения германцев...».

Между тем история Петропавловска и археология представляли лишь часть краеведческих исследований ученого. В тот же период он вел напряженную поисковую работу по теме «Продвижение царизма в Северный Казахстан во второй половине XVIII века». Как одна из малоизученных тем, она была одобрена специальным приказом Казнаркомпроса. Лично для Александра Игнатьевича эта работа имела особое значение: он готовил ее на соискание ученой степени кандидата исторических наук. По этому поводу Семенов вел переписку с Институтом истории Академии наук СССР, в результате которой были установлены дата и место защиты диссертации: 10-го августа 1943 года, Свердловский педагогический институт. Но планам Семенова не суждено было сбыться. Время, отведенное на шпигу, обернулось для него жизненной катастрофой. Именно в августе сорок третьего против Семенова было сфабриковано дело по печально известной 58-й статье. Осужденный на 10 лет, он был отправлен в КАРЛАГ, откуда стал посылать отчаянные письма с просьбой пересмотреть его дело. Кое-какое действие жалобы Семенова все же возымели: через полгода ему сократили срок наполовину и перевели в Кокчетавскую тюрьму общего режима.

Он вышел на свободу весной 1949 года. Холодно и отчужденно встретил его Петропавловск. Бывшие коллеги демонстративно обходили Семенова стороной. Единственный человек, который подал ему руку помощи, был директор областного

краеведческого музея Константин Сергеевич Ушков. Ранее они не были знакомы (с 1941-го по 1946 г. Ушков находился на фронте, музей возглавил в 1947 году), но Константин Сергеевич хорошо знал имя ученого, так как на протяжении всей своей деятельности в Учительском институте Семенов входил в ученый совет музея и оказывал ему практическую помощь. Ушков предложил Александру Игнатъевичу должность научного сотрудника - ведущего специалиста музея. Истосковавшись по любимому делу, Семенов с головой ушел в работу, которая в основном являлась продолжением его прежней научной деятельности. За короткий срок был составлен первый список археологических и исторических памятников области, к которому прилагалась специальная карта. Теперь, когда имелись сведения о местонахождении памятников и их описание, Александр Игнатъевич загорелся идеей составить туристические маршруты, в первую очередь для школьников. Ушков горячо поддержал эту мысль, но осуществить задуманное Семенову не удалось: городской отдел культуры потребовал уволить «идеологически неустойчивого» сотрудника. Константин Сергеевич мужественно встал на защиту Семенова, но ситуацию разрешил сам Александр Игнатъевич: он подал заявление об увольнении.

С этого времени для Семенова наступили, пожалуй, самые тяжелые дни в его жизни. Лишенный профессии, которая была его призванием и смыслом жизни, он к тому же оказался на положении бомжа, без угла и без денег. Жил на случайные заработки, спал, где придется, благо, что стояли теплые летние дни.

Однако лето 1949 года стало для него не только временем тягостных испытаний, но и началом иной, светлой и умиротворенной жизни. Однажды в поисках недорогого жилья он постучал в окно дома, который, как узнал позже, принадлежал заводу им. Кирова. Ему открыла дверь молодая женщина. Это была рабочая завода Анна Васильева. Выслушав сбивчивую просьбу Семенова, она своим чутким, мудрым сердцем поняла весь ужас его положения и согласилась уступить комнату за мизерную плату. В этом доме по улице Исмаилова Александр Игнатъевич обрел не только покой и домашний уют, но вскоре и семью. Анна была вдовой и жила вдвоем с малолетней дочерью. В конце лета решился вопрос и с трудоустройством. При содей-

ствии К.С. Ушкова Семенов был принят на должность заведующего кабинетом истории недавно открытого в Петропавловске областного Института усовершенствования учителей.

К своим новым обязанностям Семенов приступил фактически уже с готовым планом методической и научной деятельности, которая, конечно же, была посвящена краеведению. Причем тема, над которой трудился Александр Игнатьевич, - «Изучение родного края как вид научно-исследовательской работы Института усовершенствования учителей» - стала ведущей для всего коллектива. Многие направления в его работе проводились впервые, и это было закономерным; Семенов являлся первым руководителем кабинета (его полное название - «Кабинет истории и Конституции СССР»). Так, например, он стал пионером по изучению и обобщению опыта преподавательской истории. Уже первая статья Семенова, посвященная преподавателю истории Булаевской средней школы Г.В. Бойченко («На повседневных уроках учительницы истории»), была отмечена Министерством просвещения республики. Теперь Александр Игнатьевич смог реализовать и свой давний план - открыть в Петропавловске областную детскую экскурсионную станцию, в которой он одновременно исполнял обязанности руководителя и главного экскурсовода. Продолжал Александр Игнатьевич и археологическую работу. Впервые под его руководством в летние каникулы проводили археологические раскопки школьники, оформляя при этом официальные отчеты в адрес сектора археологии Академии наук Казахстана. Среди раскопок, которые проходили с участием Семенова на территории Северного Казахстана и внесли наибольший вклад в археологическую науку, следует прежде всего назвать раскопки Омской археологической экспедиции Академии наук СССР под руководством профессора В.Н. Чернецова. Об итогах этой экспедиции директор института В. В. Калинин не без гордости писал в своем отчете за 1949 год: «Тов. Семенову удалось установить наличие палеолита в Северном Казахстане. Это открытие имеет большое значение, т.к. палеолит на территории всего Казахстана, а также Западной Сибири до сего времени не был найден».

Однако при новаторском решении педагогических задач самой главной заветной целью руководителя кабинета истории

**А.И. Семенов
и К.С. Ушков**

было введение уроков краеведения в курс истории СССР. В этой связи Семенов вел переписку с Министерством просвещения Казахстана и Академией педагогических наук РСФСР, результат которой был для него положительным. Чтобы вооружить учителя необходимым пособием для таких уроков, Александр Игнатьевич уже в 1949 году приступил к написанию своей знаменитой книги, получившей название «Город Петропавловск за 200 лет». Несомненно, осуществление этой смелой мечты ученого стало бы серьезным прецедентом в системе народного образования республики.

Между тем приближался 200-летний юбилей нашего города. Накануне была создана специальная комиссия, на которую возлагались подготовка и проведение праздника. Комиссией руководил К.С. Ушков. Главным сюрпризом юбилея должна была стать изданная в печати книга Семенова. Но ни в 1952-м, ни в 1953-м, ни в последующие годы книга «Город Петропавловск за 200 лет» не была напечатана. Правда, однажды блеснул лучик надежды: летом 1953 года Семенова вызвали в Алматы для корректировки текста его книги. Александр Игнатьевич был готов идти на уступки и многим пожертвовать, ведь его дальнейшая работа без публикации исторического очерка теряла всякий смысл. Неудивительно, что, когда в 1955 году ему разрешили выезд из Петропавловска, он не стал раздумывать. Летом этого года вместе с семьей (женой Анной и примемной дочерью) Семенов уехал в свой родной Новгород (Новгород Великий), где прошли его детство и юность и где жили близкие ему люди: отец, сестра, племянники. В Новгороде Семенов работал в одном из краеведческих музеев, вел научную работу, опубликовывал немало книг, брошюр, буклетов о своем городе. Часть своих трудов он подарил Ушкову, с которым постоянно поддерживал дружескую переписку. Каждый раз, получая весточку из Петропавловска, Семенов надеялся узнать хорошую весть о судьбе своей книги. Но такой вести он не дождался...

2006 г.

ОН ЦЕНИЛ И ЛЮБИЛ ЛЮДЕЙ

Смерть Ушкова Константина Сергеевича, бывшего директора областного историко-краеведческого музея, заслуженного работника культуры Республики Казахстан, нанесла непоправимый урон нашему краеведению. В науке о прошлом у нас не было большего авторитета, чем он. Он сам являлся воплощением этого прошлого, прожив долгую, с 1916 года практически безвыездную жизнь в Петропавловске. Исключение составили лишь годы Великой Отечественной войны.

К.С. Ушков

Безмерна заслуга Ушкова перед североказахстанцами в организаторской деятельности, в результате которой наш музей в годы его директорства стал одним из лучших в республике, популярным источником разносторонних, глубоких знаний об истории края, центре краеведческой научной мысли, незаменимой школой воспитания любви к родной земле, просто любимым местом отдыха горожан. Это был подлинный очаг культуры, проливавший свет далеко за пределами музейного здания. Разительный успех в деятельности музея был достигнут не только в результате многолетнего и целеустремленного труда его руководителя, но и благодаря достоинствам незаурядной личности директора. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как все начиналось...

В апреле 1947 года, вскоре после демобилизации, тогда еще мало кому известный старший лейтенант запаса был принят на должность научного сотрудника в областной краеведческий музей. В то время весь штат этого учреждения культуры состоял из шести человек. Через несколько месяцев Ушкову предложили пост директора. Согласиться на такое предложение мог только мужественный, горячо любящий свой край человек.

Дело в том, что здание музея (бывший частный магазин «Зингер» по улице Советской, №85) находилось в аварийном состоянии и ежеминутно сулило большие неприятности. В то же время трудные послевоенные годы не оставляли никаких надежд ни на капитальный ремонт музея, ни на переезд в другое помещение. ЧП случилось 15 мая 1948 года, когда в трех залах обвалился потолок. Лишь по счастливой случайности обошлось без человеческих жертв. В тот же день музей был закрыт на неопределенный срок...

Так начинал свой путь молодой директор, несомненно обладавший недюжинной волей и хладнокровием.

В мае 1983 года Ушков ушел на пенсию. Уход на заслуженный отдых тогда особенно четко высветил его характерные черты как руководителя: высокий профессионализм и строгая ответственность во всем, что касалось деятельности музея.

Характер общения Константина Сергеевича с людьми был непростым и неоднозначным. Он мог быть холодным и замкнутым. Мог быть прямым и вызывающе резким в апартаментах власти. И при этом оставался мягким, удивительно деликатным человеком, чутким, непосредственным собеседником. Он умел слушать и уважал чужое мнение.

Пожалуй, больше других качеств он ценил в людях стремление к знаниям. Знания же самого Ушкова носили энциклопедический характер, при этом он владел несколькими языками и имел феноменальную память, особенно на имена и даты. Эта память наиболее ценно хранила то, что его волновало, задевало сердце. Незатухающей болью Ушкова были судьбы жертв сталинских репрессий, прежде всего тех, кого он знал лично. Большею частью это были люди, отбывающие ссылку в нашем городе в 30-40-х годах прошлого столетия. Известно, что в свое время Константин Сергеевич возглавлял областную комиссию, одной из главных задач которой было увековечение памяти репрессированных.

Уже после смерти Ушкова от его дочери Ирины Константиновны я узнала, что сталинский режим не обошел и судьбу ее отца. Ему пришлось пережить и обыски, и допросы с пристрастием, и реальную угрозу оказаться на Колыме. Произошло это летом 1946 года, когда лейтенант Ушков, в совершенстве знавший немецкий язык, был оставлен на службе в

окупационных частях Советской Армии, расположенных в Берлине. Поводом для сурового разбирательства, которое провело воинское начальство, послужила... любовь. Любовь советского офицера к немецкой девушке.

К.С. Ушков был внутренне свободным человеком, которому претило навязывание каких-либо догм. Порой его убеждения были прямо противоположны официальной точке зрения. Так, при всей многолетней, массовой атеистической пропаганде советского времени он оставался глубоко верующим христианином. Помню, например, как удивила меня его блестящая характеристика Колчака, сказанная в то время, когда в нем в исторической литературе прочно закрепились лишь негативные эпитеты. Таких примеров можно привести немало. 16 лет, в течение которых Ушков руководил музеем, считаются рекордом в республике. Однако признать этот срок можно лишь условно. Потому что, оставив директорский пост, Ушков все равно не мыслил себя вне музея. Музей по-прежнему являлся смыслом его жизни, источником радости и огорчений. Трудно сосчитать, сколько ходатайств, докладных и заявлений поступило от пенсионера Ушкова чиновникам культуры только для того, чтобы привлечь внимание к его детищу - областному музею. В последние годы почти слепой, обреченный на замкнутый образ жизни, он с жадностью ловил каждую весточку о музее, как и прежде готов был поделиться своим опытом, знаниями, советом.

Прошло больше месяца со дня его смерти (Ушков умер 23 октября). И хотя еще трудно смириться с мыслью, что имя его уже принадлежит нашей истории, одной из лучших ее страниц, и хотя жива еще горечь огромной утраты, но уже пробуждается новое чувство, которое лучше всего выразить словами поэта:

Не говори с тоской: «Их нет».

Но с благодарностью: «Были».

2004 г.

ЛЕТОПИСЕЦ ГРАДА ПЕТРА И ПАВЛА

85 лет назад, осенью 1913 года, в Петропавловске в издательстве газеты «Приишимье» вышла брошюра под названием «Краткий исторический очерк г.Петропавловска Акмолинской области». Это была первая документально обоснованная история нашего города за период со времени его основания и до конца прошлого столетия. Несмотря на пройденные десятилетия, исторический очерк и сегодня остается главным источником информации о дореволюционном Петропавловске, тем более что составлен он по архивным материалам (Петропавловской городской управы, таможенных пунктов, документов церкви и т.д.), которых ни в архивах, ни в музеях современного города нет.

Историю Петропавловска написал выпускник Московского университета, уездный врач Леонид Андреевич Кузнецов. За участие в тайной организации «Народная воля» его приговорили к административной ссылке и по этапу доставили в Степной край, где он проживал последовательно в Акмолинске, Омске, Атбасаре и Петропавловске. Три года Кузнецов добивался права работать врачом. Наконец, в 1891 году, в разгар эпидемии сыпного тифа, он получил место заведующего омским лазаретом для больных переселенцев, а вскоре молодому врачу доверяют руководство большим медицинским караваном по рскам Чу и Сарысу для борьбы с холерой. В 1893 году Кузнецова назначают врачом самого отсталого и неблагополучного уезда Акмолинской области, где только предстояла борьба с многими эпидемиями -- Атбасарского.

Через три года, когда Кузнецова перевели в Петропавловск, он уже имел чин надворного советника, отмечен царским правительством за самоотверженный труд в годы эпидемий, состоял членом Омского медицинского общества. Ряд его научных работ опубликован в медицинских журналах.

Вновь назначенный уездный врач был достаточно знаком с городом. По крайней мере, дважды доводилось ему находиться здесь довольно продолжительное время. Первый раз это случилось в 1898 году, когда Кузнецова вместе с товарищами по ссылке посадили на несколько месяцев в петропавловскую тюрьму. Все осужденные проходили по так называемому «Ю-

чинскому делу». Их вина заключалась в отказе идти пешком от места пересылки в Тюмени до Акмолинска.

В июле 1892 года уже в качестве врача по просьбе городского головы Кузнецов вновь прибыл в Петропавловск в связи с начавшейся в городе эпидемией холеры. На этот раз пришлось выдержаться до октября. Драматизм ситуации заключался в том, что в критический момент Петропавловск остался без медицинской помощи, т.к. городского врача Кесаря Александровича Белиловского в начале лета перевели на другое место службы. Кстати, в судьбах Белиловского и Кузнецова много общего. Достаточно отметить, что оба были административно сильными народовольцами. Из многочисленных опубликованных работ Белиловского наибольший интерес для нас представляет изданная в 1887 году в Томске книга «Медико-статистический и санитарный очерк города Петропавловска». В ней была картина довольно унылой и безрадостной городской жизни, а также полного равнодушия городских властей к нуждам горожан...

Острое перо публициста было присуще и Кузнецову, особенно когда речь шла о положении коренного населения. Его критические статьи публиковались в омской газете «Степной край», которая издавалась политическими ссыльными еще в период деятельности медицинского каравана. Кузнецова увлекло историческое прошлое казахского народа. В начале 90-х годов во время поездки по рекам Сарысу и Кенгир, в которой врача сопровождал корреспондент «Киргизской степной газеты», переводчик Атбасарского уездного управления Х.Бекхожин, были переписаны и расшифрованы впоследствии надписи древних родов аргынов и найманов на камне Тамгалы-Тас в пустыне Бетпак-Дала в Атбасарском уезде.

Одной из тем исследования Кузнецова стало национально-освободительное движение казахов под руководством Кенесары Касымова. Тема борьбы за свободу была близка и понятна бывшему народовольцу, о политических взглядах которого говорят имена его близких товарищей. В их числе известный революционер, командир партизанского отряда в годы гражданской войны, фельдшер по профессии Адильбек Майкотов. Тесная дружба связывала Кузнецова с врачом-большевиком Александром Константиновичем Виноградовым. Однако политические симпатии никак не отразились на судьбе Кузнецова,

когда наступил семнадцатый год. Он остался верным своей профессии и не примкнул ни к одному политическому течению, а вскоре вместе с семьей выехал из Петропавловска.

Известно, что в двадцатые годы Кузнецов, продолжая работать врачом, принимал активное участие в деятельности Всесоюзного общества политкаторжан, опубликовал ряд воспоминаний и краеведческих работ. Известна и печальная участь общества: уже в конце двадцатых годов началась серия разоблачений «врагов народа» в его руководстве. В 1935 году по решению советского правительства деятельность Всесоюзного общества политкаторжан была запрещена. Это означало, что политическое обвинение в антисоветской деятельности теперь могло быть предъявлено любому члену общества, а прежние заслуги перед страной никто не будет брать во внимание.

1998 г.

КНИГА, НЕ ОПРАВДАВШАЯ НАДЕЖД

Имя Михаила Андреевича Морозова знакомо многим горожанам по книгам, посвященным истории Петропавловска. Морозов по профессии врач, живет в Санкт-Петербурге, однако связи с городом, где прошло его детство, не порывает. Еще в советское время, в 1981 году, благодаря личной инициативе и активной энергии ему удалось издать свою первую книгу-путеводитель «По Петропавловску». В 1991 году вышла его вторая книга «Петропавловск в дореволюционных литературных источниках», через два года еще одна - «Петропавловск - северные ворота Казахстана». Небольшие по объему, информационно насыщенные книги Морозова носят справочный характер, занимая свое, особое, место в краеведческой литературе.

В начале 2004 года в Санкт-Петербурге вышла его новая книга о Петропавловске. На этот раз она была посвящена 250-летию города. Книга отличается солидностью объема и множеством иллюстраций, в том числе цветными фотографиями и картами. Здесь, кстати, читатель впервые найдет в цветном изображении фотографии и самого Михаила Андреевича. Напомню, пожалуй, заканчиваются внешние отличия книги от предшествующих. Что же касается содержания, то здесь новизны оказалось гораздо больше. Впервые, вопреки избранной теме, автор неожиданно широко раздвигает рамки своего повествования. Вот некоторые заголовки разделов книги: «Завоевание русскими Сибири» (XVI век), «Местоположение и границы казахских жузов в XVIII веке», «Принятие казахами российского подданства», «Быт и образ жизни казахов в XVIII веке», «Роль России в становлении Казахстана».

Такой размах во времени и пространстве не может не удивлять, и не только потому, что все это не имеет прямого отношения к Петропавловску. Глобальные темы, за которые взялся Морозов, просто не нуждаются в разработках, т.к., в отличие от туманного прошлого нашего города, получили отражение в трудах многочисленных исследователей. Это тем более странно, что в роли обозревателя истории Казахстана автор показал

ясную беспомощность и поверхностные знания. Так, Морозов рисует удивительно благостную картину жизни казахов, принявших российское подданство, заявляя при этом, что по единодушной воле степняков Казахстан был присоединен к России всего-то за 26 лет: в период с 1732-го по 1758 годы. Здесь нет и намека на какой-либо протест и тем более открытую борьбу против колониальной политики царизма.

Известно, что, согласно особому «Уставу о сибирских киргизах», изданному в 1822 году, вместе с образованием округов, во главе которых стояли чиновники, в Среднем жузе была упразднена ханская власть. Именно эта царская реформа вызвала одно из сильнейших восстаний в Казахстане под руководством Кенесары Касымова, внука хана Аблая. Причем Кенесары поддержали казахи всех трех жузов.

А теперь приведу дословно, как отразил Морозов в своей книге эту драматическую страницу истории: «К началу XIX века казахи, отделенные от Китая и России рядом крепостей, утратили прежний воинский дух. Союз, скрепленный общей опасностью, разрушился. Хань стали больше не нужны».

Не менее любопытен в книге и раздел «Быт и образ жизни казахов». Здесь Морозов использовал первоисточник, составленный, скорее всего, в начале XIX века, опустив при этом кавычки и имя подлинного автора текста. Между тем некий исследователь казахского быта, желая угодить царскому правительству, деловито рассуждает о том, как лучше сломить военное сопротивление казахов. В результате мы находим в книге такие «ценные» советы: «Сомкнутый фронт или каре регулярной и опытной пехоты могут устоять против казахов, десятикратно превосходящих. Одна пушка может истребить их большое количество. При виде пушки они теснятся, стараются спрятаться друг за друга и тем самым дают возможность каждому ядру вырвать из толпы целые группы людей...».

Такое «обогащение» знаний о быте и нравах казахского народа вызывает недоумение.

Немало вопросов к автору возникает и в той части книги, где дается непосредственная информация о Петропавловске. Так, на одной из страниц Морозов рекомендует горожанам взять под охрану государства дом купца Зенкова (ул. Смирнова, №74) и бывший военный лазарет (дом Аблая), не подозревая, что

ерный архитектурный памятник снесен более 10 лет назад, а город разрушен в 2000 году.

Несомненно складывается впечатление, что автор составлял книгу спешно, при дефиците времени на обдумывание и сверку данных. Иначе не было бы, например, такой ошибки, какую он допустил в разделе «Географическая справка о Петропавловске». Справка начинается со слов: «Город Петропавловск с 26 апреля 1921 года является административным центром Северо-Казахстанской области...». Между тем Северо-Казахстанская область образована в июле 1936 года, и эта дата, кстати, в Петропавловске широко известна. Время, на которое указал Морозов, действительно связано с административной реформой в истории нашего города, только оно относится к образованию Акмолинской губернии. И таких примеров немало.

Свою книгу Морозов назвал «Петропавловск в иллюстрациях и информациях». Что касается иллюстраций, то они вполне могут удовлетворить читателя. Ни одна из его предшествующих книг не была так обогащена иллюстративным материалом. Однако авторский субъективизм, грубые ошибки, другие погрешности не позволяют книге стать информационным подспорьем в вопросах краеведения.

2004 г.

ПЕРВЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Прошедший 1994 год оказался богатым на юбилейные даты связанные с именем человека, прочно вошедшего в историю старого, дореволюционного Петропавловска, - купца Федора Зенкова.

Сто семьдесят лет назад, осенью 1824 года, в Петропавловске прошли первые за всю его историю выборы главы города. Вот тогда-то первым старостой Петропавловска стал бывший тобольский крестьянин, молодой и пока еще небогатый купец Федор Зенков. Правда, город был, по сегодняшним меркам, совсем крошечным: в нем проживало три с половиной тысячи жителей, и весь он размещался под горой. Городскому населению соответствовало и Петропавловское хозяйственное управление (так назывался представительный орган): в 1825 году в нем числились староста и письмоводитель. В обязанности старосты входило благоустройство города: сбор налогов, составление финансовой сметы, главная статья которой, кстати, предусматривала содержание полицейского управления во главе с городничим и, конечно, борьба со стихийными бедствиями. В то время деревянный Петропавловск постоянно бедствовал от пожаров, весенних паводков и эпидемий. К сожалению, материалы о деятельности Зенкова на новом поприще не сохранились. Известно только, что Зенкову первому из жителей Петропавловска присвоено звание «Почетный гражданин города».

Сто шестьдесят лет назад, в 1834 году, Ф.Зенков основал за Ишимом кожевенный завод, на котором сначала трудилось не более десяти человек. Это был далеко не первый и не единственный кожзавод в городе. Однако в середине прошлого века, когда Зенков уже был купцом второй гильдии, что означало наличие капитала в сумме более 20 тысяч рублей, его завод обогнал другие по выпуску продукции и стал самым крупным в Петропавловске. Если на десяти заводах такого профиля работало 149 человек, то на одном Зенкова — 50. И еще одна характерная черта: у Зенковых работали самые грамотные, квалифицированные рабочие города. Не случайно многие из них в революционный период были выдвинуты на ответственные посты в городе. Среди них М.В. Комаров, занимавший пост председателя городского Совнархоза, а затем комиссара завода, П.Е. Рыжов, избранный заместителем председателя Петропавловского Совдепа, П.С. Голубов, совмещавший посты

председателя судебно-следственной комиссии и заместителя секретаря городского партийного комитета.

В начале XX столетия внукам Зенкова принадлежало товарищество «Кожа», которое объединяло, кроме завода, шерстокомбу, три склада, два магазина и поместье в уезде. При этом Зенковы до 1917 года оставались купцами второй гильдии, то есть не были самыми богатыми людьми в городе. Последним хозяином кожзавода был потомственный почетный гражданин Петропавловска Владимир Павлович Зенков.

Известно, что Владимир Павлович покровительствовал школам города и, в частности, вместе с братом Николаем входил в попечительский совет при Петропавловской женской гимназии, строительство которой при участии Зенковых было завершено в 1904 году. Но особой заботой у этой купеческой семьи пользовалась кладбищенская церковь. В городе ее называли Зенковской.

Зенковская церковь была заложена 150 лет назад, летом 1844 года Федор Зенков строил ее на месте первого городского православного кладбища. Территория его находилась между улицами Торговой (улица Интернациональная, в районе средней школы №2) и Старо-Кладбищенской (улица К.Маркса). Правда, в сороковые годы прошлого столетия этих улиц еще не было. Как и прежде, весь Петропавловск размещался под горой и имел все атрибуты пограничного города: на краю горы, к запа-

Дом первого старосты Петропавловска купца Ф.Зенкова (здание снесено в 80-е годы XX столетия)

ду от крепости, возвышалась таможня, к ней примыкал посольский дом, недалеко от которого теснились лавки менового двора. К югу от пограничной линии простиралась степь.

Согласно преданию, Зенков начал строить церковь в память о рано умершем брате Василии. Так появилось еще одно название церкви - Васильевская. Кладбищенскую церковь не раз перестраивали и расширяли сначала вдова Зенкова, а после ее смерти сыновья Павел и Иван. Уже в 80-е годы прошлого века кладбище было закрыто, так как оно оказалось в черте города, рядом с Базарной площадью.

В областном государственном архиве хранится описание имущества Васильевской церкви. Документ был составлен в 1922 году. Иконы в дорогих окладах, парчевые ряссы, серебряные чаши и тарелочки, книги в золотых обрезах, украшенные серебром и серебряным глазетом, ковровые дорожки, семь колоколов весом от сорока пудов до двадцати трех фунтов и т.д. — все это данные из описи. Здесь же приводились сведения о двух национализированных домах, когда-то приобретенных Зенковыми для церкви, о чугунной ограде на каменном фундаменте и сторожке, в которой жил священник с семьей.

Первую попытку закрыть церковь городские власти предприняли в начале 1930 года. В постановлении президиума Петропавловского городского Совета о причинах закрытия говорилось следующее: «...принимая во внимание, что имеющиеся в городе церкви при небольшом количестве молящихся загромождаются недостаточно, закрыть и передать под клуб Зенковскую (Васильевскую) церковь...». Согласно постановлению, закрывалась не только Зенковская церковь, однако, по понятным причинам, она стояла на первом месте: все здесь, начиная от надгробий у церковных стен и кончая названием, напоминало о ее бывших покровителях.

Сразу после выхода постановления в Петропавловске была развернута невиданная до того времени кампания в поддержку решения городского Совета за закрытие церквей в городе и в первую очередь Зенковской.

«Красноармейцы петропавловского конвойного взвода, заслушав доклад об антирелигиозной работе, высказались за то, чтобы закрыть Зенковскую церковь на Базарной площади, - сообщила газета «Смычка» от 13 декабря 1930 года. - Это здание используется для посещения десятка старух, в то время как оно могло быть использовано для культурных надобностей».

«И» Такое же требование через газету предъявили другие коллективы города под общими заголовками: «Храмы мракобесия превратили в дома культуры», «Железная поступь раздавит остатки угасающей веры в Христа», «Религия - это вздох умирающей твари» и т.п.

И период месячника по сбору металлолома газета призывает горожан выполнять задания за счет могильных надгробий и Владимирской церкви. «Русские кладбища хоронят тысячи тонн металла, — писал автор статьи под заголовком «Стране нужен металл». — Это железные ограды, памятники, сотни металлических крестов. Одна Зенковская церковь имеет ограду и несколько десятков тонн. Общественность обязана преобразить этот мертвый капитал в движущиеся машины на наших фабриках, заводах и полях».

Можно только удивляться стойкости прихожан Зенковской церкви, которые тогда отстаивали свой храм. В мае 1931 года, после вмешательства ЦИК Казахстана, президиум Петропавловского городского Совета вынужден был отменить свое решение, признав, что «религиозное общество при Васильевской (Зенковской) церкви выполняет договор на пользование церковью как в части необходимого ремонта, так и в части налогов, кроме того, в этом религиозном обществе вполне достаточное количество верующих, посещающих молебны».

Церковь была открыта для прихожан еще пять лет, до 1936 года, до того периода, когда для закрытия любого культурного учреждения достаточен был один сигнал от общественности. Таких сигналов было несколько. Один из них приведу полностью. 15 марта 1936 года местная газета опубликовала заметку под заглавием «История Зенковской церкви», в которой говорилось: «Жил когда-то в Петропавловске богатый купец Зенков. Он жил он кожзавод, купил огромное помещичье имение да торговлю завел. Чтобы отмолить грехи, построил церковь, и стоит до сих пор его имение, до сих пор поют ему вечную память. Такова история Зенковской церкви, которую хорошо все знают. Почему же на это спокойно созерцает горсовет?».

Многие горожане, вероятно, еще помнят одинокое здание церкви на бывшей Базарной площади. Вернее то, что от нее осталось: колокольня, купол, церковная ограда и надгробия были снесены уже в 1936 году. Неподдающиеся лому церковные стены простояли еще двадцать пять лет, до 1961 года.

1995 г.

ПОСВЯТИВШИЙ СЕБЯ СЛУЖЕНИЮ ЛЮДЯМ

Исполнилось 125 лет со дня рождения замечательного врача-подвижника, которому принадлежит исключительная роль в развитии здравоохранения в нашем крае — Алексея Ивановича Мухина.

Родился он в городе Костроме в семье конторщика, служившего у известного в России фабриканта и мецената Саввы Морозова. Случилось так, что Морозов обратил внимание на Алексея Мухина. Ему imponировали жажда знаний и чистые помыслы юноши. И Алексей не подвел своего покровителя: закончив с золотой медалью гимназию, успешно поступил в Московский университет, где шел в числе первых студентов.

А.И. Мухин

В начале 1898 года, когда учеба уже была позади, Мухин выбирает местом службы далекое село Явленку в Петропавловском уезде Акмолинской области. Из Москвы молодой врач уезжал не один: еще до окончания университета он был обвенчан с выпускницей женских фельдшерских курсов, девушкой из родовитой дворянской семьи Раисой Чекиной.

Врач 4 участка Петропавловского уезда — так называлась первая должность Мухина. Чтобы представить, каким был труд участкового врача, достаточно напомнить, что весь уезд, равный по территории нашей области, делился всего на 5 участков. Навещая больного, приходилось нередко ночевать в крестьянских избах, а то и прямо в степи, когда наступала непогода.

Однако трудности не помешали Мухину чуть ли не с первого дня врачебной практики одновременно вести работу по улучшению системы обслуживания больных. Благодаря энергии врача, в 1901 году в Явленке открылась больница на 6 коек — первая сельская больница на севере Казахстана. Теперь крестьянам Явленской волости не нужно было везти больного в

Петропавловск и дожидаться места в уездной больнице, рассчитанной, кстати, на 10 коек. Как любой сельский врач, Мухин лечил от всех недугов, однако ближе всего ему была хирургия. Именно в этой отрасли медицины он достигнет высокого профессионализма, ей посвятит ряд научных работ.

Мухин был талантлив не только как хирург. Современники, например, отмечали замечательные успехи в лечении душевнобольных. Этот дар психотерапевта однажды озадачил все население Явленки. Случилось вот что.

Как то в январский морозный день житель деревни, за которую к этому времени закрепилась слава «порченого», всполошил и поставил на ноги все село. В парализованной страхом Явленке на помощь прибежал, в руках у которого был топор, встал только один человек. Это был Мухин. Если бы он, обладавший, кстати, недюжинной силой, повалил и связал буяна, его поведение было бы всем понятно. Но Мухин не пошевелил и пальцем, а здоровенный мужик, встретившись глазами с врачом, вдруг обмяк, отбросил топор и повалился на снег.

Весной 1903 года семья Мухиных переехала в Петропавловск. В городе тогда проживало около 30 тысяч человек, которых обслуживала одна больница на 10 коек. Больничный комплекс состоял из двух одноэтажных деревянных домов, в одном из которых размещалось родильное отделение, в другом - амбулатория, аптека, операционная и три палаты, в которых лежали с различными заболеваниями, включая инфекционные, больные.

Петропавловская больница давно не удовлетворяла потребностей города, и Мухин, принимая решение о переезде, уже знал, что начинать ему нужно будет с ходатайства перед городской думой о выделении средств на строительство больницы. Впоследствии гласные думы признавались, что и до Мухина не раз поднимался этот вопрос, но только ему удалось, наконец, убедить хозяев города принять решение.

Строительство больницы началось в 1905 году и продолжалось три года. Все это время, ревностно следя, как рождается его детище, Мухин одновременно был и архитектором, и прощальником, и снабженцем. Не было таких работ и такого уголка на стройке, которых не коснулся бы его неусыпный контроль. Даже если это была посадка деревьев или разбивка дорожек. В 1908 году новый больничный комплекс из семи корпусов был готов

к приему больных. Больница имела четыре отделения (рапевтическое, хирургическое, инфекционное и родильное) и рентгенкабинет. Отвечая требованию времени, она, по мнению специалистов, являлась лучшей в области.

К открытию больницы Мухин выхлопотал должность второго врача и теперь имел возможность больше проводить операций, вести научную работу. Уже несколько лет он состоял членом Омского медицинского общества, которое объединяло лучших врачей Западной Сибири и Казахстана. Имея мощную материальную базу (химико-бактериологическую лабораторию, хорошо оснащенную метеорологическую станцию, первый в Сибири телятник по производству вакцины против оспы, крупную научную библиотеку и др.), общество оказывало огромное влияние на развитие здравоохранения в регионе и за его пределами. Лучшие научные труды членов общества публиковались в России и за границей, их авторы приглашались на международные конференции. Именно такой чести был удостоен Мухин (конгресс хирургов проходил в Париже). Одна поездка не состоялась, т. к. не хватило средств. Хотя Мухин был человеком состоятельным: имел богатую усадьбу, лошадей, кучера и т.д., но денег копить не умел. Впрочем, была другая причина: в семье ждали рождения шестого ребенка.

Сохранившиеся воспоминания и другие материалы характеризуют петропавловский период жизни до 1937 года, как самый счастливый и безоблачный. В эти годы к Мухину пришла широкая известность, причем не только как врача, но и как попечителя неимущих и бедных. Для этой прослойки горожан он организовал общество содействия физическому развитию. Занятия со своими подопечными проводил сам в зале коммерческого клуба. Примечательно, что благотворительную деятельность мужа активно поддерживала его жена Раиса Александровна. Вот какое объявление можно было прочитать в газете «Приишимье» осенью 1915 года: «Общество содействия физическому развитию объявляет, что в помещении коммерческого клуба открывается для женщин бедного класса бесплатная школа кройки и шитья. Желающих заниматься просят приходиться по адресу: ул. Почтамтская, дом 7, квартира доктора А.И. Мухина».

Заслуги врача перед городом были отмечены правительством: к 300-летию дома Романовых Мухину было пожаловано

много дворянина. Однако Мухин, человек жизнелюбивый и открытый, не замыкался только в медицине. Известно, например, что он оставался неизменным поклонником фортепьянной игры Раисы Александровны. Еще был страстным охотником.

Лучи над головой Мухина стали сгущаться летом 1917 года, когда коалиционный исполнительный комитет, представлявший новую революционную власть в городе, попытался вмешаться в работу городской больницы. В ответ последовала резкая и жесткая компромиссная реакция Мухина, который считал, что врач, оставаясь вне политики, всегда должен следовать извечным гуманным принципам профессии.

После за исполкомом в войну против «мухиновщины» включился Петропавловский Совдеп. Он преследовал врача даже после того, когда Мухин подал прошение об увольнении. 30 января 1918 года Совдеп принял грозное решение, которое, правильно осталось на бумаге: «Врача Мухина немедленно выселить из пределы Петропавловского уезда».

В материалах о Мухине нет каких-либо сведений о его политических взглядах. Известно только, что, когда в августе 1917 года в городе было объявлено о добровольном сборе средств в фонд «Свобода», Мухин одним из первых пожертвовал имеющимися у него золотыми вещами. Это были гимназическая медаль и обручальное кольцо. И еще: в июне 1918 года, после падения советской власти, часть коммунистов, спасаясь от расправы, обратилась за помощью к врачам. Получив фиктивную справку о состоянии здоровья, можно было на «законных» основаниях скрыться из города. Однако помогать совдепцам в дни, когда свирепствовала контрреволюция, никто не решался. Кроме Мухина. Приведу отрывок из воспоминаний И. Я. Малышевой, сестры известных в крае революционеров

Семена и Сергея Малышевых: «...Ивановский наотрез отказался, а Мухин молча написал каждому в отдельности справку о том, что они страдают психическими заболеваниями и нуждаются в деревенском воздухе. Срочным порядком Семена отправили в Налобино, а Сергея -- в Петухово».

Мог ли тогда подумать Мухин, что через полтора года, когда Советы снова придут к власти, потрясенный горем, он сам будет просить оставить в живых своего сына! Это произошло в последний день октября 1919 года, когда в городе шли бои. Части Красной Армии успешно теснили колчаковцев, но, отсут-

пая, им удалось окружить и захватить в плен большое число красноармейцев вместе с командиром полка. В ответ советское командование прибегло к захвату заложников. Брели по водке, в первую очередь тех, у кого кто-либо из родственников служил в белой армии. В черный список попал и дом Мухина несколько месяцев назад в колчаковскую армию был призван его сын Алексей. Совпадало ли это с желанием юноши, неизвестно, т.к. мобилизация проходила в жестких условиях войны и мнением призывников никто не интересовался. После отправки его на фронт, Мухин ничего не знал о судьбе Алексея. Теперь же, зловещей октябрьской ночью, уводили младшего сына. Семнадцатилетнего Леву, Левушку — так ласково звали его в семье. Его расстреляли через сутки в числе других заложников. Вскоре Мухина настиг новый удар: всего на несколько дней пережила сына убитая горем мать.

Едва успев похоронить жену, Мухин был призван на службу в военно-санитарный подотдел губисполкома, в ведении которого находились госпитали, где лечились бойцы Красной Армии и частей особого назначения. Служба продолжалась до лета 1922 года, когда вышло постановление Совнаркома о демобилизации военных врачей, достигших 50-летнего возраста.

К этому времени с трудом можно было узнать в большом одиноком старике, которому едва исполнилось пятьдесят, прежнего жизнерадостного и общительного доктора. Неизменным оставалось только одно: стремление в любую минуту прийти на помощь. Прогрессирующая болезнь сердца не позволила Мухину продолжить работу хирурга, и он согласился на только что введенную должность городского санитарного врача.

В то время, когда Мухин приступил к своим новым обязанностям, на севере Казахстана одновременно свирепствовали тиф и холера. Только в один 1922 год от голода и болезней в Петропавловском уезде умерло свыше 30 тысяч человек.

Большая заслуга в борьбе с болезнями принадлежала руководству города и губернии, но основная тяжесть этой борьбы, конечно, ложилась на плечи врачей, которых катастрофически не хватало.

В 1925 году, когда повсеместно было покончено с голодом, впервые в республике широко отмечались успехи советского здравоохранения, одним из достижений которого являлась по-

...и под смертельным смерчем, хотя он еще продолжал напо-
минать о себе локальными вспышками эпидемий. Одиннадцать
врачей Акмолинской губернии, в том числе и А.И. Мухин, были
отмечены званием «Герой Труда». В этот период Мухин одно-
временно заведывал туберкулезным диспансером на 25 коек и
фермой на севере Казахстана малярийной станцией. Оказавшись
на переднем плане борьбы с самыми опасными заболеваниями
своего времени, Мухин, как врач, не мог не знать о возможных для
себя последствиях. Беспощадность к себе, презрение к опас-
ности ускорили приближение этих последствий. В конце 1925
года из обычного ритма работы Мухина выбила малярия, а
после ее лечения осложнилось тяжелой формой туберкулеза.
Такой нагрузки и без того больное сердце не выдержало: он
умер 18 мая 1926 года на 56-м году жизни.

«Акмолинская губерния потеряла лучшего врача, основате-
ля Явленской больницы, строителя и организатора больницы
города Петропавловска, — писала газета «Мир труда». - Умер
доктор Мухин, стоя на страже охраны человеческого здоро-
вья, спасая многих от злостной инфекции. Вооруженный знани-
ем, он помогал всем, чем только мог...».

Прошло 70 лет со времени написания этих строк. Срок срав-
нительно небольшой, однако сегодня, к сожалению, имя Мухи-
на практически забыто. Летом 1990 года, поврежденный пожа-
ром, но еще пригодный к реставрации, был снесен дом Мухина
(бывшая городская детская поликлиника). Кстати, это здание,
помимо исторической ценности, представляло образец деревян-
ного зодчества начала XX века. Подобных по всей республике
иссчитываются единицы. Горькая участь постигла и могилу: в
течение шестидесятих годов она была снесена под строи-
тельный участок. Не получило поддержки и ходатайство кол-
лектива докторов (летом 1926 года) о присвоении Явленской больни-
це имени Мухина.

Правда, время тогда было тревожное: на смену нэповскому
благополучию стремительно надвигались «годы великого пе-
релома». Не до Мухина было...

Так давайте же сегодня подумаем о том, как увековечить
память о человеке, посвятившем себя служению людям и став-
шем одним из первых организаторов здравоохранения в нашем
крае.

1996 г.

ВСЯ ЖИЗНЬ - ПОДВИГ

К столетию со дня рождения заслуженного врача Казахстана, организатора детского здравоохранения в крае П.А. Чекиной. Два десятилетия тому назад на улице Первомайской еще стояло хорошо знакомое горожанам здание - детская поликлиника. Открытая в ноябре 1936 года, она стала первой на севере Казахстана. Уже через три года по объему и качеству медицинского обслуживания, по успешной профилактической работе среди детей города Казнаркомздрав признал поликлинику лучшей в республике. Организатор и заведующая поликлиникой молодой врач Прасковья Аверьяновна Чекина первая в области в 1940 году была удостоена значка «Отличник здравоохранения». Открытие поликлиники явилось первой, но далеко не единственной победой замечательного врача, организатора детского здравоохранения в нашем крае.

П.А. Чекина

Чекина родилась 6 октября 1905 года в селе Языкове Казанской губернии, в крестьянской семье. Закончив среднюю школу в городе Набережные Челны, она подала документы в Казанский университет на медицинский факультет. В марте 1936 года выпускница университета по направлению приехала в Северный Казахстан. В тот период в Петропавловске шла реорганизация единственного детского медицинского учреждения – педологического кабинета, в функции которого входила профилактическая работа среди организованного детского населения города (в школах и детсадах), а также отбор умственно отсталых детей. Лечение детей проходило в специальном кабинете при поликлинике для взрослых и в детском отделении при 1-й Советской больнице. На базе педологического кабинета был создан пункт охраны здоровья детей и подростков (ПОЗДиП). Задачи нового медицинского учреждения оставались прежними, только теперь пункт охватывал всех детей города, включая работающих подростков до 17-летнего возраста. В этот пункт Чекина была принята на должность школьного врача. С первых шагов своей деятельности она получила напутствия своих выдающихся коллег. В то время заведующим горздра-

...м был Михаил Иванович Брякин, ставший впоследствии заслуженным деятелем наук, доктором медицинских наук, главным хирургом Казахстана. На 0,5 ставки Брякин работал в пункте в качестве врача по физкультуре. Руководил приемом опытный врач, выпускник Московского университета, работавший на североказахстанской земле с 1897 года, Александр Павлович Ивановский.

В 1934 году на базе пункта было основано первое в городе в то время лечебно-профилактическое учреждение - детская амбулатория. Ее возглавила Прасковья Аверьяновна. Этот год стал своеобразным рубежом в ее карьере. Очень скоро в новой должности она раскрылась как самоотверженный врач, обладающий железной волей в достижении благородной цели - охраны детского здоровья, - как талантливый руководитель и как хозяйственник. Амбулатория, которую приняла Чекина, занимала четыре комнаты при поликлинике горздрава. Кроме школьных врачей, здесь работали всего три специалиста: по глазным, зубным и кожным заболеваниям.

Через два года детская поликлиника, созданная Чекиной на основе амбулатории, отвечала всем современным требованиям детских лечебных учреждений: использовалось новейшее оборудование и применялись последние достижения медицины, работали кабинеты хирурга, рентгенолога, фтизиатра, ЛОРа и другие, дежурили врачи неотложной помощи, в распоряжении которых имелся транспорт.

Детская поликлиника размещалась в доме, принадлежавшем в начале XX века известному врачу А.И. Мухину. Это помещение Чекина «отвоевала» у горторга. Здание имело запущенный вид, не было здесь ни электричества, ни канализации. Когда же завершились строительные работы по расширению, перепланировке и благоустройству здания, о его старом облике напоминала разве что замурованная парадная дверь со стороны улицы Первомайской. Крыльцо с навесом, регистратура, два блока, длинный ряд кабинетов - это всего лишь часть общего неустройства. Теперь это был скорее дом Чекиной, причем в прямом смысле: Прасковья Аверьяновна поселилась здесь же с детьми в двух небольших комнатках, расположенных в правом крыле поликлиники (в отличие от стремительной карьеры, ее семейная жизнь не сложилась, и она одна воспитывала троих детей). Каждый, кто посещал ее квартиру, отмечал очень

скромную обстановку ее комнат и удивительную во всем близкую: белые занавески на окнах, белые покрывала на железных кроватях, белая скатерть на столе, где в летнюю пору всегда стояла ваза с ее любимыми белыми астрами.

В первые дни Великой Отечественной войны из 17 врачей поликлиники на фронт было призвано 15. Оставшимся врачам Чекиной и педиатру Марии Васильевне Комоновой, приходилось вести прием больных детей как минимум за трех специалистов. Однако увеличилась не только врачесная нагрузка. Приходилось выполнять не свойственные ранее обязанности: вооружившись пилами и топорами отправляться в лес на заготовку дров, топить в поликлинике печи, вести уборку кабинетов и т.д. Между тем уже в начале 1942 года над городом нависла реальная угроза – эпидемия детских заболеваний. Причиной тому явилось массовое поступление детей, в том числе и больных, из мест боевых действий. Чтобы остановить беду необходимо было в самые сжатые сроки не только выявить и изолировать инфекционных больных, но главное - всех без исключения детей Петропавловска охватить профилактическими прививками. Впоследствии Прасковья Авсрьяновна с гордостью вспоминала о том, что эту сложнейшую операцию коллектив поликлиники выполнил на «отлично».

В первые послевоенные годы в стране повсеместно проходило укрупнение медицинских учреждений, в частности, поликлиники объединялись с больницами такого же профиля. В этой связи в ведение Чекиной было передано детское отделение 1-й Советской больницы. Теперь она являлась главным врачом Первой детской объединенной больницы г. Петропавловска. В новой должности Прасковья Авсрьяновна начала с ремонта переданного ей двухэтажного здания, где размещалось детское стационарное отделение. Больше года, кроме строителей, после смен и дежурств здесь трудился весь объединенный коллектив во главе с главврачом. В результате вместо старого строения с облупленными стенами, прогнившим полом, замусоренным двором и развалившейся оградой появилась образцовая детская больница, о которой горожане заговорили с восхищением (дом стоит на пересечении улиц С. Муканова и И. Алтынсарина). Здесь не осталось и следа от былой унылой, казенной обстановки: у входа в обновленное здание посетителю «приветствовал» трехметровый гипсовый мишка, в окнах

белели украшенные вышивкой батистовые занавески, во дворе больницы молодой листвой шумел сквер с цветочными клумбами и уютными уголками для отдыха. Здесь даже привычные белые халаты медицинские сестры сменили на красивые голубые платья и симпатичные фартучки.

Вот что вспоминает ветеран Первой детской объединенной больницы, детский врач Светлана Ивановна Пискунова: «В 1950 году, после окончания Ленинградского медицинского педиатрического института, я начала здесь работать участковым врачом. Ленинградские детские больницы я хорошо знала, так как проходила там практику, и поэтому могла сравнивать с тем, что увидела в Петропавловске. К моему удивлению, детская больница нашего города оказалась несравненно лучше, чем любая детская больница Ленинграда. Это был уютный, солнечный дом, где все говорило о любви и заботливом отношении к детям.

В то время участковый педиатр вел наблюдение за ребенком своего участка в стационаре, где меня, начинающего специалиста, очень тепло встретили опытнейшие, преданные делу врачи, такие как заведующая стационарным отделением Туба Александровна Рудовская, педиатры Оскар Карлович Крикент, Мария Васильевна Тишанина и другие.

Приятно удивило меня и превосходное питание в больнице, а также кулинарное мастерство поваров».

Вступление Чекиной в должность главврача Первой детской объединенной больницы явилось началом нового этапа ее деятельности, масштабы которой стремительно росли. В 1949 году объединению присваивают статус областной детской больницы. Через год в ведение Чекиной переходят детские консультации вместе с молочной кухней. С этого времени все вопросы детского здравоохранения в городе и области решались в рабочем кабинете Прасковьи Аверьяновны. Словно опытный лоцман, вела она свой огромный корабль по намеченному курсу. Отступали, уходили в прошлое такие болезни, как корь, дифтерия, малярия, туберкулез и другие. Росла сеть детских лечебно-профилактических учреждений, при больнице открылась своя биохимическая лаборатория. Есть и другие убедительные доказательства успешной деятельности главврача в этот период: в 1952 году она была награждена орденом «Знак почета», в 1956-м удостоена звания «Заслуженный врач Казахстана».

Конечно, у Чекиной, кроме достижений, было и немало проблем. Чиновники горздрава в 1952 году к обширным владениям главврача присоединили еще внушительных размеров пригородное подсобное хозяйство, продукция которого помимо детской больницы, поступала в детские дома, роддом и детские сады города.

В течение трех лет на ее рабочий стол ложились бумаги с отчетами по урожаю овощей, надюю и привесу. Между тем приближалась целинная эпопея, резко увеличившая рост населения. Время настоятельно требовало перемен в организации здравоохранения. Для Чекиной такие перемены наступили лишь в 1960 году, когда в Петропавловске открылась Вторая детская объединенная больница. К этому времени Прасковья Аверьяновна уже достигла пенсионного возраста. В мае 1964 года Чекина оставила свой высокий пост руководителя, но из больницы не ушла: в течение десяти лет, до 1974 года, она работала детским врачом-рентгенологом в стационарном и поликлиническом отделениях. Ей шел уже восьмой десяток, когда она решила написать историю своей Первой детской объединенной больницы. Действительно, кто, кроме нее, стоявшей у истоков детского здравоохранения в нашем крае, мог рассказать о путях его становления, трудностях военных лет, самоотверженном труде тех, кто был с ней рядом: врачах, медсестрах, нянечках? Однако осуществить задуманное оказалось непросто. Вскоре выяснилось, что архив больницы уничтожен. Конечно, это не остановило Чекину, но намного усложнило ее работу. Завершив «Историю» осенью 1979 года, она передала ее на хранение в свою больницу, с которой не прерывала связь, несмотря на почтенный возраст. В заключительных словах ее уникальной летописи, в которых Прасковья Аверьяновна обращается с паутинным словом к молодому, легко угадывается энергичный, незаурядный характер этой удивительной женщины: «Я желаю нашему молодому коллективу не забывать старых традиций. В новых условиях работать только на «отлично» и, несмотря ни на какие трудности, давать высокие показатели по здравоохранению детства. Дерзать и побеждать!».

В ту же осень она дала согласие дочери Жанне, врачу по специальности, переехать к ней на Украину в город Днепропетровск. Умерла Чекина 28 мая 1986 года.

2005 г.

ПЕРВЫЙ В КАЗАХСТАНЕ

В истории Петропавловска есть периоды удивительного взлета и лидерства среди других городов республики. Причем не только в торговле. Примером тому являются 20-30-е годы прошлого века, когда наш город из уездового стал сначала административным центром огромной Акмолинской губернии, а затем Карагандинской области, занимавшей пятую часть территории республики. Именно в эти годы Петропавловск становится ведущим городом Казахстана во многих отраслях экономики, науки и культуры.

П.А. Нефедов

22 февраля 1932 года коллегия Казнаркомздрава приняла решение об открытии в Петропавловске первого в республике научно-исследовательского института в области здравоохранения. Это был институт физических методов лечения. По этому поводу местная газета «Карагандинская коммуна» писала: «Организация первого в республике института физических методов лечения открывает новую страницу в истории здравоохранения Казахстана. Ни в одной области медицины нет таких перспектив, как в области физиотерапии. Лечение силами природы (водой, светом, электроэнергией и т.д.) отодвигает на другой план микстуры и порошки...».

Институт размещался в бывшем купеческом особняке с причудливой башенкой и широкой полувинтовой лестницей, начинавшейся прямо от парадного входа (сегодня на этом месте стоит хирургический корпус областной больницы). В 1933 году началось строительство типового здания института. В нем предусматривали условия для самых широких и в том числе новейших методов физиотерапевтического лечения, включая солярий, душевой зал, котельные и парильные комнаты, электро- и грязелечебные кабинеты.

В конце тридцатых годов уже функционировала собственная здравница. Это был Дом отдыха санаторного типа «Золотая осень». Научная и лечебная работа проводилась также на

курортах «Медвежье», «Джамантуз», в Доме отдыха «Пестрое». Популярность института быстро росла. Местная пресса неизменно указывала на очереди в поликлинике, а среди тех кто приезжал на лечение по путевкам, были представители всех регионов республики. Росла и материальная база института. Ему принадлежали электростанция, типография, строительная контора, два пригородных подсобных хозяйства, занимавших около двух тысяч гектаров.

В начале 1941 года институт был преобразован в областную больницу физиотерапевтических методов лечения. Чаще всего новую больницу называли физиолечебницей.

Весомая роль института в развитии здравоохранения Казахстана несомненна. Прежде всего - как первой школы новых методов лечения. Научная работа не прекращалась за все время его деятельности, причем велась она в тесном контакте с сотрудниками медицинских институтов городов Омска и Томска. Проходившие в Петропавловске, как правило, с демонстрацией больных научные конференции всегда собирали большие аудитории. При этом каждое новое слово в медицине незамедлительно находило отклик в практической деятельности. Вот лишь один пример. В 1934 году на июльской конференции доцент Омского медицинского института доктор Косых прочитал доклад на тему «Переливание крови как лечебный метод». Лекция сопровождалась демонстрацией аппарата и техникой определения групп крови. Через несколько дней в хирургическом отделении 1-й Советской больницы было проведено первое переливание крови.

Имена сотрудников института, таких как Соловцов П.И., Гонаго Ф.М., Богородицкий П.И., Брякин М.И., Адамов П.И. и других стали известными в области и за ее пределами. Особое место в этом списке принадлежит заслуженному врачу республики, кавалеру ордена Ленина Павлу Алексеевичу Нефедову.

Есть в биографии Нефедова день, а вернее - миг, ставший началом новой судьбы. Случилось это 13 ноября 1919 года. Вечером этого дня 25-летний старший фельдшер колчаковской армии Павел Нефедов находился на омском вокзале, где шла спешная отправка воинских частей на восток. До вступления в город красных оставалось несколько часов. Неизвестно, как возник у Нефедова дерзкий план побега. Известно лишь, что в

Омске Павла ждали и были рады его возвращению. Во втором городском госпитале, где он служил, бескорыстную помощь рипенным оказывала 19-летняя девушка Наташа Ланщикова. Стрипу после окончания гимназии она поступила на курсы сестер милосердия и уже в течение двух лет добровольно выполняла обязанности медицинской сестры. Здесь, в госпитале, молодые люди узнали и полюбили друг друга...

Между тем поезд, в котором ехал Нефедов, набирая скорость, вырвался за черту города. Улучив момент, Павел прыгнул в темноту из открытой двери вагона...

При острой нехватке медицинских кадров новая власть охотно взяла на службу бывшего белого офицера. Несмотря на молодость, у него уже был девятилетний стаж практики, в том числе и в экстремальных условиях боевых действий в период первой мировой войны. Вскоре отец Наташи, в прошлом один из самых богатых купцов Омска, не только благословил брак дочери, но и энергично поддержал желание зятя получить специальность невропатолога.

В 1925 году Нефедову, выпускнику Омского медицинского института, была предложена должность заведующего нервным отделением городской больницы. Однако молодой врач предпочел работу ординатора в учреждении, представлявшем новое направление в медицине. Это был первый в Сибири Томский институт физических методов лечения. Молодая семья уехала в Томск и, возможно, судьба никогда бы не свела Нефедова с нашим краем, если бы не случай. Летом 1928 года на базе Томского института проходила конференция физиотерапевтов страны. Из Казахстана с довольно сложной миссией сюда прибыл врач-терапевт петропавловской амбулатории Даниил Корнеевич Роговой. Ему было поручено привлечь в республику специалиста в области физиотерапии. Замечу, что в это время Нефедов уже возглавлял неврологическое отделение института, имел прекрасную квартиру, к тому же был отцом троих детей, старшему из которых шел шестой годик.

24 ноября 1928 года местная газета «Смычка» с воодушевлением информировала читателей: «В центральную амбулаторию прибыл и принимает больных невропатолог Нефедов. Скоро здесь будет аппарат для электролечения, а в 1929 году врач наладит электросветоводолечение и тогда не нужно будет направлять больных в Тюмень или Омск».

В 1930 году в Петропавловске уже работала первая в республике физиолечебница, преобразованная через два года в институт физических методов лечения. Большой и довольно скорый успех Нефедова вовсе не означал отсутствие преград различного рода трудностей. Так, неожиданно оказалось, что Павлу Алексеевичу с семьей просто негде жить. Осенью 1929 года в Петропавловске началась национализация частных домов и квартир. Найти жилье в обстановке разразившейся паники среди домовладельцев и квартиросъемщиков было невозможно. За три года Нефедовых выселяли четыре раза. Наконец, в 1932 году горисполком разрешил приобрести частный дом, кстати, уже запланированный под ясли для детей подгорья. Этот дом по улице Красной, 35 (ныне Павлова) на долгие годы, вплоть до середины 90-х годов прошлого века, стал родовым гнездом большой семьи.

Официально Нефедов в институте занимал должность заведующего клиническим отделением, одновременно выполняя обязанности заместителя директора по научной работе. И это помимо собственной медицинской практики, консультаций больных, а также руководства издательской деятельностью института. Кроме этого, у Нефедова была своя тематика научных исследований. Немало сил и времени посвятил он изучению грязевых и соленых озер Северного Казахстана. В результате ученый пришел к глубокому убеждению в том, что ряд озер нашего края (Становское, Горькое, Джамантуз и другие) обладают бальнеологическими свойствами и могут быть использованы для лечения заболсваний, обычно требующих курортной терапии.

Роковой для страны 1941 год стал годом начала повторного отсчета событий, которые Нефедову уже довелось пережить. Снова фронт и действующая армия. Только теперь бывший фельдшер первой мировой возглавлял 243-й госпитальный взвод 314-й стрелковой дивизии. В конце 1943 года в чине майора медицинской службы Нефедов вернулся в родные стены больницы, где в это время располагался эвакогоспиталь №2446. И снова, как в былые годы, перед ветераном двух войн стояла задача созидания. Вскоре после его возвращения с фронта начался переезд эвакогоспиталя в Крым, к месту постоянного пребывания, туда, где прошла война и где, конечно, медперсонал ждали лишения и разруха. Вот почему отправке подлежали

Июнь 2003 года. Открытие мемориальной доски.

медицинское оборудование, постельные принадлежности, мебель, кухонная посуда и т.д. Словом, когда в октябре 1944 года Нефедов приступил к обязанностям главного врача физиолечебницы, больница фактически существовала лишь на бумаге. Попыткам в течение пяти лет, чтобы осуществить намеченное, а именно: на базе физиолечебницы, вернуть - того, что от нее осталось, открыть областную больницу общего типа. Если учесть, что это были военные и послевоенные годы, то такой срок становится рекордным. Характерно, что после официального открытия областной больницы в апреле 1950 года главврач Нефедов был представлен к высшей награде страны.

Павел Алексеевич умер в возрасте 70 лет после долгой, тяжелой болезни. 6 декабря 1964 года в здании облисполкома при огромном стечении народа состоялась гражданская панихида. Североказахстанцы пришли проститься с выдающимся врачом и организатором, ученым, человеком, которого любили и искренне уважали. Причем не только за высокий профессионализм, но и за удивительную простоту и душевность. На похороны приехали врачи из всех уголков области. Было здесь и немало молодежи: в медицинском институте со дня его открытия Нефедов вел курс нервных болезней. В знак особых заслуг с телом покойного почти через весь город несли на руках...

Недавно мне довелось посетить кладбище, где был похоронен Нефедов. Могила его оказалась безымянной, с разрушенным надгробием и вырванной памятной доской...

2002 г.

ДВЕ СУДЬБЫ

Наверное, нет ничего удивительного в том, что люди одной эпохи, одного времени имеют схожие судьбы. Примером тому могут служить биографии заслуженных врачей республики, внесших важный, неоспоримый вклад не только в здравоохранение нашей области, но и Казахстана, - Павла Алексеевича Нефедова и Ильи Васильевича Приказчиков.

Начну с того, что оба родились в одном и том же, 1894, году. На одни и те же годы выпала их врачебная практика. Оба стали участниками трех войн: первой мировой, гражданской и Великой Отечественной. Еще в юные годы, до вступления на военную службу, они знали, что посвятят себя медицине. Приказчиков был призван в царскую армию в 1914 году со второго курса медицинского факультета Казанского университета, воевал в чине прапорщика 48-го Сибирского стрелкового полка. В этом же году, после окончания Иркутской военно-фельдшерской школы, Нефедов начал военную службу в полевом госпитале 8-й армии.

Гражданская война для обоих стала еще одной помехой в стремлении завершить медицинское образование. Получив увольнение с военной службы, осенью 1918 года Приказчиков подал документы в Московский университет и был зачислен на второй курс медицинского факультета. Однако через месяц его мобилизовали в артиллерийский дивизион Красной Армии. В то же время Нефедова, находившегося в пути к себе на родину, в Иркутскую губернию, перехватили колчаковцы, принудив служить в омском лазарете белой армии. Студентами вузов они стали лишь после окончания гражданской войны. В 1924 году, когда Илья Васильевич уже отметил свое 30-летие, ему вручили диплом врача в Московском государственном университете. Годом позже Павел Алексеевич закончил Омский медицинский институт.

Когда началась Великая Отечественная война, Нефедов и Приказчиков были призваны на службу в 314-ю стрелковую дивизию, путь которой лежал на Северо-Западный фронт. Но незадолго до отправления воинского эшелона Приказчикова вызвали в Алма-Ату, где он получил назначение на должность

инициатора санчасти дивизии, направлявшейся на защиту Москвы. Они вернулись с фронта практически в одно и то же время: Нефедов - в ноябре 1943 года, Приказчиков - в январе 44-го. Оба получили боевые медали: один - «За оборону Ленинграда», другой - «За оборону Москвы». При этом оба имели одно и то же воинское звание - майор медицинской службы.

Можно привести еще немало жизненных совпадений, но главное, что их объединяло, заключалось в другом. Это были выжившие врачи и организаторы, созидатели и первопроходцы республиканского здравоохранения. В октябре 1930 года по инициативе Нефедова в Петропавловске открылась физиолечебница, на базе которой через два года был основан Первый Казахстанский институт физических методов лечения. Он являлся первым научно-исследовательским институтом республики в области здравоохранения. Вся научная работа института велась под руководством Нефедова. Немало сил и времени он посвятил изучению грязевых и соленых озер Северного Казахстана. В результате ученый пришел к убеждению в том, что ряд озер нашего края (Становское, Горькое, Джамантуз и другие) обладают бальнеологическими свойствами и могут быть использованы для лечения заболеваний, требующих курортной терапии.

Первый Казахстанский институт физических методов лечения работал 9 лет, до 1941 года. Затем он был реорганизован в областную больницу физических методов лечения, или физиолечебницу. Вернувшись с фронта, Нефедов возглавил это лечебное учреждение и после пяти лет нелегкого самоотверженного труда на базе физиолечебницы открыл областную больницу общего типа. В новую должность главного врача областной больницы Павел Алексеевич вступил 29 апреля 1950 года. В качестве ее руководителя он оставался до середины 1962 года, пока его не настигла тяжелая болезнь...

Еще будучи студентом, Приказчиков принял решение посвятить врачебную деятельность Казахстану, где открывалось необозримое поле не только для лечебной практики, но и для созидательной, организационной работы. Его первая должность на казахстанской земле - заведующий Кустанайским губернским отделом здравоохранения. Однако высокий пост не мог удовлетворить начинающего врача, который стремился к практической деятельности. Вот почему через два года он пере-

велся на должность главного врача поселковой больницы, которая, кстати, почти не функционировала из-за ветхости здания. Больница находилась на железнодорожной станции Макинка Кокчетавского уезда Акмолинской губернии. Очень скоро имя макинского главврача стало известно не только в губернии, но и за ее пределами. А причина такого внимания к Приказчикову была весомой: при образцовой поселковой больнице он открыл венерологический диспансер - первый в губернии. Преисполненное гордости руководство Кокчетавского уезда обратилось к главврачу с предложением о переводе диспансера в город. Приехав в 1927 году в Кокчетав, Приказчиков возглавил здесь созданный им лучший вендиспансер республики.

Характерно, что главврач не ограничивался работой в диспансере. Он охотно делился знаниями в области здравоохранения, строительства лечебных учреждений, вел широкую общественную деятельность. Так, в 1929 году под его руководством в Кокчетаве была построена и оборудована 2-я Советская больница вместе с биохимической лабораторией.

В 1936 году Приказчиков дал согласие на настойчивую просьбу руководства облздравотдела возглавить 1-ю Советскую больницу и переехал в Петропавловск. Отсюда, с поста главврача ведущей больницы Северного Казахстана, в начале Великой Отечественной войны он был призван на фронт.

Есть в биографии Приказчикова особый, памятный 1954 год, когда достигший пенсионного возраста Илья Васильевич получил назначение на пост главного врача областного онкологического диспансера. Официально открытие диспансера состоялось в августе 1952 года, но намеченная плановая работа там фактически не велась. За прошедшие два года в диспансере сменилось два руководителя, которые уволились, столкнувшись с трудностями. Дело в том, что в то время онкодиспансер не имел ни оборудования, ни специалистов, ни собственного помещения. Все, чем он располагал, - это шесть комнат на третьем этаже областной больницы, четыре из которых занимал стационар на 20 коек. Не было даже кабинета для приема больных. Об этих условиях Приказчиков прекрасно знал, тем не менее, когда в очередной раз онкодиспансер остался без главврача, Илья Васильевич сам предложил свои услуги. Это был гражданственный поступок ветерана медицинской службы. Путь, на который вступил Приказчиков, оказался самым труд-

ним в многолетней практике врача, но его воля, знания и опыт принесли весомые плоды. С его именем связаны первые успехи в деле профилактики и лечения онкобольных, само становление онкологической службы в нашей области. В качестве главного врача областного онкодиспансера Приказчиков работал до середины 1960 года. Пока не сдало сердце. После перенесенного инфаркта Илья Васильевич вынужден был оставить должность руководителя, не допуская при этом мысли об уходе из онкодиспансера. Он проработал здесь еще шесть лет заведующим рентгенологическим отделением и ушел на заслуженный отдых летом 1966 года, на 73-м году жизни.

Так сложились судьбы этих замечательных врачей-подвижников. Их жизненные дороги имели много общего, но также и существенные различия. В первую очередь это касалось личной жизни. Но не только. Так, биография Приказчикова может поднимать ряд вопросов, связанных, казалось бы, с нелогичным поворотом событий. Например, почему Приказчиков, будучи известным венерологом республики, согласился перейти в Петропавловскую больницу на должность пусть и престижную, но далекую от его специализации? Вот что на этот вопрос ответила дочь Приказчикова Пина Ильинична Сбоева, кстати, тоже врач по профессии (умерла в декабре 2004 года): «В первой половине 30-х годов в Кокчетаве начались «чистки» государственных, в том числе лечебных учреждений от «враждебных элементов». В результате таких проверок многие коллеги Ильи Васильевича, не имевшие пролетарского происхождения, лишились работы, другие бесследно исчезли. А ведь отец мой был потомственный дворянин...».

В материалах бывшего областного партийного архива хранится документ, который свидетельствует о том, что переезд Приказчикова в Петропавловск явился лишь слабой попыткой изменить роковую ситуацию. Речь идет о донесении местного Управления НКГБ секретарю обкома партии Строганову, в котором дается характеристика руководителей лечебных учреждений города. «Главврач 1-й Советской больницы Приказчиков являлся офицером колчаковской армии, - говорится в документе. - Пробрался в партию, но был исключен...». Удивляет не только нелепая, сфабрикованная ложь, но и дата отправления донесения: на третий день после призыва Ильи Васильевича на фронт.

В начале 1944 года, когда Приказчиков прибыл по долгу службы в Петропавловск, его ожидал тяжелый сюрприз: жена и дочь Ильи Васильевича были выселены из служебной квартиры, находившейся на территории 1-й Советской больницы. В этот период Приказчиков исполнял обязанности начальника военно-санитарного контрольного пункта в городе и командира спецчасти. Звание и высокая воинская должность возымели действие: перед ним извинились и квартиру вернули. Однако, как показали дальнейшие события, это была лишь временная уступка спецорганов. Вновь они напомнили о себе тогда, когда Приказчиков завершил военную службу и приступил к своим обязанностям в 1-й Советской больнице. 19 июня 1946 года, без объяснения причин он был отстранен от должности главного врача. С этого дня для Ильи Васильевича началось время унижений, открытой слежки и страха. Учитывая высокий авторитет врача и острый дефицит медицинских кадров, ему позволили продолжить лечебную деятельность, но без права занимать руководящую должность. Он находился в опале до 1954 года, до начала хрущевской «оттепели».

Что же касается Павла Алексеевича Нефедова, то его жизнь, к счастью, никогда не была омрачена вниманием и слежкой со стороны «людей в штатском». Вероятно, это объяснялось тем, что вырос он в бедной рабочей семье и уже с малолетства зарабатывал на жизнь. Хотя и пролетарское происхождение вовсе не было тогда гарантией безоблачного существования.

Примечательно, что Павлу Алексеевичу, человеку жизнерадостному, веселому, сходили с рук такие поступки, за которые другим пришлось бы обязательно расплачиваться. Вот о каком забавном случае рассказала дочь Нефедова - Елена Павловна Плеханова. Как-то в июньский день 1932 года Нефедов вместе с братом жены Сергеем Ивановичем, приехавшим погостить из Омска, отправились на «зеленый» рынок. Там их неожиданно застал ливень, и, спасаясь от дождя, они поспешили в Васильевскую церковь, которая находилась рядом с базарной площадью. Появление двух мужчин в маленьком храме, где в это время шла служба, привлекло внимание всей немногочисленной паствы. Павлу Алексеевичу и его шурина не оставалось ничего другого, как присоединиться к молящимся. А так как Нефедов в детстве пел в церкви на клиросе и пре-

решено шал молитвы, то он смог быстро включиться в службу, исполнив храм своим приятным баритоном. Ему вторил Сергей Иванович. Потом растроганный священник долго благодарил неожиданных посетителей. Следует заметить, что произошло это в период ожесточенного гонения на религию, разрушения церквей и тотальной слежки за священнослужителями и прихожанами. И хотя Нефедов был известным, узнаваемым человеком в городе, этот случай стал достоянием лишь его семейного круга.

Уже несколько десятилетий нет с нами замечательных врачей-отолуристов Павла Алексеевича Нефедова и Ильи Вадимовича Приказчикова. Но память о них жива. В 2003 году по инициативе администрации и ветеранов областной больницы на одном из ее корпусов установлена памятная доска в честь П.А. Нефедова. Установить мемориальную доску в память о хирурге И.В. Приказчикове сегодня в планах администрации областного онкологического диспансера.

2006 г.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ВРАЧ И ОРГАНИЗАТОР

И.В. Приказчиков

Северо-Казахстанский областной онкологический диспансер готовится отметить свой полувековой юбилей. Правда, он несколько не совпадает с официальной датой открытия онкодиспансера: соответствующий приказ Облздравотдела вышел в августе 1952 года. Расхождение во времени объясняется тем, что, помимо прочих причин, новое лечебное учреждение в течение первых двух лет фактически оставалось без руководства. Назначенный на должность главврача онкодиспансера выпускник Казанского медицинского института, проработав несколько месяцев, уехал из Северного Казахстана. В 1953 году вакантное место занял выпускник Омского медицинского института. История повторилась с той только разницей, что бывший главврач предпочел работать в сельской больнице нашей области. Странное, на первый взгляд, бегство главврачей из онкодиспансера объяснялось той реальной действительностью, с которой пришлось столкнуться молодым специалистам. В то время областной онкодиспансер не имел не только необходимого оборудования и специалистов, но и собственного помещения. Все, чем он располагал, - это было шесть комнат на третьем этаже областной больницы. Четыре из них занимал стационар на 10 коек, одна - служила пересвязочной и одновременно комнатой дежурных медсестер, другая являлась кабинетом главврача, бухгалтерией и ординаторской областной больницы. В больнице отсутствовала даже комната для приема больных.

Между тем наступил целинный 1954 год, поставивший перед здравоохранением области немало новых задач. В этой обстановке руководство Облздравотдела решает, что спасти положение может только опытный врач, имеющий организаторский талант. Поиски такого врача продолжались недолго, ибо он

он предложил свои услуги. Это был заместитель главврача лечебной части 1-й Советской больницы Илья Васильевич Приказчиков. Для тех, кто мало знал этого человека, которому, как считали, шел седьмой десяток, такой поступок мог показаться неожиданным. Действительно, выбранный им путь станет самым трудным в его многолетней практике. Однако ничто не могло поколебать спокойной уверенности врача в однажды принятом решении.

Думаю, что здесь будет уместно обратиться к одной из страниц биографии Приказчикова. В далеком 1924 году выпускник Московского университета, которому пророчили блестящую карьеру ученого, для своей деятельности выбирает Казахстан. В то время республика, еще не успевшая залечить раны гражданской войны, остро нуждалась не просто в лечащих врачах, которых катастрофически не хватало, но еще больше - во врачах-социалетах. Это хорошо понимал Приказчиков. Применительно, что, проработав несколько лет на казахстанской земле он поступил на заочное отделение Московского строительного института, чтобы быть во всеоружии знаний первопроходного республиканского здравоохранения.

Но плавав осенью 1954 года областной онкодиспансер, Илья Васильевич навсегда связал свое имя с его историей, с началом его реальной деятельности.

Предстоящий юбилей, думаю, является важным поводом обратиться к памяти организатора онкодиспансера, тем более что тому есть еще одна причина: 10 февраля 2004 года исполнилось 110 лет со дня рождения Приказчикова.

Он родился в дворянской семье в городе Чистополе Казанской губернии. Родословной его матери, Павлы Семеновны, в девичестве Сумароковой, принадлежит имя знаменитого писателя России XVIII века. Это была необычная для своего круга женщина. Еще будучи совсем юной девушкой, она примкнула к народнохозяйственному движению, затем, получив звание народной учительницы, до конца своей недолгой жизни преподавала рабочим в воскресных школах. Она умерла от заражения крови во время родов, когда ей едва перевалило за тридцать. Случилось это в 1907 году в городе Благовещенске, где в то время жила семья Приказчиковых. Для главы семьи, Василия Ильича, внезапная смерть жены имела роковое последствие. Он тяжело заболел, оставил свою службу в Благовещенской городской Управе и вскоре умер. Пятеро детей, в том числе 13-

летний Илья, в короткий срок оказались круглыми сиротами. Какое-то время из жалости заботу о детях взяла на себя их бывшая няня. Она же отыскала адрес брата Василия Ильича, который проживал в Томске. Жалобное письмо няни не вызвало ожидаемой реакции. Лишь после колебаний дядя решил взять на воспитание двух старших детей, остальных отправил в детский приют. Счастливчиками, которым удалось избежать приюта, оказались Илья и его сестра Александра. Но жизнь мальчика в новой семье не сложилась. Вскоре выяснилось, что дядя приютил племянника лишь с целью иметь помощника в торговых делах. Кроме того, опекун по любому поводу напоминал Илье, что тот ест чужой хлеб, что его содержат из милости и прочее. Однажды после очередного выговора Илья ушел из дома. Ему было тогда 15 лет. Возможно, дядя применил какие-то усилия, чтобы найти и вернуть послушника, только очень скоро о нем забыли, словно ничего и не случилось.

Так прошло шесть лет.

...Морозный декабрьский вечер 1914 года. В актовом зале Томской женской гимназии царит веселье новогоднего бала.

Среди его участниц - выпускница гимназии Александра Приказчикова. Неожиданно, в разгар вечера, ей передают, что у подъезда ее ждет какой-то военный, что он очень торопится, так как находится в городе проездом. Радостный, поистине сказочный сюрприз ожидал девушку: в высоком, статном офицере она узнала своего брата! В тот вечер Илья поведал сестре, что все прошедшие годы он жил в Казани, где ему посчастливилось осуществить свою мечту - стать студентом-медиком университета. Правда, сначала пришлось несколько лет поработать помощником аптекаря, чтобы накопить деньги на учебу. Осенью 1914 года, в связи с начавшейся первой мировой войной, со второго курса его призвали в армию. И вот сейчас, получив короткий отпуск перед отправкой на фронт, он прискал в Томск, к единственному родному человеку. Кто знает - доведется ли встретиться вновь?

В областном краеведческом музее среди материалов, освещающих жизненный путь Приказчикова, хранится документ, отмеченный многозначительной датой: 7 ноября 1917 года. Это свидетельство врачебной комиссии Московского сводного эвакуационного госпиталя о непригодности к строевой службе прапорщика 48-го Сибирского стрелкового полка Ильи Приказчи-

В госпиталь он попал после тяжелой контузии в октябре 1916 года. Так по воле судьбы Приказчиков оказался в Москве в центре революционных событий. Но отставного прапорщика не интересовала политика. В первый же день личной свободы он отправился в Московский университет, где, к великому своему счастью, был зачислен на второй курс медицинского факультета. Тогда Приказчиков не мог предположить, что до начала гражданской войны оставались считанные месяцы и что университетские стены не смогут защитить его от водоворота политических жизни страны. Летом 1918 года мужское население Москвы было мобилизовано на защиту столицы, которая оказалась в кольце враждебных фронтов. Приказчиков зачислили военным служащим 2-го полевого тяжелого артиллерийского дивизиона. Долгое и грозное название воинской части вообще-то не имело прямого отношения к его обязанностям. Командование дивизиона, отметив жизненный опыт, пунктуальность и исключительную честность студента, решило использовать его в разведке и вскоре убедилось в правильности такого назначения. Опасная, рискованная служба нравилась Приказчикову. Войну он закончил в должности начальника разведки дивизиона. Несмотря на временный призыв, воинское руководство не торопилось расставаться с талантливым разведчиком, рисуя заманчивую перспективу дальнейшей службы в Красной Армии. Лишь в марте 1921 года наконец вышел приказ сдать дела новому руководителю разведки. И в такой же мартовский день он вернулся в Московский университет. Не удивительно, что в группе медиков ветеран двух войн оказался самым старшим по возрасту. Вскоре его избрали старостой группы, и он оставался им до конца всей учебы.

Много лет спустя один из университетских товарищей Приказчикова посвятит нелегким послевоенным студенческим годам такие строки:

*...Порой, похожие на спичку
(Какая сила нас влечет?),
Пешкой шагали на «Дивичку»,
На лекцию или зачет.
Дрова сгружая, гнули спины
И с книжкой, не спав ночей,
Мы сторожили магазины
У толстопузых изначей...*

Июнь 1924 года. Сданы последние зачеты и государственные экзамены. Неизменный староста группы погружен в ответственные и приятные хлопоты: он организатор выпускного бала. До конца своих дней Ильи Васильевич будет бережно хранить небольшой бумажный листок - разрешение исполкома Московского городского Совета на проведение выпускного бала в ресторане «Прага» с продажей пива и вина. Этот документ впоследствии станет семейной реликвией. Ведь на балу «дамой» Приказчикова была его будущая жена - 23-летняя москвичка Таня Помелова. Таня училась на последнем курсе 2-го Московского медицинского института и ей оставался еще год до выпуска. Вот почему к месту своего назначения Приказчиков уедет из Москвы один. Забегая вперед, отмечу, что девушка сдержала данное слово и летом 1925 года, сразу после государственных экзаменов, уехала в Казахстан. В дальнейшем, горячо поддерживая все начинания мужа, она станет его опорой и незаменимым другом.

23 июля 1924 года Приказчиков прибыл в город Кустанай. На следующий день он вступил в должность заместителя заведующего Кустанайским губздравотделом. Ровно через месяц его переводят уже заведующим губернским отделом здравоохранения. Такой взлет карьеры несколько обескуражил начинающего врача. Он мечтал лечить, строить и открывать новые больницы, то есть иметь свое конкретное дело. В должности же руководителя всей системы губернского здравоохранения ему приходилось чаще всего вести бумажную работу: составлять отчеты и инструкции, принимать заявления, подписывать приказы и т.д. Все сомнения мужа разделяла приехавшая в Кустанай Тагьяна Ивановна.

Как-то, осенью 1925 года, внимание Приказчикова привлекла информация о бедственном положении жителей железнодорожной станции Макинка. Здесь из-за ветхости здания не функционировала поселковая больница. Супруги решили, что это именно то, что им нужно. Правда, Макинка находилась на территории соседней Акмолинской губернии и это осложняло перевод на новую должность. Тем не менее уже в январе 1926 года Илья Васильевич вел деловой разговор с председателем Макинского волисполкома о восстановлении больницы.

О том, с какой молодой, неистовой энергией Приказчиков взялся решать насущные проблемы жителей поселка, можно

...уже по тому, что буквально через полтора года о нем заговорили не только в губернии, но и за ее пределами. А причиной широкого внимания к главврачу Макинской больницы была его инициатива: в образцовом поселковом больничном комплексе Приказчиков открыл венерологический диспансер. Первый в губернии! Подобный случай, когда поселковое лечебное учреждение получает значение губернского - явление уникальное в здравоохранении. Преисполненное гордости руководство Кокчетавского уезда, к которому относилась Макинка, обратилось с предложением к главврачу о переводе Вендиспансера в город. В конце 1927 года семья Приказчиковых переехала в Кокчетав. В это время супруги воспитывали уже двух детей: годовалую дочь Нину и круглого сироту, 12-летнего подростка Павла.

В материалах областного государственного архива хранится обстоятельная характеристика Приказчикова, заверенная тремя подписями: заведующего Кокчетавским горздравотделом, председателей партийного и профсоюзного комитетов. Она охватывает практически весь кокчетавский период деятельности главврача. Вот что в ней говорится: «...В 1926 году Приказчиков восстановил и оборудовал Макинскую больницу, организовал при ней губернский Вендиспансер. В 1927-м он организовал Кокчетавский Вендиспансер, предварительно проведя в здании капитальный ремонт. В 1929 году он организовал и оборудовал в городе 2-ю Советскую больницу, при ней открыл лабораторию и стационар. В 1931 году Приказчиков построил городскую Амбулаторию. В том же году, будучи председателем РОККА, построил баню для военнослужащих. В 1934 году заново выстроил стационар Вендиспансера. В 1935 году Приказчиков организовал при Вендиспансере подсобное хозяйство...».

Здесь же приводятся подробные сведения о поощрениях и наградах: «...В 1927 году приказом Макинского волисполкома объявлена благодарность за постановку больничного дела, в 1930 году объявлена благодарность Кокчетавским райздравотделом за постановку лечебного дела. В 1932-1933 годах награжден Грамотами Губздравотдела и Наркомздрава республики за заслуги в Вендиспансере. В 1934 году к Октябрьским торжествам премирован Наркомздравом Казахстана за заслуги по здравоохранению республики Грамотой и двухствольным ружьем...».

К данной характеристике следует дополнить, что в середине 30-х годов Приказчиков являлся одним из ведущих венерологов Казахстана, постоянным участником соответствующих совещаний, конференций и семинаров на республиканском и всесоюзном уровнях. Необходимо также отметить, что приведенный документ являлся представлением Приказчикова к новой награде.

Шел 1935 год - год 15-летия Советского Казахстана. Впервые ЦИК республики вышел с инициативой наградить в честь юбилея лучших граждан своей страны собственным знаком отличия - значком «15 лет Казахстана». Значок являлся высшей наградой КазЦИК и фактически приравнивался к ордену. Многочисленные архивные материалы говорят о том, каким важным событием в жизни Казахстана являлось введение республиканского знака отличия и как тщательно, на разных уровнях власти, рассматривалась каждая кандидатура на награду. Примечательно, что граждане республики награждались значком «15 лет Казахстана» на протяжении ряда лет. Так, Приказчикову эта награда вместе с грамотой и удостоверением была вручена 10 июля 1938 года. Тогда же появилась и памятная фотография. Сделана она в Петропавловске, где Илья Васильевич уже на протяжении двух лет возглавлял 1-ю Советскую больницу. Переезд состоялся в апреле 1936 года после настоячивых приглашений руководства Облздравотдела, которое полагало, что Приказчиков - самая достойная кандидатура на пост главного врача ведущей больницы Северного Казахстана.

История 1-й Советской больницы уникальна и, пожалуй, не имеет аналога в республике. Построенная в 1910 году по инициативе врача-подвижника Алексея Ивановича Мухина, она с первых дней получила определение лучшей больницы края и таковой оставалась на протяжении десятилетий. Неудивительно, что в разные годы больница имела статус губернской, а впоследствии, до 1950 года, - областной. Еще в сороковых годах прошлого столетия радиус ее обслуживания составлял 500 километров. В больнице был сосредоточен широко известный, исключительно сильный медицинский персонал, ставший гордостью не только местного здравоохранения. Это хирурги Петр Митрофанович Кролевец и Федор Федорович Коваль, терапевт Галина Николаевна Соколова, педиатр Туйба Александровна Рудовская, врач-консультант, инфекционист Владимир Гаврилович Колпак и многие другие.

Между тем коллектив больницы испытывал немалые трудности, которые сказывались на лечении больных. Имеющиеся здания оставались практически неизменными с мухинских времен. При этом число жителей только в Петропавловске за последние 30 лет увеличилось более чем в два раза. Многие строения нуждались в капитальном ремонте. Возникли сложности с подачей воды и электроэнергией. Не лучшим образом на работу больницы повлиял период временных исполнителей обязанностей главврача.

Энергичную, решительную организаторскую деятельность Приказчиков можно проследить по сохранившейся за тот период книге приказов 1-й Советской больницы. Резко преобразилась территория больницы. Обновились корпуса, появились цветочные клумбы, тенистые уголки отдыха, ухоженные дорожки, новые аллеи плодоносящих яблоневых деревьев, к которым заботливо был подведен летний водопровод (сибирские яблоки поступали в больничную столовую). При строгой регламентации посещений и сторожевой охране больничный двор оказался недоступным для посторонних.

Одним из главных требований главврача к медицинскому персоналу являлось непрерывное наблюдение за состоянием больных. С этой целью, помимо их систематического опроса о качестве обслуживания, вводился повторный врачебный обход в вечерние часы. Замечу, что такое требование не было обременительным, т.к. большинство врачей, как и Приказчиков, проживали на территории больницы. Сам Илья Васильевич предпочитал обходить больничные корпуса в ночное время. Иногда в результате такого обхода появлялся дисциплинарный приказ, о котором коллектив больницы узнавал в первые же утренние часы.

Четкая, слаженная работа персонала больницы не могла не сказаться на результатах лечения. Достаточно привести лишь один показатель: к 1940 году смертность больных за последние пять лет здесь снизилась в два раза.

Обращаясь к прошлому 1-й Советской больницы, невольно исторично констатируешь, что некогда оздоровительная, созданная во благо человека заповедная зона сегодня разрушена...

15 июля 1941 года. В этот день Илья Васильевич был призван в Красную Армию, в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. Дивизия, в которой Приказчиков служил начальником санчасти в суровые осенние дни 1941 года, сража-

лась на подступах к Москве - третий раз этот город становился частью его военной биографии. Среди наград Приказчиков есть и медаль «За оборону Москвы». Летом 1942 года его фронтовая служба была прервана тяжелым заболеванием. После лечения в госпитале Приказчиков направили в распоряжение санитарного отдела Степного военного округа. Через несколько месяцев в качестве уполномоченного этого округа в должности начальника Военно-санитарного контрольного пункта вместе с отдельной спецчастью он прибыл в Петропавловск. Начальнику спецчасти предоставлялись широкие права санэпидконтроля за всеми воинскими эшелонами, следовавшими через станцию «Петропавловск», за всеми воинскими объектами в черте города, за санитарным состоянием привокзальных торговых точек и т. д.

Военно-санитарный контрольный пункт перестал функционировать 11 мая 1946 года. Тогда же закончилась и военная служба Приказчиков. Наконец, после пятилетнего перерыва он мог вернуться в свою больницу. Этого момента Приказчиков ждал с нетерпением. Вот уже на руках соответствующий приказ Облздравотдела от 31 мая. Как прежде он полон энергии и планов. Только осуществить их ему не удастся: ровно через 20 дней, 19 июня 1946 года, под благовидным предлогом и обтекаемой формулировкой он был отстранен от должности главврача и без его согласия переведен на другую работу.

Такая неожиданная, необъяснимая акция потрясла заслуженного ветерана, хотя, конечно, он прекрасно понимал, «откуда дует ветер». Знал, что существующий в стране режим может очернить и даже уничтожить любого только за одно непролетарское происхождение...

При постоянном дефиците медицинских кадров и с учетом уникального профессионального опыта Приказчикову предоставлялась довольно ответственная работа, однако она не отвечала масштабу личности выдающегося врача и организатора. За период с 1946 по 1954 годы он сменил три должности: заместителя заведующего Облздравотделом, заведующего грибовым отделением Вендиспансера, заведующего лечебной частью 1-й Советской больницы. Кстати, в больницу его пригласил сразу после назначения на должность главврача Владимир Николаевич Новосельцев. Для 1950 года, за несколько лет до хрущевской «оттепели», это был смелый поступок с его сторо-

... И впоследствии уже в должности заведующего Облздоровот-
вом он не раз ходатайствовал о присвоении наград и отличий
Приказчикову, в том числе звания «Заслуженного врача рес-
публики», ордена Трудового Красного Знамени и ордена Лени-
на. И послевоенный период значительным достижением При-
казчикова стал созданный им в годы работы в Облздоровотде-
ле Медицинский совет. Еще до перехода в областной онкодис-
пансер Илья Васильевич уже имел немалый опыт по лечению
онкологических заболеваний, в частности, по рентгенотерапии.
Пройдя специальную подготовку, он заведовал рентгеновским
кабинетом в 1-й Советской больнице. В 1953 году и в начале
1954 года Приказчиков прошел дополнительную специализацию
по рентгенотерапии злокачественных опухолей в Республикан-
ском онкологическом диспансере и в Онкологическом институ-
те АМИ в Ленинграде. В обоих случаях учеба проходила по
инициативе самого врача. Несомненно, одной из причин была и
его личная трагедия: в июне 1953 года от тяжелой, неизлечи-
мой болезни умерла Татьяна Ивановна... Ей было 50 лет. Свою
женщинскую практику она начинала как врач-хирург. Когда в
1949 году Приказчиков открыл в Кокчетаве первую биохими-
ческую лабораторию, возглавила ее Татьяна Ивановна. С мая
1946 года она оставалась неизменным руководителем лабора-
тории 1-й Советской больницы. Ее труд не раз был отмечен
привилегийными наградами, в том числе орденом Трудо-
вого Красного Знамени.

6 сентября 1954 года Приказчиков был назначен главным
причем Областного онкодиспансера. Отмечу любопытный факт:
на тот момент при шести вакантных должностях в диспансере
на постоянной основе работала лишь врач-гинеколог Клавдия
Михайловна Глазкова. Разрешая целый клубок проблем, глав-
ным делом предстояло фактически создать онкодиспансер. Главным
же тормозом в становлении и развитии онкологической служ-
бы являлось отсутствие собственного помещения. Едва ли
Илья Васильевич мог предположить, что понадобятся четыре
долгих, изнурительных года непрерывных усилий и постоянно-
го душевного напряжения, чтобы, наконец, онкодиспансер об-
рел независимость.

В августе 1958 года Областной онкодиспансер наконец по-
лучил собственное помещение в районе Молодежного поселка.
Это было одноэтажное, приспособленное здание с доволь-
но ограниченной площадью. Тем не менее переезд обеспечил

резкое улучшение лечебной и профилактической деятельности онкодиспансера. Теперь к услугам больных были рентгенотерапевтический и рентгенодиагностический кабинеты, два врачебных кабинета, операционная, клиническая и патологогистологическая лаборатории. Вдвое увеличилось число коек в стационаре.

Наконец наступило время, когда онкологическая служба вышла из состояния стагнации. Этот вывод подтвердила комиссия республиканского научно-исследовательского института онкологии и радиологии, проводя анализ деятельности онкодиспансера летом 1960 года.

Осенью того же 1960 года Илья Васильевич тяжело заболел: сдало сердце. После длительного лечения он вынужден был оставить должность главного врача, не допуская при этом и мысли об уходе из онкодиспансера. Передав бразды правления молодому хирургу Владимиру Александровичу Ковалеву, Приказчиков приступил к обязанностям заведующего рентгенологическим отделением. Он проработал еще шесть лет и ушел на пенсию в июле 1966 года, на 73-м году жизни, когда силы окончательно оставили его.

Умер Приказчиков 4 декабря 1972 года.

В заключение приведу небольшой отрывок из воспоминаний врача-рентгенолога Инессы Евгеньевны Декастро. В онкодиспансере она начала работать в 1958 году, сразу после окончания Омского медицинского института. Вот что вспоминает Инесса Евгеньевна о первой встрече с Приказчиковым: «В то июльское утро я получила первый, довольно ощутимый урок врачебной этики. С направлением на руках я ворвалась в кабинет, где Илья Васильевич принимал больных, нисколько не сомневаясь в том, что как врач имею право на безотлагательный прием. И... была выдворена из кабинета.

- Я принимаю больных, - сухо сказал мне Приказчиков. - Зайдите ко мне позже...»

Думаю, маленький эпизод отразил главное в характере замечательного врача - высокое чувство долга и строгую пунктуальность, самоотверженность и то неистощимо доброе, чуткое внимание к больному, которое, как известно, лечит не хуже дорогих лекарств.

2004 г.

АГРОНОМ ВАЦЛАВ ЛЕЩИНСКИЙ

В. Ю. Лещинский

Агроном Вацлав Лещинский в 1913 году был делегирован на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку. Его коллекция вредителей злаковых культур с соответствующим научным комментарием отмечена ценным подарком – именным охотничьим ружьем.

Недалеко от общеобразовательного лицея №1, на территории бывшего русского кладбища, одиноко возвышается обелиск над братской могилой. Восемьдесят лет назад, 15 апреля 1919 года, в период правления Колчака здесь была похоронена группа политических заключенных. Правда, слово «похоронена» не совсем уместно: доставленные на телегах тела умерших конвой просто грубо сбросил в заглубленную яму, оставив могилу безымянной и без ритуального креста. Накануне, в ночь с 13 на 14 апреля, обреченных на смерть вывезли из Петропавловской тюрьмы якобы для отправки в одну из тюрем Сибири. Через несколько часов на безымянной дороге, недалеко от станции «Асаново», все они были убиты. Подобный метод расправы с политическими оппонентами при Верховном правителе применялся нередко. Как правило, люди исчезали без следа, места, где зарывались трупы, оставались тайной. Однако на этот раз избавиться от мертвого груза не удалось: помешала свидетельница (мать одного из казненных). Застигнутые врасплох власти пошли на уступки родным и близким погибших, разрешив погребение на Петропавловском городском православном кладбище, хотя последнее слово оставалось за городской епархией. Дело в том, что в числе убитых (точный список остался неизвестным) значились иностранцы. Среди них - пятидесятилетний католик, польский дворянин Вацлав Юлианович Лещинский. Этого человека отличали не только возраст и сословие, но и то, что он не являлся городским жителем: его семья (жена и четверо детей) проживала в селе Полтавке Петропавловского уезда. В советский

период имя польского дворянина никогда не становилось объектом внимания. Причиной служило то, что Лещинский отбыл у нас ссылкой не за марксистские идеи, а за участие в польском освободительном движении, да к тому же состоял в партии эсеров, правда, непродолжительное время.

В последний раз его арестовали осенью 1905 года, когда семья проживала в городе Сквире Киевской губернии. Того десятилетия назад Лещинский, выпускник Варшавского университета, был выдворен под негласный надзор полиции. За местом ссылки стал поселок Сургут на севере страны. Известно, как сложилась бы здесь дальнейшая судьба Вацлава Юлиановича, если бы не решительный поступок его жены двадцатипятилетней Феофины Людвиговны. В конце 1906 года она приехала в Сургут вместе с тремя детьми (старшему исполнилось пять лет), чтобы разделить участь мужа. Похожее мужество женщины стало причиной пересмотра условий и места ссылки, вскоре Лещинские получили разрешение на переезд в город Тару Акмолинской губернии.

Только семья обосновалась на новом месте, как Вацлав Юлианович подал прошение позволить ему служить в укромном уголке края по специальности, которая, кстати, к политике имела никакого отношения: он был агрономом.

Прошло немало времени, когда наконец в 1909 году Лещинскому разрешили преподавать в Покровском сельскохозяйственном училище Явленской волости Петропавловского уезда. Через год его переводят в Явленский агрономический пункт на должность помощника агронома. Дело в том, что начавшаяся деятельность Лещинского на североказахстанской земле совпала с резким подъемом сельского хозяйства как во всем крае так и в других земледельческих районах Западной Сибири. Именно в это время в европейскую часть России и далее через балтийские порты в страны Европы из здешних мест, помимо традиционно экспортируемых продуктов (жиры, мясо), хлынул поток дешевого хлеба. Известно, что российские крестьяне, встревоженные конкуренцией, настояли тогда на введении особого тарифа, согласно которому хлеб, следовавший на запад до станции «Челябинск», облагался повышенной пошлиной. Успехи в сельском хозяйстве явились следствием только освоения новых земель и крестьянского усердия. Главная жалоба, главная причина заключалась в стремлении к грамотности

т. в. развитию хозяйства с использованием новейших достижений науки и техники. Эту задачу были призваны решать агрономические пункты. В уезде они охватывали практически все крупные и мелкие хозяйства (в крупных была собственная служба). Здесь проводились лекции, консультации, организовывались выставки, велась селекционная работа и т.д. При каждом пункте имелись опытно-показательное поле и парк сельскохозяйственной техники, автомобили, паровые молотилки, снопобивальники, сенокосилки, лобогрейки, триеры, куколотборники и др.). Было представлено радость Лещинского, получившего, наконец, после долгого перерыва возможность вернуться к любимому делу. Результаты его работы сказались буквально через год: открылся единственный в уезде питомник по разведению английской свиньи, впервые на крестьянских грядках появились такие овощи, как помидоры и капуста, бахчевые культуры. Кстати, новые семена выдавались крестьянам бесплатно при условии соблюдения требуемой агротехники.

Несколько успехов ссыльного агронома привлекли внимание земского начальства, и уже в 1912 году Лещинскому доверили руководство Полтавским агрономическим пунктом. Этот пункт охватывал 19 деревень, 150 хуторов и 6 аулов. На данной территории работали 30 мельниц, 10 маслодельных заводов. В собственности крестьян находилось более 300 сельхозмашин. Самые богатые имели до 20 десятин земли.

Новое назначение совпало с рождением в семье Лещинского четвертого ребенка - дочери Марии. Памятным оказался и следующий, 1913 год, когда Лещинский был делегирован на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку. Его коллекция предителей злаковых культур с соответствующим научным комментарием отмечена ценным подарком - именным охотничьим ружьем.

Весть о февральской революции захватила Лещинского в Киевском уезде, где он находился в качестве консультанта. Прервав поездку, Лещинский поспешил в Петропавловск и сразу же был окружен вниманием социалистов-революционеров, партии, которая, как известно, опиралась на деревню. Стремление эсеров вовлечь Лещинского в свои круги объяснялось прежде всего тем, что этот немолодой, но по-юношески энергичный человек являлся признанным авторитетом среди крестьян. Причины же политического выбора Лещинского не-

известны. Возможно, это был жест солидарности с российским революционным движением. При этом следует напомнить, что вплоть до октября 1917 года партия эсеров являлась ведущей и самой массовой в России.

Вступление в партию резко изменило налаженный ритм жизни Лещинского. Летом семнадцатого года он избирается от партии эсеров в уездное земское собрание, которое, в свою очередь, избирает его в земское управление. Временно пришлось жить в Петропавловске. Этому обстоятельству обрадовались старшие дети: Эдуард и Юзефа. Первый заканчивал реальное училище, а дочь училась в шестом классе городской женской гимназии. Однако, несмотря на стремительную карьеру, Лещинский не вышел в лидеры своей партии. Наоборот, ее политическая перспектива его разочаровывала. Вниманию Лещинского все более привлекала партия большевиков.

В протоколах Петропавловского Совдепа Лещинский упоминается лишь однажды: 12 ноября 1917 года. В этот день на расширенном заседании с представителями профсоюзов, партий, движений и обществ города избирался Временный военно-революционный комитет, что означало отстранение от власти городской думы и земства. Таков был первый тактический шаг коммунистов на пути к передаче всех полномочий власти большевистскому Совдепу. Как и следовало ожидать, многие из приглашенных, в том числе и эсеры, признали избрание ВРК преждевременным и незаконным. В этой связи страстная речь Лещинского в поддержку большевиков явилась полной неожиданностью. Больше того: на заседании Вацлав Юлианович избирается членом ВРК от профсоюза городских служащих с полномочиями секретаря.

16 ноября эсеровская газета «Степная речь» поместила информацию об исключении Лещинского из партии. Однако взбешенному партийному руководству такая мера наказания показалась слишком слабой. Через несколько дней та же газета разразилась сенсационной статьей, в которой говорилось о якобы имеющихся документах, уличающих Лещинского в сотрудничестве с... царской охранкой. На дворе стоял декабрь, когда из судебных учреждений в городе функционировал лишь только что созданный ревтрибунал. Сюда и обратился Лещинский с заявлением о защите чести. Это нашумевшее дело стало первым разбирательством трибунала. Суд легко установил, что

«финишение сфабриковано, и вынес ответчику «общественное признание». Эсеровское руководство было вынуждено прекратить правлю, но это не означало, что оно смирилось с «изменением». Выжидалось лишь время для осуществления плана мести. Накорс после суда Лещинский покинул Петропавловск, порвав таким образом связь не только с эсерами, но и с большевиками. Из шумного, раскаленного политическими страстями города он возвратился в свою тихую Полтавку, к любимому делу, к земле. С Петропавловском его связывало теперь только Польское общество - самое многочисленное в городе. Общество держалось вне политики, ограничивая свою деятельность культурной программой, материальной помощью и организацией отправки соотечественников на родину. Последнее было чрезвычайно затруднено, так как Польша в это время была оккупирована немецкими войсками и находилась за линией фронта. В то же время польская организация носила военизированный характер: здесь формировались отряды самообороны, имелся склад оружия. Через своих агентов общество активно поддерживало связь с единым координационным центром в стране. В начале 1918 года такую роль связного поручили Лещинскому. Его путь лежал на Украину, где только что установилась Советская власть.

Важным итогом этой поездки стало раздобытое оружие, часть которого Лещинский перевез в Полтавку. В деревне этот ценный груз стал насущной необходимостью. Дело в том, что старая система правопорядка в сельской местности была разрушена, а новая еще не создана. Грабежи, разбои, бандитские нападения стали настоящим бичом для крестьян. Вопрос о создании вооруженных дружин в деревне поднимался на всех уровнях власти, но так и не был решен. Первый такой отряд в городе создал и возглавил Лещинский. А так как произошло это накануне первомайских торжеств, Петропавловский Совдеп немедленно обратился в Полтавку с приглашением участвовать в параде. Первомайский парад 1918 года представлял собой совершенно неповторимое зрелище и в то же время был точный срез политической жизни города. Все демонстрации (десять колонн) строились у чугунной ограды Вознесенского собора. Шествие начиналось от Соборной площади на Вознесенскому проспекту в сопровождении двух духовых оркестров: городского любительского и музыкантов чехосло-

вацкого шестого стрелкового полка. Впереди шли совдеповцы, за ними следовали коммунисты, левые эсеры и максималисты, мусульманская партия «Уш-Жуз», красноармейцы и красноармейские бойцы, железнодорожники, Польское общество, военнопленные - члены международной социал-демократической организации, отряд самообороны из Полтавки во главе с Лещинским. На своем пути колонны трижды останавливались для проведения митингов, которые неизменно завершались здравицей в честь всемирной революции. Между тем до падения Советской власти оставался ровно месяц. В результате контрреволюционного переворота в ночь на 31 мая 1918 года у власти временно оказалась партия эсеров, что означало неминуемую расправу над Лещинским. Четвертого июня он был арестован прямо в поле. Специально командированный отряд действовал с особой жестокостью и цинизмом. Дом Лещинского и агрономический пункт разграбили. Не брезговали и личными вещами: когда одному из конвоиров приглянулась форменная шинель агронома, он тут же сорвал ее с арестованного. Вместе с Лещинским арестовали и несколько человек из отряда, в том числе его сына - Эдуарда. Следствие над полтавскими арестантами тянулось до декабря, пока суд не признал, что действия отряда самообороны не имели связи с политикой большевиков. Таким образом на свободе оказались все, кроме Лещинского. Ему предъявили обвинение в том, что он принял участие в тот день, 12 ноября 1917 года, в заседании Совдепа и несколько дней выполнял обязанности секретаря ВРК.

На этом можно было бы завершить повествование о трагической судьбе ссыльного польского дворянина, однако оно получило неожиданное продолжение. Я имею в виду судьбу старшего сына. Юноша, которого, казалось, больше всего в жизни волновала поэзия (сохранилась тетрадь с его стихами), в короткий срок становится ярким сторонником большевиков. Октябрьской ночью 1919 года, когда на окраине Петропавловска еще шли бои с колчаковцами, Эдуард пробрался в город, чтобы служить новому режиму, втайне надеясь настигнуть палачей отца. Тогда ему было девятнадцать. А через год он погиб в должности следователя Петропавловского ЧК. Похоронен Эдуард Лещинский на Октябрьской площади нашего города. В нескольких минутах ходьбы от могилы отца...

1999 г.

ИДЕАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

А. С. Ворожев

5 марта 2004 года на административном здании «ЗИКСТО» была установлена памятная доска в честь бывшего директора завода Алексея Сергеевича Ворожева. Установление памятных досок у нас стало явлением почти обыденным, только на этот раз случай оказался особым. Инициатива увековечить имя своего руководителя принадлежала исключительно ветеранам завода. Они взяли на себя все организационные хлопоты, начиная от ходатайства в городскую ономастическую комиссию и кончая проведением митинга по случаю установления

памятной доски, которая была изготовлена на их деньги. Поначалу, в процессе предварительных работ пожилые люди довольно натывались на равнодушие и даже открытое раздражение. Впрочем, такая реакция являлась вполне объяснимой: предшривание тогда переживало очередной кризис, более половины рабочих не выдавали заработную плату, значительная часть заводского коллектива находилась в отпуске без содержания, а тут еще ходили слухи о новом массовом сокращении. До торжеств ли тут и установления памятных знаков!

Нетрудно было понять и ветеранов. Увековечить имя Ворожева они считали своим святым долгом и не один год шли к намеченной цели. Еще в девяностые годы прошлого столетия заводчане обращались к руководству города и области с просьбой присвоить имя директора улице Заводской, но получили отказ. В 2004 году Ворожеву исполнилось 80 лет со дня рождения. Этот юбилей стал принципиальным поводом и последней надеждой осуществить задуманное, ведь многим из ветеранов уже давно перевалило за семьдесят. Тем более что долгожданное решение ономастической комиссии теперь у них было на руках.

Еще за две недели до установления памятной доски при активном участии бывших заводчан состоялся торжественный вечер, посвященный памяти Ворожева. В переполненном акто-

вом зале Дома Дружбы, где проходил вечер, желающих поделиться воспоминаниями оказалось гораздо больше, чем предусматривал регламент. Люди говорили, волнуясь так, словно речь шла о недавних событиях. А между тем в этом году 1^ю августа исполнится 35 лет со дня кончины Алексея Сергеевича. Кстати, каждый год в траурный день ветераны собираются у дорогой могилы. Они же следят за надгробным памятником и содержат его в образцовом порядке (родственников Ворожева в нашем городе нет).

Такая трогательная верность памяти руководителя - явление совершенно уникальное за всю промышленную историю нашего края. Как объяснить такой феномен? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться к событиям полувековой давности. В то, сравнительно недавнее время, когда промышленные предприятия Петропавловска стремительно набирали темпы роста, преобразуя наш город в крупнейший индустриально-промышленный центр республики. Тогда-то и появился в промышленности новый, особый тип руководителя. Это были высококвалифицированные, масштабно мыслящие специалисты, душевно щедрые люди, счастливо соединившие в себе талант инженера-новатора и организатора производства. Одним из них был Ворожев.

Он приехал к нам в начале 1951 года после окончания Уральского политехнического института. Примечательно, что, помимо «красного» диплома, 27-летний инженер имел боевые награды участника Великой Отечественной войны. Тогда в отделе кадров оборонного завода имени В.В. Куйбышева была внесена первая запись в его трудовую книжку: «Зачислен старшим мастером в кузнечный цех завода». В результате стремительной карьеры уже в 1960 году Ворожев занимал пост главного инженера, в 1961-м - директора завода.

Что отличало его от предшествующих руководителей и каким он остался в памяти заводчан? «Характерной чертой Алексея Сергеевича была исключительная человечность», - с таким мнением инженера-конструктора Е.Я. Архипова единодушны все, кто знал Ворожева. «Меня удивляло то, - вспоминает технолог М.А. Кузеванов, - что он зачастую первым здоровался с рабочими. Причем обязательно по имени и отчеству. Для руководителя такого ранга это было необычным...». Но добреньким директором не был. Уважительное отношение к людям,

...и доступность в нем гармонично сочетались с жесткой требовательностью. «Если Ворожев пообещал решить какой-то вопрос, - говорили на заводе, - то это будет обязательно исполнено, если же ты провинился - получишь сполна».

Характеризуя деятельность Ворожева, заводчане называли его лучшим, идеальным директором. «Это был руководитель от Бога, - рассказывает старший инженер В.Г. Янченко. - При нем завод буквально воспрянул: развернулось огромное строительство, как на самой территории завода, так и в жилом районе... Завод превратился в завод-парк. Помню, как Ворожев однажды привез из Москвы саженцы роз специально для заводских цветочных клумб...».

«При Ворожеве не только шло бурное строительство, - уточняет конструктор Г.Н. Краснов. - Это, пожалуй, и не самое главное. Главное уже было то, что по инициативе Алексея Сергеевича на заводе активно внедрялось высокотехнологичное, наукоемкое производство, что впервые в нашей области на заводе появились изобретатели, кандидаты технических наук, лауреаты Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства...».

Здесь следует дополнить, что изобретения принадлежали и самому Ворожеву и что еще в 1958 году под его руководством был образован первый на промышленных предприятиях города отдел по разработке и внедрению новой техники - своеобразный мозговой центр завода.

С середины шестидесятых годов завод им. Куйбышева становится школой передового опыта, чутко реагируя на достижения в соответствующей отрасли промышленности, как отечественной, так и зарубежной. При непрерывно нарастающих темпах производства предприятие работало ритмично, словно единый механизм. Таким же устойчивым и неизменным был распорядок рабочего дня директора. Вот некоторые его пункты. Ворожев приходил на работу за час до начала смены, в семь утра, и сразу шел к рабочим. В цехах вел неторопливый разговор о насущных проблемах, причем не только производственных. В 9 часов утра Алексей Сергеевич знакомился с оперативной сводкой о работе завода за прошедшие сутки. Сводка охватывала весь спектр производства и, конечно, в первую очередь - выполнение намеченного плана. В 11 часов 30 минут Ворожев проводил селекторное совещание с начальниками цехов, отделов и участков. Ровно в три часа дня (между смена-

ми) по внутривзаводскому радиовещанию с центрального д петчерского пульта, установленного в кабинете директ объявлялись окончательные итоги прошедшего дня, называл имена передовиков и отстающих, сообщалась другая инф мация о жизни завода. Если подводились итоги соревнова в тот же день вручались премии. При полной радиофика заводской территории эти главные новости дня молниен становились известны каждому работнику. Подчеркну: ит подводились каждый рабочий день!

Неудивительно, что при таком распорядке дня директор при его феноменальной памяти он мог знать имена всех и митысячного заводского коллектива.

Введенный Ворожевым метод ежедневного подведения и гов, несомненно, являлся сильнейшим стимулом роста прс водительности труда, способствовал творчеству и состязате ности в процессе производства.

Вот что писал молодой токарь Михаил Кондратов в свк корреспонденции под заголовком «Радость труда» («Лени кое знамя» за 1 ноября 1969 года): «...На нашем заводе лк охвачены единым желанием, чтобы производственные дела и лучше и лучше... Экономисты разработали умные условия д материального поощрения рабочих. Но глубоко ошибаются кто забывает о душе человека. У нас все делается так, что о заслугах каждого знал весь коллектив...».

В числе важных нововведений Ворожева было также то, ч он разрушил замкнутость военного предприятия, организо широкий выпуск товаров народного потребления (оборудо ние для панельного домостроения, автомобильные и тракти ные прицепы, автобагажники и др.). Сверхприбыль позволи заводу вести активное строительство так называемым хоз: ственным способом, непрерывно улучшая условия труда, бь и отдыха заводчан. Достаточно напомнить о том, что при I рожеве ежегодно сдавались в эксплуатацию благоустроенн многоквартирные дома. Кроме этого, были построены три д ских сада, заводская столовая «Волна» на 600 мест, база д дыха «Золотая осень» и многое другое. Особой гордостью д ректора являлся подаренный городу стадион «Авангард». Е строил весь заводской коллектив, включая директора. Кажд очередной субботник он облачался в робу, готовый взяться любую работу.

Развитие спорта на заводе находилось под особым контролем. По инициативе Ворожева при каждом цехе появились спортивные площадки и соответствующий инвентарь, оздоровительный душ, медпункт.

Необычайным праздником для заводчан и жителей всего города стало открытие стадиона «Авангард» - самого большого стадиона в Петропавловске (на 10 тысяч мест). В этот день, 10 сентября 1967 года, заводская футбольная команда «Авангард» принимала на новом поле одноклубников из города Арсеньевки Приморского края. Встреча проходила в рамках розыгрыша Кубка СССР среди производственных спортивных коллективов страны. На переполненном стадионе среди ярких болельщиков, конечно, был Алексей Сергеевич. Его волнение было очевидным, ведь на поле сражалась команда, сформированная при его участии. Ребята не подвели директора: игра закончилась победой петропавловцев. Кстати, тогда в общем итоге соревнований «Авангард» вышел на третье призовое место, обойдя почти четыре тысячи футбольных команд.

По замыслу Ворожева, новый стадион представлял часть единого спортивного комплекса. Его очередной стройкой стал открытый плавательный бассейн, получивший название «Дельфин». Так как директор вникал во все детали строительства, то он однажды, прихватив с собой конструктора Н.В. Беленкова, специально поехал в Челябинск, чтобы познакомиться там с устройством бассейна. Это была обычная рабочая командировка, только она с достаточной полнотой высветила удивительные черты директорского характера. Вот что вспоминает Беленков: «Приехав в Челябинск, мы направились в гостиницу, и тут выяснилось, что мест нет. Правда, Ворожеву, как депутату, номер все-таки нашелся. Что делает Алексей Сергеевич? Он вручает мне депутатское удостоверение и отдает мне свой номер. Так мы и прожили все дни командировки: я в хорошем номере гостиницы, а Ворожев ночевал то у одних, то у других знакомых».

Вообще, многое в характере Ворожева не укладывалось в привычное понятие о руководителе предприятия такого масштаба и значимости. Он, например, никогда не носил знаки отличия, хотя, кроме военных наград, имел орден Трудового Красного Знамени и орден Ленина. Жил Алексей Сергеевич в скромной двухкомнатной квартире, которую получил от завода еще в

1952 году как семейный специалист (Ворожев приехал в Петропавловск с женой Зоей Григорьевной, только что закончившей Свердловский медицинский институт). Примечательно, что любой заводчанин мог позвонить или прийти на квартиру к директору, будучи уверенным в том, что его выслушают, если нужно, обязательно помогут.

Вот о каком любопытном случае, связанном с посещением директорской квартиры, рассказала конструктор Л.А. Тенеткина: «Однажды мне пришлось по поручению забежать после работы к Алексею Сергеевичу домой. Директора дома не было, и Зоя Григорьевна предложила мне сесть на кушетку и подождать. Только кушетка эта, видимо, давно отжила свой век, потому что стоило мне лишь к ней прикоснуться, как ножка ее надломилась и я свалилась на пол. В тот же момент дверь открылась и вошел Ворожев. Надо было видеть выражение лица директора, когда его взору предстала лежащая на полу посетительница! Мы просмеялись весь вечер, а наутро злополучную кушетку отправили в ремонт».

Меньше всего занимал Ворожева собственный быт. Все его помыслы, планы, надежды были связаны с заводом. «Ему мало было стадиона, заводского парка, бассейна и других новостроек, - вспоминает В.И. Янченко. - У него были смелые задумки о будущем завода. Вернее, о двух объединенных заводах, имеющих общий производственный профиль. Он мечтал о концерне. И, конечно, о новых источниках благосостояния людей...».

Но грандиозным планам Ворожева не суждено было сбыться. Его директорство продолжалось всего десять лет. Мало кто тогда догадывался, что последние годы из этого короткого срока Алексей Сергеевич жил с диагнозом тяжелейшей болезни - рак щитовидной железы.

Ворожев уже был смертельно болен, когда к нему пришло всеобщее признание видного руководителя новой формации, когда завод безоговорочно лидировал среди других промышленных предприятий на севере Казахстана и занимал прочную позицию в первой шеренге предприятий республики.

...В один из июльских дней 1971 года на Привокзальной площади города собралась группа близких Ворожеву людей, чтобы проводить его в Ленинград. В этом городе на август был назначен Алексею Сергеевичу курс лечения в Институте медицинской рентгенологии. В числе других проводить директо-

...принимал начальник отдела инструментального хозяйства Н.Е. Воронин и его жена Елена Степановна. Вот ее рассказ: «Воронин представлялся с нами так, словно знал, что встречи уже не будет. Поезд уже тронулся, а он продолжал горячо обнимать и прощаться с провожавших, едва потом успел вскочить на подножку вагона. Прошло три недели. Однажды я взглянула в окно и увидела, что над заводом парит самолет. Медленно, почти как муха, крылом крыш зданий, он совершил три круга, а затем, набрав высоту, покинул заводскую территорию. Сердце мое забилось от страшной догадки...».

Ворожнев умер 19 августа 1971 года в одной из палат Ленинградского института рентгенологии. Ему было 47 лет. 23 августа в Петропавловске состоялись похороны директора завода. Присутствие с Ворожевым пришли почти десять тысяч горожан. Сегодня память об Алексее Сергеевиче живет лишь благодаря самоотверженности ветеранов завода. Но, думаю, ошибаюсь те, кто значение деятельности Ворожева ограничивает заводской территорией. Ворожнев принадлежал к той избранной когорте людей, на которых держались авторитет и могущество огромной страны. Однако главная ценность его наследия прежде всего в том, что он владел ключом к высокоэффективному труду, в тех принципах, на которые опирался смелый инноватор производства.

Но! почему имя Ворожева принадлежит одной из лучших страниц нашего прошлого. Того прошлого, от знания и осмысления которого зависит наше будущее.

2006 г.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В фондах областного краеведческого музея хранится уникальная фотография, воскрешающая одну из замечательных страниц городской летописи народного образования. На снимке, а вернее - фотомонтаже, сделанном 75 лет назад, - первый Герой Труда среди учителей Петропавловска, заведующая подгорной начальной школой Татьяна Константиновна Лобахина. Эта фотография - всего лишь скромный свидетель доволных больших торжеств, организованных в городе в ноябре 1927 года в связи с пятидесятилетием ее педагогической деятельности. По этому поводу Лобахиной была учреждена персональная пенсия, проведен общегородской вечер с вручением юбилею ценных подарков, опубликована подборка статей в местной газете «Степная звезда» под общим заголовком «50 лет на ниве просвещения». Но, пожалуй, самые волнующие минуты Татьяна Константиновна пережила в своей родной школе, утопающей в те дни в цветах, когда на торжественную линейку собрались практически все жители подгорья. Замечу, что праздник, устроенный в честь учительницы начальных классов, проходил в то время, когда одной из самых насущных государственных задач страны была ликвидация неграмотности населения и в этой связи особая ответственность лежала на начальной школе.

Родилась Лобахина в Петропавловске 140 лет назад, в 1862 году. Нести свет знаний народу, в массе своей темному и неграмотному, посвятить жизнь школе стало ее осознанным выбором в самом начале жизненного пути. Успешно закончив шестиклассную женскую прогимназию Петропавловска, она тотчас подала документы в специальную министерскую комиссию и также успешно сдала экзамен на звание народной учительницы. «Радости моей не было конца», - вспоминала впоследствии Лобахина, когда ей было предложено место службы в двухклассном училище в селе Якши-Янгыставское Кокчетавского уезда. Несоизданно самос серьезнос препятствие к осуществлению мечты Таню ожидало дома. Ее мама, портниха по профессии, заработок которой являлся единственным доходом в семье (отец Тани умер несколько лет назад), была категорически против отъезда дочери, которой едва исполнилось

то же. Лишь после долгих уговоров, наконец, принимается решение, что в далекое село, помимо Тани, поедет вся семья, а именно мама, сестра, брат, а также дедушка и бабушка.

В 1889 году, когда у Лобахиной был уже 11-летний стаж сельской учительницы, ей предложили место в четырехклассном подгорном станичном училище (в те годы в подгорной части станицы находилась казачья станица). Это училище считалось одним из лучших в уезде. Оно размещалось в типовом, светлом уютном здании, построенном на средства казаков в 1876 году. Кстати, в этом помещении учебный процесс не прерывался до конца пятидесятых годов прошлого столетия, когда на месте бывшей казачьей школы было построено современное здание СШ №14.

До революции обычно типовой школьный проект предусматривал квартиру (одну комнату) для заведующего. В такую комнату Лобахина поселилась в 1918 году. Здесь, в ее скромной квартире, нередкими посетителями были не только учителя и станичники, но и казаки станицы. Почти сорок лет она прожила с ними бок о бок, учила их детей, досконально знала все тонкости жизни казаков, вела активную общественную работу в станице. С высоким авторитете Лобахиной среди станичников свидетельствует выборная кампания 1925 года, в которой казаки единодушно избрали ее своим представителем в городской совет.

На заслуженный отдых Татьяна Константиновна ушла в 1928 году, когда ей шел уже 67-й год. Остаток своей жизни она провела в одиночестве. У нее не было своей семьи, очень скоро не стало и дорогих ей станичников: почти все они подверглись репрессиям и бесследно исчезли.

Умерла Лобахина 60 лет назад, тихо и незаметно для городской общественности, в один из самых тяжелых дней военной поры - 14 октября 1942 года.

2002 г.

ЖИТЬ ИНАЧЕ ОНА НЕ МОГЛА...

Памяти О.А.Сошниковой
(к 95-й годовщине со дня рождения)

Совсем недавно, 10-15 лет назад, имя Ольги Александровны Сошниковой было известно в области, особенно среди работников культуры, как организатора и руководителя всех областных конкурсов художественной самодеятельности, как неуголимого борца за культуру на селе, как замечательного лектора.

Никто так до нас не опекал наши клубы, особенно сельские, которые она считала основным очагом культуры для сельчан

«Мы забыли о том, - писала Ольга Александровна в одной из своих статей, - что клуб – это и объединение людей-единомышленников. Сколько у нас ценителей литературы, искусства, книголюбов, любителей туризма, краеведения, охоты, рыболовства, всякого рода коллекционеров! Нужно учитывать разносторонность запросов людей, интересы всех возрастов и профессий...».

С именем Сошниковой связан подъем в работе клубов и расцвет самодеятельного искусства в области. Впервые в Северный Казахстан стали приезжать за опытом из других городов республики, и даже центральная газета Союза «Советская культура» летом 1962 года направила своего корреспондента в Петропавловск, чтобы взять интервью у Ольги Александровны, которая, кстати, в тот период занимала пост начальника областного управления культуры. В ее ведении было более 200 клубов и Домов культуры, 380 киноустановок, 503 массовые библиотеки.

О своих впечатлениях московский корреспондент в статье «Кафедра искусств – в пути» («Советская культура» за 14 июня 1962 г.) писал так: «Северный Казахстан - это уже почти Сибирь. Казалось бы, в таких условиях, вдали от столицы республики, культурная жизнь в области должна идти тише и с некоторым запозданием, не то что, скажем, в близких к Алма-Ате местах – в Джамбуле, Чимкенте или Кызыл-Орде...

Да, в какой-то степени географическая отдаленность сыграла здесь свою роль. Но только в одном. Она, пожалуй, приучила людей к простой и трезвой мысли – не рассчитывать только на помощь из центра, а до конца использовать свои силы и возможности. Не этим ли объясняется, что североказахстан-

...и вот уже который год подряд задают тон в культурной жизни республики?

Именно здесь впервые стали обучать студентов общественным профессиям. Раньше чем где-либо начали на селе активный поход за претворением в жизнь лозунга «Книгу – в каждый двор». Впервые устраивали в районных центрах, в совхозах общественные заседания областного управления культуры.

Все это, несомненно, заслуживает специального разговора. Но сейчас речь о другом – об инициативе североказахстанцев по организации учебного процесса в народных университетах культуры. А точнее – о передвижных кафедрах искусств...».

Передвижные кафедры искусств (театра, музыки, хореографии, кино, изоискусства) – это одна из реализованных задумок Сошниковой. Каждая кафедра состояла из 5-6 человек (режиссеров, актеров, художников, искусствоведов и т.д.), которые выезжали с лекциями, фильмами, выставками и наглядными пособиями в села области.

То, что культурный досуг сельчан находился под пристальным вниманием Сошниковой, не было случайностью. О жизни, проблемах деревни она знала не понаслышке. Вот какой путь пролегал ее жизненный путь, прежде чем возглавила областное управление культуры.

Родилась Ольга Александровна 23 июля 1913 года в городе Елабуга. Ее самые ранние детские воспоминания связаны с семьей Мишкиным Челябинской губернии, куда после окончания Елабугинского университета был направлен на службу ее отец, агроном по специальности. В 1916 году семья переехала в город Оренбург, который, как известно, через год стал столицей Казахстана. В 1917 году глава семьи был приглашен на работу в Киргизском в отдел по землеустройству. Свою деятельность в привительстве отец завершил уже тогда, когда столицей республики стал город Алма-Ата. Здесь, в 1932 году Ольга Александровна поступила в Казахский государственный сельскохозяйственный институт на полеводческий факультет. В 1937 году, окончив институт, она получила диплом первой степени, звание агронома-полевода и благодарность наркома земледелия КазССР за отличную учебу. В том же году начала работать старшим агрономом Каскеленского райзо Алма-Атинской области. Через два года в связи с переводом мужа на новую должность Ольга Александровна переехала в Северный Казахстан.

Здесь она трудилась по своей специальности в зерносовхозе им. Кирова Советского района (станция Киялы). С годами рос ее авторитет как высококвалифицированного специалиста и как активного общественного деятеля. Очень скоро о ней заговорили как о лучшем лекторе района. Причем темы ее лекций были самыми разносторонними: от агрономии до литературы, философии, киноискусства и театра. Она любила общественную работу и не оставила ее даже тогда, когда с началом Великой Отечественной войны ее муж был призван на фронт и она осталась одна с четырьмя детьми на руках. В августе 1953 года в жизни Сошниковой наступил важный перелом: ее переводят в Петропавловск в качестве заместителя председателя горисполкома. А через четыре года областное руководство пришло к выводу о том, что Сошникова – лучшая кандидатура на должность начальника Северо-Казахстанского областного управления культуры. В начале своей масштабной, многогранной деятельности она столкнулась с серьезными трудностями. Дело в том, что 1957 год стал годом шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве. В честь этого события в республике было принято решение провести первый фестиваль молодежи в Алма-Ате. Отделу культуры нужно было в первую очередь подготовить для выступления концертную программу в то время, когда художественная самодеятельность в городе и области только-только начала развиваться, крупных коллективов не было вообще – сказывалось отсутствие руководителей хоров, оркестров, танцевальных ансамблей.

Понадобились огромные усилия и энергия, чтобы в конечном итоге достойно представить область в столице. Тогда особый успех выпал на долю танцевального ансамбля, исполнявшего румынский танец «Сырба», болгарский «Шобско хоро», сюиту «Дружба народов». Вот что по этому поводу вспоминает Ольга Александровна в статье «Под знаком ромашки» («Ленинское знамя», август 1984 г.): «Наш танцевальный коллектив выступал на открытой эстраде в парке 28 гвардейцев-панфиловцев. На концерте председатель жюри, основательница Казахского государственного ансамбля песни и танца Л.Д. Чернышева неожиданно заявила: «Вы собрали профессионалов». Пришлось показать ей списки, где указаны работа и должность каждого участника ансамбля. Этот коллектив представляла талантливая молодежь: В.Хренов, В.Киселев, Г.Боровских,

Е. Волоши, Ю. Коваленко, братья Перминовы, Л. Солоненко, М. Овчаренко, И. Коцик и другие». Известно, что многие из тех, кто пошел тогда мастерством алмаатинских зрителей впоследствии стали руководителями прославленных коллективов.

Для начальника областного управления культуры не менее напряженным стал следующий, 1958 год. В декабре этого года проходила декада казахского искусства и литературы в Москве. «Самым интересным для нас было то, - читаем мы в статье Ольги Александровны «Хлеб и песня» («Ленинское знамя», декабрь 1979 г.), - что наряду с известными профессиональными коллективами Алма-Аты представлялось право участия в декаде лучшему коллективу художественной самодеятельности из пяти целинных областей. Целинный ансамбль песни и танца у нас уже был. Он состоял из лучших участников художественной самодеятельности.

Члены областного литературного объединения, которым руководил писатель Б.Н. Петров, поэты Г. Шалов, А. Прянишников, А. Гусинский долго думали над репертуаром, перебирали разные варианты. Подказала сама жизнь: на целину ехали молодые люди, ехали жить надолго, уже появились первые молодые семьи... Одним словом, родилась идея вокально-хореографической композиции «Свадьба на целине». По нашему заказу музыку написал украинский композитор Лаптев. Постановка осуществилась главным режиссером театра Г.И. Пушкаревым.

Каким же была наша радость, когда после просмотра в Алма-Ате ансамбль утвердили участником декады!».

Отмечу, что тогда, в декабре 1958 года, состоялось, произошло в большом успехом первое выступление участников областной художественной самодеятельности на подмостках Москвы.

Довольно трудно в рамках газетной статьи осветить многогранную творческую деятельность Ольги Александровны. Отмечу только, что результатом этой деятельности был подъем примитивного искусства в области, причем в репертуарах самодеятельных коллективов и областного театра можно было найти пьесы, написанные на местном историческом материале. Так, в сентябре 1967 года Пресновский народный театр осуществил постановку североказахстанского драматурга М.М. Австрина «Памятник живущий». Пьеса была посвящена венграм-красноармейцам, погибшим в дни белочешского мятежа.

Вместе с автором пьесы на премьере спектакля присутствовал Лайош Херник, специально прибывший из далекой Венгрии. Лайош был участником революционных событий в Петропавловске и являлся прототипом главного героя пьесы. Спектакль, тепло принятый зрителями, стал памятным событием в культурной жизни области.

Шли годы. Все чаще напоминали о себе здоровье и возраст. В этой связи менялись должности Ольги Александровны. Не менялось только поле ее деятельности. Сошникову заслуженно называли ветераном культурно-просветительной работы, старейшим работником культуры.

Уже будучи персональной пенсионеркой республиканского значения, она увлеклась экскурсионной деятельностью и числилась внештатным экскурсоводом в Петропавловском бюро путешествий и экскурсий. При этом Сошникова продолжала читать лекции, писать статьи, выступать с ходатайством и занимаясь на пристрастие к высокому начальству по проблемным вопросам культурной жизни области. Такой была ее беспокойная старость, но жить иначе она не могла.

О том, насколько успешно велась ею экскурсионная работа можно судить уже потому, что за все годы (более 10 лет), пока здоровье позволяло Ольге Александровне проводить экскурсии, ей присваивалось звание «Лучший экскурсовод Петропавловска».

Располагая собственным домашним архивом, который она кропотливо собирала, Сошникова, как правило, тексты экскурсий писала сама. В числе других был написан текст экскурсии «История сел по Сергеевскому шоссе». Ее проводила она всегда с особым вниманием. Каждый раз, отправляясь на экскурсионном автобусе в путь, Ольга Александровна возвращалась в свое прошлое, рассказывала о событиях, участницей которых была сама, встречала дорогих, близких ей людей...

Экскурсии Сошниковой о родном крае всегда вызывали живой интерес слушателей, и многие горожане стремились попасть именно в ее экскурсионную группу, но удавалось это далеко не всем желающим. С годами Ольге Александровне все чаще приходилось выдерживать перерывы в своей просветительной работе: слаvalo сердце.

Она умерла 20 января 1991 года.

2008 г

ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Лейтенант
Барашков, 1948 г.

Автор этих фотографий - наш земляк Николай Дмитриевич Барашков (1926-2003 гг.). Он относился к людям того поколения, чьи судьбы решались на фронтах Великой Отечественной войны. В январе 1944 года мальчишки-десятиклассники петропавловской средней школы №1 им. Ленина были срочно вызваны в военкомат, где им вручили повестки. В числе призывников был и 17-летний Коля Барашков - тихий, очень скромный паренек, серьезно увлекавшийся физикой и астрономией. В те же январские дни ребят ожидали ускоренная военная подготовка, досрочная выдача аттестатов зрелости и напутственные слова педагогов в

вышедшем классе. Уже в феврале рядовой артиллерийского полка Николай Барашков участвовал в боях на территории Литвы.

О мужестве и достоинстве, с которыми вчерашний школьник нес тяготы войны, о его боевом духе, пожалуй, лучше всего свидетельствует принятое на фронте решение стать кадровым военным. Ему повезло: в декабре того же сорок четвертого вышел приказ Верховного Главнокомандующего, согласно которому юные бойцы Советской Армии, пожелавшие получить военную специальность, в месячный срок зачислялись в военные училища страны. Николай выбрал Рязанское артиллерийское училище. Примечательно, что у курсантов этого училища была важная привилегия - принимать участие в военных парадах на Красной площади в Москве.

В 1947 году, успешно завершив учебу, лейтенант Барашков прибыл к месту своего назначения, в город Порт-Артур (Ляодунь). В те годы, по условию советско-китайского договора, здесь располагалась военно-морская база СССР. И тут случилось непредвиденное: жаркий, влажный климат незамерзающего

морского порта у южного берега Ляодунского полуострова с тяжёлым испытанием для большинства военнослужащих. Возможно, существовали и другие причины резкого ухудшения их здоровья, так как слишком уж велики были людские потери. Это положение не могло не сказаться на настроении солдат и офицеров. 24 июля 1948 года Николай записал в своём дневнике: «Вчера был траурный день: хоронили начальника гарнизона. Жалко человека! Ему было всего 40 лет. В Белоруссии остались трое детей и жена. Да, растёт в Порт-Артуре «жилища для мёртвых»... Много здесь лежит нашего брата. Да и остальных ждёт та же участь: схоронят в чужой земле, вдали от Родины, от всего того, что было тебе мило...».

В ноябре 1949 года лейтенант Барашков впервые за время службы оказался на больничной койке. Врачи госпиталя установили диагноз: «двусторонний экссудативный плеврит». С этого времени болезнь, не поддаваясь лечению, постоянно прогрессировала. Потянулись серые, полные мрачных предчувствий дни. Единственным его утешителем оставался дневник, который он начал вести ещё в Рязани. С дневником Николай делится воспоминаниями о самом светлом, что было в его жизни. Так, вспоминая свой приезд домой на побывку в 1947 году, пишет: «Это был самый лучший день в моей жизни! Первый раз я получил отпуск и ехал из Рязани в Петропавловск. Уже в Кургана не мог оторваться от окна. Сердце билось, как птица в клетке. Казалось, поезд еле-еле ползёт. Но вот под колёса вагона прогромыхал железнодорожный мост через Ишим. Уже отчетливо вижу в лучах заходящего солнца водонапорную башню, городской сад, дома родного города. Начались родные постройки. Вот вытяжка. Вот татарское кладбище, заросшее тополями и кустарником. Наконец, за поворотом показалась станция. Путь закончен! Беру свой чемоданчик, беру и направляюсь в транзитный зал. Там оправил на себе шинель, надел сверху ремни, заправился по всем правилам и гордо шагнул по городу...».

Осенью 1950 года состояние здоровья Барашкова резко ухудшилось из-за тяжелой формы туберкулеза. В ноябре специальная комиссия вынесла решение о его непригодности к военной службе. Впереди его ждало самое страшное: вернуться домой беспомощным инвалидом. В минуты отчаяния он пишет в дневнике: «Я уже не человек! Ничто не радует меня. Как это ужасно!».

...жить, беспечно и бесполезно!
...влюбил, чтобы стать лишним гру-
...плечу на плечи. Ну что ж! «Чему
...того не миновать» - есть та-
...говорка у пессимистов и по-
...судьбе людей».

...самые тяжелые дни своей жиз-
...векоре пятидесятого года, уже
...в Петропавловске, он за-
...в дневник полные безысход-
...сти слова: «Жизнь кончена! Пы-
...что-то изменить в ней, я лишь
...близко развязку. Она все ближе
...ближе. Она неизбежна...».

...Однако, к счастью, трагедия не
...реализовалась. Победила молодость,
...случилось то, что и должно было случиться: пришла любовь.
...была 17-летняя Верочка Скрябина, которая через год ста-
...своей Николая, стойким и преданным другом до конца его
...жизни. Впоследствии он не раз скажет ей: «Ты спасла меня!».

...Тогда же, после возвращения в Петропавловск, он впервые
...в руки фотоаппарат. Занятие фотографией оказалось для
...то больше чем увлечением. Скорее оно сыграло роль спаса-
...ного круга, который позволял по-новому взглянуть на мир,
...быть радостью жизни.

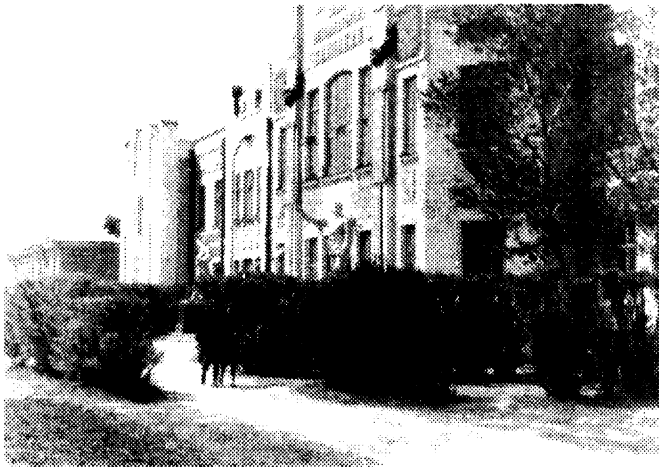
Жена Вера

Подгорье

Объектами для съемок, кроме близких Николаю людей, становились дома, улицы, уголки и окрестности родного города, природа края. Так появились фотографии, запечатлевшие Петропавловск полувековой давности. Они уникальны и представляют историческую ценность. В середине прошлого столетия наш город во многом еще сохранял свой первоначальный вид, который впоследствии, в результате интенсивного строительства, был утерян. Неудивительно, что сегодня этими фотографиями заинтересовался областной историко-краеведческий музей.

До конца своих дней Барашков оставался инвалидом Советской Армии, однако в его жизни наступил период, когда он смог приступить к полноценному труду. Более 20 лет Николай Дмитриевич проработал мастером связи на Петропавловской городской телеграфно-телефонной станции. Как и прежде, его главным увлечением оставалась фотография. Только теперь у него была основательная, отвечающая новейшим требованиям фотолаборатория и целая коллекция фотоаппаратов, «приобретенных за несколько десятилетий: «Смена», «Комсомолец», «Зоркий», «Вега», «Чайка-2», «Мир», «Практика». Уже на пенсии он перешел от фотографии к цветным слайдам. Все наследие петропавловского фотолюбителя составляет 20 увесистых альбомов, не считая слайдов.

Механический техникум. 50-е годы.

**В ГОДЫ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
БУРЬ**

«МАРСЕЛЬЕЗА» - ПРОТИВ ГИМНА «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ»

Девяносто лет отделяет нас от исторических событий 1905 года, когда явным признаком оживления политической жизни в Петропавловске стали многолюдные митинги. Проводились они по инициативе созданного в октябре этого года «Петропавловского прогрессивно-политического союза».

Это было первое в истории города политическое объединение. В его руководство, а точнее в бюро «Союза» входили учителя, врачи, студенты, служащие и сам городской голова. И вообще-то петропавловская интеллигенция вначале пыталась создать филиал российской конституционно-демократической партии (партии кадетов). Однако вскоре выяснилось, что общественность хотя и шел охотно на митинги, но политические речи понимал плохо. Тогда и было решено создать объединение с просветительскими целями в вопросах политики. Только за октябрь «Союз» провел шесть митингов-лекций, выпустил три брошюры и открыл первую в Петропавловске бесплатную библиотеку.

Всю свою работу «Союз» проводил в тесном контакте с социал-демократической группой, созданной еще в начале года на железной дороге. Во всяком случае, на всех митингах выступали ораторы со станции «Петропавловск», которая, кстати находилась тогда в двух верстах от города.

В те же осенние дни в Петропавловске была создана торгово-промышленная партия. Она никак не проявила себя в период революции, если не считать одного примечательного момента.

Именно петропавловские торговцы и промышленники впервые в Западной Сибири обратились в Министерство внутренних дел с просьбой навести порядок на железной дороге, рабочие непрерывно бастовали с января месяца. Справедливо ради следует отметить, что к концу 1905 года на железнодорожной станции в ожидании отправки скопилось огромное количество продуктов торговли: мука, мороженое мясо, са-масло. Уже полгода стоял на станции и новый скоростной поезд, маршрута которого купцы добивались несколько лет: «Петропавловск — Рига».

История «Петропавловского прогрессивно-политического союза» была недолгой. Уже в декабре 1905 года его деятельность была запрещена в связи с вводом военного положения. Большая часть членов бюро «Союза» была арестована и посажена в тюрьму. Те же, кто остался на свободе, объединились с городским обществом попечения бедных. В начале 1906 года этому обществу удалось открыть при библиотеке бесплатную столовую.

В Омском областном государственном архиве в материалах департамента полиции хранится немало страниц, характеризующих деятельность «Петропавловского прогрессивно-политического союза». По понятным причинам эти документы последние годы не интересовали историков. Однако по тому, как внимательно велись допросы по многолетней слежке и проведением объяснительным, можно сделать вывод, что так называемую либеральную буржуазию полиция боялась не меньше, чем рабочих.

Из всех полицейских материалов добрую половину составляют дознания по поводу петропавловских событий 23 октября 1905 года. Как известно, вторая половина октября была временем всеобщих торжеств в связи с выходом Манифеста и амнистии политзаключенных. Напомню, что Манифест провозглашал политические свободы граждан и ограничивал власть царя законодательной Думой.

Весть о Манифесте жители Петропавловска услышали под звуки железнодорожного духового оркестра.

Из телеграммы полицмейстера города губернатору области «Железнодорожные рабочие по объявлению на вокзале Манифеста с железнодорожной музыкой и национальными флагами толпой в 200—300 человек прошли по главной улице города, не проявив буквально никаких бесчинств».

На следующий день городской голова Антон Александрович Шпринбах провел срочное заседание Думы, на котором была избрана комиссия по проведению праздника. В комиссию вошли практически все члены бюро «Союза». Торжества намечались на воскресенье, 23 октября. План их проведения был следующий. В 10 часов утра – митинг у здания городской Думы, затем шествие на Соборную (Октябрьскую) площадь. В свою очередь, Соборная площадь должна была стать мес-

том сбора учащейся молодежи и городского духовенства, именно: православного, мусульманского и еврейского. От Соборной площади намечалось общее шествие к вокзалу, где должен был состояться еще один митинг совместно с жителями станционного поселка. Вечером всех участников торжества в помещении городской Думы ждал чай с сахаром, конфетами и сдобой.

В этот же день, для того чтобы согласовать намеченный план с железнодорожниками, Шпринбах направил на станцию представителя комиссии. Проходившее в депо собрание было бурным и в итоге привело к расколу на два враждующих лагеря. Спорили больше всего вокруг необходимости исполнения революционного гимна «Марсельеза», а также предложенной флага - белого с красной каймой и вышитым текстом: «/ здравствует свобода». Одни считали, что наступило время только для красных флагов как символа борьбы с самодержавием до полной победы, т.е. до созыва Учредительного собрания и установления республиканского правления в стране. Другие возражали: на торжествах по случаю царского Манифеста необходимо исполнение гимна «Боже, царя храни» и вынос императорского флага. Кроме того, говорили они, помимо политических свобод, железнодорожники уже добились таких экономических прав, о которых не могли и мечтать. Прежде всего это право на согласие коллектива при увольнении и приеме на работу, а также право на оплату за дни прогула в период забастовки.

Впрочем, несмотря на разногласия, подготовка к празднику активно началась как в городе, так и на станции.

Рано утром, 23 октября, у стен городской Думы уже толпились празднично одетые горожане. Одобрительным гулом была встречена подошедшая группа железнодорожников с красным флагом. Когда Шпринбах вышел на балкон, чтобы открыть митинг и зачитать тексты Манифеста и амнистии, он был встречен громкогласным «Ура!».

Затем, как и намечалось, после коротких речей оратора восторженно встреченных публикой, собравшиеся направились к Соборной площади. Шествие возглавили знаменосцы и члены комиссии с красными лентами через плечо. И тут местная полиция выявила целый ряд преступных, с ее точки зрения, де

... с одной стороны организаторов и прежде всего городского головы. Так, на площади при огромном стечении народа не оказалось ни одного государственного флага, а красных было несколько.

Один из них, как говорится в донесении, держал Николай Александрович Барашков. Из полицейских данных о нем известно следующее: член бюро Петропавловского прогрессивно-политического союза, родом из дворян. В молодости служил обер-офицером, затем бросил Боннскую службу и уехал учиться на учителя в деревню. Вскоре был арестован за распространение революционных прокламаций. В Петропавловске жил около десяти лет в качестве административного ссыльного.

Барашков был уличен полицией еще и в том, что выкрикивал «преступные речи», в частности, «кричал», что красный флаг должен быть выше всех других, а «полицию - к черту».

И, конечно, в центре внимания полиции был городской голова Шпринбах.

1995 г.

ДЕЛО ШПРИНБАХА

В прошлом выпуске «Старой крепости» в публикации «Марсельеза» против «Боже, царя храни», рассказывающей о событиях в Петропавловске 90 лет назад, во время первой русской революции, читатели уже обратили внимание на позицию и поведение городского головы Шпринбаха, стоявшего на стороне тех, кто шел «Марсельезу».

О том, как в дальнейшем сложилась его судьба, рассказывается ниже.

Наступила уже глубокая ночь, когда в доме городского головы раздался тревожный стук. К нему с обыском прибыла полиция.

Из материалов департамента полиции: «Шпринбах принимал участие в судьбах изгнанных со станции революционеров, скрывался прятал у себя на квартире, затем в меблированных номерах, в старом училище и даже в здании управы. Выдал им общественные деньги на содержание и дорогу».

В документе приводились имена тех, кто искал спасения от верной гибели. Это были активисты социал-демократической

группы Нагорничевский, Зварковский-Шалимов, Душман, Дрюгин, Малиновский, Бойко.

В январе 1906 года Шпринбах был заключен под домашний арест и отстранен от должности городского головы. Следствие по его делу тянулось до середины 1967 года. Шпринбаху был предъявлен счет не только за 23 октября.

Из полицейской характеристики: «Шпринбах является главным тайным руководителем революционной партии... В декабре 1905 года он вместе с врачом Алексеем Ивановичем Мухиным устраивал сходку в родильном отделении больницы с целью оказать поддержку московским революционерам...».

Кем же был в действительности городской голова Петропавловска? Материалы полицейских анкетных данных характеризуют его скорее как благополучного буржуа. Вот они: настоящее имя Ганс Запдерович, 1851 года рождения, латыш, исповедания лютеранского. Из крестьян. Закончил Юрьевский ветеринарный институт, имел чин отставного надворного советника. Вдовец, имел двух сыновей и дочь. Живя в Петропавловске с 1897 года, часто выезжал на родину к матери в Курляндскую губернию (Латвия), где имел ферму и мельницу. В Петропавловске построил самый крупный пивомедоваренный завод с названием «Ливония».

В воспоминаниях жены Парфирия Саввовича Голубова Евы Вильгельмовны я неожиданно встретила имя Шпринбаха. Они написаны были уже в начале шестидесятых годов. Напомню, что П.С. Голубов был вторым человеком после Дубинина в городском комитете партии в период установления советской власти. Летом 1918 года в числе 22-х совдеповцев был расстрелян белогвардейцами вместе с сестрой Прасковьей Саввовичной Калужной. В своих записях Е.В. Голубова (в девичестве Валькер) вспоминает, как в 1910 году шестнадцатилетней девушкой она приехала из Риги в Петропавловск в поисках работы, имея на руках рекомендательное письмо к Шпринбаху. В этом же году в его доме она познакомилась со слесарем дедом П.С. Голубовым. Зачем Голубов посещал дом бывшего городского головы? Молодую, далекую от политики девушку тогда этот вопрос не интересовал, а о дальнейшей судьбе своего богатого покровителя она, конечно, знала, но предпочла умолчать.

1995 г.

ДУБЫНИН В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

Нет человека, роль которого была бы более значима в период становления Советской власти в нашем крае. Между тем все, что мы знаем из биографии Исидора Дмитриевича Дубынина, первого председателя комитета большевистской партийной организации Петропавловска, борца за установление Советской власти на севере Казахстана, укладывается в несколько строк. Но даже известная нам короткая биография нуждается в уточнении и корректировке. В том числе и дата приезда Дубынина в наш город. Можно ли сегодня, располагая имеющейся литературой и документами, ответить на этот вопрос? Правильный ответ помог бы нам не только больше узнать о главной петропавловской странице в жизни этого замечательного революционера, но и уточнить другую, не менее запутанную дату - дату вступления в российскую социалистическую партию (по этому поводу существует сразу три мнения 1902, 1912, 1917 годы).

И.Д. Дубынин

Авторы многих публикаций периода установления Советской власти и гражданской войны на севере Казахстана приезд Дубынина в Петропавловск относят к лету 1917 года. Однако несостоятельность такого мнения легко можно доказать данными протоколов Петропавловского Совдепа, где имя Дубынина упоминается уже в апреле этого года.

Из какого же источника были взяты неверные сведения?

В 1925 году в нашем городе вышел справочник по Петропавловску Акмолинской губернии. В нем сообщалось, что «в июне или июле 1917 года из России прибыли Пихоляк, Дубынин, Трацевский». Это была первая публикация, где освещалась революционная деятельность И.Д. Дубынина. Сведения из справочника были взяты на веру без документальных подтверждений и впоследствии станут переходить из статьи в статью, попадут и в солидные издания.

Есть, однако, в краеведческой литературе и иная точка зрения.

В книге П.М. Пахмурного и В.Г. Григорьева «Октябрь в Казанском уезде» (Алма-Ата, 1978 г.) о Дубыныне читаем следующее: «Он... член Петропавловского Совдепа с момента организации, т.е. с марта 1917 года». Больше того, авторы считают, что еще в 1916 году Дубынин входил в одну из подпольных социал-демократических групп Петропавловска. Сведения о том, что в конце 1916 года в городе формируется подпольная группа социал-демократов, в которой большую роль начинает играть фельдшер местного военного госпиталя И.Д. Дубынин, находим и в трудах краеведа И.П. Залманова.

В фондах областного историко-краеведческого музея хранятся воспоминания бывшего председателя Петропавловского Совдепа С.И. Редникова, в которых несколько строк отведено Дубынину. Воспоминания подтверждают мысль о том, что Дубынин был членом Совдепа с марта 1917 года. О том, что Дубынин был известен в революционных кругах города с конца 1916 года, пишет в своих воспоминаниях и Халит Сутюшев (брат Карима Сутюшева).

Из приведенного материала мы пока можем сделать вывод только о том, что И.Д. Дубынин жил в нашем городе еще до февральских событий 1917 года.

В дни, когда начал свою деятельность Петропавловский Совдеп, городские социал-демократические группы были объединены в легально оформившуюся партийную организацию. В марте 1917 года местная либеральная газета «Приишимье» сообщала: «В Петропавловске учрежден местный комитет Российской социал-демократической партии. Партия эта борется за полноту власти народа, за демократическую республику, за социализм. Местный комитет Российской социал-демократической рабочей партии призывает всех социал-демократов записываться в партию. Запись принимается в городской управе в помещении библиотеки с 9 утра до 9 часов вечера.

А теперь, видимо, следует обратиться к документу, имеющему прямое отношение к Дубынину: его личной анкете делегата III-го Всероссийского съезда Советов. На вопрос анкеты «С какого времени состоите в партии», Дубынин отвечает: «С марта в партии социал-демократов-большевиков».

А мы пока не знаем, входил ли Исидор Дмитриевич в городской комитет, призывавший объединяться социал-демократов и коммунистическая партийная организация была создана в Петропавловске 16 ноября 1917 года), зато нетрудно сделать вывод о том, что именно в нашем городе Дубынин оформляет свое вступление в партию, одновременно являясь членом Совдепа. Приведенные в статье данные касаются, прежде всего, событий 1917 года и пока не дают ответа на вопрос: когда Дубынин приехал в Петропавловск. Ответить на него помог случай.

В начале прошлого года областной историко-краеведческий музей посетил житель города Перми ветеран Великой Отечественной войны коммунист А.И. Ленденгольц. Не праздный интерес привел восьмидесятилетнего ветерана в музей: Ленденгольц родился в нашем городе, здесь прошла его юность и началась строительство железнодорожной линии Петропавловск – Южуралск, началась его трудовая биография. В разговоре случайно выяснилось, что Абрам Израилович помнит многих революционных деятелей Петропавловска, знал и не раз встречался с И.Д. Дубыниным. В это трудно поверить, но сомнения развеивает прекрасная память на имена и лица, убедительные подробности рассказчика. Вот что рассказал А.И. Ленденгольц.

Первыми ему довелось встретить Дубынина, когда в семье тяжело заболел его младший брат. Отец пригласил на консилиум известных тогда в городе врачей Шершевского и Мухина, но после их визита у больного дежурил очень внимательный и спокойный фельдшер, служивший в городском военном госпитале. Это был Исидор Дмитриевич.

Ленденгольц хорошо помнил время, когда Дубынин навещал больного брата: с апреля по июнь 1915 года. Но это еще не все. Он сообщил также, что его старшая сестра хорошо знала жену Дубынина.

Жена Дубынина... Что мы знаем о ней? Только то, что в июне 1918 года, в дни белочешского мятежа, она вместе с членами большевистского Совдепа была брошена в тюрьму, подвергалась пыткам. Между тем любая мелочь в биографии этой женщины могла бы пролить свет на жизненный и революционный путь И.Д. Дубынина.

Встретиться с сестрой А.И. Ленденгольца оказалось нетрудно: Эсфирь Израиловна Ленденгольц, врач по профессии, живет

в нашем городе, давно на пенсии. Да, Дубынину она помнит: в начале 20-х годов вместе работали в первой городской советской больнице. По специальности Дубынина была акушеркой - уважаемый, прекрасный работник. Из рассказа Дубыниной себе помнит только, что детей у нее не было, до приезда в Петропавловск приходилось часто переезжать с мужем из города в город. Почему переезжали - не помнит. Как выглядела Дубынина? В ответ Эсфирь Израйловна достает пожелтевшую фотографию. На снимке на фоне распускающихся деревьев уже положились группа медицинских работников. Жизнерадостные, веселые лица. Кроме одного. Лицо, весь вид молодой высокохудожественной женщины в военной форме сразу приковывают к себе внимание. Даже темные очки не скрывают в ее облике какой-то твердости, решенности и глубокой скорби. Снимок был сделан в 1924 году.

С того времени в архивах города могли сохраниться анкетные данные Дубыниной, и в которых должна быть и дата приезда в Петропавловск. Дубынины приехали вместе, значит, никакая жена - единственный источник правильного ответа. Не сохранилась ли она? Дальнейший поиск дал положительный ответ: анкетный лист Дубыниной сохранился. Теперь мы знаем ее полное имя - Дарья Филипповна. В перечне ответов на вопросы анкеты есть дата вступления в Коммунистическую партию: 16 марта 1920 года. Есть и другая дата - приезда. На вопрос анкеты «Являетесь ли вы коренным жителем местности?» Дубынина ответила: «Приехала из Томска в 1914 году». Итак, 1914 год - год приезда Исидора Дмитриевича Дубынина в наш город. В годы первой мировой войны, с 1914 по 1917 годы, в старом здании драматического театра был расположен военный госпиталь, в котором работал Исидор Дмитриевич. Может быть, его приезд связан с размещением госпиталя? Возможно, но пока нет документов, которые могли бы это подтвердить.

1984 г.

ЖИЗНЬ, ОТДААННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

в центре города, в сквере, который
называют улиц Кирова и Дзямбу-
новский обелиск. Памятник
называется: деревья глухой сте-
ранной его от глаз прохожих.
на пешеходная дорожка, зажатая
парком, заросли вокруг создают
ощущение отчужденности, хотя на
расстоянии трех метров шумит ожив-
ленная трасса...

Памятник установлен на братской
земле покоится прах коммуни-
стических комиссаров города, команди-
ров партизанских и красногвардей-
ских отрядов, членов Петропавловского

П.Р. Зайцев

Советского района.

На мемориальной доске 17 фамилий. Пожалуй, самую яр-
кую характеристику революционной деятельности тех, кто
был погребен, дают... документы Петропавловской белогвар-
дейской следственной комиссии. Вот строки из обвинительно-
го акта:

Андрей Федор - член исполнительного комитета, председатель
особо следственной комиссии, накануне переворота (имеется
в виду контрреволюционный переворот в ночь с 30 на 31 мая
1918 года) Ааз призывал товарищей бороться до последней
капли крови...

Курицаев Михаил - член военно-революционного комитета,
член исполнительного комитета Совдепа, комиссар тру-
да, председатель революционного трибунала. Организовывал
рабочие отряды и командовал ими во время осадного поло-
жения.

Петухов Алексей - член исполнительного комитета Совде-
па, комиссар типографии - активный деятель Советской влас-
ти, призывал на собраниях записываться в ряды Красной Ар-
мии и с оружием в руках поддерживать Советскую власть...

Кравченко Василий - член особо-следственной комиссии,
яркий сторонник Советской власти...

Горячев Александр - начальник отряда Петропавловских Красной Армии, командующий отдельными частями большевистских войск. Признать Горячева опасным для существующего строя...

Шляхов Илья - член исполнительного комитета Севдепа комиссар военно-промышленного отдела, руководитель всеми силами при штабе Красной гвардии и самим штабом, один из самых лучших работников у большевиков, в результате чего он был назначен командующим войсками на консервном заводе.

Самому юному в этом списке - коммунисту и красногвардейцу Петру Зайцеву - шел 19-й год.

Почему место захоронения выбрано именно здесь? Каковы обстоятельства гибели? На эти вопросы достаточно полно отвечают материалы архива, в том числе воспоминания и письма не живущих в Петропавловске жены Кравченко - Елизаветы Алексеевны, дочери и сына Ильи Григорьевича Шляхова, воспоминания Филиппа Романовича Зайцева - родного брата Петра Зайцева и других.

Особый интерес представляют воспоминания бывшего члена Петропавловского Совдепа, заместителя председателя Петропавловской судебно-следственной комиссии Якова Диомидовича Левченко. После контрреволюционного переворота, в первых числах июня 1918 года тогда 22-летний Левченко был арестован вместе с другими видными деятелями Совдепа. От расправы колчаковцев его спас исключительный по дерзкому замыслу побег из тюрьмы. Кстати, Левченко был одним из главных инициаторов установления памятника, открытие которого состоялось в октябре 1957 года, в дни празднования 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

В своих воспоминаниях Яков Диомидович пишет о том, что имена похороненных здесь большевиков значились в списке приговоренных к смертной казни уже в первые дни после контрреволюционного переворота. Но казнь неожиданно была приостановлена на неопределенное время, так как «было получено распоряжение «омского правительства» прекратить расстрелы и поэтому мы остались живы». В официальном документе эсеровского Временного Сибирского правительства по этому поводу говорилось о передаче дел политических заключенных на усмотрение суда Вессибирского учредительного собрания. Шло время.

В октябре восемнадцатого года усилиями империалистических государств в Сибири была установлена диктатура Колчака. По словам В.И. Ленина — самая эксплуататорская, помещичья диктатура помещиков и капиталистов, хуже царской. Угнетение и террор — таковы были главные рычаги колчаковского правления. Именно поэтому повсеместно в Сибири на севере Казахстана усилилось партизанское движение, усилилась и углубилась деятельность подпольных большевистских групп.

Несколько подпольных большевистских ячеек были созданы в нашем городе еще летом 1918 года. Одна из них действовала на территории тюрьмы. Руководил группой Михаил Семенин Курнаков. Бывший рабочий (до избрания в исполком Совета Курнаков работал на одной из мельниц Петропавловска), пользовался большим авторитетом среди трудящихся города. Достаточно сказать о том, что, будучи комиссаром Совдепа в апреле 1918 года на общем собрании Совета профессиональных союзов Петропавловска Курнаков был еще избран председателем президиума Совета союзов.

Весной 1919 года Колчак объявляет широкую мобилизацию белой армии, в связи с готовившимся наступлением на Советскую республику. Одновременно колчаковская охранка прилагает все усилия, чтобы укрепить и «обезвредить» тыл. С помощью провокатора местным властям удалось выявить подпольную тюремную группу. Это известие вызвало замешательство, близкое к панике, в среде белогвардейцев. 11 марта 1919 года в Омск срочно была направлена секретная телеграмма на подпись председателя Петропавловской судебной следственной комиссии: «По политическим соображениям необходимо разгрузить Петропавловскую тюрьму по крайней мере на 50 человек — видных деятелей-большевиков... Прошу срочно войти в переговоры с Министерством юстиции об отправке этих лиц в Александровскую тюрьму... О результатах телеграфируйте».

Разрешение на отправку пришло через 2 дня. Однако, несмотря на спешку, операция неожиданно была приостановлена. Возможно, понадобилось время для уточнения списка подпольщиков. Но вернее всего, задержка с «разгрузкой тюрьмы» была вызвана решением освободиться от опасных лиц иным способом. В период колчаковщины он широко применялся по отноше-

нию к томящимся в белогвардейских застенках большевикам. Способ этот заключался в инсценировке побега заключенных и последующем расстреле «при попытке к бегству».

Подготовка к готовящейся расправе проходила в глубокой тайне. Несмотря на это, большевикам удалось узнать поименный список и дату отправки. Подлинный же зловещий смысл операции им был неизвестен. Вспоминает Филипп Романович Зайцев: «13 апреля 1919 года к нам на квартиру пришел неизвестный товарищ и сообщил, что завтра брага будет отправлена в Александровскую тюрьму. Свидание с братом состоялось с большим трудом, разговор был короток: 2-3 секунды. Петр толково крикнул: «Передай маме горячий, сердечный привет!».

В тот же день, с наступлением темноты началась «операция» заключенных. О том, как она проходила, рассказывает Я. Д. Левченко: «Около 12 часов ночи около тюрьмы раздался выстрел, мы насторожились и начали смотреть в окно, из которого был виден вход в тюрьму. Увидели, что в тюрьму идут казаки. Спустя некоторое время начали выводить заключенных, кого - мы пока не знали. За оградой тюрьмы стояли подводы. Слышим грубую команду: «Ложись вниз лицом!». Это «рассаживали заключенных на подводы». После увоза заключенных мы через несколько минут узнали, что увезли всех, о которых было решение следственной комиссии «содержать до суда Учредительного собрания». Всего 22 человека...

Подводы с задыхающимися под пологими людьми в сопровождении усиленной охраны казаков двинулись по безлюдной дороге в сторону железнодорожной станции Асаново, к месту расправы....

Рядом с грунтовой дорогой, ведущей в город, у края села Асанова стоит скромный памятник. На этом месте в ночь с 13 на 14 апреля 1919 года, согласно задуманному сценарию, были загублены казаками политзаключенные «при попытке к бегству». Чтобы операцию узаконить, в Асаново в спешном порядке прибыл председатель Петропавловской белогвардейской судебной-следственной комиссии.

Боясь огласки, палачи спешили замести кровавые следы. Но они просчитались. Одна из первых о случившемся узнала мать Петра Зайцева, Ксения Федоровна. Предчувствуя недоброе, она в ту ночь дежурила у стен тюрьмы. Увидев подводы, мать все поняла и бросилась разыскивать лошадь, чтобы от-

...рваться следом. В Асаново она добралась на рассвете, 14 апреля, вместе с младшим сыном — Филиппом. Вот строки из воспоминаний Филиппа Романовича Зайцева: «Нас с матерью заперли в сарай и приказали не выпускать до скрытия трупов. Однако поздно вечером нас выпустили и мы шли по линии железной дороги до станции Петропавловск».

Искоре слух о зверской расправе у станции Асаново распространился по городу, и тогда власти вынуждены были сделать то, что не входило в их планы: разрешить похороны.

Этот факт погребения на кладбище своих политических противников был исключением из правил. Хотя трудно было назвать погребением ту мрачную процессию, которая проходила здесь в один из апрельских дней 1919 года. Белогвардейцы не испытывали злобной досады. Родственники на похороны не допускались. В большой спешке тела погибших были грубо сброшены в специальную траншею, а на могиле установлен большой черный крест для устрашения обывателей...

После гражданской войны это кладбище оставалось действующим еще два десятилетия. Сегодня о нем напоминают только братская могила борцов за Советскую власть, да бывшая кладбищенская церковь.

Неумолимое время перекроило карту города, стерло на ней многие обозначения, широко раздвинуло его границы и изменило весь архитектурный облик. Только память осталась нетленной. Ибо не властно время над памятью о тех, кто отдал жизнь за народное счастье.

1984 г.

ЛЮДИ ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ

В январе этого года решением городского Совета народных депутатов одной из новых улиц Петропавловска присвоено имя нашего земляка, замечательного коммуниста, активного участника подпольного молодежного движения в период колчаковщины Петра Прокофьевича Софронова.

Жизнь Софронова сложилась так, что еще молодым он уехал из Петропавловска. Но родного города никогда не забывал и используя любую возможность, чтобы навестить его. При этом он неизменно останавливался в домике по улице Октябрьской №126, где жили его родители, младший брат Михаил.

В 1971 году в издательстве «Казахстан» вышла скромного размера книжка под названием «Люди вечной юности». В ней вошли воспоминания соратника Софронова по подпольной борьбе, ветерана партии (ныне покойного) Архипа Кузьмича Бочагова. Это первое и единственное на сегодня издание, где есть сведения о Софронове.

Но Бочагов ждало разочарование: в книжку, по известным причинам, вошел далеко не весь собранный материал. И прежде всего отсутствовал тот, в котором шла речь о репрессированных товарищах.

Позже первоначальный текст воспоминаний - несколько листов с документами - Бочагов передал на хранение в 71 государственный архив Северо-Казахстанской области. При этом акт передачи он сопроводил примечательной запиской: «Пройдут годы, и все эти человеческие документы, поверьте мне, будут иметь исключительный интерес и значение»...

...В июньские дни 1918 года, сразу после белочешского переворота, в Петропавловске возникла первая подпольная молодежная ячейка, в июле - вторая, в августе - третья. Среди юношей, включившихся в опасную борьбу, членами партии были двое - Софронов и Бочагов.

Непосредственным участком пропагандистской деятельности 19-летнего Софронова в те дни стал самый крупный профессиональный союз Петропавловска - союз металлистов. Тогда же впервые он пробует перо в революционной газете «Рабочий», издание которой было прервано колчаковской жандармерией на восьмом номере.

10-е число девятнадцатого года в связи с наступлением частей Красной Армии на Восточном фронте Колчак объявил всеобщую мобилизацию. Уклонявшихся судил военно-полевой суд, приговор которого был однозначен: расстрел. Крепя сердце, ряд молодых подпольщиков, подлежащих призыву, была вынуждена надеть форму. Утешала мысль: при первом удобном случае перейти на сторону Красной Армии. Так были мобилизованы Бочагов, Аксенов, Софронов и другие.

Место и точная дата дезертирства Софронова неизвестны. Известно только, что в ноябре 1919 года он находился в Омске, где работала тогда Особая комиссия по рассмотрению дел дезертирских и перебежчиков.

1-го февраля 1920 года Софронов был назначен в Омске на должность инспектора губернского отдела народного образования, а вскоре партийная организация отдела выбрала его своим секретарем. Тем временем в Петропавловске энергично продолжали добиваться его возвращения. И вот, наконец, 14 октября 1920 года Софронов получает удостоверение губернии, дающее ему право выехать в Петропавловск. На следующий день, 15 октября, он был назначен на должность заведующего политпросветом Петропавловского отдела народного образования.

Через год поле пропагандистской деятельности Софронова расширилось: Акмолинский губком назначает его редактором газеты «Мир труда». На ее страницах он выступал как автор статей, в которых остро поднимались насущные проблемы дня.

Проработав редактором до сентября 1922 года, он назначается заведующим отделом пропаганды Оренбургского губкома партии. Но прежде чем повести рассказ о дальнейшей судьбе Софронова, наверное, будет справедливым хотя бы кратко остановиться на биографии другого человека, ставшего самым близким другом, а в трудные годы испытаний — моральной опорой. О политических симпатиях выпускницы Петропавловской гимназии Ольги Черкашиной в период колчаковщины имеются скудные, но достаточно красноречивые сведения. Известно, что в подпольные «девятки» девушки не входили. Это не означало, однако, что среди них не было посвященных, сочувствующих и оказывающих посильную помощь в борьбе. О решительном характере Черкашиной, думается, говорит и такой поступок: Ольга становится женой Софронова в довольно

драматический период жизни ее друга, которого силой мобилизовали в белую армию.

Не прошло и года после назначения Софронова в Оренбурге как молодая семья снова засобиралась в дорогу. На этот раз на учебу в Москву. В столице талантливому организатору и пропагандисту предложили повременить с учебой и перейти на работу в Московский уездный комитет партии. Начав с должности инструктора, 25-летний Софронов через год становится секретарем Московской уездной партийной организации. По ходу своей деятельности Софронов являлся делегатом всех проходивших тогда партийных форумов (до 1931 года) и, конечно, не мог не быть в поле зрения Генерального секретаря. Судя по развернувшимся событиям, это внимание не было дружеским. Что могло раздражать в нем Сталина?

Думается, на этот вопрос в какой-то степени ответил сам Софронов в одном из писем жене, написанном многими годами позже, уже после того, когда ему удалось завершить учебу в Москве: «Сказать откровенно, сколько бы я ни стремился овладеть специальными знаниями, я никогда (это я давно понял) не чувствовал к ним того влечения, которое жило и живет во мне к наукам политическим. Именно эти последние - моя стихия...».

Увлечение политическими науками в годы всеобщей подопытности не могло не привлечь к себе настороженного внимания. Со временем был подыскан и повод для того, чтобы свести счеты с незаурядным человеком.

Вспоминает Ольга Николаевна: «В 1931 году на Люберецком заводе (г. Люберцы Московской области) из-за финансовых затруднений была задержана зарплата рабочим. Петри вызвал Сталин, и хотя все это быстро уладилось, начались гонения...».

После беседы со Сталиным Софронов от должности секретаря был освобожден. 1931 год станет поворотным в его жизни. Но тогда ничто еще не предвещало зловещего будущего. Разговор со Сталиным в общем-то закончился миром: Софронову предложено осуществить, наконец, планы, с которыми он приехал восемь лет назад в Москву, и приступить к учебе. Осенью он поступил в сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

Время окончания академии (1933 год) совпало с решением партии об образовании политотделов в сельском хозяйстве. У Софрона богатый опыт пропагандистской деятельности, Софронов не сомневался в том, что будет направлен на работу в политотдел. Но чья-то рука вычеркнула его из списка. Летом этого года он получает назначение на должность директора Заглязинского зерносовхоза Бугуруспанского района Оренбургской области.

Об этом периоде Ольга Николаевна вспоминает: «Он так 열심히 работал, что результаты сразу же сказались. Я это говорю на основании того факта, что его готовили на представление к ордену...». Но не награда ждала Софронова, а хмурый осенний день 1934 года, когда без предъявления обвинения он был арестован сотрудниками НКВД и отправлен в Москву в Бутырскую тюрьму. Вскоре выносится приговор: ссылка на Север сроком на 5 лет. До конца дней своих он будет верить в торжество справедливости, а также в то, что с ним происходят горькие недоразумения.

Оптимизмом дышат его письма из ссылки, которую он ошибочно считал последним тяжким испытанием.

Летом 1939 года срок ссылки закончился. И так как в Москве Софронову было запрещено жить, семья решила переехать в родной город. Неприветливо встретил Софронова Петропавловск. По словам Ольги Николаевны, куда бы ни обращался муж для устройства на работу, ему отказывали, иногда в вежливой, но зачастую в грубой форме. Наконец, после долгих мытарств Софронову удалось устроиться агрономом в Тарангульскую МТС. Но это не дает ему возможности соединиться с семьей.

Трудно предсказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Софронова на североказахстанской земле, только неустанно хлопотавшая Ольга Николаевна в апреле 1941 года добилась разрешения на перевод мужа в Рязанскую область - поближе к Москве.

В мае Софронов получил место главного агронома в совхозе «Первомайский» Рязанской области. А через месяц он узнает о начале Великой Отечественной войны. Это покажется странным, но именно в этот день для Софронова, как ему казалось, блеснули луч надежды. Надежды восстановить свое чes-

тное имя, честь коммуниста. Будучи фактически инвалидом (результат ссылки), он страстно рвался на фронт. И вот после настойчивых просьб, наконец, получена долгожданная повестка.

О том, что произошло, дальше, узнаем из рассказа Ольги Николаевны: «Мы (я и моя дочь) стали торжественно соби- рать Петю на фронт. Я имею в виду и рабочих совхоза, ко- ные очень его любили за честность и прямоту. Я поехала с ним провожать (райцентр был в 10-ти километрах от совхоза) и ко- да мы приехали в военкомат, то обнаружилось следующее: Петя должен был идти в штрафную роту. Только мое вмеша- тельство приостановило это дело, и мы приехали обратно в совхоз. »

А вскоре за этим страшным ударом обрушился другой: «об- винение «во вредительстве». На основании этого «обвинения» Рязанский областной суд приговорил Софронова к смертной казни с заменой на 15 лет каторжных работ при строгой ин- тации...

В областном архиве хранятся несколько писем Софронова с каторги (он имел право на два письма в год). Их передала жена. На конвертах обратные адреса: Караганда, Джезказган, Бал хаш. К письмам подшиты копии двух справок, свидетельству ющих о посмертной реабилитации - из Московской прокурату- ры и Рязанского областного суда.

Точная дата смерти Софронова неизвестна. Последнее пись- мо родным было написано в июле 1951 года по его просьбе кем-то из заключенных. Писать сам Софронов уже не мог, так как был тяжело болен...

Пожалуй, самое удивительное в истории этой многострадаль- ной жизни - величие духа человека. Никакие страдания, ника- кие лабиринты унижений не сломали в нем человека и гражда- нина. Об этом свидетельствуют письма, которые нельзя чи- тать спокойно.

Более двадцати лет назад А.К. Бочагов впервые познако- мился с ними. Потрясенный, он написал следующие строки: «Эти письма - свидетельство большого человеческого муже- ства, глубокой партийности, трогательной заботы о своих близ- ких и полного умолчания о собственных невыносимо тяжелых физических и нравственных муках...».

1988 г.

ДОКУМЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Военный коммунизм в Северном Казахстане

Сейчас весь гвоздь политического момента состоит в том, мы переживаем как раз переломный, переходный период..., и от войны мы переходим к строительству хозяйственно-но бывало и прежде, но не бывало в таких широких разме-

«В этом задача всей нашей пропаганды...» - так говорил 22 ноября 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин. Известно, что съезд утвердил первый хозяйственный план, который должен был «встать перед Россией как великий пятилетний план, рассчитанный не меньше чем на 10 лет и выполняющийся, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

Перелистываю пожелтевшие страницы местной газеты «Мир труда» первых недель переломного 1921 года и почти не нахожу материалов, которые могли бы стать логическим продолжением решений Всероссийского съезда. Вот характерные заголовки статей: «Красная Армия, добей бандитов!». «Коль войши, так по-военному». «Банды бегут», «Нейтралитет обычных», «Сводки с кулацко-бандитского фронта». Тут же приказы начальника Петропавловского войска. «Всем коммунистам и кандидатам без различия пола, - говорилось в одном из них, - завтра в 6 часов утра собраться в театре «Новый свет» для разбивки. Все неявившиеся будут считаться дезертирами Красной Армии».

Так на страницах газеты отразились дни Ишимского восстания крестьян, одного из очагов крестьянских волнений в республике в феврал-марте 1921 года.

Два месяца, начиная со второй половины февраля, «Мир труда» продолжал печатать скорбную информацию о погибших от рук «золотопогонных колчаковцев» - так газета называла восставших крестьян. Правда, слово «скорбь» меньше всего подходило к такой публикации, так как, по мнению ее авторов, жертвы были принесены во имя грядущей мировой революции.

О потерях в рядах «бандитов» не сообщалось. Сколько их? Сегодня на этот вопрос, думаю, никто не сможет дать ответа.

Впоследствии политическую обстановку, которая сложилась в стране в этот период, В.И. Ленин охарактеризует как «самый большой внутренний кризис Советской власти». Между тем еще год тому назад ничто, казалось, не предвещало такого драматического исхода событий.

Сочувствие частям Красной Армии, сметающей на своем пути колчаковский режим, широко проявилось и на нашей степной рокахастанской земле. Примеров тому немало. Об этом достаточно красноречиво говорят строки из резолюции первого уездного съезда волостных и станичных ревкомов (съезд проходил в Петропавловске в декабре 1919 года). «Мы, крестьяне и казаки, сплотившись в дружную трудовую семью, поддерживаем всеми силами геройскую Красную Армию и голодающих рабочих. Сломим последнее сопротивление врагов трудового народа и построим своей мозолистой рукой новую светлую жизнь! Да здравствует Всемирная Советская республика и братский союз трудящихся всех стран!».

Примечательно, что среди сельских жителей самую активную поддержку Советской власти в тот период оказывали казаки. «В начале прихода Советской власти все распоряжения в казачьих станицах выполнялись быстрее, чем в крестьянских волостях» - это слова из отчета заведующего информационным отделом Петропавловского ревкома.

Почему же через год на смену торжественным заверениям и единодушной поддержке пришли разочарование, лютая ненависть, которая в конечном итоге вылилась в восстание? Причем в Западной Сибири оно наиболее массовый и ожесточенный характер носило в Петропавловском уезде.

Период из истории нашей страны, когда осуществлялся курс «прямой линии», довольно слабо освещен в исторической литературе. Между тем в материалах областного государственного архива (в том числе и в документах, которые недавно с раскритичены) эпоха военного коммунизма отражена достаточно широко.

Вот о чем они рассказывают.

С первых дней установления Советской власти крестьяне и казаки уезда с пониманием отнеслись к объявленной продовольственной политике, т.е. к продразверстке.

Из резолюции первого уездного съезда волостных и станичных ревкомов есть и такие слова: «Мы обещаем, чтобы ни один фунт мяса, мясных и прочих продуктов питания, имеющихся в избытке у населения, никуда не сбывать и чтобы все излишки были доставлены и сданы на ссыпные пункты продовольственных комитетов».

Для первых дней после освобождения североказахстанской земли от колчаковских войск характерны и другие документы – это письма крестьян в Петропавловский ревком с просьбой о помощи.

Отсылочность на коллективном письме из сел Богдановки, Петровка, Святодуховки. Поддерживая продразверстку, крестьяне все же просили обратить внимание на их бедственное положение: три четверти хлеба было на корню, т.к. ход боевых действий совпал со временем жатвы, на руках у них остались только сибирские (колчаковские) деньги, которые Советская власть объявила недействительными, ко всему этому большая часть крестьян была лишена лошадей и телег – все это было отображено белыми при отступлении. Письмо заканчивалось словами: «Покорнейше просим дать содействие бедному крестьянству, куда оно вложило все свои силы и остается в настоящий момент в настоящем разорении».

К этой безрадостной картине нужно еще добавить, что с 1 января 1920 года началась охватившая весь уезд эпидемия тифа.

Больно ударил по крестьянству и неудержимый рост цен, вызванный инфляцией. Это было время, когда в стране отсутствовала единая финансовая система: в ходу оставались и царские деньги, и облигации «Займа Свободы» периода Временного правительства, и кредитные билеты РСФСР, и даже временные кредитные билеты Туркестанского края. Запрещались только деньги, выпущенные колчаковским правительством. В то время, когда цены на промышленные товары постоянно росли, продразверстка проводилась по низким государственным ценам.

Волновало крестьянина и то, что разверстка не была нормированной, ее размер зависел от размера урожая, при этом список отбираемых продуктов постоянно расширялся. Если весной 1920 года разверстке подлежали хлеб, крупы, масло живогное и семена масличных культур, то летом и осенью того же года в этот список дополнительно были включены мясо,

яйца, картофель и другие овощи. Таким образом, к концу 1920 года была установлена государственная монополия на торговлю практически всей сельскохозяйственной продукцией.

Крестьянин, рискнувший вывезти, например, картофель на рынок, немедленно подвергался аресту и суду. Вот что гласит по этому поводу один из пунктов специального распоряжения Совнаркома: «Виновный в систематическом сбыте продукции питания, монополизированных республикой, подвергается наказанию на срок не менее 10 лет, соединенному с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества».

Если раньше крестьянин пользовался услугами некогда богатейшей сибирской кооперации, то теперь и этот путь сбыта сельскохозяйственной продукции для него был закрыт.

Настоящим бедствием становились для крестьян еще и многочисленные повинности, выполнение которых было строго обязательным, даже если они приводили к остановке сельскохозяйственных работ. Наиболее тяжелой повинностью была подводная. В своем отчете за март 1920 года член Петропавловского ревкома Федоров подводную повинность назвал одной из главных причин невыполнения плана по продразверстке: «...крестьянство измучено подводной повинностью, кроме перевозки хлеба, дров и сырья, по уезду за счет той же подводной повинности ездят агенты разных учреждений... В селах близлежащих от сыпных пунктов и железных дорог, где подводная повинность особенно тяжела, жители продают за бесценок дома и уезжают подальше...».

В том же отчете называлась еще одна не менее серьезная причина низких темпов продразверстки: «Замечна некоторая запуганность и забитость среди крестьян. Очевидно, население боится высказывать свои нужды и обиды. Причины этого кроются в нежелательных явлениях произвола и насилия со стороны отдельных агентов разных учреждений, многократной опеке, заставляющей жить крестьян и казачество в атмосфере постоянных угроз и площадной ругани... В особенности отличаются в терроризировании населения этапные коменданты. Так, комендант 7 этапа, стоявшего в Богодуховке, в резкой форме требовал не только предоставления подвод, но также и полушубков для своих сотрудников, угрожая за невыполнение приказа судом военно-революционного трибунала...».

Ни угрозы и произвол указал в своей информации также агитатор кишиневского отдела при ВЦИК Ичкинов, посетивший в апреле 1920 года станицы Петропавловского уезда: «...население относится к Советской власти... даже кое-где очень сочувственно. Но когда дело касается до распоряжений и указаний, граждане говорят, что они не против Советской власти, а против тех, кто губит хлеб. Против тех, кто приказывает во время распутицы молотить хлеб, при этом не разъясняя дело, а бьет кулаками и угрожая. В этом отношении обострение весьма даже неблагоприятное. Население успокоилось, когда узнало, что по этому поводу будут приняты меры... Трения начинаются там, где проходят репрессии, благодаря нашим мероприятиям, которые очень резко и бестолково носят по селу».

О том, что насилие становилось повсеместным, свидетельствуют жалобы из сел. Приведу одну из них. Председатель Петришинского волостного ревкома в своем заявлении в Петропавловский революционный комиссариат по военным делам сообщил следующее: «17 июня в поселок Грушовку прибыл срядом член коллегии райпродкома тов. Проводов, который после произведенного выстрела произвел обыск граждан на именинного поселка. Услышав выстрелы, люди растерялись. Кроме того, тов. Проводов, явившись в помещение волревкома, жестокими руками и стучал по столу...».

Однако ни жалобы, ни честные отчеты коммуниста Федорова ничего не меняли. Возможно, это было потому, что слова «террор», «насилие», непосредственно ассоциировались со словом «революция», кроме того, «нежелательные явления» могли показаться мелочью на фоне открывающейся перспективы мирового революционного движения.

Нот строки из резолюции апрельской 1920 года Петропавловской партийной конференции: «...Революционные вспышки по всему миру говорят нам за то, что недалек час, когда колоссальный пожар коммунистической революции ярким заревом охватит всю землю. Наша партия и в дальнейшем пойдет по пути жестокости и подавления буржуазии, вплоть до полного уничтожения ее...».

В архиве хранятся многие приказы характеризуемого здесь периода - это пожелтевшие, небольшого размера листки, отпечатанные типографским способом. Их расклеивали на видных

местах, зачитывали на собраниях и сходах. Большая часть приказов издавалась Петропавловским ревкомом, а с июля 1919 года - уездно-городским исполкомом. Все эти документы - яркие свидетели времени, в котором правило насилие, все они писаны языком вражды и угроз.

Так, крестьянина, пытавшегося уменьшить посевную площадь, приказ от 10 мая 1920 года предупреждал: «Темные и невежественные люди, а в некоторых случаях и сознательные негодяи хотят помочь врагам Советской власти путем сокращения посевной площади. Петропавловский ревком заявляет что все лица, уличенные вумышленном сокращении посевной площади, а также все волостные, станичные и сельские ревкомы, не предпринявшие меры к увеличению засева и проявившие небрежность в этом вопросе, будут привлечены к самой строгой ответственности по законам революционного времени».

Суровое наказание ждало и того, кто пытался обогатить свою судьбу, сменив место жительства: «...все задержанные на железной дороге лица без специальных разрешений на проезд, гласил другой приказ Петропавловского ревкома от 15 апреля - будут арестовываться и привлекаться к принудительным работам, а волостные сельские ревкомы, дающие удостоверения на право проезда, будут привлекаться к ответственности».

Значительная часть этой официальной переписки сводилась к требованию ужесточить меры по проведению продразверстки. Например, специальной инструкцией губпродкома от 8 мая 1920 года ответственность за разверстку объявлялась коллективной (если не продал хлеб один, то другой отвечает своим хлебом). Кроме того, из крестьян, не продавших хлеб, согласно инструкции, в наказание следовало формировать отряды полувосного образца для обмолота хлеба.

Еще более решительных действий требовал в телеграмме от 20 июня председатель губревкома Ширяев: «Если в течение недели, несмотря на брошенные силы, не будет приступлено к обмолоту и вывозке хлеба, упродкомы посылают вооруженные отряды... Если ежедневная ссыпка хлеба не будет доведена в Петропавловском уезде до 75000 пудов, площади ждаты от армии, проливающей кровь на фронте, и голодающего пролетариата не придется...».

Важным тем проходили установленные сроки, а план по производству не был выполнен даже наполовину. Не обнадежили и будущий урожай засушливого 1920 года. Да и крестьянин уже не тот: теперь он ловчил, прятал хлеб, угонял скот, обманывал с продовольствием, а то и открыто уходил в «бан-

11 ноября 1921 года Петропавловск посетил председатель ЦК М. И. Калинин. В своем выступлении перед партийными и советскими работниками он призвал активизировать производство, при этом посоветовал «не падать духом в борьбе с трудностями», так как «каждая новая идея, которую нужно внедрить в рабочее сознание, в обывательские головы, требует огромной, продолжительной работы». В том, что будущее не продрозверткой, докладчик не сомневался.

Первый грозный сигнал о надвигающейся катастрофе поступил еще в августе из Всесвятского района. Здесь объявил о своем отряде «зеленых» в количестве 200 человек. Разогнав уполномоченных по продразвертке, восставшие предъявили требования о свободе торговли.

В первых числах сентября 1920 года выступление «зеленых» было подавлено частями Красной Армии. По этому поводу в приказе председателя исполкома Петропавловского Совета говорилось: «Кучка бандитов благодаря энергичным действиям красноармейцев быстро раздавлена. Все зачинщики мятежа, сопротивлявшиеся нашим отрядам, были уничтожены. Сдавшиеся и пойманные бандиты ответят по заслугам перед революционным трибуналом...». Но расправа над «зелеными» лишь обострила ситуацию: из сел сведения о «бандитах» стали поступать все чаще. В первых числах февраля 1921 года отдельные группы восставших на территории Петропавловского уезда объединились в так называемую «Народную армию». Оставляя кровавый след, она двинулась на Петропавловск...

В то время, когда работал исторический съезд партии, на обильно политой кровью североказахстанской земле стояли грифельные дни и очень многие публикации местной газеты «Мир труда» будут начинаться словами: «Еще одна жертва...».

Политика военного коммунизма вызывала недовольство не только в селах, но и городах страны. «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая с лозунгами свободной торгов-

ли, - говорил по этому поводу Ленин. - И это настроение сказало-
лось на пролетариате очень широко, оно сказалося на целом
ряде пунктов провинции».

Это настроение не могло не сказаться и на нашем городе
если учесть, что Петропавловск обязан своим ростом и разви-
тием прежде всего торговле. Это настроение сказалося прежде
де всего среди тех, против кого был направлен Декрет о ликви-
дации государственной монополии на торговлю: владельцев магази-
нов, лавок, купцов, торговых посредников и т.д. Против них, как
всей торговли в целом, тотальная война в Петропавловске
водилась в несколько этапов.

В середине ноября 1919 года Петропавловский ревком на-
ционализировал все магазины, лавки, ларьки и т. д., как кон-
тораторов, так и частных владельцев, а заодно конфисковал
товары. Далее последовала конфискация «излишек» личного
имущества торговцев. В областном архиве хранится акт кон-
фискации личных вещей бывших хозяев лавок, расположенных
на меновом дворе (ныне территория завода МЛД). Вследствие
распоряжения Совнархоза об изъятии вещей домашнего хар-
актера, принадлежащих разным лицам в складах менового двора,
- говорилось в документе, - комиссия в составе представи-
телей от Совнархоза, Чрезвычайной комиссии, профбюро, ком-
мунального отдела Петропавловского ревкома конфисковали
сапоги старые, продукты, сундук с бельем, умывальник, тюк
перинной...». Далее шел длинный перечень личных вещей, боль-
шая часть которых из-за ветхости была уже не пригодна к упо-
треблению.

Окончательно же судьба торговцев была решена накануне
выборов в уездно-городской совет. В начале июня 1920 года в
местной печати было опубликовано общее положение о выбо-
рах в Советы, в котором сообщалось, что наряду с лицами, при-
бегающими к наемному труду, служащими религиозных куль-
тов, бывшими офицерами белой армии и служащими, не всту-
пившими в профсоюз, избирательного права лишались также
торговцы и торговые посредники.

Конечно, самые суровые законы применялись к «бывшим»,
но конфисковать пишущую машинку, электрические лампочки,
меха, ковры и т.д. могли у любого жителя города, сославшись
на тот или иной приказ. Чаще всего приказы о конфискации лич-
ных вещей издавались Петропавловским ревкомом. Вот, на-

...» о чем гласил приказ ревкома от 26 мая 1920 года: «Всем жителям Петропавловска, имеющим граммофоны, пластинки и принадлежности к ним, в непродолжительный срок сдать в Петропавловское уездное агентство «Центропечать...».

Другой приказ за подписью военного комиссара требовал: «Служащим военному и гражданскому населению, имеющим какое-либо обмундирование, в пятидневный срок со дня объявления настоящего приказа сдать таковое, кроме обуви, в отделение вверенного мне комиссариата...».

Житель города, владеющий лошадей и телегой или только телегой, обязан был, как и крестьянин, нести подводную повинность. Городская подводная повинность вводилась приложением Петропавловского совнархоза от 27 января 1920 года. С этого дня право распоряжаться трудом вышеназванных владельцев переходило транспортному отделу совнархоза. Тем же приказом запрещались купля и продажа лошадей и самовольный выезд за пределы города.

Почти в каждом приложении к газете «Мир труда», за период с конца 1919 года по январь 1921 года, в разделе «Объявления» печатался длинный список фамилий тех, кто бежал из формы принудительных работ. Такова была реакция на основную повинность эпохи военного коммунизма - трудовую. Скрывавшиеся от трудовой повинности не обязательно являлись трудящимися, хотя Декрет о всеобщей трудовой повинности преследовал и воспитательные цели. Главная задача декрета была политической: привлечь буржуазию к обязательному физическому труду, чтобы освободить рабочих для другой, более важной работы.

«Петропавловский ревком объявляет мобилизацию в городе и в уезде бондарей с инструментами. Все подлежащие мобилизации, - оповещал приказ от 27 июня 1920 года, - должны в трехдневный срок со своими инструментами зарегистрироваться в Укомтруде. Виновные в уклонении от мобилизации и за укрытие инструментов будут привлекаться к суду революционного трибунала».

Особые меры применялись к тем, кто не имел нужных трудовых навыков или чья деятельность была запрещена - это домохозяйки, бывшие служащие белогвардейских учреждений, бывшие кооператоры и торговцы и т.д.

Согласно приказу Комитета по проведению трудовой повинности, эталица должны были в указанный срок явиться на призывные пункты для медицинского осмотра и срочного назначения на физическую работу. В случае неисполнения приказа Комитет предупреждал, что «виновные в неисполнении будут заключены в Дом принудительных работ, а оставшиеся символично работы подлежат заключению в концентрационный лагерь»...

Концентрационный лагерь в Петропавловске был открыт 26 мая 1920 года. Первые недели он размещался в бывшем лагере для военнопленных. Рабочая сила сюда доставлялась прежде всего в результате облав, которые проводили милиция и подразделения воинских частей, расположенных на территории города. Местом облавы чаще всего была городская барахолка. Об отношении горожан к подобному роду мероприятий думаю, красноречиво говорят материалы двух судебных дел.

Первое дело возбуждено было против Волокитина Михаила, 25 лет, рабочего, безграмотного. Волокитина арестовали во время облавы за то, что, по показанию свидетеля, он «...собрал на толкучке толпу народа и стал вести агитацию против Советской власти, сказав при этом об облавах, что силою никто не заставит работать»...

По второму делу обвинялся Мамаев Василий, 26 лет, разнорабочий, инвалид. Оказавшись во время облавы на барахолке, Мамаев пожаловался красноармейцу: «Меня коммунисты чуть не убили». За эти слова, как и Волокитин, он был обвинен в агитации против Советской власти. «Пошел на барахолку - хотел купить табаку, - оправдывался на допросе Мамаев. - Тут закричали: «Облава!» Все бросились кто куда. Меня в это время сшиб товарищ, ехавший на лошади. Чуть-чуть не разбил мне голову...».

Судя по докладной записке председателя уездного Комитета труда Шишкина, облавы и другие меры принуждения ожидаемого эффекта не приносили. Обращаясь в Петропавловский ревком, Шишкин с возмущением констатировал следующее: «Проезжая через барахолку, невольно пришлось обратить внимание на сборище людей. Пост милиционера отсутствовал. После того, как я задержал одного сотрудника коммунального отдела, во время занятий шатающегося по барахолке, то некому его было сдать, т.к. не нашел милиционера. Запрещенные

...хлеб, масло, яйца и т.д. продавались бесконтроль-
но. Далее председатель Комитета предлагал применить свой
способ борьбы с теми, кто уклонялся от принудительных ра-
бот: «Поймать всех дезертиров считаю возможным путем
массовых облав. Для этого необходимо Укомтруда снабдить ору-
жием без которого по темным улицам Петропавловска всякая
попытка всякий подступ к обыску сопряжены с опасностью для
жизни».

В той же докладной записке приведены результаты реви-
зии петропавловского концентрационного лагеря: «Состояние
лагеря плохое, всюду грязь, пищевые отбросы, целые вороха
тряпок, разных тряпок, и все это громадными горами валяется
под ногами. Пища приготавливается рабочими из числа арес-
тованных, вместо того, как они должны по тюремному режиму
нести тяжесть принудительных работ... Из лагеря происходят
частые побегии... Тут же без учета военнопленные австро-
германской войны»...

Большая часть рассекреченных год тому назад докумен-
тов данного периода проливает свет на деятельность вездесу-
ющей уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контррево-
люцией, саботажем и преступлением по должности. Судя по
документам, чекистов больше всего интересовало настроени-
е горожан: девять десятых всех политических дел, хранящихся
в архиве, возбуждены против жителей Петропавловска.

О неограниченной власти ЧК свидетельствует секретная ин-
струкция Кирвоенкома от 2 декабря 1919 года: «За подписью
председателя комиссии, - говорилось в документе, - выдаются
ордера на обыски и аресты, пропуска, освобождаются аресто-
ванные... Обвиняемое лицо приглашается в комиссию, где де-
журный следователь снимает предварительный допрос и зак-
лючает под стражу. После этого гражданские и уголовные дела
передаются в народный суд, политические дела, если деяния
предусматривают высшую меру наказания, то такие дела пе-
редаются в Революционный трибунал».

Из документа видно, что ни одно судебное дело не могло
уйти от недремлющего ока чекистов.

Судя по документам, аресты и обвинения в контрреволюци-
онной деятельности подстерегали обывателя на каждом шагу.
В этой связи приведу еще два типичных политических дела.

Первое было возбуждено против бывшего военнопленного офицера австрийской армии Отто Рейцнера, 30 лет, который в 1915 до конца 1919 года маялся в лагерях для военнопленных. На момент ареста работал в одной из городских аптек. Дело Рейцнера Чрезвычайная комиссия передала в городской народный суд. По второму делу обвинялась Сивкова Александра Петровна, 49 лет, домохозяйка, мать двоих детей. Дело Сивковой, предусматривающее особое расследование и наказание, чекисты передали в губернский революционный трибунал.

Рейцнер был арестован при следующих обстоятельствах: «14 мая 1920 года в 7 часов вечера в бараке переселенческого пункта состоялся массовый интернациональный митинг, на котором общал в уездную Чрезвычайную комиссию председатели районной секции РКП(б) Оскар Кон. - Одним из ораторов был назван несколько слов правды о делах бывших офицеров, которые в 1918 году были против Советской власти. Эта приписка не понравилась бывшему офицеру австро-венгерской армии Отто Рейцнеру, Во время речи оратора этот бывший офицер, надев фуражку, пошел через весь зал... Я как председатель митинга задержав его, арестовал... После закрытия митинга военком, бывший свидетель этой сцены, дал мне конвоира, которым я отвел Рейцнера в ЧК. Я не хотел отпускать его домой, т.к. полагал, что если сделать обыск через ЧК, то, может быть, найдется больший материал, чем я могу представить».

Из показаний Отто Рейцнера: «...оратор в конце своей речи несколько раз оскорбил бывших офицеров. Мне стало обидно, почему оратор оскорблял всех без исключения? Когда я хотел выйти из зала, т. Оскар Кон сбил мою фуражку с головы на пол, и меня тут же арестовали и привели в ЧК».

Отто Рейцнеру повезло: он отделался несколькими месяцами ареста. Добавлю, что при обыске комнаты, которую снимал Рейцнер, ничего существенного обнаружено не было.

А вот обыск дома Сивковой принес чекистам редкую удачу: в ее сундуке были обнаружены агитационные листки колчаковской армии, избирательные бюллетени периода Временного правительства, календарь за 1914 год, буклет командования царской армии за 1916 год, в котором шла речь о подвигах солдат в дни первой мировой войны.

Положение Сивковой усугублялось еще тем, что она имела неосторожность в присутствии своего квартиранта, который

... главным агентом ЧК, неодобрительно высказаться о
... в обертке. В своем заявлении в Чрезвычайную комис-
... Сивковой доносил, что, «начиная с 17 апреля
... Сивкова агитирует против Советской власти, в чем я
... либо стою у нее на квартире. Раз, приехав из деревни,
... распространять ложные слухи, что когда продотряд при-
... воем, то их крестьяне выгнали кольями...».

... другой агент ЧК, также выступивший в качестве свидете-
... подтвердил показания квартиранта, приведя такие слова
... «Вот настало время, совершенно невозможно жить.
... торговли - хоть умирай с голоду, нигде ничего не
... . Послушайте, что говорят крестьяне, что большевики
... в селах - настоящий грабеж. Забрали почти весь хлеб,
... и скот, а если и оставили по одной шпуде, то взяли на
... . Решить нельзя, значит, никакой нет собственности».

... По самым веским доказательствам, подтверждающим кон-
... контрреволюционную деятельность Сивковой, стал уже упомяну-
... .

... Истны были попытки ее мужа, работавшего смазчиком
... на станции Петропавловск, повернуть следствие в дру-
... русло, оправдать жену. Вот строки из его показаний: «Это
... в 1919 году. При отступлении белых мы ездили с сани-
... тарным поездом за больными и ранеными на станцию Петухо-
... где я набрал разной бумаги для обертки курева и оклейки
... »

... Действительно, в ходе следствия подтвердилось, что бело-
... ардейскую макулатуру Сивкова использовала на домашние
... нужды, не подозревая при этом о ее содержании по той простой
... причине, что была неграмотна. Однако эти обстоятельства не
... влияли на формулировку обвинения: хранение контрреволю-
... ционной литературы и агитация против Советской власти. Ре-
... шением губревтрибунала Сивкова была приговорена к длитель-
... ному сроку заключения в Омском концентрационном лагере.

... Я привела только незначительную часть документов облас-
... ного архива, в которых отразилось сложное время, ставшее
... курсом Ишимского восстания крестьян и резкого поворота
... курса партии, прежде всего, в области экономики страны. Как
... известно, новая экономическая политика была провозглашена
... на X съезде РКП (б).

1991 г.

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Однажды, когда я просматривала подшивку бывшей местной губернской газеты «Мир труда», мое внимание привлекло во многом необычная статья, посвященная памяти двенадцати двух активных борцов за Советы, расстрелянных на расстрельном 10 июня 1918 года в Пятом логу. Статья была напечатана в июньском номере газеты за 1922 год под заголовком «Мертвые победили» и подписана незнакомым псевдонимом «А.А.».

Необычным в ней было все: глубокая личная скорбь автора, его нестандартный подход к теме, живой, яркий язык и, наконец, подробности излагаемых событий, которые мог знать только очевидец. Вот пример: в тексте называлось место, где осужденные на смерть большевики провели последние часы своей жизни. Как известно, в нашем краеведении определенного ответа на этот вопрос не было. В статье по этому поводу говорится следующее: «Поздно вечером избранные народом закованные в наручники, под усиленным конвоем были доставлены в крепость, и здесь все они (22 человека) провели вместе несколько последних часов своей жизни, пока где-то за городом производились зловещие приготовления». О какой крепости пишет автор - догадаться нетрудно, так как в нашем городе была одна крепость, та, на территории которой сейчас расположен ряд цехов завода изоляционных материалов.

Пересмотрев хранящиеся в областном государственном архиве воспоминания участников революционного движения, удалось обнаружить упоминания о крепости, в которой состоялся белогвардейский суд. Об этом вспоминают бывшие члены Совдепа Василий Петрович Соловьев и Артем Андреевич Кулинич. Оба в те дни томились в камерах белой тюрьмы.

Вот что вспоминает А.А. Кулинич: «...Часов в 5 вечера пришел вооруженный отряд, человек 20-30. Мы сидели в камере на втором этаже - против ворот - и все видели. В это время нам принесли ужин. Не успели взять по ложке, как забрякали ключами. Открыли и нашу камеру, надзиратель сказал: «Иванов, выходи!».

...Таким путем из разных камер вызвали 22 человека. Все они были закованы по рукам и ногам в кандалы... Вывели их из тюрьмы часов в 6 вечера и повели в помещение местной ко-

... где сейчас 675-й завод» (под этим номером в годы Великой Отечественной войны работал завод изоляционных материалов). Может возникнуть законный вопрос: почему же раньше приписывали значения этим воспоминаниям? Одна из причин в том (о других речь пойдет ниже), что большинство воспоминаний о революции и гражданской войне, в том числе и те, в которых идет речь, были написаны и частично опубликованы только после XX съезда партии, в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов. Конечно, они не могли избежать задержаний - ведь прошло несколько десятилетий! И это, в свою очередь, явилось причиной определенной доли ностальгической информации в отношении к такой информации.

Важная часть статьи - это тягостная картина расправы над кем-то, по словам автора, «смело стал во главе революции, поднял гордый вызов всему, что стояло на пути революции». Обилие красок, с натуралистическими подробностями, автор рисует страшную картину смерти, выражая тем самым протест против «гноусной и глупой» физической расправы за убийства, против смертной казни как таковой. Свое отношение к «позорному убийству» автор выразил в строках, посвященных талантливому публицисту и поэту Р. Ицкерхесу, также расстрелянному в то июньское утро: «Среди них был поэт, огненные речи которого зажигали сердца, который звал людей к миру и любви, который еще недавно так ярко протестовал против великого человеческого заблуждения, называемого смертной казнью».

И вот эта позиция автора вместе с описанием последних предсмертных минут обреченных вступает в противоречие не только с нашими официальными источниками, но и с запоздалыми воспоминаниями. Вы не найдете в статье упоминаний ни о революционных песнях, с которыми якобы шли на казнь, ни о букетиках незабудок, ни о гордом вызове смерти, ни об упрямах записках на волю: «За нас отомстят!» - то есть всего того, что так хорошо отшлифовано в нашем сознании, основанного на формуле: без жертв не может быть светлого будущего.

Песен, цветов и других лирических моментов не было прежде всего потому, что палачи заранее все до мелочей предусмотрели в своем кровавом сценарии. «Перед рассветом были поданы вонючие автомобили. Осужденных разбили на две партии, и живые трупы двинулись к месту своего упокоения.

Занималась заря. На лугах за рекой среди сетки озер клубились туманы. На откосе чернели две свежие вырытые ямы. Пока расстреливали первую партию, остальные одиннадцать окруженные кольцом конвоя, смотрели и ждали своей очереди...

...И долго еще среди торжественной тишины летнего утра раздавались предсмертные стоны и хрипы, разрозненные выстрелы и злобные ругательства офицеров». Оказывается, осужденных не вели на казнь, а просто в считанные минуты доставили к лобному месту и убивали так, чтобы одни становились свидетелями предсмертных судорог других. Но, может быть, все изложенное - это только воображение автора? Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что автор не отступил от правды. Подтверждением тому служат рассекреченные в конце прошлого года материалы дела штабс-капитана Василия Трунова, принимавшего личное участие в расстреле 10 июня 1918 года.

По делу Трунова, которое вел революционный трибунал весной 1920 года, проходило немало свидетелей, в том числе коммунисты Сергей Яковлевич Малышев, Архип Кузьмич Боников, Эдуард Вацлович Лещинский. Не оставляет сомнения тот факт, что автор статьи «Мертвые победили» был знаком с документами, хотя материалы дела, конечно, гораздо полнее освещают события того памятного черного дня. Есть в деле Трунова и сведения о записках. О последних словах к родным и близким, написанных в крепости в ожидании казни. Записки действительно были, только до адресатов они не дошли. Вот что сообщил в своих показаниях свидетель С.Я. Малышев: «Моя жена в роковую ночь ночевала у своей сестры - жены Трунова и видела его вернувшимся с расстрела, с озверевшими, налитыми кровью глазами... Трунов привез с собой записки от расстрелянных к родственникам, читал их и хихикал над последними словами...».

И, наконец, об авторе статьи «Мертвые победили». В 1922 году он являлся главным редактором газеты «Мир труда». Выяснилось, что псевдонимом «Эхо» подписывал свои статьи сам Петр Прокофьевич. Тот самый Петр Сафронов, который в истории нашего края известен, прежде всего, как один из руководителей тайной молодежной группы, сложившейся в те далекие драматические июньские дни 1918 года.

1990 г.

ПРАСКОВЬЯ И НАСТЯ

Прасковья Саввична Калюжная вместе с семнадцатилетней дочерью Галиной приехала в Петропавловск в 1914 году из города Ялты. Несколько лет раньше здесь поселилась семья Прокофичевых. В 1912 году отец Насти, Михаил Петрович, занявший торговый агентом в одной из контор фирмы «Зингер», получил место в Петропавловске. В то время семья Прокофичевых состояла из восьми человек: двоих взрослых и шестерых детей.

Цели фирмы вынуждали семью довольно часто пересезжать из одного города в другой. Настя, второй ребенок в семье, родилась в 1899 году, когда Прокофичевы жили в Симбирске. Сам Михаил Петрович свою карьеру начинал с ученика портного и ему не довелось учиться в школе, но в детях он поощрял стремление к знаниям и не жалел денег на их учебу. В 1917 году, следом за старшей сестрой Зинаидой, Настя успешно закончила Петропавловскую женскую гимназию.

Накануне приезда в Петропавловск Калюжная, которой в ту пору было уже сорок два года, перенесла тяжелые испытания: смерть сына и развод с мужем. Возможно, эти обстоятельства и были причиной перемены места жительства.

Петропавловск был выбран не случайно: здесь жил ее младший брат Порфирий Саввич Голубов (девичья фамилия Прасковьи Саввичны - Голубова), который приехал сюда несколькими годами раньше.

Сначала Прасковья Саввична и Галина остановились у Голубовых, а затем Калюжная сняла флигель под горой, где жила вдвоем с дочерью, зарабатывая на жизнь шитьем.

Бурный 1917 год разворошил и тихий купеческий Петропавловск, захватив в политический водоворот многих его жителей,

в том числе и уже немолодую Калюжную, и совсем юную Прокофичеву.

Чтобы представить, в какой обстановке начиналась их деятельность, приведу случай, который взбудоражил город и заставил экстренно собраться на заседание городскую думу. В один из майских дней по Петропавловску прошел слух, что в железнодорожной станции находится воинский эшелон: который якобы «везет на фронт женский добровольный батальон». В ответ на такую новость пришедшая в ярость группа солдат и расквартированных в Петропавловске частей царской армии направилась к эшелону с намерением «проучить баб» и «установить их на место». К счастью, женщин в эшелоне не оказалось, но об этом «дремучем» инциденте стало известно в Омске, и городской думе пришлось объясняться.

Нелегко было женщинам в те годы, ломая вековые стереотипы, на равных с мужчинами участвовать в политической борьбе. Неудивительно, что женщин в Петропавловском совете было всего семь человек на сто сорок депутатских мест. Из их имена: Анна Весна - депутат от консервного завода, Любовь Кондакова, Агриппина Пермина, Валентина Лунина - от союза солдаток, Мария Макарова - от союза учителей, Прокофья Калюжная и Анастасия Прокофичева - от городской большевистской организации.

Думаю, что о политических убеждениях Калюжной и Прокофичевой могло бы рассказать то время, в котором они жили и боролись (с декабря 1917 по май 1918 г.). Прежде всего это был период горячей веры всех большевиков в скорую и неизбежную победу мировой социалистической революции, в создание грандиозной мировой советской республики. В то же время провинциальный, торговый характер жизни, города вносил в политическую борьбу свои коррективы. Так, в городском Совете заседали представители целого ряда партий: меньшевики-интернационалисты, большевики, максималисты, левые эсеры, казахские социалисты (партия «Уш-жуз»). Причем все члены большевистской организации с марта до ноября 1917 года входили в партию меньшевиков-интернационалистов.

Тогда в Петропавловске была национализирована только крупная частная собственность, приносящая сверхдоходы. Принятый в столице декрет о церкви никак не отразился на активности прихожан. В церковные праздники, оставшиеся выход-

...иными, члены Совдепа продолжали посещать храмы. Еще произошли здесь кровь так называемых «врагов народа». Многие депутаты были решительно настроены против смертников.

Не следует еще добавить, что политическая жизнь в городе развивалась на фоне упадка производства, роста цен, нехватки хлеба, безработицы - всего того, что характеризует экономический крутой поворот истории страны.

Известно, что политические взгляды Калюжной и Прокофьевой разделяли и горячо поддерживали их близкие люди. Так, в ноябре 1917 года в городскую партийную организацию вступили сразу три человека из семьи Прокофичевых: Настя, ее брат и мать.

Лицомышленником Калюжной был ее младший брат, который в период установления Советской власти в крае играл заметную роль. Достаточно сказать, что в городской большевистской организации Голубов являлся вторым лицом после председателя комитета И.Д. Дубынина, занимая пост секретаря (Голубов расстрелян 10 июня).

Кроме работы в Совдепе, Калюжная выполняла обязанности комиссара по социальному обеспечению в уездном совпаркомате. Однако главной своей деятельностью считала пропаганду. В воспоминаниях красноармейцев местных частей Красной Армии в числе ораторов чаще всего упоминается Калюжная. При этом приводится одна интересная деталь: оказывается, в городе Калюжную многие считали бывшей политкаторжанкой, в силу чего даже оппоненты к ее выступлениям относились уважительно.

Насколько такое мнение соответствует действительности, сегодня сказать трудно, но то, что Прасковья Саввична пользовалась особым уважением, подтверждают, в частности, материалы, рассказывающие о событиях, происшедших в городе 16-17 марта 1918 года.

В эти дни правые эсеры предприняли попытку свергнуть Советскую власть в Петропавловске. Вечером 16 марта распропагандированная группа солдат местной команды окружила здание Совдепа и арестовала членов исполкома. Затем были арестованы в городе все видные большевики и советские работники. Все, кроме Калюжной. Узнав о случившемся, Прасковья

Саввична явилась в Совдеп и добровольно присоединилась к арестованным. Ночью членов исполкома под конвоем отпустили в помещение местной команды (здание на старой территории завода изоляционных материалов). Калюжная последовала за ними.

О том, как разворачивались события дальше, узнаем из статьи редактора газеты «Известия Петропавловского Совдепа» В.Шананина, опубликованной 26 марта: «Ночью, когда мы сидели в помещении местной команды (Шананин также был арестован), вдруг отворилась дверь и в комнату, боязливо озираясь, вполз лидер Петропавловской организации правых эсэров Я.И. Мурашко. Заметив нас, он пытается скрыться, но ему это не удается.

Его останавливает товарищ Калюжная. «А вы это откуда милостивый государь? Не торопитесь. Просим покорно садиться. Товарищи, задержите его! Это контрреволюционер, уже не раз судившийся за свои поступки», - обратилась она к своим датам.

Мурашко был задержан. По его удивленному лицу легко можно было догадаться, что он вовсе не ожидал такого исхода...».

Арест Мурашко изменил ход событий. Уже через час все арестованные были освобождены.

... Утром 31 мая, осознав всю трагичность ситуации, Прасковья Саввична поспешила в Совдеп. Шла она по городу, который был уже в руках белых. Калюжная торопилась уничтожить документы, где были имена рядовых красноармейцев, советских служащих, военнопленных и т.д. - всех тех, кто сочувствовал Советской власти. Все эти документы могли стать поводом для расправы.

Калюжная беспрепятственно вошла в здание Совдепа, а затем и в местный штаб Красной Армии. Документы были уничтожены, но сама Калюжная была арестована.

В ночь белочешского мятежа не была схвачена и Прокофичева. Пользуясь свободой, она, как и Калюжная, бросилась к Совдепу. Вспоминает младший брат Насти, Лев Михайлович Прокофичев (в ту пору ему было десять лет): «Последний раз я видел Настю 30 мая. Тревожно гудела сирена консервного завода. Торопливо собиралась Настя, взяв с собой револьвер

...и Виссон)... Уже одного этого ей не могли простить мя-
... тем более что решительно настроенная девушка,
... пути белого офицера, нажала на курок (офицер Пе-
... которого убила Настя, был с почестями похоронен
... ный, ныне Октябрьской площади).

Три года назад в областном государственном архиве в
... других документов было рассекречено дело штабс-ка-
... Василия Трунова, который принимал участие в расстре-
... двух совдеповцев.

В материалах этого дела не оказалось места ни незабуд-
... которые якобы задумчиво рвала Настя по пути к Пятому
... ни звонко запевающей революционные песни Калюжной -
... всем тем лирическим деталям, которые можно было
... в любом повествовании прошлых лет, посвященном этой
... Действительность оказалась более прозаичной и более
... Политическим заключенным, судьба которых была
... пренебрежена, не приносили пищу, в то же время в их камеры мог
... любой из победителей, чтобы поглумиться или нанести
...

Вечером 9 июня двадцать два заключенных были приведе-
... под усиленным конвоем из Белой тюрьмы в помещение ме-
... стной команды, где состоялся скорый суд и был зачитан приго-
... Короткие часы до рассвета приговоренные к расстрелу
... вместе здесь же, в одной из комнат, где были написа-
... последние слова на волю.

На рассвете были поданы две грузовые машины, предна-
... нные для заключенных и конвоя, состоявшего из пятиде-
... сяти добровольцев.

Из показаний В. Трунова: «Расстреливаемых разбили на две
... группы по одиннадцать человек. Первую партию расстреляли,
... и вторая была в стороне. Сзади шеренги, которая стреляла,
... стояли судьи, доктор, чехи, добровольные зрители на военных.
... которых сразу не убили, выходили добровольцы добивать жи-
... вых»...

...Они стояли в первой партии - осунувшиеся, поседевшая
... Калюжная и черная от побоев Прокофичева. В ответ на затя-
... нувшуюся паузу после отданной офицером команды Настя успе-
... ла еще крикнуть: «Стреляйте же!..».

1993 г.

ОН ЗВАЛ ЛЮДЕЙ К МИРУ И ЛЮБВИ...

Пятый лог...

Многим горожанам знаком зловещий смысл этих слов

Здесь до середины прошлого столетия расстреливали людей, неудобных господствующему режиму. Чаще всего виновных. Черное дело совершалось в строжайшей тайне и, как правило, под покровом ночи. Лишь однажды была нарушена секретность. Это случилось 85 лет тому назад, 10 июня 1918 года, в первые дни после свержения советской власти. Тогда впервые за всю историю Петропавловска Пятый лог был использован в качестве лобного места. Расстрел 22 совдеповцами белогвардейцы организовали как показательный, устрашающий спектакль, на котором присутствовали представители воинских частей и руководства города. Как и следовало ожидать, результат оказался прямо противоположным замыслу палачей. Жестокая расправа и страдания обреченных подняли их на пьедестал героев-мучеников, значительно расширив круг сочувствующих. Нелепость казни особенно проявилась в том, что среди расстрелянных был сугубо мирный человек - поэт и журналист Р.Ицерохес. Вот какую характеристику дает ему свидетель тех драматических событий в очерке, опубликованном в июньском номере газеты «Мир труда» за 1922 год: «...Их было 22, молодых, смелых, полных горячей веры в торжество истины, в грядущее царство неувядаемого человеческого счастья. Среди них был поэт, огненные речи которого зажигали сердца, который звал людей к миру и любви, который еще недавно так яростно протестовал против великого человеческого заблуждения, называемого смертной казнью...».

Ицерохес был сотрудником ежедневной газеты «Известия Петропавловского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и киргизских депутатов», которая издавалась в нашем городе с января по май 1918 года.

Его жизненный путь до журналистской работы в Петропавловске нам неизвестен. Правда, однажды Ицерохес от своего имени опубликовал в «Известиях» объявление, чуть-чуть открывшее его прошлое: «Студент Варшавского университета дает уроки по программе среднеучебных заведений и уроки игры на скрипке».

Однако, несмотря на отсутствие биографических данных, Ицкерохес является единственным из 22 казненных, о внутреннем мире которого мы можем судить с достаточной полнотой. Облиленный, торжественный тон его статей, строки, словно вышедшие прямо из сердца, создают образ пламенного публициста.

Ицкерохес принял Октябрьскую революцию как вселенский праздник, которого ждало человечество сотни лет. С удивлением наблюдал он равнодушие к политической жизни среди значительной части горожан и особенно среди женщин. Последним журналист посвятил яркие строки, призывая включиться в строительство новой жизни. В статье «К русским женщинам» он писал: «...Сколько тысяч молодых, трепетных, жизнерадостных, жаждущих подвига жизнью положено за свой темный, убогий, но горячо любимый народ.

А теперь? Где эти русские женщины-героини? Почему их совсем-совсем не видно в эту великую революцию, когда наряды ради которого они шли на крестные страдания, теперь пропущены и их ждет? Честные, правдивые русские женщины, я обращаюсь к вам! Станьте снова самоотверженными и героическими женщинами!

Вы - гимназистки и курсистки. Вы - цветы России! Вы ее милосердия, радость, любовь! Идите к нам, ведь мы вас ждем!».

Не менее страстно журналист обличал буржуазию в статьях «Империалисты и хищники всех стран, соединяйтесь!», «Классовая борьба в деревне», «Недоразумение или провокация?» и других. Однако, несмотря на резкий тон, автор никогда не призывал к насилию. «Я вовсе не чудовище, - пояснял Ицкерохес в заметке «Несколько слов о моих статьях». - Печальное недоразумение происходит оттого, что некоторые господа понимают мои статьи, отдельные в них фразы в буквальном смысле...».

Особое место в творчестве Ицкерохеса занимает статья «/Долой смертную казнь!». Написанная в начале прошлого столетия, она, думаю, и сегодня не утратила современного звучания. Приведу строки, которые завершают публикацию: «В момент устройства новой, чистой, возвышенной и свободной жизни не должно быть места ненужной жестокости, этому зверству, этой сплошной гадости, низости и зла темной человеческой души, этому пережитку диких варварских времен.

Нет, во имя всего человеческого, во имя заветов Великого Учителя - социалиста - Христа, во имя простой человеческой справедливости, долой смертную казнь, долой этот ужас, и порождение зла и дикости!

Россия призвана показать народам плодородное поле, и не холодное кладбище, над которым высится дикая, нелепая, беспощадная смерть».

Эта статья была напечатана за два месяца до расстрела. Но еще до казни на долю журналиста выпали жуткие часы с немосуда, ослепленного ненавистью толпы. Вот что вспоминает один из очевидцев: «...Не могу забыть страшные картины первого дня власти «победителей»... У станичного правления под деревом лежит в бессознательном состоянии сотрудник редакции - товарищ Ицерохес. Кругом толпа, почувствовавшая запах крови. Насмешки, остроты и... сильный удар в бок. Неосторожный вскакивает с бессвязными словами, порывисто делает несколько шагов, хватается за дерево и прижимается к нему, как бы ища защиты от мучителей, и вновь падает, сбитый ударом...».

Вскоре после освобождения Петропавловска частями Красной Армии на Октябрьской площади состоялись торжественные похороны 22-х казненных совдеповцев. В начале 1920 года в городе открылся еврейский клуб, которому присвоили имя Ицерохеса. Из сохранившихся архивных документов известно, что заведующей клуба стала молодая девушка Эсфир Геряева Пин. Клуб просуществовал до 1922 года, а затем был закрыт в связи с реорганизацией всей культурно-просветительской работы в городе. С этого времени некогда громкое имя публициста, окруженное молчанием, лишь мельком упоминалось в общем списке 22-х расстрелянных. По сути Ицерохес разделил судьбу пасынка революции, в которую он вложил свою возвышенную и чистую мечту, свое видение будущего справедливого общества, свое понимание земного человеческого счастья. Несмотря на физические страдания (у него была пробита голова и сломана рука), как свидетельствуют документы, в последние часы перед казнью Ицерохес находил силы ободрять товарищей словами: «Им идею не убить!».

2005 г.

СТАВШИЙ ЛЕГЕНДОЙ ПРИ ЖИЗНИ

Тогда, в майские дни 1918 года никто не мог предположить, что находящийся из Петропавловска в составе риджелезнодорожный состав по воле судьбы окажется на территории, охваченной огнем гражданской войны. Охрану поезда возглавил Василий Соленик. Более двух месяцев у него ничего не было слышно. Семья (отец, мать, три брата и три сестры) уже считала его погибшим, пока однажды июльской ночью он не стучался в двери своего дома.

Трудно было узнать в нем прежнего юношу. Левая рука почти полностью отсутствовала, над левым глазом - свежий рубец. Преодолевая неимоверные трудности, Соленик вернулся в город, ставший для него чужим и враждебным: в конце мая в Петропавловске установилась советская власть.

Возвращение Соленика вскоре стало известно полиции. В августе его арестовывают как бывшего красногвардейца и бросают в барак для военнопленных. Ряды таких дощатых барачников находились за городом, у Пятого лога. Здесь заключенных ждала скорая и неизбежная смерть. Либо от эпидемий, либо от холода. Однако и на этот раз судьба оказалась к нему благосклонной: в декабре, по настоянию городской думы, военнопленные были выпущены на свободу под гласный надзор полиции. С первого дня после возвращения в Петропавловск Соленик мечтал о подпольной работе. Ему удастся найти нужных людей, но колчаковская контрразведка выследила его при поселении конспиративной квартиры в Омске. Случилось это в апреле 1919 года. На этот раз Соленик оказался в петропавловской тюрьме, которая в тот период была переполнена узниками, как никогда ранее. Тюремное начальство не раз посылало депеши в Омск с просьбой разгрузить камеры. Наконец, в сентябре было принято решение: политических заключенных распределить по тюрьмам Забайкалья. Так Соленик оказался в одном из вагонов поезда, следовавшего на восток.

В. П. Соленик

Тут следы его на какое-то время теряются, т.к. имеющиеся материалы противоречат друг другу. Весна 1920 года Шенников Соленика в родном городе на службе в петропавловской железнодорожной ЧК. Это был период, когда руководство партии продолжало расширять и ужесточать политику военного коммунизма, вызвавшую в мирное время массовое недовольство крестьян, о том числе и тех, кто ранее сочувствовал большевикам. Страна неизбежно шла к социальному взрыву, заложниками в этой ситуации оказались рядовые коммунисты. Пик политического кризиса пришелся на февраль-март 1921 года. В середине февраля в руках восставших крестьян, требовавших от Советов от коммунистов и дать свободу торговли находилась большая часть территории Северного Казахстана. При этом «чистка» Советов сопровождалась невиданной жестокостью толпы, ослепленной жаждой мести. Лавине народного гнева противостояли отряды из коммунистов и комсомольцев, или так называемые ЧОНы - части особого назначения. Соленику в этой схватке была отведена роль разведчика. Нередко к восстанию примыкали бывшие офицеры царской армии. Во главе одного из штабов восставших стоял некий полковник Подкорытов. Предание гласит, что к нему несколько раз наведывался под видом штабс-капитана переодетый Солеников. А вот что записал в своих воспоминаниях рабочий городской типографии Семен Петрович Ивиц. Как известно, 14 февраля мятежники ворвались в город и остановить их удалось только на подступах к вокзалу, куда, кстати, бежало руководство Петропавловска, преобразованное в «чрезвычайную пятерку». В этот день, боясь разграбления, после смены Ивиц остался дежурить в типографии. Ночью кто-то осторожно постучал в двери. «По скрипящему под ногами снегу я понял, - вспоминает Семен Петрович, - что за дверями кто-то один, и открыл. В типографии света не было, на одной из печатных машин мерцала сальная свеча. При таком свете я с трудом разглядел, что вошедший одет в крестьянскую сермягу, белые валенки, шапку-ушанку, подпоясан самотканым крестьянским поясом. В руках у него была самодельная пика. -Что вам нужно, молодой человек?

-Я - Солеников, - ответил незнакомец, доставая из-за пазухи небольшой листок бумаги со штампом «чрезвычайной пятерки», где говорилось о немедленной доставке печатной машин-

...оты «Американка» на
...ию Петропавловск.
...ый инцидент, о котором рас-
...ици, произошел за не-
...одней до гибели Соле-
...и Ринним февральским
...ом от станции Петро-
...овскогошла бронирован-
...и форма: Соленик с
...ой товарищей направ-
...и был противника, что-
...и установить связь с Кур-
...ом ... Обезображенные
...и смельчаков были обна-
...и на станции Петухово
...и в начале марта. Как потом
...ишилось, здесь железнодоро-
...иный путь был разобран и
...ищенный маневренности ва-
...и оказался в западне.

...и погиб Василий Соле-
...и герой своего времени.

...и короткая яркая жизнь вместила в себя целую эпоху, части-
...и нашего прошлого. Уже поэтому она не должна быть преда-
...и забвению. В районе вокзала, рядом с ДК железнодорожни-
...и, стоит скромный обелиск. Читаем на постаменте: «В.П.
...и Солееник. 1898-1921 гг.». У самого основания памятника прото-
...и на дорожка: невдомек проходим, что перед ними надгроб-
...и. Здесь 9 марта 1921 года прошли многолюдные и торжест-
...инные похороны одной из жертв так называемого «кулацкого
...и митсжа». В те дни погибших хоронили в братских могилах на
...и Октябрьской площади, однако рабочие железной дороги насто-
...и, чтобы погребение состоялось здесь, рядом с тогда еще
...и деревянным клубом молодежи. И не только потому, что Соле-
...и был потомственным железнодорожником. Несмотря на мо-
...и лодость, еще при жизни он слыл человеком-легендой, которо-
...и му исполнилось недавно 100 лет со дня рождения.

1999 г.

СКОРБНЫЕ ДНИ 1921 ГОДА

Недалеко от привокзальной площади, рядом с ДК железнодорожников стоит скромный памятник: на постаменте установлен бюст молодого бойца с распахнутой шинелью и сдвинутой набекрень буденновкой. Так, придерживаясь традиционного облика героя гражданской войны, скульптор изобразил Василия Соленика. Рядом с постаментом - утопанная дорожка, и псевдомек прохожему, что перескачет она... могилу и что памятник этот - надгробие, установленное нашему героическому земляку, имя которого стало легендой еще при его жизни...

На этом месте 85 лет назад, 9 марта 1921 года, при огромном стечении народа с высокими почестями был похоронен 21-летний чекист, погибший мученической смертью в дни крестьянского восстания. «Разъяренная банда зверски замучила свою жертву, - писала в те дни местная газета «Мир труда» - Посмотрите на труп - он неузнаваем. Грудь истыкана иголками, на ногах икры выжжены каленым железом, голова раздроблена, руки вывернуты...».

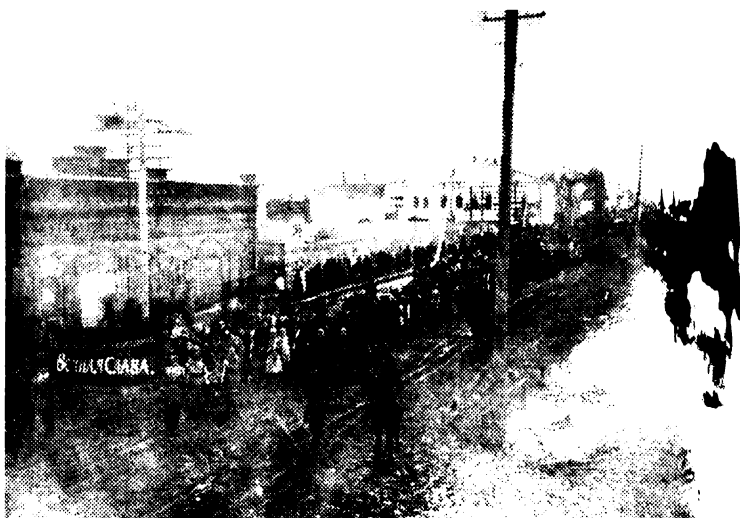
В траурные мартовские дни в городе и уезде совершались массовые захоронения погибших от рук мятежников. В Петропавловске их хоронили в братских могилах на Октябрьской площади. По просьбе рабочих железнодорожной станции исключение было сделано лишь для Соленика. Не только потому, что Василий был потомственным железнодорожником (его отец, Павел Александрович Соленик, долгие годы работал смазчи-

на станции, он первый среди железнодорожников удостоился звания Героя Труда). Имя Василия Соленика, человека необычной судьбы даже для того бурного времени, являлось символом стойкости и мужества. Ему было девятнадцать лет, когда он сменил профессию телеграфиста железнодорожной станции на работу в транспортном ЧК. Бой с бандой, пытаясь отбить железнодорожный состав с продовольствием, тяжелое ранение, плен, сначала белочешский, затем колчаковский концлагерь, вагон смертников, направленный из Петропавловска вглубь Сибири, неожиданная свобода от партизан, рвавшихся в Красноярской губернии, участие в боевых операциях партизанского отряда - вот далеко не полный перечень событий этой героической жизни.

Почти рядом с могиле Соленика - это один из памятных знаменитых исторических событий 1921 года на карте города. О них напоминает мемориальная доска на доме Янгуразова (памятник архитектуры республиканского значения), где работал штаб ЧК (частей особого назначения), и названия улиц, запечатлевших имена Сергея Яковлевича Малышева, Якова Осиповича Перминова, Ивана Спиридоновича Порфирьева, Хафиза Баймагамбета Изтолина, а также Василия Павловича Соленика. Как и Соленик, все они были коммунистами и, как же, как и он, приняли мученическую смерть.

Член чоновского отряда, известный писатель Сабит Мукашев в романе «Школа жизни» так вспоминает о похоронах своего ближайшего друга, поэта Баймагамбета Изтолина: «Все убитые свозились в здание Петропавловской пожарной команды. Нельзя без содрогания вспоминать эти окровавленные груды изуродованных тел... Я долго искал среди убитых Баймагамбета. И, конечно, мне никогда не удалось бы опознать его по лицу - так изуродовано оно было. Но я узнал его по уцелевшим лоскутам ситцевого полосатого белья, сшитого аульным портным. Каждого погибшего положили в отдельный гроб. Некрасивые, простые, стояли они один за другим печальными рядами...».

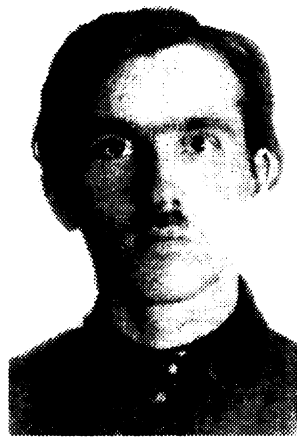
Со второго марта по семнадцатое апреля на Октябрьской площади было похоронено 217 человек. Сколько погибших похоронено родственниками на городских кладбищах - неизвестно. Как неизвестно и то, сколько убитых похоронено в братских могилах на станциях, в селах и деревнях нашей области. Нет

**Похороны жертв крестьянского восстания
на Октябрьской площади, март 1921 года**

историков. Но самое печальное то, что имена многих погребенных остались неизвестными. Полностью неизвестны имена даже тех, кто похороненных в Петропавловске. Почему так случилось? Как могла советская власть действовать с благодарностью увековечивать их имена и бережно хранить о них память. Однако власть фактически предала своих защитников: за последние несколько лет материалы о деятельности крестьян против коммунистов и коммунистического режима, в том числе судьбы и имена погибших, были наглухо спрятаны под грифом «секретно» в архивах стра-

С.Я. Малышев

ны. Лишь в период «хрущевской оттепели» частично приоткрылась завеса над событиями 1921 года. 28 октября 1957 года на Октябрьской площади состоялся многолюдный торжественный митинг по случаю установления на постаменте обелиска мемориальной доски, впервые обозначившей мятежный год в истории Северного Казахстана. Вот ее текст: «Здесь похоронены активные организаторы Советской власти в городе Петропавловске, расстрелянные белогвардейцами летом 1918 года, и жертвы кулацкого мятежа 1921 года». (Навешанный ярлык «кулацкий мятеж» на массовое выступление крестьян, в котором принимали участие целые деревни, держался до начала 90-х годов прошлого столетия). Между тем уже было потеряно драгоценное время. Сравнялись с землей безымянные братские могилы, не стало многих родственников и близких людей погибших. Так что зародившаяся тогда идея высечь на камне имена всех погребенных осталась неосуществленной.

Справедливости ради следует отметить, что первые два-три года после подавления мятежа имена многих погибших коммунистов и комсомольцев не сходили со страниц местных газет, их семьи были окружены заботой государства. Так, в 1924 году при тотальном переименовании улиц города две из них были названы в память о погибших Сергее Малышеве и Хафизе Базарбаеве. В марте 1921 года при уездном отделе

социального обеспечения начала работу комиссия «по оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции». По заявлению от пострадавшей семьи назначалась небольшая пенсия и оказывалась единовременная материальная помощь продуктами и одеждой.

Сухие житейские документы одного из фондов областного архива. Порой они неожиданно ярко высвечивают не только свое время, но в какой-то степени и его героев.

Вот одно из заявлений, написанное в ноябре 1921 года почти детским, еще не сформировавшимся почерком: «Брат мой расстрелян белобандитами во время февральской реакции. В настоящее время у нас нет ничего, ни ложки, ни чугушка, ни чашки, ни блюшки. Я прошу вашего решения о выдаче мне вещей по прилагаемому при сем списку. Мне известно, что пострадавшие от контрреволюции получали мануфактуру, муку, мясо и много других вещей. Я же в настоящее время не имею смены одежды, и сестра даже не имеет совершенно нижнего белья, а из верхнего - только одну кофточку и одну юбку, а также не имеет ботинок и шубы. Прошу как можно скорее выдать то, что я прошу»
Подпись: Александр Малышев.

Александр Малышев

Сашка Малышев! Кто не знал в городе этого мальчугана младшего брата Сергея Яковлевича Малышева! Несколько месяцев тому назад в свои 14 лет он возглавил комсомольскую организацию Петропавловска, заменив на этом посту убитого Бориса Купершмидта. В день похорон старшего брата Александр, уже как комсомольский вожак, произнес над братской могилой страстную речь, о которой так вспоминал современник: «...совсем еще мальчик осипшим от простуды голосом восхищал слушателей не столько содержанием, сколько смелостью своего выступления».

Александр Яковлевич Малышев прожил замечательную, яркую жизнь. После завершения учебы в Москве он преподавал политэкономия в МВТУ им. Баумана. Доктор экономичес-

... И годы Великой Отечественной войны - начальник штаба Украинского фронта, подполковник. Умер А.Я. Степанов в Москве в 1967 году.

В архиве материалов комиссии по оказанию помощи жителям пресновкинского района неожиданно встречается заявление от коренного пресновчанина шестидесятилетнего Степана Васильевича Степанова. Какие-то серьезные причины заставили его в августе 1921 года переехать вместе с семьей из Пресновки в село Дщи месяца тому назад, 17 февраля, его дочь Мария Степановна Садчикова, комсомолка, сельская учительница, вместе с другими комсомольцами и коммунистами Пресновки в селе Дщи была убита на краю старого станичного кладбища. Ей было восемнадцать...

Из заявления отца мы узнаем, что оказывается, Мария Степановна была единственной кормилицей семьи из семи человек. Решение, которое приняла комиссия, приведу полностью: «Семье убитой назначить пенсию в размере шестикратной минимальной ставки. Отцу, матери, двум сестрам (11 и 15 лет), двум братьям (12 и 14 лет) выдать по паре белья и по платью, а также 5 катушек ниток, кожвенного товару на одну пару детской обуви, одну пару чуваков и два пуда муки».

Писатель Иван Петрович Шухов, увидев как-то фотографию Марии Степановны в пресновском школьном музее, оставил в тетради отзывов такую запись: «Она была моей учительницей. Как самый маленький ростом из всех моих одноклассников, я, сидя на первой парте, почти не сводил с Марии Степановны широко раскрытых, по-детски влюбленных глаз. С тех пор прошли многие годы, но и по сей день не потускнел, не померк в моей памяти, в душе моей образ юной моей наставницы. Жизнерадостной, полной неповторимого очарования, предстает она, как живая, передо мной. Стройная, со смеющимися голубыми глазами, с жарким румянцем на смуглом лице, с чисто русской душевной девичьей кротостью, с отзывчивым сердцем».

Первое, что поражает при знакомстве с документами крестьянского восстания, - это неслыханная жестокость, с которой истязали, мучили и убивали прежде всего коммунистов и комсомольцев. Но не меньшее впечатление оставлял и масштабный, безумный политический эксперимент, который больнее всего ударил по крестьянству и который вошел в нашу историю

под названием «военный коммунизм». 10 декабря 1919 г. газета «Мир труда» впервые опубликовала приказ уездного ревкома, согласно которому запрещалась торговля хлебом, пшеницей, фуражом, чаем, солью, мясом, конопляным, льняным и солнечным маслом, а также животными жирами. Эти продукты теперь крестьянин должен был сдавать государству по твердым ценам», то есть фактически бесплатно. Список монополизированных государством продуктов постоянно расширялся. К концу 1920 года была запрещена торговля яйцами, картофелем и другими овощами. Крестьянина, пытавшегося продать запрещенные продукты, ждало тюремное заключение не менее чем на 10 лет, принудительные работы и конфискация всего имущества.

Однако продрозверстка была не единственной бедой, свалившейся на головы сельчан. К полному разорению приводили их многочисленные повинности, наиболее тяжелой из которых являлась подводная. Член Петропавловского ревкома Федорков вынужден был признать в своем отчете: «...крестьянство измучено подводной повинностью. В селах, близлежащих к ссыльных пунктам и железным дорогам, где подводная повинность особенно тяжела, жители продают за бесценок дома и уезжают подальше...». К этим словам следует добавить, что жители, продавшие свой дом, вынуждены были скрываться от милиции, так как любой переезд в уезде находился под запретом.

Не меньшее отчаяние у крестьян вызывали принудительные сельскохозяйственные работы. «Граждане говорят, что они не против Советской власти, - информировал представитель ВЦИК, посетивший Петропавловский уезд летом 1920 года, - и не против тех, кто приказывает во время распутицы молотить хлеб, при этом не разъясняя дело, а стуча кулаками и угрожая...».

Тяжелое положение крестьян усугубляло засушливое, неурожайное лето 1920 года. Урожай же прошлого, 1919 года, на три четверти ушел под снег из-за военных действий на территории уезда.

Первой реакцией крестьян на царивший произвол в деревне были жалобы во все доступные инстанции. «Покорнейше просим дать содействие бедному крестьянству, которое остается в полном разорении», - такими словами заканчивалось коллективное письмо, адресованное Петропавловскому ревкому жителями сел Богдановки, Петровки и Святодуховки. Не ограни-

... письменными жалобами, крестьяне посылали ходоков
Петропавловск. В июле 1920 года группу крестьян принял в
кабинете видный большевик, член президиума Петро-
павловского уездного исполкома Владимир Иосифович Гозак.
... селычан, он лишь прочитал им краткую лекцию о
политическом верном курсе партии. Когда, покидая кабинет, один
... бросил: «Раз так... Мы ведь и за вилы можем
...» На что Владимир Иосифович спокойно ответил: «А
... уничтожим».

Гозак прибыл в наш город по направлению из Москвы в но-
ябре 1919 года, сразу после освобождения Петропавловска от
... войск. К этому времени 25-летний коммунист
... первую мировую войну, отсидел в тюрьме за связь с
... в своем родном городе Луцке на Украине, вое-
... армией Деникина. Современники вспоминают о нем как о
... ораторе, речи которого были посвящены самой вол-
... теме того времени - мировой революции. Не только
Гозак, но и все большевики страны с надеждой и величайшим
... следили тогда за боевыми действиями Красной
... на территории Польши, где, как им казалось, решалась
... планеты. Ожидания коммунистов России четко выра-
... командующий войсками Западного фронта М.Н. Тухачев-
... в одном из своих приказов: «... через труп белой Польши
... путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и
... человечеству».

На фоне таких событий жалобы крестьян могли показаться
... и несостоящими внимания.

Между тем первый грозный сигнал о надвигающейся ката-
... поступил уже в августе двадцатого года из Всесвятс-
... района. Здесь объявился отряд «зеленых» в количестве
... человек. Восставшие разогнали уполномоченных по про-
... и заявили о свободе торговли. Мятеж «зеленых»
... подавлен, но расправа лишь обострила ситуа-
... в уезде. В первой половине февраля 1921 года отдельные
... объединились в так называемую «Народ-
... армию», которая насчитывала уже десятки тысяч мятеж-
... Оставляя кровавый след, она двинулась на Петропав-
... Только тогда, когда крестьянская армия находилась уже
... к городу, в Петропавловске забили тревогу. Обо-
... города взяла на себя срочно сформированная «чрезвы-

В.И. Гозак

чайная пятерка», в распоряжении которой были небольшой гарнизон (два коммунистических отряда ЧОН), один из них занимал железнодорожную станцию. В ночь с 13 на 14 февраля коммунистический отряд из 150 человек двинулся на встречу противнику к казачьей станице Новопавловской, но, не достигнув намеченного пункта, отступил на запад. Лишь немногим удалось вырваться из окружения. Из числа взятых в плен чоновцев был командир - В.И. Гозак. Долго никто не знал о его судьбе. Только в начале апреля, когда сошел снег, обнаружено четвертованное тело Гозака было обнаружено на железнодорожной станции... Не встречая серьезного сопротивления, в ночь с 13 на 14-е февраля мятежники вошли в город. «Чрезвычайная пятерка» бежала на железнодорожную станцию - это был единственный район Петропавловска, который не удалось захватить повстанцам. Однако надежды на то, что железнодорожный отряд сможет коренным образом изменить ход событий, не были

Так был казнен восставшими крестьянами В.И. Гозак

ду, ночью 14 февраля с большими предосторожностями от станции Петропавловск отошел поезд, увозивший важные документы, ценное имущество, больных и раненых - тех, чья жизнь могла оказаться в опасности. Поезд шел на восток, в Омск, который в тот период еще являлся административным центром Акмолинской области. Вместе со своими помощниками уезжала и врач Казанская (имя и отчество неизвестно), назначенная начальником санитарного вагона.

По пути случилось непредвиденное: части «Народной армии» остановили поезд на станции Токуши, и пассажиров санитарного вагона ждала неминуемая смерть. Если бы не мужество врачей. Вот что вспоминает бывший секретарь Петропавловского уездного комитета партии П.И. Смирнов: «Я был ранен в бою за город, и меня вместе с другими ранеными бойцами отправили поездом в санитарном вагоне из Петропавловска. На следующий день, рано утром, поезд неожиданно остановился на станции Токуши. В наш вагон ворвались два бородача-мужика, один из которых, объявив, что он командир роты коммунистов, стал кричать, что у него коммунисты забрали 4 амблары с хлебом и что теперь пощады от него не будет. Балашкин распорядился немедленно отправить меня в сельсовет, где, как потом стало известно, производились расстрелы коммунистов. Стоявшая тут же врач вызвалась сама отвезти меня в сельсовет. Она же повела подводу. Во время пути нам встретились вооруженные всадники, которые спрашивали, кого она ищет и куда. Каждый раз женщина односложно отвечала, что ищет раненого и ищет хату, куда можно было бы его положить. И нас пропускали, очевидно, приняв за своих. Не доезжая до сельсовета, врач резко повернула подводу в противоположную сторону и остановила ее около дома, в котором размещался местный лазарет. Здесь меня приняли и уложили на пол, рядом с ранеными бородачами. Ночью несколько раз заходили постовые с проверкой и, ничего не заподозрив, - уходили. На следующий день, 15 февраля, полк Красной Армии вошел в Токуши...».

Вечером того же дня отборные части Красной Армии подошли к Петропавловску. В распоряжении командующего сводного войска находились 249, 250, 253 стрелковые полки из Алтайской губернии, из Омска - коммунистический отряд в сопровождении бронепоездов «Красный сибиряк» и «Мститель», а также кавалерийский полк «Кубанцы», из Исилькуля - взвод

артиллерийского дивизиона. Вся эта мощь противостояли армии, большая половина которой сражалась вилами, топорами и дубинками. Не удивительно, что операция по освобождению города завершилась менее чем за сутки. Причем наступление велось с целью полного физического уничтожения противника «Энергичным наступлением преследовать противника и уничтожить остатки повстанческих банд!» - так говорилось в приказе командующего сводными войсками. Ему вторил приказ Сибревкома: «Добейте жалкие остатки золотопогонной колчакщины!».

Никогда еще Петропавловск не видел столько пролитой крови, как в этот день - 16 февраля, ставший первым днем «кровавого» террора.

В городе, застывшем в оцепенении от хладнокровных массовых убийств, раздался лишь один голос, взывающий к разуму и милосердию. Это был голос Петропавловского епископа Мефодия. Прервав литургию, с высоко поднятым крестом он вышел на паперть Вознесенского собора, чтобы остановить группу обезумевших от крови и легкой победы бойцов, которые в поисках противника устремились в храм. Речь владыки была оборвана ударом штыка. И потом уже бездыханному телу ни носились удары еще и еще.

Вскоре после освобождения города в Петропавловске начал работать ревтрибунал, специально прибывший из Омска. Одновременно в освобожденных селах проводилась тщательная «зачистка» сотрудниками ЧК. Результатами карательных мер, как правило, становились расстрелы.

Однажды чекисты нагрянули в имение князя Валерия Михайловича Шаховского (ныне село Шаховское). Князь владел на арендованной земле высокотоварным, основанным на принципах фермерства, хозяйством. Он всецело был поглощен своим делом, сторонился политики, не примыкал ни к одной политической партии. И это спасало его в годы гражданской войны. В 1917 году, в период правления Совдепа, князь сам предложил передать свое имение государству, оговорив при этом лишь одну просьбу: разрешить ему и дальше работать в хозяйстве в качестве штатного специалиста. На вопрос, что удерживало его, выпускника Московского университета, юриста по профессии, на североказахстанской земле, Шаховской дал такой ответ в

иных показаниях: «Верный свободолюбивым идеям Московского университета, я поехал на службу в захолустье - в Самарскую губернию штатным инспектором. Здесь я отдал под суд трех земских начальников за вымогательства с крестьян, после чего был уволен и переведен на службу в Крестьянский земельный банк. Прослужив 12 лет и найдя неправильной деятельностью правительства, я ушел со службы... Остаток своей жизни я решил посвятить культуре сельского хозяйства: распространять среди населения хороший племенной скот и лучший семенной материал. Это я и делал с 1913-го по 1919-й годы, вложив в любимое дело весь свой капитал и живя в простой избушке в течение двух лет...». Князь был расстрелян через три дня после ареста, 24 марта 1921 года. Шаховского казнили по шаблонному, широко распространенному в те дни обвинению - «за принадлежность к монархической партии».

Аресты и массовые расстрелы продолжались до 1-го мая, когда была объявлена частичная амнистия участникам восстания. Однако амнистия оказалась лишь кратковременной передышкой, после которой репрессии проводились с прежним усердием. Порой такое «усердие» становилось даже предметом судебного разбирательства. Вот строки из обвинения, предъявленного важным сотрудникам («эmissии по борьбе с контрреволюцией - Волкову и Хотулеву (оба осуждены условно): «В ночь со второго на третье сентября 1921 года завполитбюро Волков пригласил к себе на квартиру уполномоченного по разведке Хотулева и сказал, что сегодня надо несколько явных бандитов расстрелять. Волков и Хотулев пришли в политбюро, где Хотулеву было приказано приводить арестованных. Привели Юрченко и Антипова, каковых Волков избивал, а затем Волков застрелил Юрченко в конюшне политбюро, а Антипова увел назад. Вторыми были приведены Десятников и какой-то старик, которых Волков также избил, старика отправил в камеру, а Десятникова застрелил в той же конюшне. Последним был приведен Поляков, которого Хотулев раздел в конюшне и стал ожидать Волкова. Раздетый Поляков толкнул Хотулева и бросился бежать, но был убит Хотулевым во дворе политбюро. В тот же момент совершил побег Моисеенко, Волков догнал его за оградой политбюро и убил из ружья. Кроме того, Волков и Хотулев, обходя ночью камеры с арестованными, производили избивание таковых плетью».

Эта мрачная сцена расправы без суда над повстанцами происходила во дворе здания, хорошо известного горожанам. Недавнего времени в нем размещался городской отдел милиции. В 20-40-е годы здесь находились ЧК, органы ГПУ, ОМОН, НКВД. Сегодня на месте снесенных строений возвышается памятник жертвам политических репрессий.

...Еще лет двадцать тому назад в нашем городе можно было встретить свидетелей той страшной трагедии. Но делиться воспоминаниями могли не многие: душили слезы, мешало кристальнее волнение. А ведь речь шла о событиях более чем полувековой давности! Безмерное людское горе, жертвы крестьянской войны, спровоцированной политикой государства, не должны быть преданы забвению. А погибали, как и в любой войне в первую очередь лучшие представители нации...

Прошли годы. Сегодня коренным образом изменился взгляд на события 1921 года, реабилитированы многие невинные жертвы тех скорбных дней. В том числе - князь В.М. Шаховской (решение прокуратуры Северо-Казахстанской области от 11 декабря 1997 года).

В августе 2000 года Архиерейский собор Русской православной церкви причислил епископа Мефодия к лику новомучеников российских и установил дату памяти святого - 17 февраля.

Казалось бы, наступило время объективной оценки прошлого и торжества истины. Однако, на мой взгляд, объективный подход к нашей истории невозможен без милосердия, к которому взывал владыка Мефодий и суть которого раскрыта в словах евангельской притчи: «...если каждый будет прощать от всего сердца брату своему согрешения его». В противном случае нам грозит опасность уподобиться своим категоричным предшественникам-летописцам советского времени.

2006 г.

ПАВЕЛ ДАВЫДОВИЧ ЖИГОР

Июне 1901 года омский предприниматель Демидов открыл в этом городе свою трестью типографию, предварительно наладив в Петропавловск одного из самых опытных печатников для установки оборудования. Этим печатником был Павел Давыдович Жигор. Выполнив задание хозяина, он неожиданно попросил перевода в Петропавловск, а вскоре из Омска переехали и семья Павла Давыдовича. С этого времени Жигор становится первым мастером, учителем и наставником рабочих петропавловской типографии, где впоследствии обосновалось товарищество печатного дела «Прогресс».

Жигор родился в Омске в 1862 году. Работать у Демидова начал в неполных 14 лет сначала в качестве ученика-наборщика. В то время его хозяин заведовал типографией областного управления и имел свою частную типографию. Прослужив два года и получив специальность наборщика, Павел вынужден был уволиться: жадный и несправедливый в оплате труда, Демидов относился к рабочим, как к своим крепостным. Однако, уходя от Демидова, Жигор уже твердо знал, что печатное дело - его призвание. Юноша мечтал в совершенстве овладеть профессией и с этой целью, устроившись наборщиком в частной типографии Сунгурова, стал откладывать деньги на поездку в Петербург. И такая поездка состоялась. Правда, денег хватило лишь до Самары. Жигору этот город понравился: здесь в типографиях были лучшие условия труда, современное оборудование и гораздо выше жалование. Устроившись наборщиком, возможно, он обосновался бы в Самаре навсегда, если бы не болезнь родителей и тревожные письма из Омска. Они стали причиной возвращения на родину.

Приехав в Омск, Жигору не пришлось искать работу: сам Демидов пожаловал к нему в дом и почтительно просил Павла Давыдовича вернуться в его типографию.

В Петропавловске Жигор продолжал работать наборщиком, хотя отлично знал все операции печатного производства. В этой должности Павел Давыдович пробыл до середины 1920 года, когда начались советские эксперименты по организации управления предприятиями страны. В рамках этого эксперимента разрешалось рабочим коллективам выбирать своих руководи-

телей. Печатники любили Жигора, за раннюю седину и борою и они уважительно называли его между собой «наш дед». На первом же собрании рабочие единогласно избрали Жигора заместителем директора типографии. Для беспартийного Пинча Давыдовича это была самая высшая доступная должность (директором типографии стал Филипп Васильевич Кузнецов).

Новые, более сложные и ответственные обязанности Пинча Давыдовича в тяжелейших условиях последствий гражданской войны оказались самыми трудными испытаниями в его жизни. Они стали смертельно опасными, когда на севере Казахстана среди голода, холода и эпидемий вспыхнуло невиданное по жестокости крестьянское восстание. 14 февраля 1921 года восставшие захватили Петропавловск. Коммунистическим отрядам едва успели покинуть город, предоставив его расцарапаным и погрому. В обстановке хаоса и паники рабочие покинули типографию и лишь один Жигор не потерял самообладания. Из три дня, пока крестьяне хозяйничали в городе он, рискуя жизнью, не покидал своего рабочего места. Его главной заботой было спасти оборудование от погрома.

О тех событиях сохранились любопытные воспоминания рабочего типографии Семена Петровича Ивица. Вот что он пишет: «Кулацкая банда ворвалась в город совершенно неожиданно и лавиной двинулась по улицам города. Я в это время находился в первой гостипографии, где на плоскочечатной машине печатал нужный материал.

Рядом со мной работали другие печатники. Не было только коммунистов и сочувствующих, но мы ничего не подозревали, потому что у них в этот день был всеобуч. Вдруг в типографию вбежал наборщик, кандидат в члены партии Маров с винтовкой в руке. Он обессиленно упал у порога со словами: «Сеня, брат, спасите - нас, коммунистов, убивают...». И тут через открытую дверь мы услышали ружейные выстрелы на Октябрьской площади. Я спрятал винтовку и шинель Марова под булавочные обрезки, а самого затащил в сторожку... Когда я вернулся в печатное отделение, ни одного рабочего уже не было. Взглянув в окно, я увидел во дворе типографии четырех бандитов. В руках у одного была винтовка, у остальных - самодельные пики и вилы. Они ворвались с криком: «Где коммунисты?» Я сказал, что коммунистов здесь нет. «Врешь! - заорал один из

виштов. - У тебя усы партийные. Видали мы таких рабочих! Они были готовы заколоть меня вилами прямо у машины, но мне посчастливилось: за моей спиной раздался голос Павла Давыдовича Жигора:

Что вы, что вы, ребята! Клянусь, он не коммунист, а простой рабочий, - спокойно, сквозь густую с проседью бороду говорил Жигор, держа в руке горящую трубку.

Дед, - сказал один из кулаков, - ты клянешься, а на тебе грех есть?

Грех, есть. Даже два, - и Жигор потянул из-за ворота рубахи испончку, на которой действительно висели два крестика.

Ландиты понизили тон и спросили Жигора, кто он здесь будет?

Я сторож, - невозмутимо ответил Жигор.

Ну, коли нет коммунистов, давайте ломать машины! - предложил один из кулаков.

Что вы, ребята, сыны мои! - остановил их Павел Давыдович. - Вы взяли город, возьмите всю Россию, а где вы возьмете машины, если будете их ломать? На них печатают книги, газеты, делают тетради для ваших детей...

Но, когда так, - смягчился тот, кто был с винтовкой, - ты, ведь карауль эти машины, а мы тебе привезем муки, картошки, хлеба. Хорошо?

Ну, плохо, ли..., - улыбнулся Жигор...».

После освобождения города наступили не менее тяжелые дни. Это было мрачное время непрерывных похорон, длившихся более двух месяцев. Убитых, а вернее, зверски замученных жертв восстания хоронили на Октябрьской площади. Здесь, в бранных могилах покоится и прах рабочих петропавловской типографии: Перминова Якова Иосифовича (его имя носит одна из улиц города), Павлова Дмитрия Васильевича, Данилова Тимофея Дмитриевича, Вишневого Бориса Николаевича, Гусельниковой Анны Андреевны, Коноваловой Евгении Иосифовны, Соколова Алексея Васильевича, Алтуфьевой Парасковьи Александровны, Баталовой Натальи Григорьевны. Все они были молоды и полны сил (лишь Перминову персвалило за 30). И почти все они были воспитанниками Павла Давыдовича. Перезжитые потрясения резко надломали и без того ослабленное

условиями труда здоровье Жигора. Тяжело заболев, он принимает решение уйти на пенсию. К этому времени рабочий стаж Павла Давыдовича составлял 45 лет.

Проводы Жигора на пенсию стали торжественным и памятным событием не только для коллектива типографии, но и города. 17 апреля 1921 года в клубе рабочих полиграфического производства состоялся вечер, посвященный ветерану. Кроме приветственных адресов и грамот от руководства Петропавловска, в честь Жигора был дан концерт и поставлен спектакль. Кстати, здесь ему вручили весьма ценный подарок: шитые из желтой кожи тужурку, брюки и сапоги. Однако, думаю, сердце старика больше всего порадовало другое: в этот день Жигору, первому из петропавловских печатников, да и рабочих всего города, было присвоено почетное звание Героя Труда. Через день, 19 апреля, местная газета «Мир труда» посвятила Жигору целую полосу под заголовком «Чествование Героя Труда». Примечательно, что эту страницу подготовили сами печатники. Среди материалов о своем старшем товарище они крупным шрифтом выделили текст: «Иди отдыхать, дорогой товарищ! С великим сожалением в наших сердцах мы расстаемся с тобой. Знай, что пролетарии записали твое имя на золотых скрижалях».

2003 г.

«НАШИ СИМПАТИИ... В СТОРОНУ РЕФОРМ»

85 лет назад, 18 февраля 1913 года в Петропавловске начинал выходить общественно-литературная газета «Приишимье» — самая влиятельная дореволюционная газета в нашем крае.

«Мы, не колеблясь, заявляем, что наши симпатии склоняются в сторону широких общественных реформ, — так начиналась передовая редакционная статья первого номера газеты. В ней говорилось: «Отдавая должное освещению текущих событий, мы главное наше внимание уделяем чисто местным пользам и нуждам, как-то: отстаиванию демократического строя в Сибири, защите производительных сил в деревне от хищнической эксплуатации капиталом, развитию просвещения, культурных способов ведения хозяйства, кооперативному движению.

Мы также освещаем все то темное и нерадивое, что вносит морализацию и губит общественную инициативу... Мы верим, что в тайниках народного бытия струится начало новой культурной жизни, и с этой верой, с верой в осуществление светлых порывов мыслящей части общества, мы вступаем на тернистый газетный путь».

Вся предшествующая издательская эпопея в нашем городе свидетельствовала о том, что путь, на который вступала газета, был не только тернист, но и опасен. Не избежало этой участи и «Приишимье». Только в первый год издания в газете смелось четыре редактора, а причина была одна: смелая, критическая публикация. Время от времени в газете появлялась информация, подобная той, которая была напечатана в июньском номере за 1914 год: «Постановлением акмолинского губернатора редактор Т.В. Тючкалова подвергнута штрафу на 200 рублей или аресту на один месяц за статью «Учительские курсы»...

Однако, несмотря на препоны, газета продолжала выходить даже выполняла функции своеобразного политического клуба. В 1916 году именно в стенах редакции (здание находилось в углу улиц Ленина и Первомайской) был сформирован социал-демократический кружок, в который вошли учителя гимна-

зии и училищ С.И. Редников, Б.Б. Поволоцкая, Л.Я. Малышев и другие. Этот круг интеллигенции был особенно близок к газете. Ее отеческое внимание к местным социал-демократам наиболее ярко проявилось в июньские дни 1917 года. В тот период когда в результате ожесточенных политических столкновений влияние социал-демократической организации в городе практически оказалось на нуле, а лидер партии А.М. Поволоцкий стал мишенью для злобных упреков и презрительных насмешек. Положение было настолько серьезным, что Поволоцкому пришлось спешно и навсегда покинуть Петропавловск. Тогда же, в очередной раз «Приишимье» проявило свой независимый характер, напечатав статью редактора Л.С. Ушакова под заголовком «То, что было и чего не должно быть».

Гневная отповедь редактора была адресована прежде всего городской эсеровской организации и ее газете «Степная речь».

Дальнейший ход политических событий явился полной неожиданностью для господина Ушакова. Всего через несколько месяцев после выхода публикации оказавшиеся у власти социал-демократы безоговорочно поддержали ленинский декрет о печати и произошло то, чего безуспешно добивались царские чиновники: в декабре 1917 года газета «Приишимье» с ярлыком буржуазного печатного органа была закрыта.

После падения советской власти, в июне 1918 года выход газеты возобновился. Только это была уже другая газета, хотя коллектив ее почти не изменился. Не было прежнего оптимизма и надежды на будущее. Появились растерянность и даже заискивающий тон, с каким, например, подавалась информация о белочехах. Их газета называла не иначе как «наши бескорыстные освободители». Если раньше «Приишимье» весело иронизировало, то теперь оно откровенно раздражалось по поводу «общественной спячки» в Петропавловске, равнодушия обывателей к судьбе страны.

*Вам, погрязшие в перинах,
Вам, заплывшие от жира,
Вам хочу я в этой песне
Крикнуть громко пару слов.*

*Утонув в житейских тинах,
Ждете вы кончину мира?
Ну а мир, хоть ты тут тресни,
Все ж к кончине не готов!*

Но строки из стихотворения «Петропавловские вопли». Оно было напечатано под псевдонимом «Роланд» за несколько дней до колчаковского переворота...

Режим «верховного правителя» не мог вдохновлять газету, но еще больше ее пугала перспектива советской власти. В одной из политических статей она дала ей такую характеристику: «Главное иго татарское ничто по сравнению с тем игом, которое ожидает страну в настоящее время. Иго большевизма - это иго людей, отрекшихся от наций».

Прошли десятилетия со времени выхода газеты «Приишимье», однако пожелтевшие страницы увесистых подшивок ценности своей для нас не утратили. Ибо это живая история, богатейший источник информации о переломном и, вероятно, самом драматическом периоде нашего прошлого. Одна беда: сегодня этот источник находится за границей, в архивах Омска и Москвы.

1997 г.

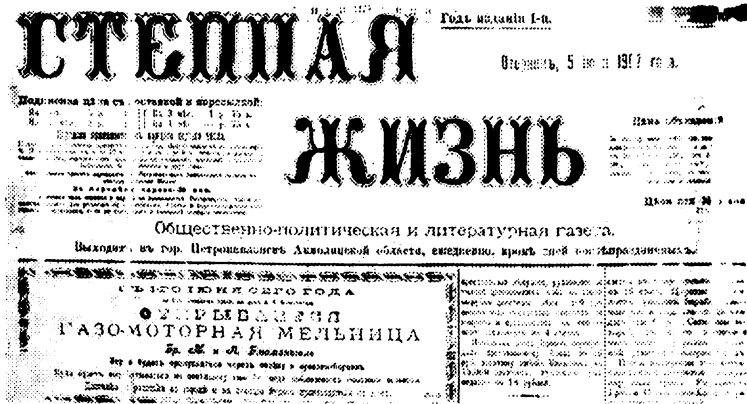
ПЕРВАЯ ГАЗЕТА ПЕТРОПАВЛОВСКА: «СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ» - ДРУГАЯ ВЕРСИЯ

3 июня 1907 года в царской России была разогнана Государственная дума - это означало полную победу самодержавия в первой русской революции. В стране наступило время реакции.

На севере Казахстана поражение революции ощущалось еще остро, как и в центре, в промышленных регионах страны. Еще в декабре 1905 года по всей Сибирской железной дороге, включая Акмолинскую область, было введено военное положение. В январе 1906 года военно-полевые суды уже действовали на всей территории Казахстана.

Чтобы представить атмосферу, в которой жил, в частности наш город, приведу документ, изданный летом 1907 года - обязательное постановление степного генерал-губернатора учащихся в учебных заведениях г. Омска и г. Петропавловска.

- 1) Все учащиеся обязаны носить установленную для каждого заведения форму.
- 2) Воспрещается: а) хождение по улицам группами, б) сидеть на уличных скамейках, в) прогулки по улицам с наступлением темноты.
- 3) На право посещения театра учащиеся обязаны иметь установленные билеты, выдаваемые начальником учебного заведения.

- г) В театре учащимся воспрещается входение за кулисы и в буфет.
- д) Воспрещается устройство в помещениях учебного заведения спектаклей и концертов, литературно-музыкальных вечеров.
- е) Учащиеся обязаны иметь при себе выдаваемые начальником учебного заведения билеты, удостоверяющие их личность, и предъявлять таковые по требованию полиции.

**В.В. Куйбышев,
1907 г.**

Издаваемые в Омске общественно-политические газеты («Голос степи», «Степное эхо», «Степной вестник», «Иртыш») поочередно закрывались полицией, так что к началу 1907 года в Степном крае не было ни одного свободного печатного органа. И вот в этом наступившем безмолвии 3 июня 1907 года в Петропавловске вышел в свет первый номер независимой общественно-политической и литературной газеты «Степная жизнь». Причем газета имела явную социал-демократическую направленность.

Полиция спохватилась тогда, когда был отпечатан уже четвертый номер. Оказавшиеся на руках читателей несколько номеров «Степная жизнь» сумели рассказать о главном и наболтавшем: об антинародной политике царизма, о негативах Столыпинской крестьянской реформы, о тяжелых условиях труда городских служащих, о местных профсоюзах, о социал-демократическом движении в России и т.д.

Событие огромной важности, выход в провинциальном городе свободной и независимой газеты, произошло, прежде всего, благодаря безоглядной юношеской дерзости 19-летнего Иллариана Куйбышева и, конечно, его большому организаторскому таланту.

Куйбышев приехал в Петропавловск во второй половине мая 1907 года с особым заданием Омского коллектива РСДРП: в кратчайший срок организовать выпуск газеты в городе, где появление социал-демократического органа печати меньше всего ожидалось. Дело в том, что накануне, в феврале 1907

года, была жестоко поби-
на профсоюзная забастовка
Петропавловских железнодорож-
ных рабочих. Партийная, проф-
союзная организации райо-
ны, активные участники за-
бастовки арестованы и вышле-
ны за пределы края.

Однако, направляясь
Петропавловск, несмотря на
сложную обстановку, Куйбышев
рассчитывал на помощь
определенного круга лиц, мно-
гих из которых он знал лично.
Главная надежда возлагалась
на присяжного поверенного
владельца типографии и ре-
дактора печатавшегося в го-
роде малоформатного «Сибир-
ского справочного листка»
Константина Ивановича Гер-

кулесова. Судя по публикации в «Листке», Геркулесов отличался
смелостью и независимостью взглядов. Так, он открыто со-
чувствовал железнодорожным рабочим и их семьям, пострадав-
шим за участие в забастовке. Вот что мы читаем в «Листке»
за 28 апреля 1907 года: «Семьи железнодорожных рабочих,
уволенных за февральскую забастовку, печально завершившу-
юся арестом одних и увольнением без права поступления вно-
других, испытывают в настоящее время острую нужду... ос-
тавленные здесь семьи израсходовали последние крохи сбере-
жений (если они были), распродали и просили последний скраб.
Впереди печальная картина скитаний и голода...».

Мы не знаем, как удалось Куйбышеву, который, кстати, пред-
ставился студентом Петербургской военно-медицинской ака-
демии, убедить Геркулесова фактически полностью передать
приезжему молодому человеку редактирование первой петро-
павловской газеты. Известно лишь, что «Листок» за 26 мая
предупредил читателей о том, что в июне вместо данного из-
дания будет выходить общественно-политическая и литерату-
рная газета под названием «Степная жизнь».

Они и Геркулесов ранее знал Куйбышева, но, несомненно, знакомым с его отцом - личным дворянином, участником русско-японской войны, имевшим боевые награды, подполковником Владимиром Яковлевичем Куйбышевым. С 1889-го по 1906 год Владимир Яковлевич служил начальником Кокчетавской уездной команды и по личным и служебным делам не раз посещал Петропавловск. Возможно, благосклонность Геркулесова к Куйбышевым объяснялась именно уважением к главе семьи Куйбышевых. Несомненно также и то, что каким бы ни был доверительным разговор между бывшим и новым редакторами, всей вероятности о себе Куйбышев сказать не мог. Не мог сказать он и о том, что, находясь в Петербурге, не посещал занятия в Академии, а с головой ушел в революционную работу. В конце 1905 года полиция выследила его, и Куйбышеву пришлось бежать в Омск. К этому времени Валериан уже был отчислен из военно-медицинской академии за систематические пропуски лекций. В Омске по поручению комитета РСДРП Куйбышев выполнял пропагандистскую работу на огромной территории от Новокузнецка до Кургана. В ноябре 1906 года последовали арест, заключение в тюрьму, затем в апреле 1907 года ссылка в город Каинск. Но вместо Каинска Куйбышев уехал в Томск, где принял активное участие в организации так называемой «военной группы» при местном комитете РСДРП.

24 мая 1907 года начальник томского охранного отделения доносил в Департамент полиции о том, что в числе руководителей военной организации при Томском комитете РСДРП значится «без определенных занятий Валерий Иванович Куйбышев». Таким образом, именно в те дни Куйбышев вел в нашем городе организаторскую работу по выпуску газеты, сбившаяся с ног полиция объявила о его поимке.

Куйбышев торопился: его могли арестовать в любой момент. И в этой ситуации организаторский талант молодого редактора проявился с особой силой. Примечательно, что как выдающийся организатор Куйбышев проявил себя, еще будучи в том, когда в 16-летнем возрасте вступил в Омскую организацию РСДРП. Об этом раннем периоде его революционной деятельности один из соратников Куйбышева вспоминает:

«Высокий, стройный, широкий в плечах, совершенный мальчишка по возрасту, он тем не менее производил обаятельное впечатление на своих товарищей. Он появлялся на школьных кружках в своей кадетской серой шинели, при тесаке и в ботинках с шипами, которые отчаянно громыхали. Его появление вызывало шутки, смех, который Куйбышев удачно парировал и разительного смеялся сам и заражал своим смехом окружающих. Уже тогда он поражал своими организаторскими способностями, а также способностью быстро схватывать и разбираться в вопросах теории и тактики...».

В сжатые сроки Куйбышеву удалось сплотить группу сотрудников газеты - это были, прежде всего, корреспонденты, которые по понятной причине публиковались без подписей. Материалы «Степной жизни» отличались не только глубоким анализом общественно-политической жизни, но и оперативностью. Так, в третьем номере газеты за 6 июня сообщалось о проходившем в Лондоне V съезде РСДРП, который завершился своей работой всего две недели тому назад: 19 мая 1907 года. Доставить такую информацию в Петропавловск мог только специальный курьер.

Как организатору и фактическому редактору газеты перу Куйбышева, вероятнее всего, принадлежат передовицы. Они отличаются широтой мысли, достоверностью, а также глубокой душевной болью и нескрываемым негодованием, которое

...переходит в саркастическую насмешку. Вот строки из «Степной жизни» за 6 июня: «1 июня правительством послан щелчок народу, оскорбив, предав суду его издателя 25 членов социал-демократической фракции парламента. Последствие чего они лишены права посещать собрания. Из них 16 человек более видных, более талантливых и способней народных нужд должны быть заключены в тюрьму. Это не надругательство над идеей народных представлений? Это ли не отрицание всякой конституции?! Не поправок ли требуют депутаты - долой ее!»

Щелчок Петропавловцев, этот щелчок должен задеть особенно сильно, потому что представитель Акмолинской области Шарпилов принадлежит к числу привлеченных к судебной ответственности...».

«Степная жизнь» газеты измерялась всего тремя номерами, она не могла привлечь большое внимание местного общества. И не только в Петропавловске. Не случайно в каждом номере газетного бюллетеня читателям о подписке на «Степную жизнь» в городах Омске, Кургане, Ишиме, Акмолинске, Кокчетаве. Вот почему о расправе над газетой стало известно далеко за пределами Петропавловска. По этому поводу челябинская газета «Голос Приуралья» за 17 июня 1907 года поместила такую информацию: «При выпуске четвертого номера «Степной жизни» редактор узнал, что на газету сделан донос Степному генерал-губернатору, и четвертый номер не выпустил сам, думая этим избежать от полицейского воздействия. Но расчет не оправдался. 9 июня в 6 часов вечера в дом редактора-издателя господина Геркулесова явилась полиция с жандармами и, опечатав типографию, произвела обыск, не найдя ничего преступного».

Сразу после закрытия газеты в городе началась волна арестов тех, кто, так или иначе, был причастен к выпуску «Степной жизни». В числе арестованных и высланных за пределы края оказались железнодорожники: токарь депо Михаил Андреевич Вагин, слесари депо Яков Степанович Побелянский и Иван Васильевич Шмаков, конторщик услуг тяги Иван Дмитриевич Красильников. В Петропавловске был также арестован бывший учитель, титулярный советник Ипполит Иванович Сериков. В те же июньские дни в Омске подвергся аресту при-

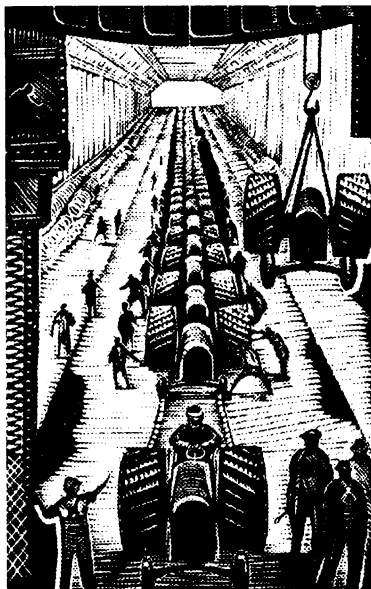
сяжной поверенный Константин Андреевич Попов. В то время русской революции он входил в состав Омского комитета РСДРП.

Куйбышеву удалось бежать. Издание и редактирование петропавловской газеты - это всего лишь маленький эпизод в его политической деятельности Валериана Владимировича. Не менее первый редакторский опыт оставил особый, глубокий след в его памяти. Спустя 12 лет, в 1919 году, в своей биографии, посвященной самым главным событиям жизни, написал: «...поехал в Петропавловск, где работал профессионалом в партии и в то же время по решению организации начал редактировать и издавать легальную газету, которая на четвертом номере была закрыта, типография опечатана, а мне пришлось скрыться...».

26 лет спустя, 19 января 1933 года по заданию Куйбышевского областного историко-краеведческого музея поступила телеграмма из Москвы, в которой, в частности, говорилось: «...было бы крайне желательно получить комплект газеты, издававшейся в Петропавловске в 1907 году... И закрытой цензурой за помещение статей революционного характера...». Копия этой телеграммы хранится в фондах областного музея.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что юбилей нашей первой городской газеты - это важный повод воздать должное памяти В.В. Куйбышева, выдающегося политического государственного деятеля, имя которого неразрывно связано с историей Петропавловска.

2007 г.

ИСТОРИЯ ПРОФСОЮЗОВ

...И ВСПЫХНУЛА СТАЧКА

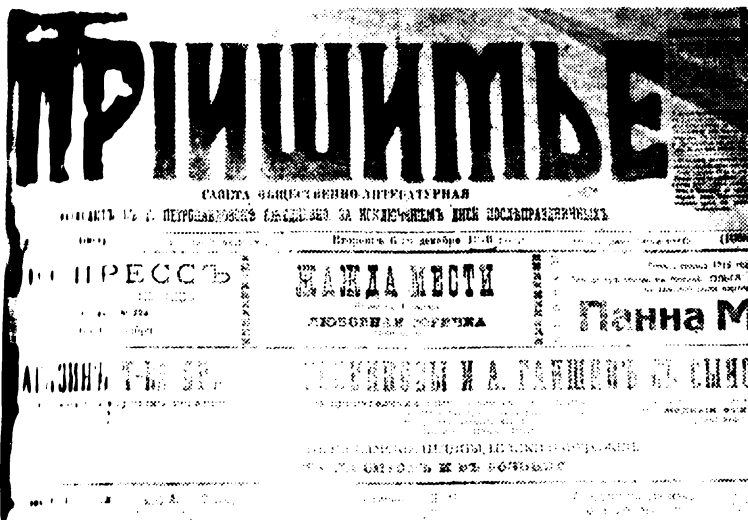
Осенью 1918 года под эгидой временного сибирского правительства функционировала городская дума и управа. Город Петропавловск несли чешская команда под руководством коменданта города поручика Комарека. Регулярно через еженедельную эсеровскую газету «Приишимье» Комарека обращались к жителям города с грозными приказами и объявлениями, содержание которых раскрывало полную беспомощность стражи порядка и являлось замечательной иллюстрацией к неслыханной ситуации с момента белочешского переворота революционной борьбе в нашем крае.

Так, 15 августа комендант уведомлял читателей газеты следующим: «Ниже перечисленные военнопленные красноармейцы и красногвардейцы, будучи уволены на работы с обязательством являться по воскресеньям для регистраций... без цели неизвестно куда... (далее шел список бежавших, их приметы)... в случае появления перечисленных лиц под надежной охраной доставить в вверенное мне комендантское управление для предания военному суду».

Конечно, кроме угроз, газета, будучи рупором буржуазно-правительства, на все лады расхваливала новый, «демократический» порядок, уверяла в своей любви к народу. Неожиданные демагогические заверения властей были оборваны стачкой типографских рабочих. Забастовали одновременно рабочие двух городских типографий «Прогресс» и «Сотрудничество». Выпуск газеты «Приишимье» прекратился в первых числах сентября.

В условиях военного времени стачка типографских рабочих - чрезвычайное происшествие. Тщетно стремились местные власти сгладить конфликт между рабочими и владельцами типографий, скрыть случившееся от читателей. Следующий номер газеты вышел только 1 октября. Он имел странный вид: газета была в одну страницу.

Поводом к стачке послужил отказ хозяев типографии выплатить денежное жалование за месяц вперед призванным в белую армию четверым рабочим-печатникам. Обстоятельства времени и солидарность рабочих вынудили владельцев типографии «Сотрудничество» пойти на уступки, а типография «Прогресс», опираясь на поддержку военных органов, решила заманить бастующих рабочих военнопленными. Руководство забастовки

откой осуществлял союз рабочих печатного дела. Есть сведения о том, что правление союза имело непосредственную связь с большевистским подпольем. Стачка проходила в период массовых репрессий, зверств карательных банд, расстрелов по решению военных судов. Все это хорошо знали рабочие. Но ни голод, ни угрозы расправы не остановили их борьбы. Анонсовка продолжалась до февраля 1919 года и прекратилась только под нажимом реакционного Всесибирского совета профсоюзов.

В числе активных участников забастовки был тогда 25-летний наборщик типографии «Прогресс» Кузьма Павлов. В истории местной типографии имя этого человека занимает особое место. Не только потому, что более полувеска своей жизни Павлов отдал печатному делу, пройдя за эти годы путь от ученика до начальника наборного цеха; и не только потому, что революционное прошлое, история профессионального союза типографских рабочих - это и строки из его биографии.

Павлов был еще и активным корреспондентом нашей газеты, летописцем трудовой и общественной жизни рабочего коллектива типографии. Его статьи - уникальный источник, дающий сведения о революционной борьбе типографских рабочих в период гражданской войны. Сегодня немало красаведов рес-

публики ссылаются на статьи Павлова. Кстати, Павлов написал не только статьи. Опубликован в газете и ряд его стихов. Но они посвящены соратникам по борьбе, ветеранам труда.

- А ведь Кузьма Иванович занимался не только историей типографии, у него было много написано и по истории города. Так начала рассказ Александра Пантелеймоновна Цицлова: маленькая, аккуратная старушка, жена Кузьмы Ивановича. Только бумаги его я не сохранила. Вскоре после его смерти (К.И. Павлов умер в 1967 году), ко мне приехала писательница из Талды-Кургана и попросила черновики Кузьмы Ивановича. Сказала, что нужен материал для книги...

Александра Пантелеймоновна живет на окраине нашего города (ул. Театральная, 2) в том самом домике, который строил сам Кузьма Иванович и куда вошла она в один из далеких весенних дней молодой хозяйкой. Александра Пантелеймоновна неторопливо перебирает документы из видавшей виды папки, поясняя каждый. Это многочисленные грамоты, архивные справки, подтверждающая, что Павлов избирался в городской совет от союза полиграфистов, трудовая книжка, фотографии.

- Что еще принадлежало Кузьме Ивановичу? - переспросила моя собеседница и, немного подумав, показала на портрет Владимира Ильича Ленина. Это был большой бумажный портрет вождя под стеклом и в потемневшей от времени рамке. Сам покупал. И рамку сделал сам. До этого висела небольшая фотография, без стекла. Фотография начала тускнеть от времени. Вот и решил Кузьма Иванович сделать все как следует. Очень дорог был ему Ильич...

1987г.

ПЕРВЫЕ ПРОФСОЮЗЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ

Участок Сибирской магистрали Петропавловск - Омск стал центром профсоюзного движения железнодорожников Казахстана (Н. Шафиро. «Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане»).

Поздним вечером 9 мая 1906 года на небольшой поляне за татарским кладбищем, соблюдая осторожность, собралась группа железнодорожных рабочих. Предстояло решить важные, разрешенные законом вопросы, главный из которых - организация негального профсоюза рабочих депо. Полгода назад, в 1905 году, в начале первой русской революции, царь подписал Манифест от 17 октября 1905 года, который, в частности, давал право народу на профессиональные объединения. Однако изданный 4 марта 1906 года первый в России Закон о профсоюзах лишил такое право железнодорожников, учителей, государственных служащих и ряд других работников.

Тайная сходка назначила ответственными за организацию профсоюза рабочих депо слесаря Ефима Васильевича Васильева и медника Марка Степановича Белокопя. Тут же обсуждались основные пункты устава объединения, за основу которого

брался устав Омского железнодорожного профсоюза. Там решено, что каждый член союза должен вносить 1% от зарплаты в «рабочую кружку» - кассу общества и 1% - в кассу культурного комитета. На полученные средства предстояло открыть столовую, организовать библиотеку, оказывать материальную помощь членам профсоюза и безработным.

«Никаких профсоюзных билетов у нас сначала не было, вспоминает слесарь депо Трубицин, - потом появились небольшие книжки, в которых делались отметки об уплате взносов. Фамилия владельца не указывалась».

Уже через два-три месяца после принятой программы действий профсоюз железнодорожников находился фактически в полулегальном положении. К концу лета 1906 года в нем числилось 210 человек - это больше половины всех рабочих депо. Содержание «рабочей кружки» составляло на этот период около двух тысяч рублей - по тому времени это была большая сумма. При активном участии профсоюза впервые летом 1906 года на железнодорожном вокзале были организованы встречи с политзаключенными, которых отправляли в ссылку в поездах, проходивших через станцию Петропавловск. Работала драмкружок, функционировала библиотека на квартире у токаря депо Михаила Андреевича Вашина. Большой популярностью не только на станции, но и в городе пользовался струнный оркестр железнодорожников. Его музыкальные номера нередко

Петрозаводск.
Михаилы Тито Ев. Овсепьяновича и А. Улановича.

жизни открытой эстрады в городском

В том 1906 года профсоюз одержал первую победу на правовом поле. Представители успешно завершили переговоры с администрацией депо о возвращении на работу вернувшихся из ссылки активистов Всероссийской октябрьско-политической стачки.

Характеризуя деятельность петропавловского профсоюза, важно отметить, что в его правах районного комитета входил также и Омскую областную профсоюзную организацию железнодорожников и постоянно получал поддержку и помощь (в том числе материальную) омских товарищей. На перемычки в жизни станционного поезда полиция, конечно, обратила внимание, но пока никаких мер не предпринимал. Такая лояльность власти объясняется тем, что в середине 1906 года Петропавловск, как и вся провинциальная Россия, переживал наивысший подъем общественной и политической жизни в период революции. Это было время, когда самодержавие еще колебалось и готово было идти на уступки. Однако уже осенью ситуация резко изменилась. Начались преследования активистов профсоюза. Но самые тяжелые, невосполнимые потери организация понесла в феврале следующего, 1907 года.

Все началось 7 февраля 1907 года на станции Омск, когда рабочие депо отказались выполнять задание по новым, заниженным расценкам. 12 февраля по той же причине забастовка приняла массовый характер. Отказавшись от переговоров со стачечным комитетом, администрация дороги уволила всех бастующих, а это около трех тысяч рабочих.

О том, как отозвались эти события на станции Петропавловск, поведала омская газета «Голос степи» от 17 февраля 1907 года: «Утром 12 февраля начальник депо станции Петро-

Г.И. Идрисов

К.Г. Сутюшев

павловск, собрав рабочих, предложил желающим отправиться в Омск для замены бастующих». Тотчас же было созвано собрание, которое постановило отказать от предложения, и для выяснения отношений к забастовщикам - собраться снова после обеденного перерыва.

После обеда, на втором собрании, рабочие депо единогласно высказались за забастовку и, предъявив администрации те же требования, что и омичи, покинули работу».

Рабочие петропавловского депо были единственными, кто открыто заявил о солидарности с бастующими железнодорожниками Омска. Попытки поддержать омичей предпринимались и на других станциях, но там они мгновенно пресекались.

Уже в первые часы забастовки наводненная солдатами станция Петропавловск напоминала военный лагерь. Если в Омске с бастующими соблюдалась осторожность, то здесь действовали по-другому: рабочих силой, под конвоем, заставляли идти полным нарядом. В то же время шли массовые увольнения и аресты.

14 февраля забастовка петропавловских железнодорожников была подавлена. Профсоюз разгромлен. Но вот что удивительно: в мрачные дни тотальной слежки и арестов группе профсоюзных активистов (всего 14 человек) во главе с Ефимом Васильевым все-таки удалось избежать ареста. Об этом свидетельствует официальное уведомление управляющего канцелярией Степного генерал-губернатора, направленное 3 мая 1907 года на имя начальника Омской железнодорожной полиции «Канцелярия по приказанию главного начальника края уведомляет Ваше Высокоблагородие, что бывшие мастеровые депо станции Петропавловск, подлежащие высылке в Вологодскую губернию, сами выбыли из пределов города Петропавловска и со станции Петропавловск неизвестно куда, не получив даже расчета в конторе депо. О розыске этих лиц и выдворении их этапным порядком в Вологодскую губернию сделано соответствующее распоряжение уездным начальникам и омскому полицмейстеру».

«Год тому назад я был в Петропавловске и поражался глупым, унылым видам города... Теперь же у горожан затеплился свет сознательного отношения к жизни».

(Из корреспонденции омской газеты «Степной пионер» за 4 августа 1906 года).

Петропавловск начала XX века - это небольшой торговый город с кустарным производством и населением менее чем 40 тысяч человек. От железнодорожной станции его отделял трехкилометровый пустырь, поэтому здесь текла своя, несколько обособившая жизнь. Однако и для Петропавловска 1906 год стал годом начала профсоюзного движения, хотя оно и уступало ему в железнодорожном по массовости и накалу борьбы.

Покалужуй, первыми из горожан, кто проявил «сознательное отношение к жизни» в годы революции, были работники почтово-телеграфной конторы. О своем активном стремлении к профессиональному объединению они заявили еще в конце 1905 года, когда 15 ноября в Москве открылся I Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих. В тот же день стало известно, что по распоряжению председателя Совета министров С.Ю. Витте все организаторы съезда были уволены со службы. Реакцией на такое решение явилась резкая телеграмма от председателя центрального бюро Союза связистов на имя Витте, в которой день 15 ноября объявлялся началом Всероссийской забастовки почтово-телеграфных служащих.

Маленький коллектив петропавловских почтовых работников, с напряжением следивший за работой съезда, без колебаний примкнул к всеобщей забастовке связистов, предварительно направив в Москву телеграмму: «Собрание с восторгом прочло вашу депешу на имя Витте. Ура! Радуемся вашей стойкости».

К большому разочарованию (как почтово-телеграфных служащих, так и учителей) закон от 4 марта 1906 года запрещал им иметь свой профсоюз. 30 декабря 1906 года педагогам города удалось учредить лишь Общество вспомоществования бедным учащимся Петропавловского реального училища и женской гимназии. Царский закон, запрещававший государственным служащим профсоюзы, в то же время позволял им вступать в союзы интеллигенции, которые в масштабе страны объединялись в так называемый «Союз союзов». Петропавловская интеллигенция (учителя, врачи, чиновники, учащаяся молодежь и т.д.) не упустила своих прав: весной 1906 года в городе был официально зарегистрирован «Петропавловский прогрессивно-политический союз».

О работе союза рассказал в декабре 1906 года на допросе в полиции один из его организаторов, студент Иван Венедиктов:

«Наш союз образовался с целью самообразования и просвещения народа по общественным вопросам. Прежде всего нужно было разъяснить основы гражданского строя: что такое гражданская свобода, что такое Государственная Дума, Конституция и т.д.

В нашу программу входило распространение в городе и в уезде брошюр и книжек, устройство народных чтений, а по возможности и митингов. Было избрано бюро из нескольких человек для выполнения работ по покупке и рассылке книг, по устройству чтений и митингов. Но каждый работал тогда, когда у него было свободное время, и состав бюро постоянно менялся. Строгой организации не было. Вот почему союз в конце 1906 года начал сливаться с Обществом попечения о бедных в Петропавловске, имеющим аналогичные цели. Члены союза заняли свои вклады в общество и стали совместно заниматься просветительской деятельностью. Сейчас Общество попечения о бедных постановило отпустить 300 рублей на устройство библиотеки и еще дополнительную сумму - на покупку книг».

Идея о создании собственного профсоюза в тот памятный 1906 год захватила в Петропавловске работников многих специальностей: булочников, пивоваров, мукомолов, извозчиков, печатников. Однако самым массовым, жизнестойким, сумевшим преодолеть на своем пути все трудности, оказался лишь один профессиональный союз - союз приказчиков. Его полное название - Петропавловское общество взаимного вспоможения приказчиков. Характерно, что именно этот профессиональный союз получил самое широкое распространение в Казахстане. Кроме приказчиков, общество объединяло конторщиков, бухгалтеров, кассиров, других работников торговли, а также ремесленников.

Устав общества приказчиков был утвержден 18 октября 1906 года. Это стало заметным событием в жизни города, хотя документ не отвечал всем чаяниям торговых служащих, положение которых было крайне тяжелым и несправедливым. При мизерном жаловании их рабочий день длился до 16 часов. Права на отдых в праздничные и воскресные дни, а также на трудовой отпуск отсутствовали. К тому же существовавшая в царской России «Хартия» давала право хозяину распоряжаться подчиненными по своему усмотрению и с «домашней строгостью», т.е. разрешала рукоприкладство.

И принятом уставе предоставлялось право только на культурно-просветительскую деятельность. Главный же пункт устава - право на нормированный труд - был вычеркнут. Это не означало, что торговые работники смирились со своим положением. За все время существования общества (до 1917 года) различные вопросы не снимались с повестки дня. Боевую позицию Петропавловского общества приказчиков заметила даже большевистская газета «Правда». 23 мая 1912 года газета опубликовала сообщение о собрании торговых служащих города Петропавловска, на котором был выражен резкий протест против 12-часового рабочего дня приказчиков по проекту закона Государственного совета. В те годы трудно было представить культурную жизнь города без участия общества. Спектакли, музыкальные вечера, лекции, балы, маскарады, детские утренники и все эти мероприятия проходили с аншлагом и, как правило, с благотворительной целью. Никогда ранее художественная самодельность в городе не переживала такого подъема. Среди особо популярных у горожан коллективов был духовой оркестр, в котором играли приказчики самого большого в Петропавловске универсального магазина, и татарский музыкально-драматический кружок. Впоследствии татарский самодельный коллектив составит труппу первого в Казахстане татарского государственного театра (этот театр работал в Петропавловске с 1920-го по 1937 год). Успешная деятельность общества во многом зависела от общественной поддержки, которая выражалась главным образом в материальной помощи. Вот пример. На конец 1907 года в кассе общества находилось 1765 рублей, из них 732 рубля поступили от спектаклей, вечеров, буфетов, утренников и т.д. и 1033 рубля - от пожертвований.

Устойчивое финансовое положение позволило обществу вести благотворительную деятельность, со временем открыть свой клуб, курсы бухгалтеров и библиотеку, которая, кстати, ежегодно выписывала журналы «Приказчик Сибири» и «Вестник приказчика» - орган Всероссийского союза служащих торгово-промышленных предприятий.

Начиная с 1912 года, когда в Петропавловске стала регулярно выходить газета «Ишимский край» (с февраля 1913 года - «Приишимье»), на ее страницах появилась постоянная рубрика: «В обществе приказчиков». Тон публикаций явственно говорил о сочувствии торговому служащим.

Примечательно, что приказчики нередко были более образованными и сведущими людьми, чем их хозяева. В большинстве своем они являлись выпускниками торговых школ, куда поступали после окончания городских училищ. Такая школа была и в Петропавловске. Согласно уставу выпускники торговой школы должны были владеть русским, казахским, монгольским и одним из других языков.

Неудивительно, что в числе выдающихся, известных в Казахстане личностей есть бывшие приказчики. Среди них Аман Абдрашитов, Сабир Шарипов, Карим Сутюшев, Гарифуллин, Шарипов и другие. Память о Кариме Сутюшеве, начинавшем свою общественную и политическую деятельность в петропавловском обществе приказчиков, живет в названии одной из центральных улиц нашего города.

2004 г.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОФСОЮЗА УЧИТЕЛЕЙ ПЕТРОПАВЛОВСКА

(О чем рассказали материалы областного архива)

До революции царское правительство всячески препятствовало образованию профсоюза учителей. Такого Союза не было не только в Петропавловске, но и во всем Казахстане. 12 апреля 1917 года, 90 лет назад, Временное правительство издало Закон об обществах и союзах, явившийся тогда самым прогрессивным в мире.

Свидетельством тому, с какой надеждой и с каким ликованием восприняло учительство страны, в том числе и Северного Казахстана, новый закон, может служить тот факт, что уже 25 мая в городе Омске открылся краевой профессиональный съезд учителей Западной Сибири. В числе других на нем присутствовали делегаты от Петропавловского уездного учредительного съезда учителей.

Материалы первого профсоюзного съезда учителей Петропавловского уезда, который прошел в апреле 1917 года, к сожалению, в областном архиве не сохранились, но есть другой важный документ, который, думаю, с полным правом можно процитировать, т.к. он отражает настроение и помыслы учительства всего нашего края.

... отчет о первом сво-
... воем съезде учителей Ак-
... млинского уезда, проходив-
... 15-го по 29 апреля 1917
... . Отчет начинался сло-
... «Первая весть о новой
... о свободе всколыхну-
... но и вынужденно мол-
... шавшее учительство. Оно
... ствовало неудержимую
... ривность сблизиться,
... ошниться. Жажда сво-
... ного слова, жажда обще-
... овались в форму организации Акмолинского уездного учи-
... млинского общества, которое немедленно приступило к выяс-
... нно и носильному разрешению вопросов о нуждах школы и
... ительства...».

На этом съезде говорилось о не-
... ожности радикальных перемен в
... ре народного образования. В ча-
... сти, осуждалась устоявшаяся в
... лях практика содержания школ за
... ст родителей, требовались исклю-
... чение из школьных программ Закона
... божия, изменение методики препода-
... ния истории, которая преподноси-
... лась ученикам как история царей, а
... не как история народа, и т.д. При этом
... почти каждый выступающий приво-
... дил слова выдающегося педагога
... К Д. Ушинского, неустанно подчерки-
... вающего, что будущее страны зави-
... сит прежде всего от демократичес-
... кой, обновленной школы.

29 мая 1918 года в Петропавловс-
... ке открылся второй уездный съезд
... учителей. На этом съезде были при-
... няты Положение о трудовой демок-
... ратической школе и Устав Союза. К

А. К. Бочагов, 1922 год

**П.А. Овчинников.
Дореволюционная
фотография.**

счастью, документы съезда сохранились и мы можем познакомиться с тем, о какой школе мечтало учительство в то время. В крае почти сто лет тому назад. Вот некоторые пункты предложения о школе: «а) школа должна быть общедоступной, народной и демократической. Она должна готовить детей к умственному, так и к физическому труду; б) демократическая трудовая школа должна строиться не на слепом послушании, а на пробуждении творческих сил самостоятельности, инициативы и предприимчивости, в этой школе должны получить полную и свободное развитие воля и характер ребенка; в) школа должна заботиться о здоровье ребенка; г) она должна с самого раннего детства крепить и развивать внешние чувства, т.е. те органы, при помощи которых человек познает мир; для остроты и совершенствования развития внешних чувств необходимо большинство занятий с детьми перенести из душных комнат на открытый воздух - в поле, лес, летом занятия должны проводиться в деревне; д) ...игры, ручной труд, рисование, лепка, песни, рассказы о личных переживаниях и т.д. - всеми этими видами деятельности должна пользоваться трудовая школа; ж) особенно важен в воспитательном отношении коллективный ручной труд; з) вообще, обучение должно быть школой личных переживаний ребенка, оно должно приспособляться к особенностям его духовной жизни...».

Свою работу съезд завершил в роковую ночь с 30-го на 31 мая 1918 года, когда в городе был совершен белочешский мятеж. Делегаты знали о случившейся трагедии, но никто не бросился к оружию, и регламент заседания не был нарушен. 31 мая 1918 года в Петропавловске пала советская власть и фактически перешла в руки начальника казачьего штаба генерала Волкова. Через несколько дней после переворота правление Союза учителей все-таки отреагировало на мятеж. Дело в том, что два активных участника Союза оказались под арестом. Это были член Совдепа, комиссар народного просвещения, лидер местных эсеров Сергей Иванович Редников и ярый большевик Михаил Васильевич Басков. Правление Союза повело мирные переговоры с новой властью о выдаче на поруки учителей, и вскоре бывшие арестанты оказались на свободе. Причем, если Редников лояльно отнесся к новому режиму, то Басков скрылся из города и вновь заявил о себе после освобождения Петропавловска от колчаковских войск. В ноябре 1919 года

Петропавловский ревком назначил его руководителем уездного народного образования.

Общему же Петропавловское учительство в лице Союза заняло принципиальную позицию нейтралитета по отношению к врагам советской власти?

Ответ на этот вопрос есть в одном из документов архива. Прежде чем обратиться к этому важному документу, необходимо хотя бы кратко остановиться на общероссийской позиции учительского Союза.

В период революции в 1905 году в Москве состоялся первый Всероссийский съезд учителей. Всероссийский учительский союз (ВУС) царское правительство признало незаконным, а в силу своего нелегального положения Союз вышел только после Февральской революции. С первых дней уже свободный ВУС занял антибольшевистскую позицию. Он не признал Октябрьскую революцию и резко осудил разгон большевиками Государственной Думы. Петропавловский Союз учителей, созданный в 1917 году, входил в состав Всероссийского учительского союза и, следовательно, придерживался того же политического курса. Принципиальная позиция Всероссийского союза навлекла на него смертельный удар со стороны советской власти. Вместо очередного съезда прежнего Союза, в августе 1919 года большевики провели свой первый съезд учительства России. На этом съезде Союз учителей получил новое название - Союз работников просвещения (Рабпрос). В Петропавловске первый съезд Рабпроса прошел в январе 1920 года. В его подготовке и проведении принимал активное участие уездный партийный комитет. Съезд избрал председателем правления Союза Архипа Кузьмича Бочагова - человека от партии, редактора местной газеты «Мир труда».

В 1924 году в СССР с особым торжеством был отмечен пятилетний юбилей Союза работников просвещения. В Петропавловске также прошло торжественное заседание, посвященное пятилетию Союза. Самым замечательным документом сохранившегося протокола этого заседания является доклад об истории петропавловского Союза работников просвещения. Автор этого доклада - учитель почти с 20-летним стажем педагогической деятельности, активный участник профсоюзного движения Павел Александрович Овчинников. Его имя хорошо известно выпускникам школы №1 им. Ленина: здесь на протя-

жении нескольких десятилетий он преподавал физику. И в пятидесятые годы прошлого века за плодотворный и многолетний труд на ниве просвещения Павел Александрович был награжден орденом Ленина. Особая ценность выступления Чинникова заключается в том, что он сам лично прошел через все сложности профсоюзной жизни, прекрасно знал политическую обстановку и настроение учителей. Его яркое выступление, думаю, дает ответы на все вопросы, связанные с профсоюзным движением учительства в период гражданской войны на севере Казахстана.

А теперь обратимся к речи Павла Александровича. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что идеология учителя масс к моменту Февральской революции воспитывалась в атмосфере либеральных идей, создавших для Государственной Думы популярность среди русской интеллигенции. Помню, как мы зачитывались стенографическими отчетами ее заседаний и всякое смелое слово, говорил ли его Милюков, Керенский или Чернов, возводило сих ораторов на пьедестал исторических героев. Явно отрицательно мы относились к таким лидерам, как Пуришкевич, и не понимали крайне-левого крыла Государственной Думы. Учредительное собрание считалось нами политическим идеалом...

Свержение самодержавия и переход власти к правительству, выдвинутому Думой, мы приветствовали. Учительство Сибири впервые после революции организованно выступило в Омске на краевом съезде в мае 1917 года.

Как видно из резолюции съезда, учительство не ставило себя в авангард революции. В решении говорилось о новой школе, всеобщности обучения, приближении школы к жизни, сближении семьи и школы, недопустимости дисциплинарных воздействий, доведении школьной самодисциплины до школьной конституции, изгнании из урочных расписаний Закона Божия, совместном воспитании детей обоих полов, преподавании на родном языке в инородческих школах, дошкольном воспитании и многом другом. Смелая Временного правительства нас разочаровала, хотя авторитет Керенского оставался на высоте.

Октябрьская революция, поставившая нас перед диктатурой пролетариата, сильно озадачила, если не сказать - напугала. Во-первых, потому что явилась для нас неожиданностью, а

«...диктатура одной партии шла вразрез с тогдашним нашим мировоззрением. Нам казалось, что мы потеряли что-то бесценное... Еще больше мы были озадачены разрывом Учредительного собрания.

Этот момент породил недоверие к новой власти, которое усугубилось недоверием к нам со стороны последней, его резкой критикой по адресу интеллигенции, в частности - по нашему адресу».

В этой атмосфере взаимного недоверия, взаимного непонимания учительство все же считало себя в рядах пролетариата, отстаивая их интересы, свидетельство чему мы находим в Уставе петропавловского уездного Союза: «...учительство принимает участие в общей борьбе за интересы пролетариата против всех видов его угнетения и эксплуатации».

Второй съезд Союза завершился в роковую ночь 31 мая, когда уже было объявлено осадное положение. Так закончился первый период существования учительской профсоюзной организации.

А дальше? Дальше - чехи, румыны, казаки. И в школе водворились нагайки и штыки...

Приход советской власти в октябре 1919 года не застал в Петропавловске не только Союза, но и половины работников просвещения. В городе вместо 180 учителей было зарегистрировано 98.

«...Зато когда вторично большевики пришли, Союза просвещенцев они уж не нашли.

Кто дни свои закончил, кого зловещий рок
Закинул безвозвратно к японцам на Восток...».

Учительскую организацию пришлось создавать вновь...

Характерно, что после участия в юбилейном съезде Союза Павел Александрович отошел от профсоюзной деятельности и больше уже к ней не возвращался.

2007 г.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКИХ ПЕЧАТНИКОВ

Среди многочисленных исторических юбилейных дат связанных с событиями 1917 года, есть одна напроочь забытая лет назад, 12 апреля 1917 года, в России впервые вышел закон о независимых профсоюзах. На тот момент это был самый свободный, самый демократичный закон о профессиональных союзах в мире.

На территории России он просуществовал чуть более года а затем, в ходе исторических событий, подвергся нападкам и ущемлениям как со стороны белых, так и со стороны красных. Однако ограниченная жесткими хронологическими рамками короткая история свободных профсоюзов в России тем не менее поражает нас активной борьбой, творческой инициативой солидарностью трудящихся масс в борьбе за свои права.

Весной и летом 1917 года Петропавловск, как и всю Россию, охватил профсоюзный бум.

За короткий период в городе было создано более десятка профсоюзов: мукомолов, кожевников, булочников и кондитеров учителей, городских служащих, извозчиков и т.д.

Убедительным доказательством широких прав профсоюзов является тот факт, что избранный председатель правления любого Союза автоматически становился депутатом Совета. Так от профсоюза рабочих мельницы Муратова членом Совета стал Николай Павлович Щелоков, от союза учителей Павел Андреевич Батенев, от кожевников - Михаил Васильевич Комаров, от булочников и кондитеров - Василий Николаевич Иванов и т.д.

Среди профсоюзов города особой напористостью и боевитостью отличался профсоюз печатников, он образовался 1 августа 1917 года. Председателем правления Союза был избран штемпельный мастер Алексей Васильевич Петухов. Этот профсоюз объединял рабочих двух крупных типографий города: «Прогресс» и «Сотрудничество». Свое первое «боевое» крещение Союз принял в октябре 1917 года, когда организованно

...цельную забастовку с требованием повысить жалованья на 1,25%. В результате забастовки рабочие не только добились своих требований, но также под давлением бастующих вынуждены были внести важный пункт в коллективный договор, согласно которому профсоюз получал право наравне с работодателями принимать участие в приеме и увольнении работников типографии. В этой связи из профактива был создан специальный «Комитет внутреннего распорядка».

Половые комитеты создавались на промышленных предприятиях страны на основании дополнительного закона Временного правительства о профсоюзах от 23 апреля 1917 года.

О рабочих комитетах на промышленных предприятиях

Ранее Союз упрочил права на восьмичасовой рабочий день (для подростков - 6 часов), оплату больничных листов, добились содержания врача за счет хозяев. Причем бесплатные медицинские услуги оказывались не только членам профсоюза, но и их семьям. Особое место в профсоюзной работе занимала деятельность культурно-просветительной комиссии. Комиссия организовывала лекции, вечера, спектакли, в том числе и благотворительные. В ее ведении находились библиотека и школа грамоты (труд учителей оплачивался профсоюзом).

Петрозаводск.

Перспектив Вознесенский

Начавшаяся гражданская война резко затормозила профсоюзное движение, в ночь с 3-го на 31 мая 1918 года, когда в Петропавловске совершился белочешский мятеж, было арестовано немало профсоюзных активистов, в том числе и печатников.

Вечером 31 мая состоялось экстренное заседание Президиума Союза печатников, где обсуждалось два вопроса: а) немедленно принять меры к освобождению своих товарищей; в крайнем случае взять их на поруки; б) не допустить распада городских профессиональных союзов. С этой целью обратились с воззванием ко всем трудящимся города возложить на себя миссию по восстановлению деятельности Совета.

Можно только догадываться, каких усилий, каких мытарств стоило типографским рабочим исполнить намеченное. Тем не менее городской Совет был восстановлен и арестанты освобождены. Кроме одного. Мать, жена и маленький сын так и не дождались возвращения Алексея Петухова. В ночь с 13 на 14 апреля 1919 года он был убит конвоирами в числе других политзаключенных. «Вина» молодого рабочего заключалась в том, что он вступил в большевистскую партию.

После падения Советов всё, чем жил город, напоминало о войне: солдаты и патрули на улицах, толпы беженцев и военнопленных, а главное - голод. В этой обстановке работодатели отказывались от прошлых уступок, перейдя к «закручиванию гаек». Так администрация типографий в ультимативной форме потребовала роспуска «Комитета внутреннего распорядка». В условиях безработицы и тяжелой военной обстановки рабочие вынуждены были вступить в трудные, затяжные переговоры с хозяевами. Об открытой борьбе не могло быть и речи. Однако случилось то, что стало последней каплей в чаше терпения печатников. В августе 1918 года четверых рабочих (двоих - из «Прогресса», двоих - из «Сотрудничества») призвали на фронт (в белую армию).

Рассчитав рабочих-призывников, работодатели игнорировали пункт коллективного договора, в котором говорилось, что в подобных случаях администрация обязана выдать дополнительно месячный заработок и, кроме этого, на протяжении всей службы выдавать ежемесячно половину жалования семьям призывников. Так сложилось, что все четверо являлись единственными

и формильцами своих семей, которых теперь ждала голодная смерть.

Утром 31 августа 1918 года правление Союза объявило о чрезвычайном собрании, на котором обсуждался один вопрос: о немедленной забастовке в поддержку уволенных. Вызов поддержали все рабочие (96 человек). В этот же день в 2 часа произошла беспрецедентная в Казахстане забастовка петропавловских типографских рабочих. С первых дней она носила подчеркнуто мирный характер. Митинги, лозунги протеста, конфликты с военными - словом все, что могло послужить поводом для ареста, категорически исключалось, также категорически не допускалось распитие спиртного. Чаще всего рабочие собирались у здания типографии «Прогресс» на Вознесенском проспекте. Здесь они стояли на протяжении рабочего дня, а затем мирно расходились.

Первым на такую акцию протеста отреагировал комендант Петропавловска, чешский офицер Комарек.

Он явился к бастующим и на ломаном русском заявил, что не допустит, чтобы из-за забастовки страдало военное ведомство. Он потребовал незамедлительно приступить к печатанию военных приказов, объявлений, сводок и т.д.

На следующий день, 3 сентября, Комарек подписал приказ о применении вооруженной силы в случае отказа печатать военные материалы. Под угрозой ареста рабочие вынуждены были пойти на компромисс. На очередном собрании они решили, продолжая забастовку, удовлетворять требование коменданта, но с условием: оплата за работу должна поступать в кассу бастующих.

В середине сентября администрация типографии «Сотрудничество», где печаталась газета местных кооперативов «Единство», не выдержала единоборства: она приняла все требования бастующих. Этот первый успех еще более сплотил рабочих в борьбе за общую победу и улучшил их материальное положение: печатники из типографии «Сотрудничество» приняли решение поделиться заработком, попеременно предоставляя работу товарищам из типографии «Прогресс».

В последние дни сентября среди бастующих произошло ЧП: пятеро рабочих не выдержали всех тягот противостояния и согласились на посулы хозяев, вернулись к работе в типографии

«Прогресс», где печаталась городская газета «Принцип». Этот поступок вызвал настоящую бурю гнева среди рабочих. На срочном собрании при единодушном одобрении решено заклеить перебежчиков, словом «штрейкбрехеры» внести дополнительное требование о немедленном увольнении бывших товарищей.

Следует отметить, что это был единственный случай побежки бастующих в лагерь «противника».

Между тем администрация типографии «Прогресс» лично искала замену бастующим рабочим. После месячного перерыва, 1 октября ей удалось-таки выпустить газету с помощью учеников и военнопленных, знающих печатное производство. Однако жалкий, нестандартный вид газеты с «прилежными» буквами никак не мог свидетельствовать о победоносности хозяев. Содержание этого жалкого номера было посвящено одной цели: успокоить и заверить читателей в том, что трудности, связанные с невыходом газеты уже позади. Приведу текст опубликованный на первой полосе:

«От издательства.

После месячного перерыва, вызванного стачкой рабочих типографии «Прогресс», редакция с настоящего номера возобновляет выпуск газеты.

Временно, по причинам чисто технического характера газета будет выходить в уменьшенном формате, т.к. стачка не ликвидирована и газета набирается только силами учеников, принятых в типографию во время стачки.

Бескомпромиссный поединок продолжался до конца октября. Наконец, явно терпевшая убытки администрация газеты заявила о перемирии и пригласила для переговоров правление Союза. В ходе переговоров выяснилось, что хозяева согласны удовлетворить лишь частично требования бастующих. В частности, отвергались деятельность «Комитета внутреннего распорядка» и увольнение штрейкбрехеров.

Наступил 1919 год - год диктатуры и жесточайших репрессий Колчака. Он стал также годом катастрофических последствий гражданской войны. В конце января администрация газеты снова пригласила на переговоры рабочих. На этот раз были приняты все условия бастующих. 1 февраля 1919 года печатники прекратили забастовку.

...тогда печатников - это одна из ярчайших страниц истории профсоюзного движения не только Петропавловска, но и Казахстана. Она выявила ценнейшие качества: единая дисциплина, целеустремленность и солидарность всего коллектива, которые и обеспечили ей эту победу.

2007 г.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ АРХИВНОГО ФОНДА ЗАЛМАНОВА

...ном году исполнилось 85 лет со дня рождения заслуженного учителя Казахстана Ильи Павловича Залманова. В нашей памяти он остался прежде всего как учитель учителей, руководитель Петропавловского педагогического училища, которое он возглавлял, вывел в число ведущих среди подобных учебных заведений, причем не только в Казахстане, но и в бывшем СССР.

И.П. Залманов

В 1968 году на Всесоюзном конкурсе педтехникумов Петропавловское педагогическое училище заняло второе место. Кстати, это было единственным поводом всесоюзного внимания к нашему педучилищу. По инициативе Залманова в училище был открыт университет общественных профессий, который объединял 14 факультетов. Выпускникам училища вместе с дипломами вручалось удостоверение, дающее право вести какую-либо общественную работу: библиотекаря, режиссера, лектора, организатора хорового детского коллектива, масовика-затейника, пропагандиста здорового образа жизни и т.д. Словом, университет охватывал весь спектр внеклассной работы учителя. Как лучший университет учебных заведений страны, он был занесен во Всесоюзную книгу почета.

Однако высокого авторитета Залманов достиг не только на ниве просвещения. Его перу принадлежат наряду с научными работами по педагогике глубокие краеведческие исследова-

ния, которые представляют значительный вклад в историю Северного Казахстана. И хотя краеведению он отводил свое свободное время, оно составляло неотъемлемую часть всей его педагогической деятельности. Для талантливого педагога было важно, чтобы его воспитанники не только любили свой край и знали его прошлое, но также чтобы они могли дополнить и продолжить историю своей земли. Во многом этому способствовала проводимая в училище операция «Помни». Уезжая на каникулы, учащиеся получали задания собрать информацию о ветеранах войны и труда, истории своего села, поселка, района, других достопримечательностях родных мест. Лучшие материалы, редкие документы затем выставлялись в музее училища, становились достоянием широкого круга людей, вызывая у молодых следопытов особую гордость за свою малую родину.

История нашего края увлекла Залманова чуть ли не с первого дня его работы на североказахстанской земле. С далекого 1946 года, когда он, выпускник Киевского университета, историк по специальности, за плечами которого были еще Харьковское пехотное училище и Великая Отечественная война, заведовал Булаевским районным отделом народного образования.

В период хрущевской «оттепели», когда после долгих лет запрета открылись для исследователей двери государственных архивов, по инициативе Залманова и при его участии вышла книга «Северо-Казахстанская область в 1917-1957 годах». В этот период Советской власти это было первое издание по истории нашей области. Позже в издательстве республиканского Министерства высшего и среднего образования была напечатана его монография «Северный Казахстан в годы гражданской войны». Многочисленные красневедческие очерки и статьи Залманова публиковались в республиканских газетах и журналах.

О размахе красневедческой работы Ильи Павловича можно судить по материалам его личного фонда, который хранится в областном государственном архиве. Фонд Залманова состоит из 64 дел - объемных папок, в которых находятся документы к его биографии, рукописи и оттиски очерков, статей, докладов по вопросам народного образования и истории Северного Казахстана, другие источники и сведения о его жизни и дея-

ности. Есть здесь и незавершенные краеведческие труды. В их числе - так называемое «Дело о группе Баркова», посвященное истории профсоюзного движения в Петропавловске. К сожалению, история местных профсоюзов остается пока еще одним пятном нашего прошлого. Между тем она хранит немало событий и имен, достойных нашей памяти. Ярким примером тому может служить и названное «дело». Суть его такова. В ноябре 1918 года (после падения первых Советов) Временное Сибирское правительство назначило в наш город комиссаром труда Ивана Гавриловича Баркова. Его главная обязанность заключалась в соблюдении контроля за исполнением нового, весьма либерального российского трудового законодательства. Еще ранее, в сентябре того же года, Барков был избран председателем Совета профсоюзов города Петропавловска. Используя широкие полномочия и сплотив вокруг себя городской профактив, своей энергичной деятельностью Барков открыл совершенно новую страницу в истории петропавловского профсоюзного движения. Достаточно упомянуть о том, что ему удалось организовать выпуск еженедельной профсоюзной газеты «Рабочий» - независимого, легального органа печати, ставившего своей целью защитить работника от произвола хозяев. Это была если не первая, то одна из первых профсоюзных газет в Казахстане (копии газет хранятся в областном краеведческом музее).

Тем временем, в конце восемнадцатого года, эсеровское правительство Сибири пало и к власти пришел Колчак. Колчаковской военщине, которая хозяйничала на местах, бурная деятельность Баркова показалась подозрительной. Барков и его сподвижники были убиты. Их завоевания уничтожены.

Когда Залманов приступил к поисковой работе, в его распоряжении были лишь две небольшие заметки очевидцев тех событий, напечатанные в местной газете «Мир труда» за 1920-1921 годы. Многие вопросы эти публикации оставляли без ответа.

В них не было, например, поименного списка погибших. Ничего не говорилось о месте их захоронения. Забегая вперед, отмечу, что, несмотря на многолетний кропотливый поиск в архивах страны, Илья Павлович не успел ответить на эти вопросы (Залманов скоропостижно умер в октябре 1977 года на

58-м году жизни). Однако результат его исследований - потрясающий. Ему удалось отыскать практически все документы колчаковской администрации, в которых упоминалось имя Баркова. Одновременно Залманов вел поиск тех, кто мог знать Баркова и его товарищей. На этом пути его ждала огромная удача: он нашел адрес жены Баркова, Анны Ивановны, которая проживала в Москве. Переписка с Анной Ивановной Барковой стала главным источником информации - в первую очередь, конечно, об ее муже. Обратимся к письмам Барковой, которые вместе с другими документами хранятся в фонде Залманова «Мы жили в Петрограде, - вспоминает Анна Ивановна. - В январе 1918 года стало совсем плохо с продовольствием. Магазины и фабрики остановились. Многие рабочие и служащие стали разъезжаться кто куда, где можно было как-то прожить. И я ребенком решила уехать вместе с нашими знакомыми в Петропавловск. Здесь, по слухам, было хорошо с продуктами. В то время мой муж Иван Гаврилович служил под Петроградом старшим унтер-офицером. В апреле, после демобилизации, он тоже приехал в Петропавловск...». Как следует из письма, 20-летний Иван Барков в Петропавловске начал служить с должности секретаря профессионального союза извозчиков. В полную силу его организаторский талант раскрылся в роли лидера городских профсоюзов. Причем начинал он с нуля: в Петропавловске Совет профсоюзов не имел даже своего помещения «Сначала мы решили отвоевать народный дом - пустующее здание по Банковской улице, №61, - пишет Баркова. - Для этого провели кружечный сбор, а когда собрали нужную сумму, нам отдали помещение...».

В начале февраля 1919 года Народный дом принял первых посетителей. Здесь разместились правление Совета профсоюзов города, инспекция труда, биржа труда, библиотека, редакция газеты «Рабочий», воскресная вечерняя школа, драматический и музыкальный кружки.

В своих письмах Анна Ивановна подчеркивает, что успех всех начинаний был достигнут благодаря широкой и бескорыстной поддержке горожан. Профсоюзная газета, которая начала выходить 1 марта, безвозмездно печаталась рабочими типографии «Сотрудничество» в их выходные дни. В каждом ее номере сообщалось о пожертвованиях в пользу городского Совета профсоюзов. Безвозмездно вели свои уроки учителя воскрес-

и школы. На таких же условиях работали и руководители... Даже военнопленные местных лагерей вызвались бес-... и изготавливать декорации для спектаклей в Народном...

Дром над городской организацией профсоюзов грянул 21 ап-... 1919 года, когда был запрещен к печати восьмой номер... Поводом к запрету послужила передовая статья, по-... Ленским событиям (расстрелу рабочих в апреле... года). Вечером следующего дня казаки совершили налет... квартиры профсоюзных активистов и Народный дом, где в... время проходил благотворительный спектакль. «Там про-... кошмарная сцена, - вспоминает Баркова. - Всех били... руками и рукоятками пистолетов. Люди теряли сознание. Итем арестованных повели в здание контрразведки («Дом Аркеля» по Вознесенскому проспекту). Туда привели всего... управляемого рабочего типографии «Сотрудничество» Тито-... члена городской Управы Федора Степановича Пахтусова, служащего земской Управы, нашего режиссера Владимира Экстрема, активного участника драматического кружка 18-... латыша Юрия Огиптаса и многих других. Среди них был и мой муж, Барков. Я его случайно увидела через два дня после ареста. Я стояла на противоположной стороне улицы, когда он подошел к окну, у которого дежурили два казака. Окно было открыто. Увидев меня, он знаками показал мне, чтобы я приве-... нашу девочку. На следующий день я привела дочь, но Бар-... уже к окну не подходил... Я пыталась обратиться к генера-... Волкову, который командовал в городе сводным казачьим корпусом. Укараулила его, когда он шел к себе домой, и проси-... ответить, где мой муж и за что он арестован. Но генерал не... нужным даже остановиться. Тогда я пришла в контрраз-... и вызвала дежурного офицера. Офицер, бегая глазами по... сторонам, заявил мне, что здесь никого нет, так как все от-... правлены в Омск. Я поехала в Омск, ходила по тюрьмам, была в крепости, но мужа не нашла...».

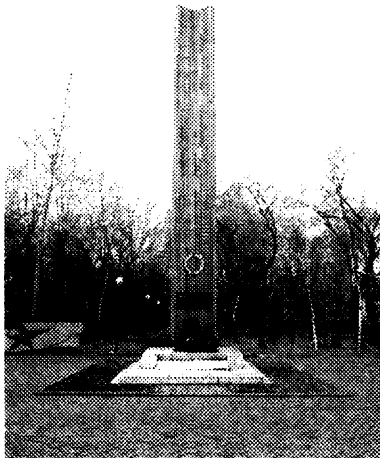
Между тем поисками Баркова занималась не только его жена. Среди материалов архивного фонда есть копия соответствующего запроса министра труда, который в свое время назначил Баркова на должность комиссара. Правда, письмо министра, направленное в колчаковское ведомство МВД, носило характер обычной канцелярской переписки. К тому же это был

не первый подобный запрос: жестокой участи подверглись комсомольцы, миссары труда и профсоюзные активисты в Семипалатинске, Барнауле и других городах Сибири, подвластных Верховному правителю.

Не удалось Барковой установить и место захоронения мучеников. Отвечая на вопросы Залманова, она писала: «Вы спрашиваете, где все они похоронены? По словам бывшего в то время начальника городской милиции, их расстреляли в самом помещении контрразведки и приказали похоронить где-то между Мещанским лесом и городом в каком-то логу, но могилы их там не нашли...».

Конечно, такой ответ не мог удовлетворить Илью Павловича и он продолжал поиск, которому не суждено было завершиться. Тем не менее именно Залманову, замечательному сыну родного края, принадлежит заслуга в восстановлении трагической и знаменательной страницы нашего прошлого

2005 г.

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА**

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ПОЛК

В плане общего наступления, которое началось 14 октября 1919 года от рубежа по реке Тобол, 308-му полку сразу отводилась авангардная роль. С этой целью 5 октября М.Н. Тухачевский включил полк в состав первой бригады 35-й стрелковой дивизии. Вероятнее всего, на такой выбор командарма повлиял беспрецедентный случай, который произошел накануне. Случай этот стал своеобразным экзаменом полка на мужество и силу духа. А произошло вот что.

5 августа 1919 года в бою под станицей Великопетровской (бывшей Оренбургской губернии) полк был окружен противником и оказался в плену. Трагическая ситуация усугубилась еще тем, что в этом бою погиб командир полка, а комиссар, видя безвыходность положения, застрелился... Через 25 дней в полном составе в 1300 штыков - с боевыми трофеями и отрядом белогвардейцев - полк явился из небытия в расположение частей Пятой армии, в город Троицк. Оказавшись в плену, красноармейцы не только продолжали горячо верить в непобедимость и высокую революционную миссию Красной Армии, но сумели убедить в этом и колчаковцев.

Полк блестяще выполнил возложенную на него задачу по освобождению Петропавловска от колчаковских войск. Он первым ворвался в город и, обеспечив за собой переправу через реку Ишим, предрешил, таким образом, исход Петропавловской операции. За этот подвиг полк был награжден Почетным

А.А. Глазков (стоит справа), командир 308 стрелкового полка, сыгравшего решающую роль при освобождении города от колчаковских войск. В центре - комдив А.К. Нейман.

...краснознаменным Красным знаменем ВЦИК. Боевой путь закончил в Иркутске, куда прибыл 30 апреля 1920 года. После короткого отдыха он был направлен на восстановление разрушенных участков железной дороги, но вскоре события, развернувшиеся на востоке страны, эти работы прервали. В 1921-1922 годах почти непрерывно принимал участие в ликвидации банд Енисейского, Донского, Унгерна.

Между тем с 1921 года в стране началось сокращение Вооруженных Сил. За три года численность Красной Армии уменьшилась с 5,7 миллиона до 600 тысяч человек. Сокращение проходило параллельно с реорганизацией воинских частей. 1 сентября 1922 года, когда 308-й полк после очередного похода вернулся в Иркутск, он был расформирован и объединен с 309-м полком Красноармейцы этого полка также принимали участие в освобождении Петропавловска. Полк ворвался в город через 5 часов после начала операции, форсировав реку Ишим в районе железнодорожного моста. Новое подразделение получило наименование «104-й Краснознаменный стрелковый полк».

В начале сентября 1923 года из далекого Иркутска в адрес Петропавловского исполкома пришло письмо за подписью командира 104-го полка с просьбой подтвердить боевые заслуги красноармейцев и ходатайствовать о присвоения полку наименования «Петропавловский». Легко понять желание воинов не «потерять» былую славу в условиях реорганизации. Но не только это. Постановлением ВЦИК с ноября 1921 года в стране был утвержден институт шефства над частями Красной Армии. Нередко инициатива в выборе шефа принадлежала военным. 8 сентября президиум губернского исполкома единогласно принял следующее постановление: «Ходатайство командира 104-го полка о присвоении полку нового названия «104-й Петропавловский полк» подтвердить, возбудив перед высшими военными органами соответствующее о том ходатайство».

Вскоре полк получил официальное разрешение на право называться «Петропавловским». Эта новость стала событием не только в масштабе города, но и всей бывшей Акмолинской губернии. Даже при широких шефских связях того времени далеко не каждый город удостоивался такой чести. О гордости за «свой» подшефный полк, об отеческой заботе и внимании к воинам Красной Армии, о замечательном единстве в помыслах и

устремлениях, а также об очень непростою времени расскажут сегодня пожелтевшие страницы старых газет.

«Привет от Петропавловского Краснознаменного полка»
Получив от Петропавловского горсовета письмо, мы, красноармейцы Краснознаменного Петропавловского полка, благодарим вас за связь и в свою очередь в день 10-летия Красной Армии считаем своей обязанностью заверить вас, что мы идем в деле военной учебы вперед и всегда готовы оказать должный отпор империалистам всех мастей и оттенков. Мы знаем, что, находясь в капиталистическом окружении, рано или поздно придется с винтовкой в руках снова выступать на пути завоеваний Октября.

Мы уверены, что в возникшем вооруженном столкновении с мировым капиталом наш полк окажется достойным своего Почетного Красного знамени, которое он получил за боевые заслуги в боях под Петропавловском в 1919 году и, как и тогда, выполнит с честью свои боевые задания. Красноармейцы Краснознаменного Петропавловского полка».

Это письмо было опубликовано в местной газете «Степная звезда» за 23 февраля 1928 года. Та же газета сообщала, что для празднования юбилея Красной Армии в Иркутск, где находился подшефный полк, горсовет направил «представителей как от Организованного, так и неорганизованного населения Петропавловска», в том числе депутата со специальным заданием «выяснить культурные нужды полка».

Летом 1929 года реальная угроза войны возникла на Дальнем Востоке в связи с событиями на Китайско-Восточной железной дороге. Петропавловцы следили за событиями на КВЖД с особой тревогой: в состав Особой Дальневосточной армии под командованием В.К. Блюхера, призванной дать отпор милитаристам, входил подшефный полк. В те напряженные дни связь города с полком практически не прерывалась. Уже после ликвидации конфликта газета «Смычка» за 19 февраля 1930 года писала: «Подшефный Петропавловский полк вернулся после участия в Маньчжурско-Джалайнурской операции на место расквартирования и приступил к учебе. Комиссар и командир полка прислали шефу - петропавловским рабочим - письмо, в котором выражают благодарность за оказанную заботу по укреплению боевого духа своих подшефников за посещение полка делегацией петропавловских рабочих».

По традиции письмо заканчивалось приглашением на приближающийся юбилей РККА. Очередным подарком рабочей организации, отъезжавшей в полк, на этот раз были 10 пар хромовых сапог и деньги на 10 гармоний для каждой роты. Подшефный полк не только принимал у себя гостей из города, но, когда представлялась возможность, посылал красноармейцев в Петропавловск. Так было, например, в том же 1930 году. «Дружеским «ура!» был встречен красноармеец подшефного Петропавловского полка товарищ Махальников», - писала газета «Молчанка», сообщая о многолюдном митинге, проходившем 23 февраля на Октябрьской площади.

Шефские связи с Петропавловским полком продолжались до 1934 года. Во всяком случае материалов, подтверждающих шефство в последующие годы, не обнаружено. Да и едва ли такие связи могли продолжаться в той политической обстановке, которая складывалась в стране в условиях роста всеобщей секретности и репрессий в армии.

Какова же дальнейшая судьба 104-го Краснознаменного Петропавловского стрелкового полка? Чтобы ответить на этот вопрос, несколько лет тому назад сотрудники областного государственного архива обратились с запросами в Центральный государственный архив Советской Армии и архив Министерства обороны СССР. Выяснить удалось немного. Только то, что в начале Великой Отечественной войны полк воевал в составе 62-й стрелковой дивизии 5-й армии Юго-Западного фронта. На этих первых днях войны биография полка обрывается, так как документов о нем начиная с осени 1941 года не обнаружено...

1989 г.

ПАРТИЗАН СМОЛЬНИКОВ

Житель Петропавловска, бывший заместитель командира отряда по разведке и диверсии, отмеченный за боевые заслуги в партизанском движении медалями «За отвагу» и «Партизан Великой Отечественной войны» 1 степени, Федор Васильевич Смольников собирается в поездку на Брянщину, по месту бывших сражений.

Смольников - коренной североказахстанец. Родился в селе Новоникольском Бишкульского района. В Красную Армию его призвали в 1940 году из Петропавловска. Война застала Федора Васильевича в Минске. В июле сорок первого дивизион, в которой он сражался, была окружена. Те, кому удалось прорваться с боями, отступали на восток.

Группа красноармейцев, которую вел Смольников, спешно пыталась перейти линию фронта. Когда это не удалось, они сложили оружие. Вскоре среди местного населения сел Алтухова, Красной Слободы, Юрова, расположенных к югу от Брянска, пронесся слух о смелых и дерзких налетах партизанского отряда, сформированного из военных, на коммуникации врага. Так стал наш земляк одним из организаторов борьбы в тылу врага.

В мае 1943 года гитлеровцы тщательно готовились к летнему наступлению под Курском. Чтобы обезопасить себе тыл, в план подготовки входило уничтожение партизанских отрядов в районе военных действий (до 1944 года г. Брянск входил в Орловскую область). Против партизан брошено шесть дивизий, подкрепленных танками, артиллерией и авиацией. В последний числах мая отряд, в котором сражался Смольников, был окружен, связь с другими партизанскими соединениями нарушена. Вечером 30 мая командир отряда вызвал к себе заместителя по разведке: «Срок, Федя, даем тебе малый. К утру нужно доложить о расположении партизанских отрядов. С тобой пойдут двадцать пять партизан и повозка с боеприпасами».

Боевая группа Смольникова вышла на задание ночью. Шли молча, прислушиваясь к каждому шороху. На рассвете вышли к вырубке горелого леса и, выслав вперед разведку, устроили привал. Но отдохнуть не пришлось: разведка доложила о вра-

отряде, который находился всего в нескольких метрах

Атаковать противника - такое решение принял командир группы. Однако в разгаре боя на помощь фашистам стали подходить новые подразделения. Положение партизан осложнилось еще больше, когда стало известно, что Смольников в бою тяжело ранен. Осколок мины прошел через плечо и застрял в легком

Черное, что увидел командир, придя в сознание, было болото. Недалеке слышалась ружейная стрельба, ухала артиллерии. Рядом, перезаряжая пистолет, сидел Миша Климов, самый юный разведчик отряда (ему шел пятнадцатый год). Возле него лежали автомат и две гранаты.

Где наши? - спросил Смольников.

Ушли. Тише... Здесь кругом эсэсовцы подбирают раненых

Ну, вот что. Кончится стрельба - уходи к нашим. Пистолет оставишь мне.

- Нет, товарищ командир, - возразил мальчик. - Я вас не оставляю. А место здесь надежное. Не пропадем!

Шесть дней пролежал Смольников в болоте под присмотром Миши Климова, пока их не отыскали партизаны. Тогда только узнал Смольников, что, сосредоточив огонь на его группе, финишты ослабили цепь окружения и в тот же день партизаны вырвались из вражеского кольца.

Вскоре с партизанского аэродрома поднялся самолет, на борту которого находились двадцать шесть тяжелораненых бойцов, в том числе и Федор Васильевич Смольников. Самолет держал курс на Большую землю.

Приведенный здесь эпизод партизанской борьбы подробно описан в книге Героя Советского Союза Дмитрия Васильевича Емлютина «Шестьсот дней и ночей в тылу врага», изданной в издательстве «Советская Россия». Эту книгу вместе с другими ценными документами Ф.В. Смольников передал недавно в дар областному историко-краеведческому музею. Среди вновь поступивших экспонатов есть и письмо Миши Климова, верного боевого товарища, тесную связь с которым Федор Васильевич поддерживает и сегодня. В одном из первых писем Миша

с гордостью сообщает о своей награде - медали «Партизан Великой Отечественной войны». Очень интересуется жизнью своего бывшего командира, просит писать ему больше и чаще а то «с кем ни встречусь, все о вас спрашивают». В письме дата: 18 февраля 1944 года.

В эти дни фашистская армия была отброшена от брянской земли, многие боевые товарищи Смольникова с частями Красной Армии ушли на запад, очищая советскую землю от фашистских полчищ. Судьбу же Смольникова решил суровый приговор врачей: «К воинской службе не пригоден».

Вернувшись в родной город, Федор Васильевич долгое время работал шофером на ТЭЦ-1, заведующим складом автотреста, слесарем Петропавловского автоучкомбината. Его мирный труд отмечен многими медалями, почетными грамотами значками победителя социалистического соревнования. В конце этого года Федор Васильевич ушел на заслуженный отдых. Дают знать о себе годы, а главное, беспокоит старое ранение, полученное в том последнем бою 31 мая 1943 года, когда партизан Смольников был ранен в грудь осколком вражеской мины. Беспокоит кусочек металла, который вот уже 40 лет он носит в себе. Но несмотря ни на что Федор Васильевич собирается встретиться со своими боевыми друзьями, хочется пройти по обновленной брянской земле, ставшей свидетелем его подвига.

1983 г.

БАЛИБАРДИНЫ

Что было в последних числах сентября 1943 года в районе города Могилева. Ночью группа советских разведчиков подошла к деревне, в которой разместилась немецкая часть. Нужно было отыскать дом, в котором находилось командование, устроить засаду, взять и бесшумно доставить «языка» в штаб. Короткие перебежки по краю огородов - и вот нужный объект. Но небольшому двору, огороженному плетнем, прохаживается часовая. Справа от двери - высокая поленница дров, к ней вплотную подступали, свесив тяжелые шапки, подсолнухи. Слева прижимался к плетню дощатый сарай.

Недалеко от двери, за поленницей, притаился Александр Балибардин, невысокий, светловолосый паренек. Ему первому предстояло броситься на часового, высокая фигура которого отчетливо вырисовывалась на белой стене дома. По-видимому, что-то заподозрив, фашист застыл на месте, прислушиваясь к темноте. Постояв так несколько минут, он опустил автомат и привычным движением руки полез в карман за сигаретой... Как ни стремителен был прыжок разведчика, опомнившись, часовой сумел вывернуться и сбросить Балибардина на землю. Противник оказался ловким и сильным, к тому же на две головы выше разведчика. Однако выстрелить часовой не успел. В бесшумной короткой схватке с врагом победил разведчик.

Вскочив на ноги, Балибардин почувствовал вдруг внезапно инвазившую слабость: борьба стоила большого физического и нервного напряжения. Чтобы справиться с силами, он опустился на подвернувшееся полено. Не придав значение Александру Балибардин и тому, что рядом с ним нет товарища. Только потом он узнал, что разведчик, который должен был прийти к нему на помощь, увидев начало борьбы с часовым, сделал поспешный вывод о провале операции и поспешил предупредить об этом разведчиков.

И когда, осторожно отодвигая ситцевую занавеску и держа в готовности пистолет, Александр вошел в сени, он еще не знал, что задание всего отделения выполняет один. Стоя в темноте, Балибардин уловил сначала шарканье ног, а затем увидел в проеме двери пожилую женщину, которая направлялась к выходу.

Вот она, тяжело ступая, подошла к порогу и, увидев разведчи-
ка, застыла с ведром в руках. Потом также не спеша верну-
лась в комнату, и по тому, как она осторожно ставила ведро на
прежнее место, Балибардин понял, что у него есть союзник. И
ту же секунду Александр бесшумно вошел в комнату. У окна
на кровати, спал немецкий офицер. Взятый врасплох, он почти
не оказал сопротивления. Женщина помогла связать руки и
прежде чем Балибардин вышел с пленным из дома, проверила
все ли спокойно на улице. Солнце уже взошло, когда Александр
Балибардин с пленным фашистом добрался до ближайшего
деревни леса. Через несколько часов валившийся с ног от у-
сталости разведчик доставил «языка» в штаб.

Я привела только один эпизод из фронтовой биографии Алек-
сандра Максимовича Балибардина. «Показал себя образцовым
мужественным, храбрым, стойким воином, - читаем в офици-
альном документе - боевой характеристике Балибардина. - На
территории врага действовал с яркой ненавистью и дерзостью
храбро и отважно. Несоднократно отмечен в приказах Верхов-
ного Главнокомандующего, имеет от него шесть благодарнос-
тей. За мужество и отвагу, проявленные в боях, награжден ор-
деном Отечественной войны II степени, тремя орденами Крас-
ной Звезды, двумя медалями «За отвагу».

Боевая и партийная характеристики, красноармейская книж-
ка, наградные листы и другие документы военного времени
Александра Максимовича хранятся в фондах областного ис-
торико-краеведческого музея.

С Александром Максимовичем Балибардиным я впервые
встретилась летом 1983 года. Он был приглашен в областной
музей на встречу с молодежью. В те дни отмечалось 40-летие
разгрома фашистской армии на Орловско-Курской дуге. Но
вопреки ожиданию, Балибардин говорил мало и сухо. Да, ор-
атором он не был. А удивительный по силе воли, храбрости и
мужеству боевой эпизод бывший разведчик рассказал мне у
себя дома, в маленьком флигеле по улице Первомайской.

Весть о войне застала 17-летнего Александра Балибардина
в Новосибирске. Там он учился на втором курсе землестрои-
тельного техникума. Не закончив сдавать экзамены, Балибар-
дин уезжает домой, в Петропавловск. И здесь обращается в
военкомат с просьбой направить на фронт. Балибардина напра-
вили на учебу в 14-ю авиаэскадрилью. Не закончив курсы, в

апреле 1942 года он снова подает заявление, и на этот раз военными удовлетворяет его просьбу. С первого и до последнего дня пребывания на фронте Балибардин служил разведчиком. Александр Максимович в годы войны вел дневник, сохранившийся до наших дней. «В исм, кроме военной хроники, - рассказывает ветеран, - я записывал полюбившиеся стихи, песни, стихи фронтовых товарищей. Сейчас племянники взяли дневник, чтобы переписать что-нибудь для себя».

Прошел год, от Александра Максимовича не было никаких вестей. Не откликнулся он ни на приглашение, ни на поздравительные открытки. И уже в апреле нынешнего года я снова посетила маленький флигель. На стук в дверь мне навстречу вышла незнакомая молодая женщина.

- Здесь живет Александр Максимович?

- Его нет в живых.

Балибардин умер в июне прошлого, 1984 года. Умер внезапно, когда тяжелая, тянущаяся многие годы болезнь, казалось, начинала отступать. Я узнала также, что в Петропавловске живут сестра и младший брат Александра Максимовича.

Весть, которую сообщила Надежда Максимовна, сестра Балибардина, была малоутешительна: все документы и награды отца увез с собой приехавший на похороны сын Александра Максимовича – Владимир. Живет на Кольском полуострове в городе Мончегорске.

- Возможно, среди документов был и фронтовой дневник, - сказала Надежда Максимовна.

И все-таки не напрасным был поиск. Неожиданно мне открылась история замечательной советской семьи Балибардиных, в которой все мужчины в годы лихолетья с оружием в руках защищали честь и независимость нашей Родины. В июне 1941 года добровольцами ушли на фронт старший сын Михаил и отец семейства, участник гражданской войны Максим Кондратьевич Балибардин. Вскоре за ними последовал средний сын Александр, в декабре сорок второго убежал на фронт и стал сыном полка младший Балибардин - тринадцатилетний Николай.

Смерть обошла их стороной, все четверо вернулись с фронта живыми. Только Михаила война сильно покалечила: остался без руки. Сейчас в живых один Николай Максимович. В насто-

ящее время он работает шофером в Петропавловской горной тросети. «В 1942 году нас осталось в семье трое: мать, младшая сестренка и я, - вспоминает Николай Максимович Бибардин. - И хотя оставался за старшего, мысль убежать на фронт не покидала. И однажды добрался. Подносил патроны, помогал на кухне, в общем, делал все, что прикажут, но главное - разведка. Оденут на меня тряпье, суму через плечо, и ползу через линию фронта. На случай проверки была у меня готовая история, на дне мешка лежали кусочки хлеба - все предусмотрел командир. В войну много было сирот, нищих, так что на меня никто не обращал внимания. Так прошел с фронтом Белоруссию, а осенью 1944 года, уже в Польше, меня ранило. Пока отлеживался в госпитале, война кончилась».

О фронтовом прошлом Николая Максимовича и о том, что 40 лет назад ему, 15-летнему мальчишке, был вручен боевой медаль, товарищи по работе и не подозревали. И только случай помог раскрыть еще одну страницу из летописи подвигов наших земляков.

1985 г.

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Имя офицера Советской Армии Ивана Викентьевича Ивановского хорошо известно ветеранам 314-й стрелковой дивизии. В июле 1941 года в ее составе он уезжал из Петропавловска на фронт в качестве командира батальона, а в тяжелые ноябрьские дни первого года войны принял командование 1078-м полком.

Впоследствии о стойкости и отваге североказахстанцев в боях за колыбель революции - город Ленинград Ивановский расскажет в своих воспоминаниях, изданных в Алма-Ате в 1977 году. «На одном из рубежей» - так называется книга бывшего командира.

Однако в биографии ветерана Великой Отечественной есть много кому известные, не менее героические страницы борьбы за установление Советской власти в нашей стране и крае. Свидетельством тому - одна из боевых наград, которыми Родина отметила храбрость и командирский талант Ивановского - орден Красного Знамени.

Вот что рассказывает сам Иван Викентьевич о своем участии в революционной борьбе: «В период первой мировой войны, в марте 1917 года, я был призван на военную службу. В те дни Временное правительство вело усиленную агитацию среди народа за войну «до победного конца». Нелегко было покидать родное урочище Боровое, где жила наша семья. Я был старшим среди братьев (мне шел 19-й год) и потому главным кормильцем семьи. В Боровом я работал на консервном заводе. Отца уже не было в живых - он погиб на фронте в 1915 году.

Сначала меня определили в учебную команду, а через 3 месяца в чине младшего унтер-офицера направили на Северо-Западный фронт, в район Пинских болот. Здесь, на фронте, впервые я услышал правду от большевиков о подлинных целях империалистической войны. С каждым днем события в стране все больше убеждали меня, что война ведется кучкой буржуазии, которой чужды интересы народа.

Настушила осень 1917 года. В середине октября, находясь на передовой, я тяжело заболел и был госпитализирован. На

ноги смог подняться только летом 1918 года, когда гражданская война была уже в разгаре. Там же, в Москве, где проходило лечение, я обратился в военный отдел с просьбой направить на фронт. Тогда главная опасность была на востоке. Я был назначен командиром взвода 116-го стрелкового полка 20-й дивизии 5-й армии. Прошел с боями, освобождая от колчаковских войск Западную Сибирь и Северный Казахстан.

В декабре 1919 года в бою под Новониколаевском (ныне город Новосибирск) был тяжело ранен. Пока санитарный состав с ранеными и больными продвигался к Омску, я заболел воспалением легких и вдобавок подхватил сыпной тиф. В Омск меня привезли уже без сознания и без надежды на выздоровление. Но я выжил. Правда, здесь не обошлось без курьеза. Когда при выписке из госпиталя в апреле 1920 года обратился к сестре-хозяйке с просьбой вернуть мое обмундирование и назвал свою фамилию, то привел ее в большое замешательство: «Ивановский?! Да ведь он умер в прошлом году».

Летом 1920 года я был направлен на Юго-Западный фронт и назначен командиром первой маршевой роты 490-го полка, расквартированного в Кисеве. В город мы вступили сразу после его освобождения от белогвардейцев».

В личном архиве Ивана Викентьевича бережно хранится документ, которому более полувека. Это поздравительная грамота к юбилею Красной Армии. «Отмечая Ваши заслуги, - читаем в тексте пожелтевшего листа грамоты, - активное участие в гражданской войне, в защите молодой Советской республики от внутренней контрреволюции и международного империализма, исполком уверен, что в нужный час Вы так же самоотверженно встанете на защиту Октября и мирного социалистического строительства Украины».

Сегодня И.В. Ивановский - подполковник в отставке. Только слово «отставка» не подходит к этому удивительному по героической судьбе и силе духа, мужественному человеку, в котором и сейчас угадывается военная выправка боевого командира. Недавно Иван Викентьевич закончил работу над второй книгой воспоминаний о Великой Отечественной войне. Издательство «Жалпы» намечает опубликовать их в 1988 году. Свой труд ветеран трех войн посвятил подвигу советского народа в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

1986 г.

ПИСАТЕЛЬ-ФРОНТОВИК ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Как-то мое внимание привлекла любопытная статья о школьнике-прорицателе, который предсказал дату нападения Германии на СССР и даже последующий ход войны. Эта статья напомнила мне о дневниковых записях другого ученика, написанных с юношеской запальчивостью в тот же предвоенный период. Вот одна из них: «Сильно возмущают меня события в Центральной и Южной Европе.

Германия 15 марта (1939 г.) заняла Прагу. Чехословакии не существует. Ну что, господа, накормили Германию, отдав ей Судетскую область? А? Пустили свинью за стол, а она и ноги - на стол. Вы одно забыли, господа, что Германия - агрессор и она сыта никогда не будет. Она будет жрать и жрать, пока ей не распорют брюхо. Да, впереди великие события!».

Передко эмоциональный запал юного политика выливался в стихотворную форму. Потрясенный событиями в Испании, он пишет:

Народ! Ты побежден, но ты еще не сдался.

И не забудет мир, какие были дни.

А за фашистами, за ними долг остался.

За вашу кровь ответ несут они!!!

Я привела строки из объемистого дневника 18-летнего Бориса Петрова. Довоенный дневник писателя - это ценный документ, характеризующий не только автора. Это еще и документ времени. Так думали и чувствовали тысячи юношей и девушек. Это была удивительная молодежь: чистая, целеустремленная, готовая на любой подвиг во имя Родины, которой они искренне гордились.

Поколению, на долю которого выпала великая миссия победить фашизм, принадлежали писатель и герои его произведений, его сверстники. В этом, пожалуй, главная особенность творчества Петрова.

Не удивительно, что самой дорогой, волнующей для него темой была тема Великой Отечественной войны, которая ста-

ла частью его биографии. Летом 1940 года Петров поступил в двухгодичную школу младших командиров, хотя мечтал, как и большинство юношей его поколения, об авиации. Подвело желание. Командир роты лейтенант Петров свой первый бой принял под Сталинградом. С боями дошел до Кенигсберга, а затем в составе I Дальневосточного фронта принял участие в войне с империалистической Японией. Его последняя воинская должность - начальник химической службы 1277 зенитного артиллерийского полка.

Первый большой успех писателю принес военный рассказ «Голубая падь». Он был напечатан в начале 1948 года в популярном российском журнале «Сибирские огни». Голубая падь - это живописная горная долина на территории Маньчжурии, где на развилке дорог, неподалеку от бревенчатого моста, перекинутого через безымянную речку, три девушки-регуляторницы обосновали новый пост. Здесь, вдали от линии фронта, казалось, ничто не предвещало об опасности. Но тишина Голубой пади была обманчивой. Уже в первую ночь дежурства на регулировочном посту маленькую группу бойцов ждала жестокая схватка с врагом.

Рассказ, вобравший в себя характерные черты военной прозы писателя, появился в печати тогда, когда тема войны еще оставалась актуальной и не сходила со страниц книг, журналов, газет. И вот в этом океане литературы Петров нашел свою нишу, свою узнаваемость, свой почерк. Что отличает его творчество? Конечно, профессионализм и достоверность.

Автору ничего не нужно было придумывать, а героев своих произведений он знал лично. В центре внимания писателя всегда был труженик войны, чаще всего солдат. Скупые, точные мазки художника позволяют читателю зримо видеть его героев. Их облик, характер несут на себе печать войны, но за суровой внешностью часто раскрываются, казалось бы, совсем не героические черты: умение сострадать чужому горю, великодушие, доброта и миролюбие. Впрочем, думается, что именно эти качества подчеркивали величие той армии, которую повсюду, на родной и чужой земле, встречали с цветами и слезами радости.

Капитан Калашников из рассказа «Нерешительность капитана Калашникова», выписавшись из госпиталя, специально завернул в неблизкий город, чтобы сообщить жене фронтового

говорила о его гибели. Но смотревший не раз в глаза смерти, капитан смалодушничал и не сказал ей правду, сознавая, какую он может причинить боль.

Замкнутый, молчаливый старшина Барабанов, семью которого расстреляли фашистские каратели (рассказ «Трофеи старшины Барабанова»), отдает немецкой девочке-сиротке дорожку для себя вещь - детские туфельки.

Сержант Жумабаев из рассказа «Подарок с Тигровой сопки» весь день проводит в горах, чтобы принести на новогодний праздник елку и доставить радость больной шестилетней китайской девочке Жао Ю.

В довоенные, юношеские годы Петров видел себя поэтом, и природа нередко служила источником его вдохновения. Позже на смену стихам пришла проза, своеобразием которой стали живые, поэтические картины природы. Олицетворяя неистребимую силу жизни, они придают особый колорит повествованию о войне.

В большинстве своем герои произведений Петрова - это наши земляки, североказахстанцы. Мы встречаем их даже там, когда события происходят за тысячи километров от казахстанской земли. В полной мере это относится к автобиографическому роману о Великой Отечественной войне «Воскресный наряд». Это был первый и единственный роман, изданный при жизни писателя (1970 г.).

Возможно, тема войны стала бы его единственной темой, если бы не коррективы жизни, если бы земля наша не стала землей целинной. Целинная эпопея разворачивалась на глазах Петрова и не могла оставить его равнодушным. В этот период он пишет в своей автобиографии: «Моя постоянная тематика - село, люди деревни, их судьбы, проблемы целины. Но все время хотел писать о войне...». Писатель хорошо знал сельскую жизнь. Почти 20 лет он проработал лектором обкома партии, исколесил область вдоль и поперек, причем нередко его командировки завершались рассказами и очерками о тружениках деревни.

Среди произведений, посвященных сельской тематике, наибольший успех имели повести «Огни Аксуата» (1962 г.) и «Листопад» (1964 г.). В немалой степени этому способствовало то, что прототипами героев явились реальные люди, а в ос-

ками. Новая книга, а точнее, новый роман был посвящен истории нашего края. Почему писатель, уходя из жизни, при множестве незавершенных работ и замыслов обращается к криминальному? Дело в том, что Петров стал свидетелем настоящего краеведческого бума в период хрущевской «оттепели». Тогда впервые стали доступными многие засекреченные документы архивов, которые знакомили с неизвестными событиями прошлого, в том числе и с материалами о самой кровавой войне на территории Северного Казахстана: восстании крестьян против коммунистов в феврале-марте 1921 года.

Писателя, который посвятил значительную часть своего творчества деревне, да к тому же был историком по специальности (он заочно окончил Омский педагогический институт) не могло не взволновать эти события. Теперь, отправляясь в очередную командировку, Петров стремился отыскать учителя-ника или свидетеля крестьянской войны. С годами был накоплен богатый материал и его угнетала мысль, что он может остаться невостребованным. Вот почему, отмахиваясь от советов и просьб медиков и родных, он был беспощаден к себе, живя лишь одним стремлением: успеть! Роман, которому автор дал название «Затмение» (рукопись в 1200 страниц), был завершен 27 октября 1971 года. В тот же день Петров написал в своей предсмертной записке: «Вот и поставлена последняя точка в моем романе. 23 месяца работал через силу, с перерывами, иной раз и с отчаянием. Но свой долг - отразить события драматического 1921 года в Северном Казахстане - я выполнил. Это дань людям, родным местам...».

Он умер 3 ноября 1971 года.

...Однажды, в пору своей юности, Борис Петров, перелистывая подшивку газеты «Красная звезда», увидел фотографию своего друга Петра Смирнова. Газета сообщала о том, что Смирнову за боевой подвиг присваивалось звание Героя Советского Союза. Тогда же появилась запись в дневнике взволнованного юноши: «Пет, я прямо в недоумении... У меня голова кружится. Сразу же вспоминается недалекое прошлое. Мы абсолютные друзья. Он был пылкий, твердый, настойчивый, упрямый, я такой же. А вот он герой, а я никто. Ну, что ж! Родина доверила ему. Кто знает, может и мне она доверит что-нибудь, достойное героизма, и я оправдаю это доверие с честью».

Через годы Великой Отечественной войны, через творческие подвиги помнит и быть достойным героического времени. Через испытания жизни пронес эту юношескую клятву сержант-паровозник писатель Борис Николаевич Петров и осмыслил ее верен до конца.

2005 г.

ПОЕЗД ВЕДЕТ ЖЕНСКАЯ ПАРОВОЗНАЯ БРИГАДА

Сегодня сведения о женских паровозных бригадах можно найти лишь в летописи Великой Отечественной войны. Это одна из героических страниц, повествующая о подвигах тружениц тыла, освоивших в тяжелую для страны пору сугубо мужские профессии: машиниста паровоза, помощника машиниста, кочегара.

В Петропавловском локомотивном депо первые паровозницы появились еще до войны: в 1939 году при депо была организована учеба женщин по освоению профессии помощника машиниста. Такие курсы явились откликом на призыв машиниста Московской железной дороги Зинаиды Троицкой к женщинам страны идти, не боясь трудностей, на паровоз. Конечно, все, пришедшие на учебу, сделали осознанно свой выбор, желая перенять овладеть нелегкой мужской профессией. Все они прошли основательную подготовку. Причем это было время, когда в паровозных бригадах работу кочегаров, как правило, выполняли мужчины. Так было в мирные дни. Иная обстановка сложилась в годы войны. Имевшее огромное народнохозяйственное и военное значение, Петропавловское отделение дороги сразу же было включено в список особо важных стратегических узлов страны. Уже в 1941 году нагрузка на дорогу возросла в три раза. И в то же время более тысячи работников депо ушли на фронт.

В этих сложных условиях вопрос о кадрах стал главным на железной дороге. Вот что вспоминает Анна Ивановна Скурихина, проработавшая 15 лет на паровозе (с 1942-го по 1957 годы) сначала кочегаром, а затем помощником машиниста: «Я жила в селе Коноваловке Сергеевского района. До 1941 года училась в школе, в 7-м классе. Когда началась война и все мужчи-

ны села ушли на фронт, мы, подростки, стали работать на сенокосе, на уборке урожая, на откорме скота. И вот как-то в конце августа 1942 года меня вызывают в контору и вручают повестку, согласно которой я должна была явиться на учебу в Петропавловскую железнодорожную школу ФЗУ. Из нашего села в город приехали еще три девчонки, получившие такие повестки. Их распределили в группы по другим специальностям, а меня записали к паровозникам. Всех прибывших на учебу разместили в красном уголке депо. Мальчишки жили в зрительном зале, а девчонкам предоставили несколько комнат.

В первый день занятий нашу группу повели в кабинет, где на стенде показали схему паровоза. Мастер водит указкой: вот цилиндрическая часть котла, вот сама топка, куда бросают уголь, вот дымогарная передняя топка, вот насосы и инжекторы для подачи воды в котел... Мы смотрим, слушаем и... ничего не понимаем.

На следующий день нас повели в депо, где стоял холодный паровоз. Здесь нам показали, как чистить переднюю топку, поддувало, как залить мазутом колесные буксы, как заправить пресс-аппарат. Рассказали, где получить смазочный материал. Вот и вся учеба. Выпуск нашей группы должен был состояться в феврале 1943 года, а мы до этого времени уже не один месяц работали самостоятельно. И никакого нам не было снобхождения. Спрос был строгий, ведь дорога находилась на военном положении. Только одна первая поездка проходила в сопровождении мастера группы. Так в 16 лет я стала кочегаром паровозной бригады...»

Подготовка специалистов для Петропавловского отделения дороги велась и в других городах республики.

«Я жила в селе Урюпинском Акмолинской области, - рассказывает бывший кочегар паровозной бригады Мария Петровна Кияница. - Летом 1943 года, когда я перешла в 8 класс, в нашу деревню приехал уполномоченный от акмолинской железнодорожной школы ФЗУ. Тогда почти все ребята нашей школы с 7-го по 10-й классы получили повестки. Уже через два дня на подводах с чемоданами и узелками мы ехали в Акмолинск. Вместе с нами были воспитанники Урюпинского детского дома и среди них - ученица 8-го класса Разия Ахметжанова. Из девчонок нашего села мы с ней вдвоем оказались в группе паровозников. Наша учеба проходила по ускоренной програм-

ме три недели теории, три недели практики. Когда закончили учиться, группа выпускников из 15 человек (токари, слесари, кондукторы, кочегары) в сопровождении мастера школы была направлена на станцию Петропавловск. Трое девчат из акмолинской группы получили специальность кочегаров: я, Разия Ахметжанова и Мария Орешина».

Не могут не удивлять масштабы работы по мобилизации сил для отделения дороги, что в свою очередь свидетельствует о небывалой напряженной деятельности железнодорожного узла, когда поезда непрерывным потоком шли к фронту, а паровозным бригадам отводилось не более 8-10 часов между сменами. Зинаиде Павловне Сергеевой, проработавшей более 10 лет кочегаром паровозной бригады, повестку на учебу в петропавловскую школу ФЗУ вручили в деревне Боталовщина Тверской области, где она проживала. Случилось это в июле 1942 года, вскоре после освобождения села от немецких захватчиков. Девушке тогда едва исполнилось 16 лет. С такими же повестками 16-17-летняя молодежь приезжала на станцию Петропавловск и из других областей России.

Примечательно, что практически все девчата, работавшие кочегарами в паровозных бригадах, несмотря на свой юный возраст, прошли суровую школу жизни. Вот одна из типичных судеб. Кочегар с 1943 года, общий стаж работы которой в паровозной бригаде составляет 12 лет, Надежда Михайловна Карпейчик шестилетней девочкой вместе с родителями в период коллективизации была выслана из Воронежской области в Казахстан. Здесь, на станции Таинча, ее ждало голодное детство, т.к. родителей не принимали на работу и семья держалась лишь на случайных заработках отца-инвалида. Вместе с братом Надя вынуждена была ходить по дворам, прося милостыню. Когда не стало матери, добрые люди определили девочку в детский дом. Отсюда летом 1942 года 15-летним подростком вместе с группой детдомовцев она была направлена в Петропавловскую железнодорожную школу ФЗУ.

К появлению в годы войны девчат-кочегаров некоторые машинисты сначала отнеслись скептически и даже с раздражением. Трудно было поверить, что 16-летняя девчушка, в сапоги и грязь часами перебрасывая до 20 тонн угля за один рейс, в конце концов не захнычет. «Ты из какого детского садика, девочка?» - таким вопросом встретил Марию Кияницу машинист,

когда та впервые предстала перед ним в качестве кочегара паровозной бригады. Однако недоверие к надежности деловых рук вскоре исчезло. Наоборот, впоследствии, если перед машинистом вставал выбор включить в бригаду девушку или паренька, то он отдавал предпочтение первой. Ведь только женщина, отличаясь исполнительностью и аккуратностью, могла так надраить паровоз, что он сверкал как новый. Свою, и без того, немалую пощечину, непосильную ношу они несли с достоинством, без жалоб и даже с какой-то весёлой удалью. И сегодня, много лет спустя, вспоминая то время, свой «адский труд», эти немолодые женщины преображаются, их лица светлеют от гордой мысли о своей причастности к общенародной борьбе с врагом.

Между тем их труд был не только непомерно тяжёл, но и опасен для жизни. Были случаи, когда в пути лопались поперечные стекла и пар, вырвавшись из котла паровоза, обжигал и выводил из строя членов бригады. Случалось, что в пути ломалась паровозная букса в тот момент, когда нельзя было отцепить локомотив и тогда приходилось, спустившись из паровозной кабины, перезаправлять ее на ходу. Случались и пожары.

В начале 1944 года в депо был сформирован поезд, который обслуживали только женские паровозные бригады. Это явилось убедительным подтверждением серьезного, уважительного отношения к труду паровозниц. Старшим машинистом этого поезда стала кавалер ордена «Знак Почета» Екатерина Васильевна Коробко. В свои 25 лет она являлась старшей не только по должности, но и по возрасту среди своих подопечных девиц. Для них она была также образцом мужества и преданности делу. За реверс локомотива Екатерина Васильевна встала еще в довоенном 1940 году. С детских лет она мечтала о профессии машиниста, проявив незаурядный характер и волю к достижению своей цели. Казалось, трудно найти профессию, которую не смогли бы освоить женщины в военную пору, и тогда это воспринималось как должное. Но появление женских паровозных бригад, да еще целого поезда, где женщины выполняли обязанности машинистов, помощников машинистов и кочегаров, приводило в изумление даже бывалых людей.

Вот какой любопытный случай вспоминает работавшая на этом поезде кочегаром Мария Петровна Кияница: «В моей бригаде машинистом была Аня Чехлыстова. Замечательный то-

вирица, простая, веселая. Когда во время стоянок выпадали свободные минуты, она часто обращалась ко мне и помощнику машиниста Даше Орловой со словами: «А ну, девчата, улыбнемся!» И всегда после этих слов мы все трое запевали какую-нибудь душевную песню.

Однажды в летний день, незадолго до отправления поезда, в нем в паровозную кабину поднялся офицер и стал спрашивать машиниста.

Я машинист, - ответила Аня.

Шутить с вами я не намерен, - строго прервал ее наш гость. Он так и стоял в кабине, не веря своим глазам, что перед ним женская паровозная бригада, которой доверен отправляющийся на фронт воинский эшелон. Говорить офицер смог лишь после продолжительной паузы. Оказывается, в нескольких вагонах эшелона везли лошадей, у которых кончился запас корма, и он просил остановить поезд в поле, там, где будут копны сена.

Допустить незапланированную остановку поезда стратегического назначения в условиях военного положения на железной дороге являлось огромным риском для машиниста. Но и оставить без внимания просьбу военных Аня не могла. И вот мы проезжаем станцию Мамлютка, поезд останавливается. Как раз против копен. В ту же секунду солдаты выпрыгивают из вагонов и с охапками сена бегом возвращаются назад. Прошло меньше минуты - поезд снова в пути. Конечно, для солдатушки, сопровождавшего эшелон, остановка не осталась незамеченной. Обходя вагоны, он пытался выяснить, кто сорвал стоп-кран, но так и ничего не добился.

А когда мы прибыли в Макушино, нас ожидал сюрприз. Наш офицер, теперь улыбочивый и повеселевший, вместе с солдатом в благодарность принес к нам в кабину целую тушу барана. Кроме того, он вручил каждой по пакету с наволочками и полотенцами. Я в своем пакете обнаружила еще красную ленту для кос».

Закончилась война. Признавая использование женского труда на участках мужских профессий как вынужденную меру в суровых условиях военного времени, МПС приняло решение о переводе таких тружениц на другую, более легкую работу. Женские паровозные бригады были расформированы и стали достоянием нашей истории. Однако многие из женщин продол-

жали еще многие годы работать в качестве машинистов и помощников машинистов. Так, Е.В. Коробко ушла с должности машиниста тепловоза лишь когда наступил ее пенсионный возраст: в 1969 году. Последней из героической плеяды паровозниц была помощник машиниста Разия Ахметжанова. Она отставила свой локомотив в 1985 году.

** Признав однажды особые заслуги и чрезвычайную тяжесть труда этих женщин, государство со временем «забыло» о них: сегодня бывшие кочегары и помощники машинистов получают минимальную, мизерную пенсию. И это сыграло не последнюю роль в том, что из многочисленного отряда паровозниц, насчитывавшего в годы войны более пятидесяти человек, в настоящее время в живых осталось лишь шестеро. (Примечание автора).*

2005 г.

ПОДВИГ САНИТАРКИ РОДИОНОВОЙ

Фотография этой миловидной женщины с лучистым, добрым взглядом, с ртутными глазами донора и орденом Ленина на груди хранится в материалах Великой Отечественной войны областного историко-краеведческого музея. Это санитарка бывшей 1-й Советской больницы Антонина Матвеевна Родионова. Снимок сделан в день вручения ордена: 9 февраля 1968 года. Накануне страна широко отметила всесоюзный юбилей общества Красного Креста со дня основания, в этой связи лучшие активисты добровольных организаций

первые были отмечены правительственными наградами. Тогда же по инициативе исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в Москве вышел буклет, посвященный донорам-кавалерам ордена Ленина. Примечательно, что среди награжденных активистов казахстанского общества Красного Креста высшей правительственной наградой (орденом Ленина) удостоивалась лишь представительница Петропавловска. Между тем республиканское Общество в тот период насчитывало 3,4 миллиона членов, в том числе более 80 тысяч доноров.

Сенсационная новость о присвоении ордена Ленина скромной санитарке глазного отделения городской больницы пришла в Петропавловск в канун нового, 1968 года. Тотчас же руководство города, городской комитет обществ Красного Креста и Красного Полумесяца приступили к подготовке чествования Родионовой - дважды Почетного донора СССР, а теперь и орденосца...

Родилась Антонина Матвеевна на Алтае в 1919 году. Ее отец, единственный кормилец большой семьи, где воспитывалось одиннадцать детей, служил конюхом в поселковой конторе. В начале тридцатых годов, в период коллективизации, страшный голод и мор заставили родителей покинуть насиженное место и двинуться в путь в поисках хлеба насущного. Так семья ока-

залась в Петропавловске. Вскоре 15-летняя Тоня, как старшая среди детей, на плечах которой лежала обязанность помочь родителям содержать семью, устроилась кухонной работницей в одну из городских столовых. Об учебе не могло быть и речи. Школе пришлось оставить после окончания шестого класса.

Великая Отечественная война застала ее в должности официантки пионерского лагеря «Золотая осень». Уже первые месяцы войны изменили привычную жизнь девушки: два ее брата, Иван и Андрей, ушли добровольцами на фронт. Причем младший брату Андрею, 1922 года рождения, первому в семье удалось окончить среднюю школу и осуществить свою мечту: поступить в военное училище. Забегая вперед, отмечу, что оба брата погибли на войне.

Первая похоронка о гибели Ивана пришла в декабре 1941 года. Через несколько дней после трагической вестки Тоня получила заявление о приеме на работу в эвакуационный госпиталь №3595, который находился на территории 1-й Советской больницы. Восьмого января 1942 года ее приняли санитаркой в хирургическое отделение - самое тяжелое отделение госпиталя. То, что предстало глазам Родионовой, попытаюсь описать с помощью воспоминаний хирурга Г.А. Старовойтовой, получившей назначение в эвакогоспиталь №2446, расположенный в корпусах областной больницы. Вот что она пишет: «Уже первый санитарный поезд доставил в госпиталь 800 человек. Это были защитники Москвы. Все они находились в очень тяжелом состоянии - отморожения, ожоги, глубокие ранения, травматический шок. Все этажи госпиталя были переполнены ранеными. Их приходилось класть прямо на пол, подстелив солому и простыни. Кровь лилась рекой. Обрабатывая раненых, мы не выходили из госпиталя по несколько дней. Тяжело было видеть все эти страдания. Придя домой, я не могла уснуть - мне слышались стоны...».

Почти с первого дня работы в госпитале Родионова начала сдавать кровь, которая, кстати, у нее оказалась первой группы. Врачи утверждают, что донор без вреда для здоровья может сдать норму крови (400 миллилитров) не более пяти раз в течение года. Это составляет два литра крови. Родионова, вопреки рекомендациям и нормам, в экстремальных условиях военного госпиталя фактически за тот же годовой период (в марте 1943 года госпиталь №3595 был расформирован) сдала двадцать

итров крови! Ее результат стал недостижимым рекордом в республике, феноменом, перед которым медики разводят руками. Несомненно, одним из источников такого подвига, такого самопожертвования девушки было острое чувство сострадания чужой боли. «Тоня была у нас очень жалостливой, - вспоминает ее младшая сестра Анастасия Матвеевна. - Не знаю, где только она брала силы, ведь в войну и хлеба-то досыта не ели. Бывали случаи, когда по дороге домой из госпиталя (мы жили в Рабочем поселке) она падала в обморок, но все равно считала, что сдавать кровь - ее долг!...».

Первая награда - нагрудный знак «Почетный донор СССР» была вручена двадцатипятилетней санитарке еще в военном 1944 году. Родионова по-прежнему продолжала работать санитаркой в 1-й Советской больнице (с конца 1945 года в глазном отделении). И как прежде продолжала сдавать кровь. Она оставалась донором до тех пор, пока тяжелая болезнь не приковала ее к постели. Случилось это уже тогда, когда Антонина Матвеевна была на заслуженном отдыхе. Умерла Родионова в апреле 1986 года, на 67-м году жизни.

Трудно сосчитать, сколько жизней спасла эта замечательная женщина. Но Родионова была не только донором. Активно содействуя работе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, она систематически вела пропаганду донорского движения. Нередко с этой целью Антонина Матвеевна использовала трибуну слетов доноров Петропавловска. На них, кстати, ее традиционно избирали в почетный президиум. Не удивительно, что именно городской слет доноров был избран местом для вручения Родионовой ордена Ленина.

Внеочередной IV слет доноров Петропавловска состоялся 9 февраля 1968 года. В концертном зале Дома пионеров собрались доноры, представители руководства города и общественности, медицинские работники, журналисты и школьники. В президиуме - радостная, взволнованная Антонина Матвеевна. К этому дню на ее счету было сдано более ста литров крови. Конечно, Родионова знала повестку дня, однако в кульминационный момент работы слета ее ждал сюрприз: под аплодисменты ликующего зала вместе с правительственной наградой ей были вручены ключи от трехкомнатной благоустроенной квартиры.

Протокол заседания слета вместе с другими материалами городского комитета обществ Красного Креста и Красного Полумесяца хранится в областном государственном архиве. Из прозвучавших приветствий в адрес Родионовой приведено несколько строк пионерского выступления:

*...Струится кровь по венам жарко,
Светло, прозрачно и неоново.
Живет на свете санитарка,
Которой имя Родионова.
Привычно шприц иглою брызнет...
Вот так она из года в год
Не кровь свою, а каплю жизни
Душевно людям отдает...*

2009 г.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ГОРОДА**

ДРАМА ВОЗНЕСЕНСКОГО СОБОРА МАЛИНОВЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ

130 лет назад, летом 1865 года, там, где сегодня стоит областная драматическая театральная труппа, была заложена главная православная церковь старого Петропавловска - Вознесенский кафедральный собор. Тогда это была четвертая церковь города, о которой только-только начинал строиться на горе. Строили собор на месте бывшего менового двора, о котором впоследствии напоминали каменные торговые лавки, пристроенные к гостинице «Россия» (здание УВД), и городской базар, давший начало улице Торговой (ныне Интернациональная).

В 1870 году, в день Вознесения, праздничным перезвоном десяти колоколов, самый большой из которых весил 513 пудов, «позвал» верующих на первую службу. Первоначальный пол собора красный, т.к. штукатурить и белить стены в провинции все еще было не принято. Торжественному облику храма под стать стало и его внутреннее убранство: оклады икон из драгоценных камней, золота и серебра, позолоченный трехъярусный иконостас, престолы из орехового дерева, золотая, серебряная утиральники и ковры и т.д.

Вознесенский собор и Соборная площадь обозначили на карте города сразу три новые улицы: Пушкинскую, Вознесенскую (ныне Революционная) и Вознесенский проспект.

Деньги на строительство собора пожертвовала почетная гражданка Петропавловска, вдова купца второй гильдии, Мария Глазкова. Ее муж, Григорий Глазков, нажил состояние на производстве мануфактурой. На грандиозный дар городу Глазкова пожертвовала весь свой капитал. Кроме этого, она передала собору семейное имение, расположенное в нескольких километрах от города, в деревне Ольшанке. Не жалел средств на Вознесенский собор и сын Глазковой, потомственный почетный гражданин Петропавловска Федор Григорьевич Глазков. В 1897 году он открыл первую в городе церковно-приходскую школу при соборе.

ИКОНА, ПОДАРЕННАЯ ЦАРЕМ

В числе особо почитаемых икон собора была икона Николая-Чудотворца, подаренная городу царем Николаем II. Она доставлена в Петропавловск в апреле 1915 года. «Публики, встречавшей икону, которую пожертвовал государь-император, было ужасно много. На Вознесенском проспекте пыль подняли невозможную...», - это строки из дневника очевидца событий.

Трудно сказать, почему монарший взор был обращен к далекому провинциальному городу. Возможно, в знак благодарности за прием, оказанный ему, тогда еще цесаревичу, 18 июля 1891 года. В этот день, возвращаясь из дальнего путешествия в форме рядового казака Сибирского казачьего войска, будущий царь посетил Петропавловск.

ОБВИНЯЮТСЯ... ТРИ МОНАХИНИ

Установление советской власти в Петропавловске в конце 1917 года никак не отразилось на судьбе Вознесенского собора и религиозной жизни вообще. Действия Петропавловского совета говорят об уважительном отношении к религии. Вот два примера. В середине мая 1918 года молодой коммунист, занимавший высокий пост в особой следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, Василий Кравченко, венчался со своей невестой в Вознесенском соборе.

В том же месяце газета «Известия Петропавловского совета» в первый день Пасхи приветствовала своих читателей словами: «Редакция поздравляет читателей с днем учителя - социалиста Христа!».

Пришедший на смену колчаковской власти, Петропавловский ревком закрыл монастыри, тюремную церковь и церковь Романовского училища, однако без волокиты зарегистрировал различные религиозные общины, в результате чего их оказалось даже больше, чем в дореволюционном Петропавловске.

Зыбкость своего положения местная епархия почувствовала в 1922 году, когда вышел декрет об изъятии церковных ценностей. Тяжесть этого акта усугублялась еще расколом внутри самой церкви. Новая обновленческая церковь безоговорочно поддерживала политику советского правительства, и поэтому, как староканоническая была солидарна с патриархом Тихоном, который открыто осудил правительственный декрет. Членина раскола прошла и между петропавловскими церквями. Членом обновленцев в городе возглавил архиепископ собора Антоний Вознесенский. Так до последних своих дней в документах НКВД Вознесенский собор числился в списке обновленческого прихода.

В областном архиве, в материалах губернского революционного трибунала, хранится дело, связанное с изъятием церковных ценностей в Вознесенском соборе. Обвинялись три монахини. Вина их заключалась в том, что они сокрушали иконы, когда снимали дорогие ризы, и предлагали священнику унести несколько икон.

Кроме этого, одна из них унесла лампадку, а другая говорила верующим, что икона Божией Матери «так и не дала снять с себя ризу». Согласно протоколу судебного заседания священники-обновленцы никакого отношения к делу не имели и монахиням не сочувствовали.

Между тем у советской власти обновленцы привилегиями не пользовались. Когда в 1923 году в Петропавловске официально завершили передачу церковной собственности в руки государства, тот же архиепископ Кононов, как и другие служители культа, лишился крова в придачу к лишению права голоса.

ТАК РАЗРУШАЛИ ХРАМЫ

Весной 1929 года в Петропавловске, как и по всей стране, началась беспрецедентная антирелигиозная кампания, в результате которой в городе закрыли практически все церкви, молитвенные дома, мечети, костел и синагогу.

Вознесенский кафедральный собор закрыт решением городского Совета от 2 февраля 1930 года. Куда только ни обращались прихожане, пытаясь доказать, что приговор городских властей несправедлив.

«Постановление городского Совета, - жаловались верующие в Пресидиум ВЦИК, - совершенно не мотивировано. Посещение у нас хорошее, громадные средства прихожан (около 5000 рублей) затрачены на ремонт собора. Наша община перерегистрирована только год назад. Наш храм всегда поддерживал директивы правительства трудящихся...».

Такие письма, как правило, оставались без ответа, а между тем собор стал систематически подвергаться варварским нападкам. Ночные посетители крушили и ломали все, что попало под руки, особенно пострадала отопительная система. Одновременно местная газета опубликовала целую серию «примирительных» статей по поводу «поповского вредительства в соборе».

«Слухи о возможном использовании большого петропавловского собора под культурные нужды трудящихся заставили «поповскую администрацию» зашевелиться, - писала газета «Смычка» за 3 ноября 1930 года. - Ответственные за сохранность сданного им в аренду здания, поны решили действовать по принципу: «Если не нам, то не будет и вам...».

Чтобы как-то облегчить судьбу священников, религиозная община собора объявила о том, что она отзывает все свои жалобы и самораспускается. Так закончилась борьба верующих за свой собор.

В следующем 1931 году в здание Вознесенского собора переселился областной краеведческий музей. Однако пребывание музея под соборным куполом оказалось недолгим. Вознесенский собор продолжал разрушаться, отопительная система не восстанавливалась, стены сырели и осыпались.

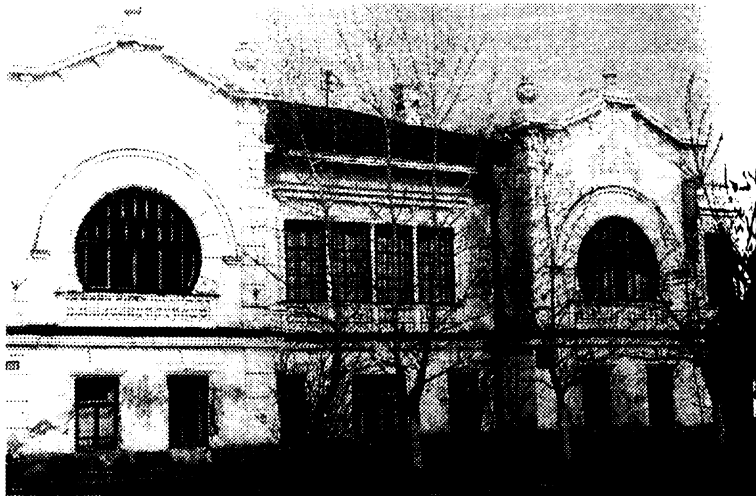
«Петропавловский музей находится в плачевном состоянии. Стены исцарапаны, побиты, стекла в окнах раздроблены. Уже один вид отталкивает посетителей» - так писала о музее местная газета. Когда в 1934 году музею удалось, наконец, выбраться из полуразрушенного здания, судьба собора была решена. В том же году горкомхозу поручили сровнять собор с землей, а именно: к 15-летию образования республики, т.е. к

октябрю 1935 года. Этому плану не суждено было сбыться. Вскоре выяснилось, что на уничтожение церкви понадобится не месяцы, а годы. Только осенью 1937 года местные власти вздохнули с облегчением: кроме площадки, покрытой бетоном, ничего больше не напоминало о храме. Правда, оставались девять увесистых книг записей о венчании, о родившихся и умерших в г. Петропавловске. Участь их сегодня неизвестна. Известно точно, что соборные книги записей хранились в частном архиве до 1947 года.

199

ДОМ НЕВЕСТЫ

Редкий прохожий не обратит внимание на красивое и уютное здание на пересечении улиц Ульянова и Горького. Там же, за памятником архитектуры, просматриваются обычные для старого города усадебные постройки. Сам дом уникален. И не только по архитектурному решению, но и по романтической легенде о нем. Невоторимой архитектуре под стать и внутреннее оформление; лепные украшения потолка и стен, и фаянзовые печи резные из темного дуба двери и т.д. Изюминкой здания, его тайной является то, что сооружено оно «под камнем». Мало кому придет в голову, что перед ним деревянный дом. Многим горожанам это здание знакомо как «дом невесты».

... такому необычному и поэтическому названию оно объясняется, отголоски которой живы и по сей день.

Стало известно это примерно сто лет назад. Однажды молодой петропавловский купец Янгуразов, находясь по своим торговым делам в Москве, встретил юную красавицу, которую горячо полюбил. Купец предложил ей руку и сердце, но та, видно, колебалась над ним, сказав в ответ, что согласится стать женой при одном условии: будущий супруг должен построить дом, подобный тому, на который она укажет. К удивлению девушки, Янгуразов принял ее условия и данное слово сдержал: через год дом, ставший точной копией московского, для невесты был уже готов.

Только новый роскошный особняк не стал счастливой пристанью для молодой четы. Точно злой рок тяготел над ним. Недалеко после свадьбы Янгуразов простудился и тяжело заболел. Он умер в молодом возрасте, оставив неутешную вдову с двумя детьми. И это были еще не последние испытания судьбы, выпавшие на долю московской красавицы.

Так рассказывает легенда. Трудно судить, что о ней вымысел, а что правда. Известно только, что еще в восемнадцатом веке знатные дворяне строили под Москвой дворцы из дерева, отделывая их как каменные. Таким образом, можно предположить, что именно здесь, под Москвой, Янгуразов впервые увидел подобное здание и у него зародилась замечательная идея воссоздать его на родине.

Дополнительно еще известна лишь одна, самая трагическая страница из истории семьи Янгуразовых. О ней мы узнаем из пространной статьи, опубликованной в одном из осенних номеров омской газеты «Иртыш» за 1906 год. Вот что в ней говорилось: «В ночь с пятого на шестое октября в городе Петропавловске произошло событие, взволновавшее все мусульманское население города: зарезаны богатая купчиха Янгуразова и ее дочь в собственном доме по Думской улице. Это произошло в час ночи, когда в доме по случаю наступившего поста Уразы никто еще не спал. Мать и дочь сидели в средней комнате за чайным столом и пили чай, как вдруг ворвался какой-то оборванец с ножом в руках. Сын хозяйки бросился к прислуге вниз, на кухню, но выйти и оказать помощь ему не удалось: все, кто оставался внизу, были запуганы тем обстоятельством, что снаружи стояли вооруженные соучастники злодея. Утром хозяйку

и дочь нашли мертвыми. В комодах все было перерано — унесли одну лишь железную шкатулку, в которой были ключи от крепости и другие документы. Мусульмане выразили недовольство порядками охраны населения, при которых возможны подобные события. Ими была подана петиция за подписание нескольких сот человек лично господину начальнику кризисного штаба, указывая на слабую деятельность полиции, просить отлучить из города до 35 человек заведомых воров и рецидивистов...». Та же газета сообщила, что уже вечером 16 октября губернатор Акмолинской области Неверов специально выехал из Омска в Петропавловск для выяснения обстоятельств страшной трагедии, которая буквально потрясла весь провинциальный город.

О сыне Янгуразовых сохранились обрывочные сведения, и они позволяют сделать вывод, что судьба к нему была более благосклонна, чем к родителям.

До революции Янгуразову-младшему принадлежало одно из самых крупных предприятий города по производству жира. Когда же начались революционные события, он свернул производство и уехал из Петропавловска. Рассказывают, что поселился в Ташкенте, где прожил до глубокой старости и там же похоронен.

1997

ТРАГИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Зданию Главпочтамта исполнилось 70 лет. В 1927 году, накануне октябрьских торжеств, из старого помещения по улице Революционной сюда была переведена городская почтово-телеграфная контора. Тогда, в дни празднования десятилетия юбилея Октября, в Петропавловске новоселье отметили около десяти организаций, в числе которых были радиостанция, детская больница, тубдиспансер и другие. Однако самым главным и самым долгожданным строительным объектом года для горожан была почта. Ей отводилась и особая роль в оформлении праздника.

Регулярно освещавшая ход стройки местная газета «Степная звезда» писала, что «в день Октябрьской революции здание будет декорировано по идее смычки города с деревней через все виды транспортной и воздушной связи». То, что строительство почты вызвало наибольший интерес, легко понять, если

... что на месте нового здания в течение почти десяти лет возвышались огромные, полуразрушенные стены бывшего городского центра. Темные проемы пустых окон с немым укором смотрели на главную площадь Петропавловска, омрачая торжества и будоража память о бесславной и, пожалуй, самой трагической ночи в истории города.

И разрушенное здание, в котором размещался универсальный магазин, было когда-то украшением города, единственным в Петропавловске зданием в три этажа. Оно было построено в 1905 году и принадлежало богатому московскому фабриканту Гиншину и местным купцам братьям Овсянниковым. По благодетельству и размаху торговли магазин не имел в городе конкурентов. Здесь работал единственный в Петропавловске лифт, имелась собственная электростанция. В зеркальном вестибюле механическое чучело медведя отдавало поклон каждому посетителю. Покупателю предлагались не только товары практически со всего света, но и блюда на любой вкус в ресторане на втором этаже. Любая покупка, включая обед в ресторане, по желанию посетителя доставлялась на дом. И еще одна любопытная деталь: почти каждый из тех, кто обслуживал покупателей, был известен в городе по любительским спектаклям и концертам. Особой любовью у горожан пользовалось выступление духового оркестра, коллектив которого состоял из прикатчиков магазина.

В 1917 году, в условиях непрекращающейся войны, разрухи и голода для главного магазина города, как и для всей торговли в стране, наступило нелегкое время. Введение Временным правительством монополии на хлеб, а также ранее действующий запрет на продажу спиртных напитков еще более сократили торговлю. Опустели некогда шумные торговые залы, их роскошь теперь раздражала и вызывала ненависть.

Осенью 1917 года Петропавловск бурлил забастовками. Требования были одни и те же: повышение жалования. В эти же дни толпы солдаток дневали и ночевали у стен продовольственной управы в ожидании пособия. Его не выдавали уже более месяца, так как городская казна была пуста. В тот момент, когда общее недовольство достигло, казалось, критической отметки, из Петрограда пришла новость о повышении цены на муку вдвое. Решение Временного правительства местные газеты опубликовали 3 октября. Утром следующего дня толпа

негодующих горожан собралась у дверей универсального магазина. Магазин был закрыт, и это привело людей в еще большую ярость. Стихийный митинг продолжался уже более часа, когда сюда прибыли представитель Совдепа и судебный пристав Ишмухаметов.

О том, что произошло дальше, депутат Зубенко на следующем заседании Совдепа от 11 октября сообщил следующее: «Толпу удалось было успокоить, но тут судебный пристав Ишмухаметов необдуманно заявил, что «если дорого, то не пейте пайте». Его слова подействовали возбуждающе, за ним погнались и избили его. Затем бросились разыскивать председателя городской продовольственной управы, разыскали и тоже избили. Вызванные солдаты учебной команды не могли остановить толпу в несколько тысяч. Затем толпа потребовали провести учет продовольственных товаров в магазине Ганшина. Магазин открыли, и тут оказалось, что в подвалах хранится большой запас коньяка, шампанского и других вин. Это и решило судьбу магазина...».

Далее обратимся к статье «Черный бунт», опубликованной в омской газете «Сибирская речь» за 10 октября: «...толпа вошла в кладовых вино, и началась пьяная оргия. Для наглядной иллюстрации, как пили, достаточно отметить, что в тот же день скончалось 60 человек, а выпито было 3000 ведер.

Затем начался погромный кошмар. Нагешившись вдоволь в магазине Ганшина, бросились на улицу продолжать начатое. Вечером магазин Ганшина был подожжен. Огромное трехэтажное лучшее здание города охватило огнем. Пожар бушевал до поздней ночи и только благодаря тихой погоде не принял ужаснейших размеров. Всю ночь над городом плавало огромное зарево и жутко завывала сирена. Хлопали ружейные и револьверные выстрелы. Наутро газеты не вышли».

5 октября в Петроград на имя председателя Совета министров и министра юстиции поступила срочная телеграмма из Омска за подписью областного комиссара. В ней говорилось: «В Петропавловске на почве повышения цены на муку возникли серьезные беспорядки. 4 октября толпа начала громить магазины. Есть убитые и сгоревшие. Сегодня из Омска в 2 часа ночи посланы отряд в 370 человек и рабочая дружина в 125 человек. Город объявлен на военном положении».

И течение нескольких дней Петропавловск напоминал оккупированный неприятелем город с повальными обысками, арестами, дознаниями и т.д. Однако все усилия по наведению порядка и поиску виновных не могли уже вернуть лучшее городское состояние.

Вскоре после «черного бунта» в стране и крае началась непрерывная цепь политических потрясений, и городу было не до руин. Тем не менее даже в эти годы предпринимались попытки справиться их с землей, но они, точно гранитные скалы, не поддавались ни лому, ни кирке.

В августе 1926 года к разборке стен и строительству нового, согласно договору, приступил Челябинский строительный трест. На стройку, объявленную ударной, он мобилизовал свыше 250 рабочих. Уже в разгаре работ было решено отступить от предварительных расчетов и возводить новое здание на фундаменте бывшего магазина.

Следует отметить, что от бывших хозяев почти перешли и типовые хозяйственные постройки (конюшни и складские помещения). Часть их сохранилась и сегодня.

1997 г.

ДОМ, ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ ДУШИ

Пустующие разрушенные или полуразрушенные здания, похоже, становятся приметой нашего времени. Самое печальное, что большая их часть – памятники истории и архитектуры. Среди них здание городской милиции (гостиница «Россия»), бывший филиал пединститута (магазин купца Коровина), школа по улице им. Булавского (реальное училище), фабрика сувениров (бывший драматический театр, или Коммерческий клуб) и другие. Когда-то, в недалеком прошлом, все они были в ведении государственных и общественных организаций, на их стенах торжественно устанавливались памятные доски, сюда устремлялись гости города и группы экскурсантов.

Заброшенные памятники – явный симптом общего падения культуры, катастрофическое положение которой мы сегодня оправдываем финансовыми трудностями. Однако благосостояние и культура не всегда зависели друг от друга. Настоящий

подъем духовности, культурной жизни переживал, впрочем, и Петропавловск в годы Великой Отечественной войны. Это было время, когда рабочие прямо со смены спешили в библиотеку на вечера поэзии, встречи, читательские конференции, в домах культуры выстраивались очереди за билетами на пьесы. Кинотеатры не вмещали всех желающих. Аншлаги и драматическом театре был обычным явлением. Театр пользовался особым вниманием и любовью. Ведь только здесь можно было получить колоссальный заряд энергии и окунуться в неповторимую атмосферу праздника, прикоснуться к высочайшему вечному искусству. Конечно, театр был любимым местом отдыха горожан не только в годы войны. И не только в советский период.

Интересной, самобытной страницей вошло это здание в революционную историю Петропавловска. Вот что рассказывают документы прошлого. Оказывается, театр строился на народные деньги. В 1904 году городская дума объявила о строительстве народного театра и целевом сборе пожертвований. Такое решение отвечало духу времени - ведь это был период революционного подъема и роста общественного самосознания. Возводилось здание из красного кирпича в стиле, характерном для конца XIX - начала XX столетия (специалисты определяют его как позднее сибирское барокко).

О том, какое место отводилось ему в жизни города, газета «Иртыш» в октябре 1906 года писала так: «Городской театр, построенный на общественные деньги, должен и обслуживать общественные нужды, а нужд этих много. Это здание должно быть народным домом, тут должна быть помещена и общественная библиотека, вестись народные чтения, даваться народные спектакли».

Именно таким народным домом стал театр для горожан, однако не сразу после открытия в ноябре 1906 года. Дело в том, что еще до завершения строительства в городской думе решался вопрос о том, кому передать здание в аренду. Претендентов было два: музыкально-драматическое общество и второе городское собрание. Следует уточнить, что в городе функционировали два собрания. Первое собрание объединяло дворян и офицеров, второе - купеческое сословие. Петропавловская дума, состоявшая в основном из купцов, проголосовала за второе городское собрание. Это означало, что свободный вход

« театр разрешался только на спектакли, в остальное время развлечения устраивались исключительно для «своих». Монополия купцов на здание театра продолжалась до 1911 года, когда губернатор Акмолинской области, внемля жалобам горожан, повелевал, наконец, распустить второе городское собрание. Конечно, петропавловское купечество, представлявшее значительную часть населения города, не могло обойтись без своего общества. Вскоре на базе второго городского собрания был создан Коммерческий клуб. Клуб также получил право на аренду театра. Только теперь его деятельность регламентировался уставом, одобренным губернатором. Устав предоставлял практически каждому жителю города, достигшему 18-летнего возраста, после прохождения несложных формальностей возможность получить членский билет Коммерческого клуба и посещать театр в любое, удобное для него время. Предъявив билет у входа, можно было пройти в зал на лекцию или концерт, посетить библиотеку или комнаты для игр (шашки, шахматы, бильярд, карты и т.д.), принять участие в работе секций или кружков, а в праздничные дни веселиться на балу или маскараде. Плата за посещение взималась только после двух часов ночи и до пяти часов утра, затем клуб на короткое время закрывался. В дни спектаклей открывалась билетная касса, и сцена предоставлялась актерам. Остальная жизнь клуба протекала в обычном русле.

Организация досуга была основной, но не единственной работой клуба. Кстати, клубу на правах аренды принадлежал и городской парк. С наименьшим размахом велась и благотворительная деятельность.

Благотворительный фонд формировался из доходов от работы буфетов, продажи входных билетов в парк (зимой здесь открывался каток), членских взносов, пожертвований и т.д. «Благотворительный фонд, - говорилось в уставе, - образуется с целью оказания помощи членам клуба, а равно их семействам, пришедшим в бедность от старости, болезни и других обстоятельств. Помощь фонда заключается в периодической выдаче пособий, помещения детей в различные учебные заведения...». Часть фонда ежемесячно отчислялась на оплату стипендий учащимся Петропавловской торговой школы. И еще о клубе. При советской власти его деятельность была запрещена, имущество конфисковано. Однако подобная клубная форма рабо-

ты еще долгие годы была популярна в Петропавловске. Но в двадцатые годы в городе возникло сразу несколько клубов, наибольшим влиянием среди них пользовался клуб мусульманской молодежи.

В дореволюционную историю Петропавловска драматический театр вошел как Коммерческий клуб. Между тем уже в 1915 году он арендовал другое, более скромное здание магазина купца Казанцева по Вознесенскому проспекту. Шли годы, первая мировая война. В город непрерывно прибывали раненослужащие для формирования запасных подразделений, раненые, военнопленные, беженцы. Почти ежедневно городская дума решала один и тот же вопрос: где разместить прибывающих. Кинотеатры, гостиницы и даже ряд школ были переданы военным. Очередь дошла и до драматического театра. Здесь разместился 142-й сводный эвакуационный госпиталь. И тогда же вместе с его медицинским персоналом в Петропавловск приехал скромный фельдшер, которому суждено было сыграть решающую роль в революционных событиях и навсегда остаться в истории нашего края. Его имя - Исидор Дмитриевич Дубинин. Это лишь одно имя из целого ряда памятных имен актеров, режиссеров, драматургов, государственных и политических деятелей - всех тех, кого помнят стены гибнущего сегодня здания.

Как известно, 1998 год объявлен Годом национальной истории. Может быть, у памятников теперь найдется, наконец, хозяин и они будут спасены. Ведь, как писал когда-то Н.В. Гоголь, «архитектура - тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания...».

1998 г.

...ОБЪЯВЛЕН НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Зданию петропавловского главпочтамта исполнилось 80 лет. В 1927 году, в канун октябрьских торжеств, из старого помещения на улице Революционной сюда переведена городская почтово-телеграфная контора. Тогда, в дни празднования десятилетнего юбилея Октября, в Петропавловске новоселье отметили около десяти организаций: радиостанция, детская больница, тубдиспансер и другие. Однако самым главным и самым

неожиданным строительным объектом года для горожан стала
печи. Ей отводилась и особая роль в оформлении праздника.

Регулярно освещавшая ход стройки местная газета «Степ-
ная звезда» писала, что «в день Октябрьской революции зда-
ние будет декорировано по идее смычки города с деревней че-
рез виды транспортной и воздушной связи». То, что строит-
ельство по почте вызвало наибольший интерес, легко понять, если
счесть, что на месте нового здания в течение почти десяти
лет повышались огромные, полуразрушенные стены бывшего
городского центра. Темные проемы пустых окон с немым укор-
ом смотрели на главную площадь Петропавловска, омрачая
празднества и будоража память о самой трагической, пожалуй,
печи в истории города.

Разрушенное здание, в котором размещался универсальный
магазин, было когда-то украшением города, единственным в
Петропавловске зданием в три этажа. Построенное в 1905 году,
оно принадлежало богатому московскому фабриканту Ганши-
ну и местным купцам братьям Овсянниковым. По благоуст-
ройству и размаху торговли магазин не имел в городе конку-
рентов. Здесь работал единственный в Петропавловске лифт,
имелась собственная электростанция. В зеркальном вестибю-
ле механическое чучело медведя отдавало поклон каждому
пошедшему. Покупателю предлагались не только товары прак-
тически со всего света, но и блюда на любой вкус в ресторане
на втором этаже. Любая покупка, включая обед в ресторане,
по желанию посетителя доставлялась на дом.

В 1917 году, в условиях непрекращающейся войны, разрухи
и голода для главного магазина города, как и для всей торговли
в стране, наступило нелегкое время. Введение Временным пра-
вительством монополии на хлеб, а также ранее действующий
запрет на продажу спиртных напитков еще более сократили
торговлю. Опустели некогда шумные торговые залы: их рос-
кошь теперь раздражала и вызывала ненависть.

Осенью 1917 года Петропавловск бурлил забастовками. Тре-
бование было одно и то же: повышение жалованья. В эти же
дни толпы солдаток дневали и ночевали у стен продовольствен-
ной управы в ожидании пособия. Его не выдавали уже более
месяца, так как городская казна была пуста. В тот момент,
когда общее недовольство достигло, казалось, критической от-

метки, из Петрограда пришла новость о повышении цены на муку вдвое. Решение Временного правительства местные газеты опубликовали 3 октября. Утром следующего дня толпа негодующих горожан собралась у дверей универсального магазина. Магазин был закрыт, и это привело людей в еще большую ярость. О том, что произошло дальше, депутат Зубов на специальном заседании Совдепа от 11 октября сообщил следующее: «Толпу удалось было успокоить, но тут судебный пристав Ишмухаметов необдуманно заявил, что «если дороже, то не покупайте». Его слова подействовали возбуждающе, за ним погнались и избили его. Затем бросились разыскивать председателя городской продовольственной управы, разыскивали и тоже избили. Вызванные солдаты учебной команды не могли остановить толпу в несколько тысяч. Затем толпа потребовала провести учет продовольственных товаров в магазине Ганшина. Магазин открыли, и тут оказалось, что в подвалах хранится большой запас коньяка, шампанского и других вин. Это и решило судьбу магазина...».

Далее обратимся к статье «Черный бунт», опубликованной в омской газете «Сибирская речь» за 10 октября: «...толпа пришла в кладовых вино, и началась пьяная оргия. Для наглядной иллюстрации, как пили, достаточно отметить, что в тот же день скончалось 60 человек, а выпито было 3000 ведер.

Затем начался погромный кошмар. Натешившись вдоволь в магазине Ганшина, бросились на улицу продолжать начатое. Вечером магазин Ганшина был подожжен. Огромное трехэтажное лучшее здание города охватило огнем. Пожар бушевал до поздней ночи и только благодаря тихой погоде не принял ужаснейших размеров. Всю ночь над городом полыхало огромное зарево и жутко завывала сирена. Хлопали ружейные и револьверные выстрелы. Наутро газеты не вышли».

5 октября в Петроград на имя председателя Совета министров и министра юстиции пришла срочная телеграмма из Омска за подписью областного комиссара. В ней говорилось. «В Петропавловске на почве повышения цены на муку возникли серьезные беспорядки. 4 октября толпа начала громить магазины. Есть убитые и сгоревшие. Сегодня из Омска в 2 часа ночи послан отряд в 370 человек и рабочая дружина в 125 человек. Город объявлен на военном положении».

Однако все усилия по наведению порядка и поиску виновных не могли уже вернуть лучшее городское здание.

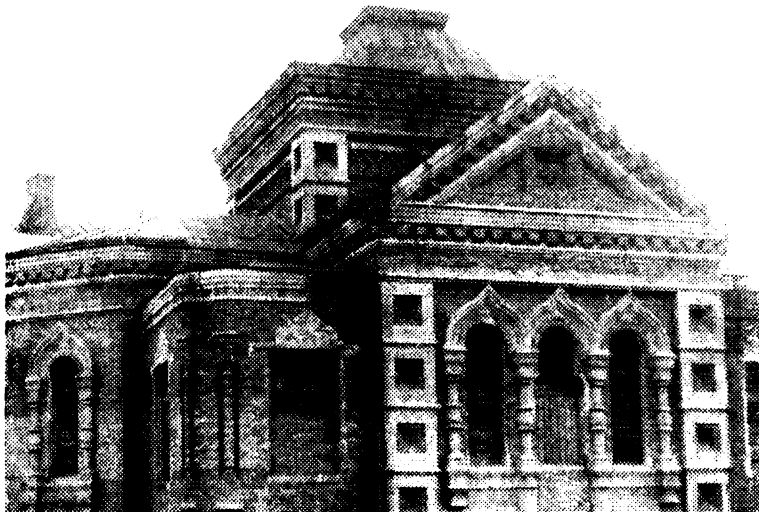
В августе 1926 года к разборке стен и строительству почты, согласно договору, приступил Челябинский строительный трест. На стройку, объявленную ударной, он мобилизовал сразу 250 рабочих. Уже в разгаре работ было решено отступить от предварительных расчетов и возводить новое здание на фундаменте бывшего магазина.

2007 г.

О судьбе Марининской церкви и не только

«ОКТАБРИНЫ» ВМЕСТО КРЕСТИН

В 1900 году, 100 лет назад, для прихожан открылась железнодорожная церковь с главным престолом в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. Одетая в праздничное убранство из красного кирпича и светлого шлифованного гранита, она стала украшением привокзального поселка. Но век ее оказался недолгим. Церковь была закрыта первой из культовых учреждений бывшей Акмолинской губернии. Здание перешло под молодежный клуб. Новые хозяева спилили кресты

над куполами и под хохот и свист сбросили их на землю, установив на бывшем храме красный флаг. Затем одну часть церковного имущества вместе с иконами выбросили в реку, другую взяли на реквизит драматического кружка. В день закрытия молодежного клуба здесь гресмел духовой оркестр и кружились пары.

Между тем это победное торжество над «опиумом наркотики» проходило в период (летом 1923 года), когда в губернии еще не было открытого наступления на религию. Почему же такая участь выпала на долю именно Мариинской железнодорожной церкви? Дело в том, что за церковными перипетиями в станционном поселке стоял опытный и умелый «режиссер» - ответственный секретарь Акмолинского губкома комсомола Федор Рузаев. Личность, несомненно, выдающаяся, противоречивая и трагическая. Коммунист с 16 лет, герой гражданской войны, талантливый организатор, силач и балагур, он пользовался огромным авторитетом у молодежи. Федор Рузаев был потомственным железнодорожником и до октября 1922 года возглавлял комсомольскую организацию станционного поселка.

Убежденный атеист, новый вожак губернской молодежи, используя проходившие в стране громкие судебные процессы или сторонниками патриарха Тихона, главное внимание в своей работе сосредоточил на антирелигиозной пропаганде. Под его руководством и был разработан план ликвидации храма. Для его осуществления в железнодорожную комсомольскую организацию направили члена губкома Андрея Лобова. 4 июня 1924 года, выступая в клубе имени Ленина с очередным докладом по атеизму, он, ссылаясь на духоту в зале, неожиданно предложил продолжить лекцию за стенами здания, в сквере. На улице к комсомольцам вскоре присоединились прохожие, главным образом, подростки и дети. Когда же докладчику число слушателей показалось достаточным для задуманной цели, всем было предложено войти в здание клуба для «важного решения». Читая готовую резолюцию о закрытии железнодорожной церкви, Лобов невозмутимо воспринял поднявшийся шум, возгласы негодования и аплодисменты за «единодушное одобрение трудящимися» вынесенного решения. Следует заметить, что резолюция написана в соответствии с действующей инструкцией Наркомюста, согласно которой «требования трудящихся» имели силу закона. В тот же день двери церкви опечатали.

Как только храм отобрали у прихожан, Рузаев предложил сосредоточить здесь всю культурно-просветительную работу комсомола губернии. 15 июля 1923 года в бывшей церкви открылся IV губернский съезд РКСМ, а через месяц состоялись торжества в городе октябрины. «Крестили» по новому обряду сына-первенца Федора Рузаева. На необычный праздник собрались все комсомольцы и пионеры Петропавловска. Виновник торжества лежал на столе, покрытом красной тканью, в центре бывшего храма. Участники обряда зачитали приветствия, спели комсомольские песни, а затем проголосовали по вопросу о присвоении имени новорожденному. В результате единогласно приняли решение присвоить младенцу имя Ким, в честь Коммунистического интернационала молодежи.

Проводя октябрины сына, секретарь губкома стремился личным примером закрепить новый советский ритуал. Но такая попытка оказалась тщетной: октябрины не получили поддержки у молодых родителей. Не оправдались и надежды на церковное здание. Довольно скоро стало очевидным, что оно не приспособлено под клубную работу. В конце 1924 года на очередном съезде Рузаев был избран в Казкрайком комсомола и с его отъездом из Петропавловска комсомольская жизнь в стенах бывшего храма практически замерла.

Казалось бы, на этом в невеселой истории вокруг железнодорожной церкви можно поставить точку. Действительно, что, кроме тихого умирания, могло ее ожидать? В середине тридцатых годов были срезаны церковные купола, а в здании открылись слесарные мастерские. В таком неузнаваемом, обрубленном виде церковь простояла до конца 1973 года, а затем ее сровняли с землей.

Однако печальная повесть о железнодорожной церкви была бы далеко не полной без другой, совершенно удивительной истории, рожденной произволом над церковью и верой.

2000 г.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ

В этом году исполняется 200 лет собору святых апостолов Петра и Павла. 18 октября 1803 года на том месте, где сейчас возвышается храм, была заложена Покровская церковь, переименованная в середине XX века в собор святых апостолов Петра и Павла. Здание храма, построенного в стиле сибирского барокко, - это один из немногих сохранившихся в нашем городе историко-архитектурных памятников начала XIX века. Церковь строилась и не раз перестраивалась на пожертвования прихожан.

Юбилей Петропавловского собора совпал с другим важным событием, которое, думаю, станет еще одним поводом к углубленному изучению истории края и в том числе истории культурных учреждений. Несколько месяцев тому назад из областного и городского загсов были переданы 1300 метрических книг православных церквей и мечетей на хранение в Северо-Кавказский государственный архив.

Церковные метрические книги свидетельствуют о рождении, бракосочетании и смерти наших предков - это ценнейший документальный материал истории. Их значение в изучении прошлого для нас тем более высоко, если учесть, что в областном архиве полностью отсутствуют документы досоветского периода. Переданные книги главным образом отражают период, предшествующий установлению Советской власти (конец XIX - начало XX вв.).

Последние метрические записи в них сделаны в декабре 1919 года, а с 1-го января 1920 года в Петропавловске прежние функции церкви перешли в ведение государства. В общей церковной коллекции подгорный храм представлен метрическими книгами за 23 года.

В истории Покровской церкви, пожалуй, самым знаменательным был 1846 год, когда Николай I подписал новое (второе) Положение о Сибирском казачьем войске. В соответствии с царским указом Подгора становилась казачьей станицей со своим земельным наделом и независимым от города управле-

ном, а подгорный храм - казачьей церковью. В тот же период велось интенсивное строительство в нагорной части города и «верхнем форштадте».

К Петропавловской казачьей станице относились четыре поселка: Кривоозерский, Бишкульский, Новопавловский и Плоский (в 1910 году все они были преобразованы в станицы). В поселках находились только часовни, в которых иногда совершались богослужения в день храмовых праздников и великих постов.

На территории всей станицы размещались 2-й и 4-й полки 2-го отдела Сибирского казачьего войска.

Станичная церковь имела свои отличия. В одежде прихожан теперь преобладала казачья войсковая форма: синие шаровары с алыми лампасами и защитные гимнастерки. Своеобразной была и широкая церковная площадь с коновязью. Здесь проходили молебствия в честь казаков, отправляющихся на военную либо пограничную службу.

Первые же страницы метрических книг подгорной церкви убеждают в том, что она была открыта для всех православных. Ее постоянными прихожанами, кроме казаков Подгорья, были крестьяне ближайших деревень, в том числе учителя городских училищ, чиновники петропавловской почтово-телеграф-

ной конторы и уездного управления, медицинские фельдшеры, уездной больницы, дворянин Казимир Викентьевич Домогуцкий и т.д. Из купеческого сословия в книгах чаще всего упоминаются имена потомственных почетных граждан Петропавловска - Владимира Павловича и Николая Павловича Зенковичей. В мае 1907 года Зенков-младший (Николай Павлович) венчался в Покровской церкви с мешанской дочерью Еленой Родомановой. В мае 1909 года молодые родители крестили здесь своего первенца - сына Николая.

Праздничный торжественный христианский ритуал венчания всегда привлекал наблюдателей. 5 июня 1913 года в Покровской церкви их, несомненно, было рекордное число. И в этот день венчался киевский князь. Да, да, князь! «Князь, герцога Киева, - сообщает метрическая запись, - Валерий Михайлович Шаховский, православный, венчался первым браком с дочерью потомственного почетного гражданина города Перми Верой Александровной Каменской...». Жениху было 42 года, невесте - 36.

Шаховские относились к древнему знатному роду России. В начале XX века широкую известность получила деятельность дальнего родственника Валерия Михайловича - князя Дмитрия Ивановича Шаховского, который являлся горячим сторонником земства и одним из основателей кадетской партии. Чтобы получить права земца, многие участники земского движения приобретали земельные наделы (именно так поступил князь Д. И. Шаховской, став владельцем земли в Ярославской губернии). Возможно, с такой же целью Валерий Михайлович Шаховской купил незадолго до венчания земельный участок в 27-ми километрах от Петропавловска, где обосновал свое имение (ныне село Шаховское).

Известно, что метрический документ - это главный путеводитель для тех, кто занимается генеалогией. Метрическая книга Покровской церкви хранит немало ответов в этой области, порой неожиданных. Несколько лет тому назад в одной из заметок, опубликованных в местной печати, было высказано предположение, что родословная известного актера Евгения Урбанского (ныне покойного) связана с нашим городом. Так вот метрические книги Покровской церкви фактически подтверждают эту версию. В числе постоянных прихожан церкви, крестивших здесь всех своих детей, был чиновник петропавловской почто-

телеграфной конторы Александр Васильевич Урбанский. И это один лишь пример генеалогических находок.

И последний, третий, раздел метрических книг выносились сведения об умерших. Эти данные служат не только статистическим материалом, но и в значительной мере характеризуют отрицательную сторону жизни, общий уровень культуры и медицинского обслуживания. Эти страницы метрических книг Покровской церкви оставляют удручающее впечатление, в то же время отражают типичную действительность того времени.

Поражают ежегодные эпидемии и их многочисленные жертвы, особенно среди детей, часто умерших хоронили без медицинского освидетельствования, и тогда в метрической книге появлялась запись со слов родственников покойного: «умер от слабости». Вот данные из книги за сравнительно благополучный 1899 год: родились и приняли обряд крещения 242 младенца, умерших зарегистрировано 222 человека, в том числе 133 ребенка в возрасте до одного года.

Нередко метрические записи свидетельствуют о настоящих семейных катастрофах. В 1908 году в период эпидемии скарлатины в семье петропавловского уездного начальника Бориса Александровича Осовского умерли все дети: 4 октября умерли 15-летняя дочь Вера, 9 октября умерла 5-летняя дочь Надежда, 12 октября умер 7-летний сын Алексей.

Рекордными по количеству смертей оказались 1909 и 1919 годы. Впервые в 1909 году в метрическую книгу Покровской церкви были занесены адреса далеких губерний: Полтавской, Саратовской, Вятской, Черниговской, Уфимской, Харьковской, Нижегородской, Ярославской, Симбирской. Здесь отпевали умерших детей переселенцев. Причем мертвые детские тела крестьяне везли от переселенческого пункта через весь город, мимо других церквей, перегруженных детскими гробами. В 1919 году свои коррективы в церковную службу подгорного храма внесла гражданская война. В течение нескольких майских дней здесь отпевали умерших в городском госпитале казаков. Именно их внесены в метрическую книгу (в том числе и умершего в госпитале военнопленного красноармейца) с указанием места погребения. Тогда же на русском кладбище (в районе Всехсвятской церкви) появилась очередная братская могила жертв гражданской войны.

Последняя запись, завершившая более чем столетний период ведения церковной документации, была внесена 29 декабря 1919 года. Она тоже свидетельствовала о смерти Николая от свирепствовавшего в городе тифа.

Обзор метрических книг Покровской церкви (собора святых апостолов Петра и Павла), думаю, будет неполным без упоминания об одной очень ценной документальной книге, которую имею в виду «Книгу скорби», в которой опубликованы имена расстрелянных североказахстанцев по приговору карательных органов тоталитарного режима. Книга издана в Алматы в конце прошлого года при содействии акима области А.В. Смирнова. Здесь, в списке жертв репрессий, мы находим имена из метрических книг подгорного храма. Это псаломщик Покровской церкви Лука Васильевич Ляпин. На момент ареста, в ноябре 1937 года, 67-летний Лука Васильевич служил священником Новокаменской церкви Бишкульского района. Другая жертва — дьякон Иван Стефанович Бирюков, ставший впоследствии священником. Примечательно, что в этой же Покровской церкви долгие годы служил в сане дьякона его отец Стефан Александрович Бирюков. 63-летнего Ивана Стефановича Бирюкова арестовали также в ноябре 1937 года.

И еще. Решением ВЧК по Сибири к смертной казни был приговорен венчавшийся в подгорной церкви киевский князь Валерий Михайлович Шаховской. Дата его ареста в книге не указана.

Следует подчеркнуть, что в «Книге скорби» приведены имена тех, кто казнен в Петропавловске и посмертно реабилитирован.

2003 г.

ГЛАВНЫЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ ХРАМА

В майский день 1979 года в притворе петропавловского собора состоялся страшный разговор, немало поразивший невольных свидетелей. К священнику обратилась пожилая женщина в траурном одеянии с просьбой отпеть в храме ее покойного мужа. Церковнослужитель на минуту остановился рядом с просительницей и вдруг решительно запагал к выходу, резко бросив на ходу:

Наумову нет места в храме!

Как же так?! - громко запричитала женщина. - Ведь это его храм! Он сам своими руками его восстанавливал!

Однако кроме испуганных прихожан ее уже никто не слушал. Самым удивительным в этой сцене было то, что вдова говорила правду: Александр Афанасьевич Наумов действительно был участником и руководителем работ по восстановлению собора. Иначе и быть не могло: в этом далеком сорок пятом году среди добровольцев, пришедших возродить разрушенную и поруганную церковь, только Наумов имел диплом инженера-строителя.

Прошло уже более 20 лет со дня его смерти, но и сегодня можно встретить немало людей в Петропавловске, которые отмечают исключительную роль Александра Афанасьевича в восстановлении собора. Многие помнят его на строительных лесах с красками и кистью в руке. Наумов был хорошим художником. Его фрески и сейчас украшают купол и стены собора. Вспоминают его как честного, бескорыстного человека. В распоряжении Наумова был постоянный контингент рабочих, которым выплачивалась заработная плата. Подписывая финансовые документы, закрывая наряды, он принципиально не вносил в них свою фамилию.

Так за что же посмертно был наказан Наумов церковью, причем той церковью, которая сама десятилетиями пребывала

А.А. Наумов

в бесправном, униженном состоянии? Думаю, многие в вопросе прояснят воспоминания современников и архивные материалы.

Наумов родился в 1886 году в небольшом городке Костромской губернии. Родом из мещан. После окончания костромской учительской духовной семинарии перед ним открылись два пути: либо стать учителем начальной школы, либо вступить на путь веры - быть священником сельской приходской церкви. Но неожиданно он уезжает в Петербург и поступает на архитектурно-строительный факультет Высших политехнических курсов. Получив диплом инженера-строителя, Наумов всецело отдается практической деятельности, переезжая из одного населенного пункта в другой по дорогам необжитой Сибири. Строит жилье, казенные здания, железнодорожные объекты и т.д. В 1906 году судьба занесла его в Томскую губернию. Этот год стал переломным для Наумова, впрочем, он был переломным и для всей России. Наумов снова становится студентом. На этот раз Томского учительского института. Поступок его был вполне объясним. Дело в том, что одним из завоеваний первой революции в России стал открытый доступ в высшие учебные заведения. В 1909 году уже в качестве преподавателя математики и физики он уезжает на службу в одно из уездных училищ Томской губернии. Вместе с ним ехать «разумное, доброе, вечное» едет его красавица-жена Сусанна. Для четы Наумовых наступили умиротворенные, покладухи, самые счастливые в жизни Александра Афанасьевича годы. Мирный поток этой жизни нарушила гражданская война. Вслед за ней наступило мрачное время голода, холода и болезней. С тревогой наблюдал Наумов за всё ухудшающимся здоровьем жены. А тут еще в их дом зачастил представитель местного ревкома, заинтересовавшийся дворянским происхождением Сусанны Иосифовны. Наумовы решили покинуть насиженное место и уехать в благодатный район Казахстана - поселок Боровое Кокчетавского уезда. Здесь находилась Лесная школа, преобразованная впоследствии в Лесной техникум, где Наумов получил место преподавателя. Так началась его педагогическая деятельность в Казахстане. Кроме Лесного техникума, в послужном списке Наумова значатся землеустроительный и механический техникумы в городе Петропавловске, а также средняя школа №2 имени С.М. Кирова. Те, кому дове-

...у Александра Афанасьевича, вспоминают о нем с благодарностью. Это был человек энциклопедических знаний, талантливый и весьма требовательный педагог. Примечательно, что его знания в области строительства были постоянно востребованы. Вот характерный пример. В архивных материалах землеустроительного техникума хранится приказ директора от 17 ноября 1941 года «...инженера-строителя А.А. Наумова зачислить в штат техникума преподавателем математики и дорожного дела...». И тут же приказ от 19 сентября: «...применно возложить на преподавателя техникума А.А. Наумова руководство ремонтными работами по штукатурке и побелке всех зданий техникума».

Жил Наумов под горой в собственном доме по улице Тухачевского. Не удивительно, что к нему одному из первых еще до официального разрешения властей обратилась инициативная группа по восстановлению Покровской церкви (так первоначально назывался собор).

Нетрудно представить, как радовала и будоражила сердца верующих весть о том, что храм подлежит возрождению. Напомню, что это был победный сорок пятый год, когда горожан объединяли общий душевный подъем, надежда и вера в будущее. Наумов с энтузиазмом принял предложение возглавить стройку. Как грамотный специалист он начал работу с поиска любого плана православной церкви (от Покровской церкви остались только стены). Надежды на то, что может сохраниться план разрушенного храма, конечно, не было. Но произошло чудо: в архивных документах Наумов обнаружил в прекрасном состоянии архитектурный проект Покровской церкви, заверенный Александром I и датированный 1813 годом. Многие тогда восприняли радостную весть как знак свыше.

Оставив педагогическую деятельность, Александр Афанасьевич полностью посвятил себя реставрационным работам.

Прошло пять лет. И вот наступил поистине исторический момент: после 15-летнего перерыва в стенах пока еще очень скромно убранного храма началась Божественная литургия. Очевидцы вспоминают, что это случилось накануне Светлого Пасхального воскресенья.

Шли годы. Эти годы были, как известно, годами незатухающей, жестокой и неравной борьбы с религией. О методах этой

борьбы и сегодня нам далеко не все известно. Как правило очередное наступление на церковь сопровождалось «зоблачительными» публикациями, которые смаковали и «жировала» советская печать. Все это, конечно, не ограничивалось на внутрицерковной жизни, порождало жадные слезы, распри и пр. Подобных явлений не избежал и подгорный собор. Здесь в роли арбитра нередко выступал Александр Афанасьевич - активный член церковной двадцатки. Иногда в сложных случаях, Наумов обращался за помощью к митрополиту Николаю. Так или иначе, все внутренние споры решались в лоне церкви. Вот почему громом среди ясного неба явилась большая обличительная статья за подписью Наумова с заголовком «Почему я ушел из церкви». Статья была опубликована в февральском номере газеты «Ленинское знамя» в 1937 году. Именно эта публикация послужила рубежом во взаимоотношениях между Наумовым и служителями подгорного собора. Статья вызывает много вопросов. Даже при беглом чтении она наводит на мысль, что перед нами пропагандистский трюк, прикрытый именем известного, уважаемого в городе человека. Здесь, среди откровенно агентурного материала, достоверным является только один факт: действительно, в начале 1937 года Наумов подал заявление в Комиссию по соблюдению законодательства по делам церкви при Петропавловском горкомзвете с просьбой исключить его из церковной двадцатки. При каком уходе из церкви не было и речи - до последних дней он оставался прихожанином подгорного собора. Просьба же эта была вполне объяснимой, ведь в то время Александру Афанасьевичу шел 87-й год! Так обычное заявление чьей-то рукой было обыграно в шумную антирелигиозную акцию.

Кроме старческой помощи была еще одна весомая причина написать такое заявление. Чтобы ее понять, нужно вернуться к самым трагическими дням в жизни Наумова: к весне 1938 года, когда он похоронил свою незабвенную Сусанну Иосифовну. Потеря любимого человека и внезапное одиночество (у Александра Афанасьевича не было детей) сломали некогда энергичного, щедрого на веселое, острое словцо человека. Он не хотел жить. Его утешала только мысль о скорой загробной встрече с любимой. В те дни Наумов сам сделал для себя гроб и крест. Обеспокоенная состоянием здоровья брата, в Петропавловск приехала сестра Александра Афанасьевича и уговорила

...жить с ней в родной Кологрив. Неизвестно, какому воздействию подвергся Наумов на родине, только через полгода он вернулся в Петропавловск душевно окрепшим и с молодой женой Надеждой. И все-таки это был другой человек. Бесконечное горе оставило на всю жизнь рубец на его сердце. В этот период - период повсеместного разрушения храмов и атеистической пропаганды, он начинает тайно собирать любой доступный материал о загробной жизни. Со временем собирательская работа перешла в новое качество с собственным анализом и обобщением, а затем - к мысли о написании книги. В начале 1972 года, предчувствуя смерть, Наумов решает сосредоточиться только на своих религиозно-мистических исканиях. За год до смерти, в 1978 году, он завершил свой огромный рукописный труд и посвятил его Сусанне. Через всю свою долгую жизнь (Наумов прожил 93 года) Александр Афанасьевич пронес любовь к этой женщине. Ценой огромных усилий он спас от разрушения ее могилу. Когда в начале 50-х годов бывшее православное кладбище за Всехсвятской церковью было превращено в строительную площадку, Наумов опустил надгробие в глубь могилы и сровнял землю, оставив только ему знакомый опознавательный знак.

Умер Наумов легко. Примерно часа два до смерти он лег в постель, предупредив домашних, что больше уже не встанет. Потом, уважая просьбу и чувства покойного, вдова вложила в его холодные руки настольную лампадку, сделанную в виде распятия - память о Сусанне Иосифовне. Для близких умершего отказ церкви в отпевании явился шоком. Все хорошо знали, как гордился Наумов собором, называя его своим детищем. Хоронили его в гробу, который пролежал несколько десятилетий. А вот крест был новый. Наумов сделал его незадолго до кончины. Теперь на нем сияли слова: «Господи! Прими мой дух с миром!».

2003 г.

СТОИТ В СТЕПИ НА БЕРЕГУ ИШИМА МОЙ ГОРОД, С ДЕТСТВА СЕРДЦУ ДОРОГОЙ

Петропавловск — Petropavlovsk

Приближающийся юбилей Петропавловска, думаю, служит весомым поводом обратиться к историческим памятникам города. Тем более что их состояние вызывает озабоченность. Я имею в виду памятники советской эпохи. Обстоятельства сложились так, что почти все они в одночасье стали бесхозными и малозаметными в духовной жизни города. Беседки и цветы у постаментов - теперь все это в прошлом. Сегодня здесь можно наблюдать картины иного рода. Как-то проходя мимо памятника Насте Прокофичевой, я увидела группу подростков, которые, соревнуясь в меткости, поочередно пытались попасть в голову изваяния. Не думаю, что такая страшная, по сути, сцена была бы возможна, если бы молодые люди знали, что перед ними образ человека, положившего жизнь за идеи, которые и сегодня, как сто лет назад, близки и понятны людям.

Годы забвения, конечно, не могли не сказаться на внешнем виде и сохранности памятников.

Не случайно несколько лет назад полностью исчез один из самых значимых памятников советского времени - мемориал в Пятом логу. Он напоминал нам не только о трагическом дне

выстрела совдеповцев в июне восемнадцатого, но и воскресили мрачную полосу репрессий тридцатых годов прошлого столетия.

Между тем хорошо известна истина о том, что пренебрежительное отношение к собственной истории не проходит бесследно «Если ты выстрелил в прошлое из пистолета - будущее выстрелит в тебя из пушки» - гласит народная мудрость. Неоправданность таких слов тем более очевидна, если учесть, что это прошлое запечатлено в памятниках особого рода - в памятных могилах, где покоится прах наших лучших земляков и соотечественников. Известно, что большевики пришли к власти с лозунгом разрушить все до основания и начать историю с чистого листа. Могилы почетных граждан старого города, большая часть которых находилась у стен Вознесенского собора, были безжалостно уничтожены. Такая же участь постигла и братские могилы участников первой мировой войны, умерших от ран в лазаретах Петропавловска.

В настоящее время в списках памятников города значится двадцать почетных могил, хотя фактическое число их гораздо больше. Дело в том, что в середине прошлого века целое кладбище на Октябрьской площади было объединено в одну условную братскую могилу. Теперь от бывшего кладбища, где только в пяти братских могилах похоронены 263 жертвы гражданской войны, сохранилась лишь одна реальная могила. Ее надгробие знакомит нас с именем покойного. Это Аубакир Исмаилович Исмаилов. Похороны известного в республике общественного и государственного деятеля состоялись 70 лет назад, 4 ноября 1932 года. Всего за несколько недель до трагической гибели, после окончания учебы в Москве, Исмаилов получил направление на работу в Петропавловск. До приезда в наш город он заведовал отделом печати Семипалагинского губкома и являлся редактором окружной казахской газеты. Впоследствии имя Исмаилова было присвоено городской типографии, а также одной из улиц Петропавловска. Как свидетельствуют архивные материалы, похороны на Октябрьской площади проходили с ноября 1919 года по октябрь 1933 года. Последним, 9 октября, здесь похоронили красноармейца Константина Карелина. Он прибыл к нам в составе воинской группы из Иркутска, где служил в 104-м Петропавловском стрелковом полку. Именно так, в честь нашего города, назывался 308 стрелковый полк, кото-

рый сыграл решающую роль в освобождении Петропавловска от колчаковских войск в октябре 1919 года. В качестве красноармейцы должны были оказать помощь городской лодежи в организации досуга. Ночью 2 октября бандитским оборвала жизнь почетного гостя города, кстати, музиковской профессии.

К сожалению, полных сведений о погребенных на площади сегодня нет. Объясняется это, прежде всего, тем, что материалы о жертвах социальных и политических преобразований советской власти долгие годы находились за семью печатями. Только в начале шестидесятых годов, в период хрущевской «оттепели», наш земляк, писатель Сабит Муканов смог рассказать в своей трилогии «Школа жизни» о крестьянском подвиге 1921 года и его многочисленных жертвах, большинство из которых приняла страшную, мученическую смерть. Все погибших в окрестности, за небольшим исключением, хоронили здесь, на Октябрьской площади. В том числе и лучшего друга писателя, молодого, талантливого поэта Баймагамбета Шукрина.

В те же годы, когда вышла трилогия Муканова, на карте города был обозначен и внесен в список памятников ряд забытых братских могил. Среди них братская могила в подгорной части города, где в ноябре 1919 года похоронены красноармейцы, погибшие в боях за освобождение Петропавловска, и братская могила жертв колчаковского режима по улице Жамбыла. В начале прошлого века эта улица представляла собой дорогу, граничащую с православным кладбищем. Здесь в середине апреля девятнадцатого года состоялось погребение группы политических заключенных, убитых конвоем. Эта могила, расположенная, кстати, в нескольких метрах от учебного заведения, как и другие, находится в запустении.

К счастью, пока еще сохранились обелиск и мемориальная доска с фамилиями погибших. В печальном списке из шестнадцати имен под номером один значится Федор Георгиевич Ааз, бывший офицер царской армии, эстонец по национальности. Восьмым идет Вацлав Юлианович Лещинский, ссыльный поляк, ученый-агроном. Оба они боролись за независимость своей родины. Как известно, на российскую революцию возлагали надежды не только жаждущие свободы народы самой

перии, но и народы мира. Подтверждением тому служит еще одна братская могила, которая находится на окраине города, недалеко от развилки железных дорог на Омск и Кокчетав. Здесь захоронены венгры-интернационалисты, погибшие в дни контрреволюционного переворота, летом 1918 года. Примечательно, что самый первый памятник, который был установлен петропавловскими большевиками на Октябрьской площади, имел форму земного шара. Помимо могил периода гражданской войны, в список памятников города включены братские могилы участников Великой Отечественной войны, умерших от ран в госпиталях Петропавловска, могилы генерал-майора Максима Сергеевича Шмырова, Героя Советского Союза Александра Юлимовича Матвеева, писателя-фронтовика Бориса Николаевича Петрова.

Наконец, последние по времени памятники советского периода - это могилы воинов, погибших в Афганистане. Хотелось бы подчеркнуть, что статус памятника подразумевает ответственность государства за его сохранность. Могилы же погибших ребят сегодня представляют объект забот лишь их родственников. Благо еще, что семьи, на которых свалилось безутешное горе, взяли под свою опеку ветераны афганской войны, хотя сами они несут все тяготы нашего времени и также нуж-

даются в поддержке. «Это мои золотые сыночки», — пишет об «афганцах» Александра Тихоновна Гориева. Ее сын Евгений Гориев, в числе боевых наград которого орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», погиб в Афганистане в июле 1984 года. Хоронили Гориева в разгар афганской войны, однако власти категорически запретили указывать на могильном памятнике место гибели. Для такого случая был изготовлен специальный трафарет: «Погиб при исполнении служебных обязанностей». Но сегодня родственников погибших больше волнуют уже не надгробные надписи, а необходимость реставрационных работ. В них нуждается каждая вторая могила воина-интернационалиста. Пожалуй, самый удручающий вид у могилы Сергея Морозникова. Посмертно награжденный орденом Красной Звезды, 19-летний снайпер погиб в Афганистане в июле 1980 года. Всего год довелось Сергею служить в армии, о которой он мечтал с детства. Его родители не намного пережили смерть единственного сына.

В заключение хотелось бы напомнить, что Петропавловск является единственным областным центром в республике, где нет ни памятника, ни мемориальной доски с именами всех погибших воинов-интернационалистов, призванных из Северного Казахстана в зловещее пекло афганской войны.

2009 г.

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

ПРАЗДНИК В КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЕ

Как-то в одной из статей, посвященной книгам И. И. Шухова, довелось прочесть очень верное, на мой взгляд, определение творчества писателя: «Если бы не было Горькой линии было бы и писателя Шухова, но если бы не было Шухова было бы и Горькой линии». Действительно, произведения Шухова на сегодня остаются единственными, в которых отражены быт, традиции, история сибирского казачества. К этим словам справедливо было бы добавить, что Шухов был ставлен его единственным защитником. Конечно, писатель защищал всех поголовно: отношение Шухова к великодержавным, бюрократическим замашкам казачьей верхушки нам хорошо известно из его книг. И еще: защищая сибирское казачество как самобытный уходящий корнями в седую старину социальный слой России Шухов не только словом, но и по мере своих сил - делом старался содействовать его возрождению. Такая деятельность нашла отражения в его биографии и остается практически неизведанной.

Думаю, что материалы областного государственного архива в какой-то степени могли бы восполнить этот пробел. Но например, о чем повели документы за 1936 год...

Известно, что в декабре этого года Чрезвычайный съезд Советов СССР принял новую Конституцию, которая провозгласила победу социалистического строя. Проект этой Конституции был опубликован в печати и сразу оказался в фокусе внимания отечественной и мировой прессы. Впервые советская Конституция заявляла о равенстве в гражданских правах всего населения, включая крестьян и многочисленные категории лишенных (кулаков, торговцев, царских чиновников и т.д.). Новая Конституция предоставляла равные гражданские права и всему казачеству, в том числе и право на воинскую службу. Еще в апреле 1936 года ЦИК СССР принял постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». Основные положения этого постановления вошли затем в Конституцию.

«Трудно описать, с каким восторгом встретило это постановление казачество», - писала в те дни местная газета. Легко было понять ликующих казаков, как и радостный подъем и счастливое ожидание миллионов других граждан, вступавших, как

они считали, в социалистическое, самое демократическое в мире общество. Вот тогда-то, летом 1936 года, Ивану Петровичу пришла идея немедленно реализовать права сибирских казаков на собрании станичников, созданном по инициативе учителя, было принято решение провести в Пресновке слет станичных сотен всех станиц бывшей Горькой линии.

Последний сбор пресновских казаков проходил 1 августа 1914 года, когда в станицу пришла весть о вступлении России в первую мировую войну. Именно 1 августа (до Великой Отечественной войны этот день отмечался в стране как антивоенный праздник) собрание решило объявить днем предстоящего съезда.

Конечно, чтобы осуществить такой грандиозный замысел, нужно было получить «добро» Карагандинского обкома партии (в 1932 по 1936 гг. Петропавловск был административным центром Карагандинской области), а предварительно заручиться поддержкой местных властей.

Обком без проволочек одобрил инициативу пресновчан. Здесь следует заметить, что в тот период первым секретарем обкома партии был Максим Кирович Аммосов, с которым у Шухова были теплые, дружеские отношения.

Из постановления Карагандинского бюро обкома ВКП(б) и президиума облисполкома от 15 июля 1936 года:

«1. Одобрить инициативу о созыве межрайонного слета казачества 1 августа 1936 года в станице Пресновской.

2. Обязать райисполкомы и райкомы выставить с походными кухнями, кухонным обмундированием и другими принадлежностями: Пресновский район - 100, Пресногорьковский - 60, Мамлютский - 30, Приишимский - 30, Петропавловский - 60 всадников...».

Этим же постановлением была создана областная комиссия из пяти человек по организации проведения слета. Двое ее членов являлись представителями Пресновского района: председатель райисполкома Капаров и Шухов. В первые три дня работы «комиссия приняла два основных документа: проект письма казаков Горькой линии к руководству республики и инструкцию по подготовке и проведению слета.

Из протокола заседания комиссии по проведению межрайонного слета русского казачества:

«Слушали: проект письма от колхозников-казачков на имя т. Мирзояна и Исаева.

Постановили: представленный т. Шуховым проект письма принять...».

В считанные дни проект письма без каких-либо изменений в тексте был одобрен в 30 станицах области. Под ним поставили подписи около пяти тысяч человек. О настроении казаков говорили такие строки письма: «При чтении постановления нашего правительства о снятии ограничений с казачества по службе в РККА и при обсуждении Сталинской Конституции мы испытываем такую огромную радость, такое волнение, о которых трудно рассказать простыми словами. Какой огромной радостью наполнились наши сердца! Сколько энергии, храбрости, удачи закипело в нашей казачьей крови!..».

Впоследствии письмо было опубликовано как в местной, так и в республиканской печати.

Кстати, по решению комиссии Петропавловск тоже должен был выставить отряд казаков в 35 человек.

Из протокола заседания президиума городского Совета:

«... Поручить Велижанскому по окончании совещания объехать все организации и договориться с руководителями в отношении командирования людей на слет, обеспечения лошадей, седлами и т. д.

...Отпустить в магазине материал для пошива брюк, гимнастеров и фуражек. Обязать председателя артели «Швейник» выкупить этот материал не позднее 12 часов 23 июля и произвести пошив в количестве 40 комплектов. Пошивку произвести в однодневный срок...».

Через восемь дней после этого заседания областная газета поместила фотографию, на которой запечатлены лихо пляшущие петропавловские казаки. Снимок был сделан накануне отъезда отряда на слет. 30 июля, как и было запланировано, все отряды прибыли в Пресновку и расположились лагерем на краю станицы. Между тем непрерывным потоком на праздник съезжались гости.

31 июля с утра казаки собрались в станичном саду, у летней эстрады. Торжественную часть открыл председатель облисполкома, его сменили другие ораторы, а затем начался праздничный концерт.

Утро следующего дня началось с парада казачьих частей. На площади старейшей станицы плотными колоннами выстроились всадники в полной боевой готовности. В торжественной тишине парад открыл первый секретарь обкома Максим Киро-

вич Аммосов. Его выступление не раз прерывалось дружным и громогласным «ура!». Закончился короткий митинг, и, не нарушая колонну, казаки тронулись маршем к месту соревнования.

«По полю мчится всадник. Он несется навстречу расставленным лозам и чучелам, - писал в своем репортаже корреспондент областной газеты И.Мельников. - Сверкает на солнце острый клинок пашки. Отлетают в стороны лозы и головы чучел...

Удивительно красивое зрелище джигитовка! Вот мчится по всей карьере лошадь, а казак, схватившись руками за седло, прыгает через коня. За ним на поле выезжают два всадника. В руках у них палка. На ней, как на турнике, вертится казак. Каждый номер джигитовки вызывает бурю аплодисментов...

Сотни лет стоит старая сибирская станица Пресновка, но здесь никто не помнит такого радостного и веселого праздника...».

День завершился вручением наград победителям и товарищеским ужином в станичном парке. Принимал ли участие Иван Петрович в празднике?

31 июля Шухов прочитал с летней эстрады «исключительно интересный», по словам очевидца, доклад по истории сибирского казачества. А вообще-то главный инициатор слета, который превратился в народный праздник, ничем не отличался от рядовых его участников и, как вспоминает писатель Андрей Петрович Кияница, «Шухов все дни сбора не слезил с буланого строевого коня».

1992 г.

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

(на основе документов Государственного архива
Северо-Казахстанской области - ГАСКО)

Подлинных документов, относящихся к истории Сибирского казачьего войска, частично расположенного на территории бывшего Петропавловского уезда, в Северо-Казахстанском областном государственном архиве нет. В 1947 году, когда архивы страны были в ведении НКВД, все документы местного архива дореволюционного периода, а также материалы за годы гражданской войны, были переданы в Центральный Республиканский архив. Дата, с которой открываются хронологические рамки документов облгосархива, - 5 ноября 1919 года. В этот день в освобожденном от колчаковских войск городе начал свою работу Петропавловский ревком.

Однако отсутствие подлинных документов в некоторой степени восполняют материалы, выкопированные в Республиканском и Омском архивах, дореволюционные публикации, справочники и газеты.

К числу наиболее ранних публикаций относятся «Историческое описание Сибирских линейных казаков», составленное в 1806 году генерал-майором Лавровым. Материал в объеме семи страниц выкопирован в Омском архиве (ГАСКО, ф. 1370, оп. 3, д. 6).

Повествование начинается с 1716 года, когда на реке Иртыш была заложена первая крепость - Омская. О стратегическом назначении Новой Ишимской линии автор пишет следующее: «В 1752 году Указом Правительствующего Сената, последовавшим на представление командира линии генерал-

майора Киндермана, от крепости Омской до урочища Вербной головы, где ныне крепость Звериноголовская, для прикрытия Ишимского, Курганского и Ялуторовского дистриктов и защиты их от набегов киргиз-кайсацких, равно и для обуздания орд от их своевольств, построить крепостей: шестиугольных две, четырехугольных 9, редутов 33, маяков 42, куда войски командированы из внутренних городов Сибирской губернии и переменялись погодно...» (ГАСКО, ф. 1370, оп. 3, д. 6, л. 11)

Выкопированное в Омском архиве «Расписание всем крепостям, редутам, форпостам, маякам и станицам, находящимся на Ишимской, Иртышской, Колывинской и Кузнецкой линиях с показанием расстояний друг от друга...» за 1755 год свидетельствует о вновь выстроенных укреплениях и протяженной линии:

1. От редута Алабучского до редута Песчаного – 18 верст;
2. От Песчаного до Пресногорьковского редута – 12 верст;
3. От Пресногорьковского до крепости Пресногорьковской – 11 верст;
4. От Пресногорьковского до редута Берского – 10 верст;
5. От Берского до Пресногорьковского редута – 13 верст;
6. От Пресногорьковского до Семнокарного редута – 14 верст;
7. От Семнокарного до крепости Кабаньей – 7 верст;
8. От крепости Кабаньей до редута Ихбного (так значится в копии документа) – 17 верст;
9. От редута Ихбного до второго Пресновского редута – 14 верст;
10. От второго Пресновского до крепости Пресновской – 12 верст;
11. От крепости Пресновской до редута Преснотретинского – 12 верст;
12. От Преснотретинского до редута Болотного – 8 верст;
13. От Болотного до редута Лавди Присного – 9 верст;
14. От Приснолавдок до крепости Сенжарской – 12 верст;
15. От крепости Сенжарской до Присносарапульского редута – 8 верст;
16. От Присносарапульского до редута второго Колодся – 9 верст;

17. От редута второго Колодея до крепости Становой – 11 верст;
18. От Становой до редута Гагарья – 18 верст;
19. От Гагарья до редута Кривоозерского – 26 верст;
20. От Кривоозерского до крепости Св. Петра – 12 верст;
21. От крепости Св. Петра до Болотного редута – 15 верст;
22. От Болотного до редута Плосского – 10 верст;
23. От Плосского до редута Междуозерного – 10 верст;
24. От Междуозерного до крепости Полуденной – 19 верст;
25. От крепости Полуденной до редута Ганькино – 11 верст;
26. От Ганькино до редута Нагорного – 8 верст;
27. От Нагорного до редута Медвежьего – 10 верст;
28. От Медвежьего до редута Чистого – 19 верст;
29. От Чистого до крепости Лебяжьей – 14 верст;
30. От Лебяжьей до редута Тарского – 15 верст;
31. От Тарского до редута Лосьева – 10 верст;
32. От Лосьева до редута Солсноозерского – 13 верст;
33. От Солсноозерского до крепости Николаевской – 13 верст;
34. От Николаевской до редута Горного – 11 верст;
35. От Горного до редута Волчьего – 12 верст;
36. От Волчьего до крепости Покровской – 15 верст;
37. От Покровской до редута Пустоозерного – 15 верст;
38. От Пустоозерного до редута Дубровного – 13 верст;
39. От Дубровного до редута Степного – 8 верст;
40. От Степного до редута Мельничного – 12 верст;
41. От Мельничного до редута Иртышского – 11 верст;
42. От Иртышского до крепости Омской – 9 верст.

Итого по всей новозаложенной линии – 527 верст. Всего шестиугольных крепостей – одна, четырехугольных – девять, редутов – тридцать один, между крепостями и редутами маяков назначено сорок (ГАСКО, ф. 1370, оп. 3, д. 3, л. л. 2-4).

Воинская служба сибирских казаков с ее своеобразием и традициями нашла отражение на страницах газеты «Акмолинские областные ведомости». В облгосархиве хранятся номера за 1877, 1883, 1884, 1900, 1915 и 1916 годы. Так, в «Ведомостях» за 28 февраля 1877 года первый пункт опубликованных «Приказов Войскового наказного атамана по Сибирскому ка-

зачьему войску» гласил: «Предлагаю начальникам отделенных частей вверенного мне Сибирского казачьего войска сделать надлежащее распоряжение, чтобы подведомственные им полковода офицеры и нижние чины православного исповедания и прочее наступавшего Великого поста исполнили обряд говения, причем господа офицеры должны говеть одновременно со своими частями. Офицерам же и нижним чинам других вероисповеданий предоставляется исполнять обряд говения во время, когда духовные лица их прибудут в места расположения частей».

Газета за 11 октября 1883 года в разделе «Приказы по Сибирскому казачьему войску» сообщала о присвоении казначейским наград:

«Государь-император по всеподданнейшему Его Величеству ходатайству Командующего войсками Омского Военного Округа Всемилостивейше соизволил пожаловать Сибирского казначейского № 1-го Ермака Тимофеева полка: уряднику Александру Путинцеву и казаку Павлу Калугину серебряные медали с надписью «За храбрость» для ношения в петлице, за отличие, оказанное ими 10 января 1883 года в стычке с китайскими солдатами, угнавшими у русских подданных табун лошадей».

В 1808 году было принято особое положение, согласно которому в Сибирском казачьем войске вводились единые правила в организации военного быта, одновременно повышались требования ко всем чинам войска. О том, какая конкретно проводилась работа в этом направлении, рассказывает один из очерков по истории Сибирского казачьего войска, опубликованный в газете «Акмолинские областные ведомости» за 24 января 1884 года:

«Для единообразия в обучении строевому делу со всех полков собирали по несколько урядников в сотню, стоявшую в Омске и называвшуюся Лейб-сотнею. После ознакомления тут с уставными правилами урядники эти рассылались по редутам, где должны были показывать казакам, как седлать и мунштучить лошадей, как пригонять стремена, садиться на лошадей, слезать с нее и прочее; как одеваться, носить бакенбарды и усы. В обязанность казакам Лейб-сотни вменялось согласно инструкции «лошадей чистить ежедневно в вечеру и поутру щетками и скребницами; гривы расчесывать гребнями, хвостов и челок не чесать, а разбирать осторожно руками, так что-

бы ни одного не выдернуть, и разгладить, хвосты промывать почастью в самой репице, отколь идет рост волоса, стричь в ушах, подравнивать хвосты и подбирать по образцу гриву, заплетая опую в мелкие плетешки».

Специальная инструкция запрещала также казакам, находясь в мундирах и с оружием, носить с рынка на плечах продукты, усаживать кого-либо вместе с собой на коня. Особым приказом утверждался церемониал приветствия для офицера, который, не снимая форменной шапки, при встрече должен был отдавать «комплимент», приложив руку к козырьку «с некоторым уклонением головы и обращением взора у той особе, коей честь принадлежит».

Положение 1808 года требовало от казачьих чиновников познания, необходимые для службы строевой и по внутреннему управлению в полках и артиллерии. Тогда грамотные люди в войске составляли довольно редкое явление. Для казачьих детей до 1810 года не было ни одной школы. Правда, 25 казачьих малолетков пользовались воспитанием в Омской Азиатской школе, основанной в 1789 году для приготовления толмачей татарского и киргизского языков; но исключительное назначение этой школы отдаляло ее от войска. Недостаток в грамотных людях для замещения офицерских мест и толкового исправления разных служебных обязанностей не мог не чувствоваться. Главное военное начальство и Войсковая Канцелярия пришла к необходимости устроить общественное воспитание детей сибирских казаков под непосредственным своим надзором. Вследствие этого, было учреждено в 1813 году в г. Омске Войсковое училище, преобразованное потом в Сибирский детский корпус. Положение о нем утвердил генерал Глазенаш. Он же велел открыть школы для детей казаков...»

Приведу еще одну публикацию из газеты «Акмолинские областные ведомости» за 14 октября 1915 года. Эта информация свидетельствует о том, что сибирскому казаку, хорошо знакомому с трудом хлебороба, в начале нашего столетия не чуждо было и предпринимательство. За подписью Войскового наказного Атамана Сибирского казачьего войска генерал-лейтенанта Сухомлинова газета напечатала «Обязательное постановление для открытия и содержания маслодельных заводов в Сибирском казачьем войске». «Постановление» состоит из 27 параграфов. Один из них устанавливал следующие условия для

открытия частного дела: «Желающий открыть мельничный завод обязан подать о том заявление в Войсковое Хозяйственное Правление по агрономическому отделению, от которого получает печатный экземпляр этих правил. В заявлении должно быть означено место, где предполагается открыть мельничный завод, селение, из которого будет доставляться мука, и законный приговор о согласии общества на открытие мельничного завода».

Сведения о Сибирском казачестве имеются в таких революционных изданиях, как «Краткий очерк завоевания и поселения Сибири» и в «Памятных книгах Акмолинской области» (эти материалы также выкопированы в Омском областном государственном архиве).

«Краткий очерк», изданный в г. Омске в 1909 году, приводит такие данные: «Сибирское казачье войско территориально-раскинулось в областях Акмолинской, Семипалатинской и в уездах Змеиногорском и Бийском Томской губернии. Сибирскому войску в пределах Акмолинской области (в эту область входил Петропавловский уезд) принадлежит громадный земельный надел в 2.555.522 десятин. По плотности казачье население сосредотачивается, главным образом, в северной части области (в северной части Омского и Петропавловского уездов). Войсковая территория тянется лентовидною десятиверстовою полосою по линии Сибирской железной дороги, начиная от Оренбургской границы, поселком Сибирским, направляется с запада на восток через г. Петропавловск до г. Омска, от Сибирского поселка до Петропавловска под названием Пресногорской линии, а между городами Петропавловском и Омском Горькой линии. Вся эта часть носит еще общее название Пресногорьковской линии. От г. Омска линия казачьих поселений идет на юго-восток, а от поселка Известковского идет почти на восток, разрезая Семипалатинскую область и образуя так называемую Иртышскую линию. В остальных пределах Акмолинской области казачьи поселения расположены базисами среди киргизской степи. Так, к югу от г. Петропавловска в 180-ти верстах находится станица Кокчетавская (и город Кокчетав), в 45 верстах от Кокчетавы - станица Зерендинская, потом станица Сандыктавская в 86-ти верстах, станица Атбасарская в 178,5 верстах и Акмолинская станица (и г. Акмолинск) в 119,5 верстах по почтовому тракту от г. Кокчетавы. На запад от Кок-

«линии» лежит большой казачий «оазис», заключающий в себе станицы: Лобановскую, Арык-Балыкскую и Акань-Бурлукскую, соединенные с г. Кокчетавом земским трактом в 136 верст, на 100 восток от Кокчетавы – станицы Щучинская и Котуркульская в «Чертежах» (ГАСКО, ф. 1370, оп. 3, д. 6, л.л. 72-73, 99).

Об отношении офицеров и рядовых казаков Сибирского войска к установлению Советской власти, об участии казачьих подразделений в гражданской войне достаточно четкую информацию дают выкопированные материалы. Это протокольные списки заседаний Войскового правительства, а также 3-го и 5-го круга Сибирского казачьего войска (1917 и 1919 гг.), циркулярные письма, приказы Войскового наказного атамана за тот же период, ряд публикаций из газет «Иртыш» и «Вольный казак» (обе газеты издавались в Омске и являлись рупором Сибирского казачества), указы станичных сходов Войскового делегатам круга (ГАСКО, ф. 1370, оп. 3, л.л. 29, 32, 38, 39).

История г. Петропавловска неразрывна с историей Сибирского казачьего войска, так как начало городу положила крепость Святого Петра – главная на Новоишимской линии. Об историческом прошлом города рассказывают выпущенные в различные годы справочники: 1. Л.А. Кузнецов. Краткий исторический очерк г. Петропавловска Акмолинской области (издан в Петропавловске в 1913 г.); 2. Справочник по г. Петропавловску Акмолинской губернии на 1925 год (издан в Петропавловске); 3. Петропавловск. Из серии «История городов Казахстана». Алма-Ата, 1985 г.

Эти книги хранятся в облгосархиве. Из справочников приведены данные об административной роли Петропавловска, которую он играл начиная с 1804 года, когда крепости Святого Петра был присвоен статус города:

- до 1822 года Петропавловск – заштатный город Ишимского уезда Тобольской губернии;
- с 1822 по 1838 годы – окружной город вновь образованной Омской области;
- с 1838 по 1868 годы, после упразднения Омской области – заштатный город Ишимского округа Тобольской губернии;
- с 21 декабря 1868 года по 26 апреля 1921 года – административный центр Петропавловского уезда Акмолинской области (в Акмолинскую область входили Петропавловский, Омс-

кий, Кокчетавский, Акмолинский, Атбасарский уезды, центр г. Омск);

- с 26 апреля 1921 года – административный центр Акмолинской губернии в составе Казахской республики.

С установлением Советской власти и ликвидацией сословия Сибирское казачье войско прекратило свое существование. На территории бывшего Петропавловского уезда этот вопрос был официально решен на двух районных съездах трудового казачества. Первый съезд проходил 25 января 1920 года в станице Новорыбинской, второй – 30 января 1920 года в Петропавловске.

Из резолюции Петропавловского районного съезда казачьих делегатов: «1) Казачество отныне не является отдельным военным сословием. 2) Все повинности, установленные казачеству, как военной касте, отменяются. 3) Трудовое казачество отныне является частью трудового народа. 4) Все офицерские земли конфискуются в общенародный земельный фонд и в первую очередь наделяются малоземельные станицы... Мы, трудовые казаки, на районном съезде после вынесения резолюции об отказе от казачьего сословия и слияния с остальным трудовым народом, обсудив вопрос о бывшем войсковом атамане генерале Иванове Ринове и его Войсковом правительстве, бежавших с войсковой территории, постановили: не считать генерала Иванова Ринова войсковым атаманом Сибирского казачьего войска, а его правительство – Войсковым правительством» (ГАСКО, ф. 1482, оп. 1, д. 11, л. 22).

На районных съездах (организованных Петропавловским ревкомом и партийными уездными структурами) были избраны делегаты на I Всероссийский съезд трудовых казаков, который проходил в Москве с 29 февраля по 6 марта 1920 года. Всероссийский съезд утвердил решения, принятые на местах, и на этой основе 25 марта 1920 года Совнарком издал декрет, согласно которому в казачьих областях учреждались местные органы власти, предусмотренные Конституцией РСФСР.

Следует уточнить, что после установления Советской власти в крае, в 1917 – 1918 годах, вопрос о ликвидации Сибирского казачьего войска со стороны центральных и местных властей официально не поднимался. Свидетельством более осторожной и лояльной политики правительства по отношению к казачеству в тот период может служить декрет СНК от 31 мая

1918 года, который объявлял самостоятельными административными единицами казачьи области. Тогда, в марте – мае 1918 года, были образованы Донская, Кубано-Черноморская, Терская Советские республики в составе РСФСР.

Материалы двух районных казачьих съездов да акт инструктора казачьей секции ВЦИК (секция была ликвидирована после Всероссийского съезда трудового казачества) по вопросу о продрозверстке в казачьих станицах Петропавловского уезда – вот, пожалуй, единственные подлинные документы областного архива по заданной теме.

В то же время в архиве хранится немало интересных документов, имеющих косвенное отношение к судьбе сибирских казаков. Среди них – документы о вхождении Петропавловского уезда в состав Казахской республики.

Впервые территориальный вопрос был оговорен в декрете Совнаркома РСФСР «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем» от 10 июля 1919 года. В нем говорилось: «До определения территории Киргизского края... в ведение Революционного Комитета входят киргизская территория Астраханской губернии и области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская».

Через четыре месяца после издания декрета Северный Казахстан был освобожден от колчаковских войск. В начале 1920 года Сибревком (находился в Новониколаевске, теперь Новосибирск) отреагировал на декрет следующим образом:

1) 17 февраля Акмолинская область была переименована в Омскую губернию; 2) созданы межведомственные комиссии для уточнения границ уездов, крестьянских волостей, казачьих станиц, киргизских (казахских) аулов Акмолинской и Семипалатинской областей.

Так в феврале 1920 года в результате работы межведомственной комиссии в Петропавловском уезде самостоятельно были установлены следующие станицы (ГАСКО, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 38): 1. Лебяжинская (Лебяжье, Конюховская, Первотаровская); 2. Булаевская (Булаевская, Полтавка, Чистый, Мелвежий, Ганькино, Рязкино, Успенка); 3. Токушинская (Токуши, Полуденская, Плосская, Камышловская, Раевский, Сергеевский); 4. Архангельская (Архангельская, Кривоозерная, Бишкуль, Новокамская); 5. Вознесенская (Вознесенка, Надежинская);

6. Боголюбовская (Боголюбовская, Новоникольская); 7. Дубровная (Дубровная, Сенжарский, Маловознесенский, Михайловский); 8. Новорыбинская (Новорыбинская, Миролюбовский, Иггатицкий, Кладбинский, Железненский); 9. Пресновский (Пресновка, Новомихайловка, Казанский, Усердинский, Лоншинский, Островной, Екатерининский, Кабанка); 10. Пресногорьковский (Пресногорьковка, Камышловский, Починовский, Сибирский, Богоявленский, Крутоярский, Пресногорьковский редут).

Просмотр материалов Петропавловского ревкома (с 5 ноября 1919 года до 20 июля 1920 года) и Петропавловского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1920 год показал, что вопрос о границах и переходе Петропавловского уезда в состав Казахстана ни разу не поднимался. Объяснение этому в следующем документе:

«Постановление Сибирского Революционного Комитета о расформировании Акмолинской области и образовании Омской губернии.

А) Акмолинская область расформировывается. Б) Образуется Омская губерния с губернским городом Омском в составе уездов в их современных границах: Омского, Кокчетавского, Петропавловского, Ишимского, Тюкалинского, Тарского, Калачинского. В) Временно, впредь до установления соглашения с Киргизской Советской Республикой, в состав Омской губернии включаются также в современных границах уезды Атбасарский и Акмолинский.

Председатель Сибревкома: Смирнов. 17 февраля 1920 года. № 391». (ГАСКО, ф. 43 (Петропавловский уездный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), оп. 1, д. 1, л. 60).

Таким образом, Петропавловский уезд по решению Сибревкома оставался за пределами Казахстана.

Это постановление было принято до начала работы специальной комиссии Кирревкома по определению границ Казахской АССР. Такая комиссия была учреждена 16 мая 1920 года. Решающее слово в вопросе о границах оставалось за Москвой, а конкретно, за тремя лицами: председателем СНК Лениным, председателем ВЦИК Калининым и Наркомом по делам национальностей Сталиным.

Одновременно с образованием комиссии Кирревкома в Москве началась подготовка к расширенному совещанию с участием всех заинтересованных сторон по вопросу о границах Казахстана. Такое совещание открылось 1 августа 1920 года. Оно проходило под руководством Ленина и Сталина. В 1957 году впервые ряд документов, относящихся к августовскому совещанию в Москве по вопросу о границах Казахстана, был опубликован в книге «Образование Казахской АССР» (Сборник документов и материалов, Алма-Ата, Издательство Академии наук КазССР).

Определенный интерес из сборника (книга хранится в библиотеке облгосархива) могут представлять такие документы:

1) Телеграмма Кирревкома Председателю СНК РСФСР Ленину об установлении границ Казахской АССР.

«21 мая 1920 года. В августе предполагается Общекиргизский съезд Советов. Ввиду неполучения нами официального извещения о созываемом для этой цели совещании в Москве, просим таковое извещение прислать немедленно и указать предлог временного управления спорными областями (Семипалатинской и Акмолинской)». (ЦГАОР КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 4, л. 34; «Образование КазССР», стр. 211)

2) Телеграмма представителей Казахских волостей – делегатов Петропавловского горюездного съезда в Наркомнац о вхождении уезда в состав Казахской АССР.

«4 августа 1920 года. Мы, депутаты киргизского населения 15 волостей, собравшиеся на горюездный съезд в Петропавловске Омской губернии, признаем совещание, призванное определить границы будущей Киргизской республики, и выражаем надежду, что Петропавловский уезд, связанный этнографически, исторически, экономически со степью, войдет в состав Киркрая». (ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 141, л. 59; «Образование Каз. АССР», стр. 244).

В комментарии к телеграмме от представителей казахских волостей Петропавловского уезда говорится: «По протокольной записи, хранящейся в ЦГАОР КазССР, удалось установить участие представителей следующих волостей: Кельтисорской, Сарайгирской, Таинчинской, Джамангузской, Еменалинской, Таузарской, Смаиловской, Аккусаковской и Анастасьевской». 26 августа 1920 года вышел декрет ВЦИК и СНК «Об образо-

вании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики».

В нем уже конкретно указывалось, какие уезды Акмолинской области должны были войти в Казахстан: Атбасарский, Акмолинский, Кокчетавский, Петропавловский и часть Омского уезда. Решение Сибревкома об образовании Омской губернии игнорировалось.

4 октября 1920 года в г. Оренбурге открылся Учредительный съезд Советов Казахской АССР. На съезде предстояло утвердить положения декрета от 26 августа, в том числе и территориальный вопрос. На Учредительном съезде от Петропавловского уезда присутствовали только представители казахского населения («Мир труда», № 175, от 24 августа 1921 года).

Во время работы Учредительного съезда из Петропавловска пришла телеграмма от тех же представителей казахских волостей уезда: «Мы, депутаты киргизского населения от 13 волостей, собравшиеся на горуездный съезд в Петропавловске Омской губернии, признаем Кирревком как руководителя трудового киргизского народа и обещаем ему всемерную поддержку при осуществлении провозглашенной Советской властью свободы угнетенных народностей и надеемся на проведение в жизнь киргизской автономии». Эта телеграмма была опубликована 9 октября 1920 года в газете «Известия Киргизского края» («Образование Казахской АССР», стр. 259).

12 октября, в последний день работы съезда, были приняты решения по административному вопросу. Второй пункт этих решений гласил: «Учитывая, что немедленный переход управления Семипалатинской и Акмолинской губерниями в ведение СНК Кирреспублики может неблагоприятно отразиться на работе в этих областях, признать необходимым непосредственное управление ими до 1-го января 1921 года оставить за Сибревкомом...». (ЦГАОР КазССР, ф. 5, оп. 1, д. 21, л. 266; «Образование Казахской АССР», стр. 294)

Однако, несмотря на решения Учредительного съезда, вопрос о восточной границе Казахской республики оставался спорным и в начале 1921 года. Об этом свидетельствует особо ценный документ, который хранится в областном архиве: текст секретной телеграммы за личной подписью председателя КирЦИКа, председателя Чрезвычайной комиссии по урегулированию границ Казахстана С. Мендешева (1882 – 1937 г.г.). Теле-

грамма была подана из Петропавловска, куда Мендешев прибыл 19 марта 1921 года. Вот ее текст: «Секретно. Москва. Кирпредставительство. Члену ВЦИК Мурзагалиеву. По вопросу о границах сообщаю свое мнение: безусловно настоять на осуществлении Семипалатинской губернии, Иртышского и Павлодарского районов, на присоединении города Омска можно не настаивать в случае осложнения. Необходимо провести вариант иного представителя о выходе на Иртыш. В крайнем случае можно ограничиться чисто киргизской частью Омского уезда с выходом на Иртыш., отметить перед федеральной властью, что это делается только для спасения киргиз от вымирания, которое неминуемо, если они останутся в Омском уезде. Пред. КирЦИКа Мендешев (подпись)». (ГАСКО, ф. 43, оп. 1, д. 7, л. 1).

Одна из причин затянувшегося территориального деления – восстание крестьян и казаков практически всех сел и станиц Петропавловского уезда против политики военного коммунизма (продразверстки). Восстание началось 31 января 1921 года в Ишимском уезде, а 14 февраля был уже захвачен г. Петропавловск. Только после усиленной военной помощи из Омска, Алтая и других мест 16 февраля Петропавловск был освобожден и наметился перевес частей Красной Армии над восставшими. Начиная с середины февраля и до конца 1921 года Петропавловский уезд был наводнен войсками. Еще раньше, 12 февраля, решением Чрезвычайной пятерки в городе и уезде было введено военное положение («Мир труда» за 13 февраля 1921 года). Только на один месяц (с 6 мая до 7 июня) в Петропавловске военное положение было отменено, в уезде оно продолжало оставаться и в следующем, 1922-м, году. Начиная с первых чисел марта 1921 года в Петропавловске непрерывно работала выездная комиссия губревтрибунала. Власть в уезде перешла вновь к ревкому, во главе которого стоял В.Ф. Барлебен.

Практически вопрос о восточных границах Казахстана решался в трех городах: Омске, Семипалатинске и Петропавловске. Среди них положение Петропавловска было особым не только потому, что там действовал военный режим, но и потому, что с присоединением к Казахстану менялся статус города: из административного центра уезда Петропавловск становился центром губернии из четырех уездов.

Раньше других решен был вопрос в Петропавловске. 17 апреля 1921 года состоялось заседание ревкома, на котором Барлебен поставил вопрос о налаживании связи с Киргизскими народными комиссариатами («Мир труда» от 16 апреля 1921 года). 18 апреля на очередном городском партийном собрании Барлебен «делает краткую информацию о Киркрае» и впервые сообщает, что «с 20 апреля Петропавловск реорганизуется в губернский масштаб» («Мир труда» от 21 апреля 1921 года). 21 апреля в Петропавловске начала работу II-я гороездная конференция РКП (б), на которой присутствовал представитель ЦК Кирбюро Садвакасов. В своей приветственной речи он сказал: «Ваша конференция собирается в тот момент, когда Петропавловский уезд является одной частью молодой Киргизской Республики...» («Мир труда» от 23 апреля 1921 года).

27 апреля 1921 года газета «Мир труда» опубликовала Приказ Чрезвычайной полномочной комиссии КирЦИКа по приему и организации управления Семипалатинской и Акмолинской губерниями. В нем говорилось: «На основании декрета ВЦИК от 1 сентября (дата опубликования декрета от 26 августа) 1920 года, постановления I Всекиргизского съезда Советов и соглашения с Сибирским Революционным Комитетом Чрезвычайная полномочная комиссия КирЦИКа по приему и организации управления Семипалатинской и Акмолинской губерний объявляет к всеобщему сведению: 1) Уезды Петропавловский, Кокчетавский, Акмолинский и Атбасарский выходят из состава Омской губернии и образуют Акмолинскую губернию. 2) Губернским центром вновь образуемой Акмолинской губернии объявляется г. Петропавловск. 3) Для организации управления в губернском масштабе назначается Губернский Революционный комитет в составе председателя Айтиева и членов: Барлебен, Короткова, Шарипова, Иванова, Асылбскова, к которому переходит вся полнота власти в пределах губернии. 4) Ныне существующий Петропавловский Уездно-городской Революционный комитет распускается и его права и обязанности переходят к вновь образованному Акмолгубревкому.

Председатель Чрезвычайной полномочной комиссии и председатель КирЦИКа: Мендешев. 26 апреля 1921 года. г. Петропавловск».

Документов, которые могли бы отразить отношение жителей уезда к выше приведенному приказу, в облгосархиве нет. 14

любой-то степени на сложившуюся ситуацию проливает свет воззвание председателя КирЦИКа Мендешева (который в те дни находился в Петропавловске), опубликованное в газете «Мир труда» за 1 мая 1921 года: «Ко всему трудовому населению. г. Петропавловск. 28 апреля 1921 года. Товарищи! В настоящее время момент перехода губернии к Кирреспублике разные проходимцы, шептуны, тайные и явные враги могут использовать для своих грязных контрреволюционных замыслов. Они начинают уже распускать слухи, что русскому трудовому населению придется туго, что трудовые крестьяне будут вообще отодвинуты на задний план и т.д., стремясь поймать рыбку в мутной воде. От имени руководящих органов власти Киргизской социалистической республики мы заявляем, что это является или злостной провокацией или, в лучшем случае, заблуждением. Советская власть, как и прежде, будет непреклонна и беспощадна в борьбе как с привилегиями колонизаторских элементов, с «великодержавными» замашками сторонников «единой, неделимой России», так и с туземной буржуазией, байскими элементами, которые спекулируют на национальном чувстве угнетенного народа и укрепляют свое господство под сенью Советской власти. Председатель КирЦИКа, член ВЦИК: Мендешев».

19 апреля 1921 года, в период работы комиссии по приему восточных областей, КирЦИК принял декрет о возврате Казахстана земель казачьих войск. Впервые этот документ был опубликован 18 июня 1921 года в газете «Мир труда». Вот его текст: «Декрет о возврате киргизскому трудовому народу земель, отчужденных царским правительством в собственность: а) Сибирскому казачьему войску; б) Уральскому казачьему войску из киргизских земель. 1) Десятиверстовая полоса, расположенная по левому берегу р. Иртыша в пределах Усть-Каменогорского, Семипалатинского, Павлодарского уездов Семипалатинской губернии, Омского и Петропавловского уездов Акмолинской губернии и по южной стороне старого тракта – станция Звериноголовской – Петропавловской – Омской, переданная высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 31 мая 1904 года в собственность Сибирскому казачьему войску, возвращается трудовому киргизскому населению, издавна живущему на десятиверстовой полосе и арендовавшему ее у Сибирского казачьего войска. 2) Кирнаркомзему пору-

чается в спешном порядке издать временную инструкцию для руководства местным земорганам при распределении земельной полосы между трудовым киргизским населением, живущим на десятиверстовой полосе по р. Иртышу и левобережной полосе по р. Уралу. Председатель ЦИК Советов КССР: Букейханов.

Образование Акмолинской губернии и вхождение ее в Казахстан не означало решение всех территориальных вопросов для работавшей здесь Чрезвычайной полномочной комиссии КирЦИКа. В декрете об образовании Казахской республики оговаривалась еще территория Омского уезда. На этом основании комиссия требовала присоединения к Казахстану Ишим-Куля и Черлака. Кроме этого, прощупывались возможности присоединения и территории, о которой в декрете не говорилось: южных волостей Ишимского уезда (Бугровской, Нилобинской, Соколовской, Сумской и др.). Дело в том, что еще в марте 1921 года решением Омского губисполкома по согласованию с Сибревкомом часть территории Ишимского уезда, где были сосредоточены отряды восставших крестьян, временно в целях единых карательных действий, была присоединена к Петропавловскому уезду («Мир труда» от 22 марта 1921 года). Когда необходимость в единой территории отпала, Сибревком отменил решение Омского губисполкома.

В телеграмме, которая была направлена в Омск 16 апреля 1921 года, говорилось: «... Прошу сделать соответствующее распоряжение Петропавловскому уездному ревкому о прекращении посылки работников в Ишимский уезд, а также о невмешательстве в его работу. Управделами Сибревкома». (ГАС КО, ф. 55, оп. 7, д. 2, л. 67)

Через несколько дней после подачи этой телеграммы Петропавловск, как известно, вышел из подчинения Омску, а вновь назначенный Акмолинский губревком повел активную борьбу за расширение северных границ Казахстана. Возглавил эту борьбу председатель Акмолгубревкома Абдрахман Айтиев (1886 – 1936 гг.). До прибытия в Петропавловск (конец апреля 1921 года) Айтиев занимал пост наркома внутренних дел Казахстана. В сентябре 1921 года он уехал из Петропавловска и вернулся к прежней работе (его место занял направленный из Оренбурга товарищ Казбеков).

Немало документов, хранящихся в облгосархиве, свидетельствует об отчаянном сопротивлении Ишимского уездного ре-

полноценного комитета, а также Тюменского губисполкома (с середины мая Ишимский уезд вошел в Тюменскую губернию) против действий Айтиева и других представителей КССР. Вот некоторые из них: **1)** Приказ № 13 по отделу Управления Акмолинского губревкома. 9 июля 1921 года. «П. 1. На основании постановления Президиума ВЦИК и ввиду необслуживания Ишимским уездным центром волостей: Бугровской, Красноярской, Соколовской, Налобинской и Беловской, таковые на основании постановления губернского административного совещания от 8 июля присоединены к Петропавловскому уезду во всех отношениях». («Мир труда» от 20 июля 1921 года); **2)** Телеграмма из Тюмени: «Акмолинский губревком. Категорически протестую по поводу распоряжений в пределах чужого уезда. Председатель Тюменского губисполкома (подпись). 30 августа 1921 года». (ГАСКО, ф. 55, оп. 7, д. 43, л. 1); **3)** Телеграмма из Тюмени: «Акмолинский губревком. Постановления ВЦИК о передаче 5 волостей Петропавловску не получено. Если имеется у вас, передайте дословно. О ваших захватничаниях и применении вооруженной силы при проведении ваших распоряжений доведено до сведения центра. Наши работники аппарата до получения непосредственно распоряжения из центра сниматься не будут. За могущие быть недоразумения отвечать будете вы. Председатель Тюменского губисполкома (подпись). 31 августа 1921 года». (ГАСКО, ф. 55, оп. 7, д. 43, л. 5); **4)** Телеграмма из Москвы: «Председателю Акмолинского губревкома. Вопрос о причислении 5 волостей Ишимского уезда Петропавловскому передан на утверждение ВЦИК. До утверждения центром воздержитесь от приема волостей. Наркомвнутдел: Ленский. 12 сентября 1921 года». (ГАСКО, ф. 55, оп. 7, д. 43, л. 15); **5)** Телефонограмма Акмолинского губернского отдела Управления – всем отделам Управления: «Сегодня сделаны распоряжения 5 волостям Ишимского уезда о том, что впредь до особого распоряжения ВЦИК таковые обратно переходят к Ишимскому уезду и что все работники, посланные туда из Петропавловска, подлежат обратному возвращению». (ГАСКО, ф. 55, оп. 7, д. 43, л. 24); **6)** Октябрь 1921 года. Телеграмма из Петропавловска: «Москва. ВЦИК. Волости: Бугровская, Красноярская, Налобинская, Соколовская и Беловская смежны с городом Петропавловском. После февральских событий они совершенно не обслуживались Ишимским уездным

центром, в этих волостях сгруппировались все остатки бинских шак и в силу необходимости Акмолинскому губревкому приходилось принимать те или иные меры к установлению лежащего порядка. Кроме того, население этих волостей, ни такое безучастное отношение к ним со стороны Ишимского уездного центра, настойчиво требовало присоединения к Петропавловскому. Между тем как Ишимский уисполком, так и Тюменский губисполком отказывались передать их со стороны и никаких мер не принимали. Ввиду создавшегося критического положения Акмолинский губревком на заседании административного совещания был вынужден стать на пути принятия этих волостей революционным порядком и установит там надлежащую власть...» (ГАСКО. Ф. 55, оп. 7, д. 43, л. 29) 7) Наконец, в середине октября 1921 года Акмолинский губисполком получил документ, положивший конец спору.

«Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

ВЦИК постановляет: волости Ишимского уезда Тюменской губернии: 1) Бугровскую, 2) Сумскую, 3) Красноярскую, 4) Налобинскую, 5) Соколовскую перечислить в состав Петропавловского уезда Акмолинской губернии КССР.

Председатель ВЦИК: Калинин. Секретарь ВЦИК: Енукидзе. Москва. Кремль. 9 сентября 1921 года». (ГАСКО, ф. 55, оп. 7, д. 43, л. 25) Причиной затянувшегося до конца 1921 года спора между представителями КССР и Омским губисполкомом стали Черлакская станица и Исиль-Куль, расположенные на территории Омского уезда. 12 августа президиум Омского губисполкома принял свое решение по этому вопросу в противное вес решению административной комиссии КССР и Сибревкома.

О том, как отреагировали в Петропавловске на решение, принятое в Омске, можно судить по такому документу:

«Записка по прямому проводу председателя Акмолинского губревкома, члена административной комиссии КССР А. Антиева, переданная 9 сентября в Москву председателю ВЦИК Калинину, председателю СТО Ленину; г. Новониколаевск, председателю Сибревкома Смирнову; г. Оренбург, председателю КирЦИКа Мендешеву.

Установленная административной комиссией и подтвержденная президиумом ВЦИК передача в ведение КССР Исиль-Куля

и Черлака Омским губисполкомом задерживается... Президиум Омского губисполкома отклонил решение ВЦИК, возбуждая вопрос о пересмотре границ. Омский губисполком должен нести ответственность перед страной в том, что незаконным илдерживанием части территории помешал свосвременной доставке хлеба голодающим. Между прочим, в этот серьезный и ответственный политический момент Омский губисполком бездействует. Настоятельная просьба: категорически предложить Омскому губисполкому сдать часть Омского уезда в установленных границах и привлечь к ответственности президиум Омского губисполкома». (ГАСКО, ф. 43, оп. 1, д. 7, л. 39).

Одновременно из Петропавловска была направлена телеграмма в Омск:

«Омский губернский исполнительный комитет.

Представительство КССР при Сибревкоме полагает, что вопрос о границах Омского уезда, утвержденный постановлением ВЦИК и Сибревкома, обсуждению и изменению не подлежит, поэтому представительство КССР при Сибревкоме считает необходимым выступить перед Омским губисполкомом с категорическим протестом против постановления президиума губисполкома от 12 августа». (ГАСКО, ф. 43, оп. 1, д. 7, л. 41).

Приведенные выше документы характеризуют лишь один из эпизодов упорной и достаточно продолжительной территориальной войны, которую вел Омский губисполком и которая в итоге закончилась компромиссом. Только на втором губернском съезде Советов, который проходил в Петропавловске в августе 1922 года, можно было говорить о завершении работы по урегулированию границ Акмолинской губернии в составе КССР.

Докладчик, освещавший этот вопрос, сказал на съезде следующее: «Административной комиссией в отчетном периоде (с 17 сентября 1921 года по 20 августа 1922 года) принято 5 волостей от Ишимского уезда, 16 волостей от Омского уезда к Ореховскому району (который впоследствии был переименован в Черлакский уезд), передано Кустанайскому уезду 8 волостей. По этим приемам и передачам пришлось поработать весьма энергично. Прием волостей от Омского уезда составлял страшные трудности. Омский губисполком ставил немало препятствий...» (ГАСКО, ф. 1370, оп. 3, д. 60, л. 138).

1992 г.

Горькая линия

**ЛЕГЕНДАРНЫЕ
СЫНОВЬЯ
КАЗАХСКОГО НАРОДА**

КОРОТКАЯ И ЯРКАЯ СУДЬБА

Б. Зтулин

Короткая, стремительная жизнь Баймухамеда Зтулина, за небольшим исключением (год учебы в Троицкой учительской семинарии), прошла на земле Северного Казахстана. И сейчас на родине поэта, в Джамбулском районе, живут его близкие родственники. Но вот парадокс: наши знания о жизни, о творческой и просветительской деятельности Зтулина и сегодня скудны, а порой и противоречивы.

30 лет назад первый биограф поэта Сабит Муканов справедливо писал о том, что «не все выдающиеся люди прошлого, в том числе и деятели первых лет Октября, получили заслуженную ими известность. К числу таких, к сожалению полузабытых народных героев принадлежит и Зтулин».

Мало что изменилось со времени написания этих строк. Одним из причин малоизвестности Зтулина в том, что мы располагаем мизерной долей его творческого наследия. В дни мятежа белых банд (февраль-март 1921 года) безвозвратно погибли тетрадь со стихами поэта. Но была и другая причина. Дело в том, что события тех дней, носившие, кстати, повсеместный характер, долгие годы оставались, да практически и сейчас остаются «белым пятном» отечественной истории. Первый сборник стихов Б.Зтулина и первые воспоминания о нем С.Муканов смог опубликовать только после XX съезда партии, в 1957 году. Конечно, биография поэта, «открытого» после нескольких десятилетий молчания, не могла претендовать на полноту и конкретность. Ее приблизительность особенно стала очевидной, когда в прошлом году были обнаружены архивные документы, которые эпизодически высветили педагогическую и общественную деятельность Зтулина. Новые документы - это анкета, два опросных листа, материалы уездного отдела народного образования за 1920 год. Что нового дополнили к биографии Зтулина архивные документы?

Самым, пожалуй, неожиданным было то, что мы до сих пор не знали точного имени поэта. В анкете и опросных листах значится имя Баймухамед, а не Баймагамбет, как считалось ранее. Впервые были получены сведения о его работе в качестве учителя. Теперь документально установлено, что на должность инструктора Федоровского районного отдела народного образования Зтулин был назначен 1 декабря 1920 года. До этого в течение двух лет он работал учителем Аккусакского первого казахского училища (Зтулин родом из Аккусакской волости, которая была расположена на западе нынешнего Джамбулского района). Эти сведения дает анкета участника Петропавловского уездного съезда учителей, лично заполненная Зтулиным. Кстати, один этот документ является убедительным свидетельством того, что Зтулин прекрасно владел русским языком. Съезд проходил с 10 по 17 января 1920 года, впервые после освобождения нашего края от колчаковских войск. На нем открылась удручающая картина состояния народного образования. В самом тяжелом положении находились казахские школы. Собственно, школ как таковых в аулах уезда не было вообще. Учеба проходила или в юртах, или в землянках.

Аккусакское казахское училище № 1 не было исключением. В своей анкете на вопрос о том, в каком положении находится школа, Зтулин ответил так: «Учение идет, но школьных принадлежностей нет. Здание нанятое». Через полгода, 8 июня 1920 года, Зтулин снова приезжает в Петропавловск. На этот раз на трехмесячные курсы красных учителей казахских школ. Об этом мы узнаем из опросного листа, который Зтулин заполнил 11 июня, при вступлении в организацию сочувствующих Российской коммунистической партии. Согласно существовавшему положению о приеме в партию, ровно через полгода, 11 декабря, ему будет вручен билет члена РКП (б).

Итак, три месяца в Петропавловске. Чем были заполнены эти дни, кроме занятий на курсах? Частично на этот вопрос Зтулин отвечает в другом опросном листе, заполненном уже при вступлении в партию: «В июне, июле и августе месяце часто выступал на митингах, устраиваемых первой казахской ячейкой» (эта ячейка работала при Петропавловском уездно-городском партийном комитете).

Опросный лист освещает и тематику выступлений поэта-просветителя: о положении женщины-казашки в семье и обществе, о религии, об истории революционного движения, об образовании казахских детей.

Есть в областном государственном архиве документы, которые могут косвенно поведать о поэтической деятельности Б.Зтулина в этот период. Это материалы Петропавловского мусульманского рабочего клуба. Клуб фактически был центром культурной жизни мусульманского населения города, и Зтулин не мог не бывать здесь. Подтверждение этой мысли мы находим в воспоминаниях С.Муканова: «При клубе функционировал литературный кружок. Главенствовал в кружке Зтулин».

Мусульманский рабочий клуб работал под девизом «Дитя дет рабочий клуб подобен горну, на огне которого из колеблющихся и мягкотелых людей выковываются закаленные борцы и стойкие революционеры». Здесь проходили спектакли, концерты, вечера, лекции. По инициативе членов клуба в городе были открыты две мусульманские библиотеки, школы для взрослых, изба-читальня в Мамлютке.

Клуб объединял лучшую татарскую и казахскую интеллигенцию Петропавловска. Среди них были Хафиз Бишрбаев (одна из улиц города носит его имя), популярный актер Вали Абсалямов, учитель Кадыр КурбанГалеев. Здесь читали свои стихи Магжан Жумабаев. Частым посетителем клуба был Джанузак Джанибеков, работавший инструктором уездного отдела народного образования. Кроме учительской, Джанибеков имел еще профессию журналиста. Еще до революции он издавал в Оренбурге газету «Казахские нужды». «Он высоко ценил творчество Зтулина, - вспоминает С.Муканов. - Особенно подчеркивал высокую идейность его стихов». К этим словам можно еще добавить, что именно коммунист Джанибеков впоследствии даст рекомендацию в партию Б.Зтулину.

В последних числах августа занятия на курсах закончились. Заканчивается на этом и документальное подтверждение деятельности Зтулина.

Из материалов уездного отдела народного образования известно только, что школы в сентябре и октябре 1920 года еще были закрыты. Это объяснялось тем, что основная масса учителей, в том числе и учителей казахских школ, была мобилизо-

нии на проходившую в стране первую Всероссийскую перепись населения. Часть учителей работала в продотрядах на обмолоте зерна.

Ни о чем не говорит и дата вступления в должность инструктора Федоровского районного отдела народного образования. В те дни не было важнее задачи, чем выполнение плана по продразверстке. Продовольствие направлялось в промышленные районы страны, где свирепствовал голод.

В то напряженное, тревожное время Зтулин мог работать в продотряде, но в любом случае ему нужно было периодически бывать в Петропавловске. Дело в том, что татарские, казахские, немецкие, еврейские школы были в подчинении подотдела просвещения национальных меньшинств. Подотдел был расположен в городе, при уездном отделе народного образования.

Как погиб Зтулин? Этого мы не знаем, как не знаем и даты его гибели. О трагических обстоятельствах ничего не говорится и в некрологе, напечатанном в газете «Мир труда» за 20 апреля 1921 года, а роман С.Муканова «Школа жизни» воссоздает только картину похорон поэта на Октябрьской площади.

Пожалуй, единственным свидетелем последних дней бойца отряда ЧОН Баймухамеда Зтулина остается сохранившееся стихотворение «Клятва»:

*...Гори же, моя звезда,
злодеев я не прощу,
не успокоюсь до конца,
пока не отомщу.
В степном мятежном краю,
от ковылей седом,
я песню свободы пою
из ножен сверкнувшим клинком.
Я и прежде говорил:
клятву свою сдержу;
если даже из всех сил
страшный ударит джугт.*

Конечно, наши приблизительные, неконкретные знания о истории родного края, как и неполную биографию Баймухамеда Зтулина, можно было бы объяснить объективными, несомненными от нас причинами. Только не скрывают ли они еще и нашу затянувшуюся апатию и равнодушие? В этой связи мне хотелось бы привести пример другого отношения к памяти своего земляка, но, к сожалению, не у нас, а в городе Целинограде.

Баймухамед Зтулин и Сакен Сейфуллин - эти два имени в статьях Сабита Муканова стояли рядом. Сравнивая творчество своего земляка и родоначальника советской казахской литературы, С.Муканов писал: «Б.Зтулин после С.Сейфуллина был один из первых поэтов, воспевавших в своих произведениях Великую Октябрьскую социалистическую революцию».

Один из первых в республике - это о Зтулине! Как же чужда память своего земляка целиноградцы?

В городе его имя носит областная библиотека и педагогический институт, перед входом в который установлен памятник поэту. Два года назад открыт музей С.Сейфуллина. В ближайшие годы ему будет сооружен новый памятник.

А что напоминает о Баймухамеде Зтулине в нашем городе, где на митингах звучали его страстные речи и стихи, где поэт погиб с оружием в руках в схватке с теми, кто посягнул на столь глубокую веру в справедливость избранного пути?

В Петропавловске есть улица, которая носит имя поэта. Она расположена в районе частного сектора и примечательна разве только грунтовой дорогой да осевшими, покосившимися домиками. И, конечно, сюда ни один экскурсовод не рискнет привести свою группу.

2001 г.

ЗДЕСЬ РОДНОЙ МНЕ КАЖДЫЙ КАМЕНЬ, КАЖДЫЙ ДОМ...

Наш земляк, выдающийся казахский писатель Сабит Муканов на протяжении ряда лет жил, учился и работал в Петропавловске. Это были двадцатые годы прошлого столетия. По воле судьбы они стали годами непростых испытаний, мужания и становления личности писателя.

В мае 1920 года местная газета «Мир труда» поместила объявление об открытии в Петропавловске трехмесячных курсов Красных учителей. Тех самых, которые положили начало современному педагогическому колледжу. Среди прибывших на учебу был и мало кому известный 20-летний учитель из аула Балтабай Сабит Муканов. Его намерения были просты и понятны: продолжая стезю учителя, совершенствоваться в профессии. Однако, оказавшись в центре общественной и политической жизни города, юноша резко изменил свои планы. Многие из его сверстников тогда были убеждены, что именно им, поколению 20-х, выпала великая миссия строить новый мир, в котором все народы бывшей империи обретут подлинную свободу. «Свобода!» - так называлось стихотворение, которое в один из июньских вечеров прочитал со сцены городского театра курсант Муканов. Это была его первая проба сил в политической лирике. В том же 1920 году Муканов вступил в Коммунистическую партию. Вот что вспоминает писатель об этом периоде в автобиографии: «Передо мной встал выбор: пойти учителем в открывающиеся аульные школы или принять участие в политической и хозяйственной жизни страны. Оба дела были крайне важны, но я, взвесив мои знания и возможности, решил пока идти на хозяйственный фронт. Я был назначен начальником одного из продовольственных отрядов и, получив форму бойца, винтовку, револьвер и ручные бомбы, накинув на плечо патронташ, повязав на черную папаху красную ленту, выехал в волости».

Для молодого коммуниста следующий, 1921 год стал годом неожиданных, тяжелых испытаний. Недовольные продразверсткой крестьяне подняли восстание. Оставляя кровавый след, лавина восставших охватила почти весь Петропавловский уезд.

Им противостояли лишь отряды ЧОН (части особого назначения), в которые входили только коммунисты и комсомольцы. 11 февраля крестьяне ворвались в город. В те дни многие коммунисты погибли мученической смертью, и среди них - ближайший друг Сабита - поэт Баймагамбет Зтулин. Сам Муканов лишь чудом остался жив. Раненый, истекавший кровью, без какой-либо врачебной помощи, он в течение трех дней, пока крестьяне хозяйничали в Петропавловске, скрывался у хозяина ветхого домика на окраине города. Подлечившись в госпитале Сабит продолжал службу в чоновском отряде, став со временем мужественным джигитом, отлично владевшим лошадей и оружием. У него даже появилось устрашающее противника прозвище «Кара-борик» (Черная шапка).

Военная служба Сабита закончилась в августе 1921 года, хотя чоновские отряды продолжали действовать в губернии еще год до своего расформирования. Дело в том, что 1 сентября в Петропавловске открывалась годичная совпартшкола. Эта новость застала Муканова в должности председателя ревкома Кокчетавской волости, куда он был откомандирован губкомом партии. Не раздумывая Сабит подал соответствующее заявление и был зачислен в список слушателей. Как горячо ни защищал молодой коммунист советскую власть, жажда знаний, желание учиться были сильнее. В одном из эпизодов трилогии «Школа жизни», вспоминая о том, как он 18-летним пареньком в период гражданской войны, нанявшись ямщиком, добирался до Петропавловска, а затем на крыше вагона уезжал в Омск на учебу, писатель приводит дорогие ему слова Абая:

*Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье - светоч сердец.*

Занятия Муканова в совпартшколе совпали с бурной клубной деятельностью в Петропавловске.

Одним из самых массовых был клуб мусульманской молодежи. Он открылся в декабре 1919 года благодаря инициативной группе, в которую входили такие известные в городе люди, как Хамит Сутюшев (родной брат Карима Сутюшева) и Хафис Базарбаев. Работа клуба планировалась на 30 тысяч человек, т.е. практически на все мусульманское население города. И не только города. Так, при содействии клуба была открыта

изба-читальня в Мамлютке. В клубе работали три секции (политграмоты, музыкально-драматическая и спортивная), вечерняя школа, читальный зал, библиотека. Каждую пятницу ставился спектакль. Вот в такой клуб в начале 1922 года был направлен слушатель совпартшколы Муканов руководить коммункачейкой. (Кстати, несмотря на то, что здание мусульманского клуба по улице Первомайской, №57 являлось историко-архитектурным памятником города, его снесли в восьмидесятые годы прошлого столетия). Сабит с энтузиазмом приступил к новой должности. Примечательно, что здесь на клубную сцену он поднимался не только в качестве лектора или исполнителя собственных стихов, но и как активный участник самодеятельного драматического кружка. Неизвестно, сколько продлилась бы клубная деятельность Муканова, если бы не одно обстоятельство: в первых числах августа в Акмолгубкоме приступили к составлению списка рабфаковцев, которые направлялись на учебу в город Оренбург - бывшую столицу республики. В те же августовские дни появилось решение губкома: «Ввиду недостатка знаний РКП (б) инструктора губкома т. Муканова С.М. послать на учебу в Оренбургский рабфак». Это был новый, счастливый поворот судьбы. Выпускник четырехгодичного рабфака получал среднее образование, но самое главное - право поступать в высшее учебное заведение.

Итак, впереди - Оренбург. В августе 1922 года счастливый рабфаковец вместе с группой молодежи уезжал из Петропавловска как минимум на четыре года, т.е. до завершения учебы в 1926 году. Однако жизнь внесла свои коррективы. Муканову пришлось вернуться в наш город гораздо раньше. Вернуться, чтобы пережить самые трагические дни своей жизни. А началось все летом 1924 года, когда он приехал на каникулы в родной аул. В тот период студенту рабфака шел 25-й год - возраст, по единодушному мнению сородичей, самый подходящий для женитьбы. Мнением же самого жениха никто не интересовался. Впрочем, Сабит и не пытался его высказывать. Сватовство и свадьба состоялись согласно обрядам и обычаям предков, за исключением калыма - платы за невесту. До свадьбы о своей суженой жених знал только то, что ее зовут Рахима и что она замечательная домбристика. Много лет спустя писатель так прокомментирует это событие в своей жизни: «Как же так? Студент рабфака, молодой коммунист, участник гражданской

войны, да к тому же поэт, вдруг оказывается в плену динни- родовых обычаев, едет к невесте, которой никогда в жизни не встречал! В этом-то и дело, дорогой читатель, что жизнь не всем не так проста, как мы хотели подчас ее представить. Что греха таить, и надо мной властвовали обычаи отцов и дедов и я для всех своих земляков оставался сыном Мукана из Жимми Шубара» (трилогия «Школа жизни»).

В конце лета Сабит и Рахима уехали в Оренбург и поселились в комнате рабфаковского общежития. Здесь довольно скоро выяснилось, что молодой семье скромной стипендии рабфаковца катастрофически не хватает. Положение молодых еще более осложнилось, когда стало известно, что Рахима готовится стать матерью. Выход из сложившихся обстоятельств Муканов видел лишь в одном: просить академический отпуск и уехать работать в наш город, где его хорошо знали и помнили.

Он приехал с женой в Петропавловск в начале 1925 года. И первый же день посещения губкома партии Муканова назначили ответственным секретарем местной газеты «Бостандык туу». В его семье все складывалось замечательно, теперь можно было спокойно ждать рождения первенца. О том, какие чувства переполняли тогда будущего отца, читаем в трилогии «Школа жизни»: «Я и подростком был бала-джанды, т.е. человеком, любящим детей. Оставшись сиротой, без крова, я и в чужих юртах любил качать детские колыбельки, возиться с ребятишками, играть с ними... Представьте теперь, с каким радостным нетерпением я, любивший чужих ребятишек, ждал появления на свет собственного ребенка...». И вот наступил сентябрьский день 1925 года, когда Рахиму положили в родильное отделение 1-й Советской больницы. Далее Муканов вспоминает: «В течение нескольких дней я не знал ни сна, ни отдыха и торчал у ворот городской больницы. Я уже устал ждать, подкашивались ноги, но тут появилась акушерка и улыбулась мне: «Сын!» В эти минуты я понял смысл выражения: от радости сердце бушует...».

Мальчика называли Арыстаном. Но семейное счастье длилось недолго. В январе 1926 года Рахима сильно простудилась, вскоре врачи обнаружили у нее скоротечную чахотку и уже в апреле она умерла. В трагические для Муканова дни нужно было решить судьбу младенца. С тяжелым сердцем он соглашается временно отдать мальчика в семью родственников

жены. Но не успевает это сделать: через месяц после смерти матери, заразившись корью, 12 мая 1926 года Арыстан умер.

Трудно передать словами всю глубину отчаяния и горя мужа и отца.

*...Говорят, ребенок - это сердца часть...
Сердце мое, сердце рвется, горячась.
Все в груди пылает, рана душу жжет...
Что могу я в горе написать сейчас?*

Это строки из стихотворения «На смерть сына». Крушение жизненных планов, внезапное одиночество резко изменили его образ жизни. Каждый день он уходил на кладбище к дорогим могилам. Почерневшего, исхудавшего его не узнавали на улице знакомые.

Неизвестно, чем закончилась бы эта душевная драма, если бы родичи Сабита не подняли тревогу. Не на шутку встревоженные его состоянием, они приняли решение срочно женить безутешного вдовца. В те же дни происходили и другие события, которые помогли вернуть интерес Муканова к жизни. Одно из них - настойчивое приглашение из столицы республики города Кзыл-Орды возглавить республиканское издательство. И еще, в этом же году наконец появился на свет первый, долгожданный сборник стихов молодого поэта.

Осенью 1926 года Муканов уехал в Кзыл-Орду. К этому времени он был уже снова женат. Родичи все-таки настояли на встрече Сабита с юной Мариам, которую они пророчили ему в жены. Встреча эта изменила судьбу Муканова. Уже на склоне лет, вспоминая свое первое свидание с будущей супругой, писатель напишет такие строки в автобиографической трилогии: «К вам, дорогие читатели, обращаюсь я с просьбой: не требуйте от меня подробного рассказа о первой встрече с Мариам. Мариам - ведь это моя байбише, моя верная подруга в жизни. У нас уже ссидина на висках. Дома, в семье, я называю ее мамой. Люди уважительно обращаются к ней - Маке, ценят ее человечность и честность. 37-й год живем мы не зная ссор и раздора. Она родила и воспитала четырех сыновей и двух дочек. Семерых внуков целую я, их тоже любовно воспитывает моя байбише...»

Последний, третий приезд Муканова в Петропавловск, связанный с деятельностью в партийных и советских органах, стал

для него неожиданным. Летом 1929 года писатель, вместе с семьей отдыхал на каникулах в родном ауле. В тот период являлся студентом второго курса филологического факультета Ленинградского университета. Когда заканчивалось лето и семья уже собиралась в путь, неожиданный приезд гостей из Петропавловска нарушил все планы Муканова. Оказалось, что Петропавловский окружком партии, представителем которого был приезжий, по-своему распорядился судьбой студента, утвердив его сразу в трех должностях: заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды окружкома, преподавателя политграмоты и редактора окружной газеты «Кенес аулы». С дальнейшей учебы не было и речи. Служебная нагрузка Муканова стала рекордной за все время пребывания в Петропавловске. Но вот что удивительно: когда на следующий год ему предложили работу в Алма-Ате, он ответил отказом, не желая уезжать из нашего города. Наибольшее удовлетворение Муканову приносила редакторская работа. По его инициативе был создан литературный кружок, объединивший около сорока пишущих писателей. Газета «Кенес аулы» отводила их творчеству целые страницы, летом 1930 года удалось даже выпустить литературный альманах «Жарыс».

Однако писателя не могла не беспокоить прерванная учеба, незаконченное высшее образование. Вот почему он с радостью воспринял новое партийное решение о продолжении его занятий. Только теперь путь Муканова лежал в Московский институт языкознания. Впоследствии, в 1931 году, он был переведен в самый престижный институт страны - Московский институт Красной профессуры. В 1935 году, вскоре после завершения учебы, Муканов занял пост председателя Правления Союза писателей Казахстана.

Перелистывая петропавловские страницы нашего знаменитого земляка, который, кстати, последние семь лет своей жизни (с 1966 по 1973 год) являлся Почетным гражданином города, понимаешь, почему такое важное, особое место занимает Петропавловск в его творчестве. Описание событий, истории города, его улиц, домов и жителей мы находим в пьесе «Дни борьбы», романах «Ботагоз» и «Промелькнувший метеор», в трилогии «Школа жизни» и других произведениях. Понимаешь также, почему такой теплотой и любовью наполнены строки стихов писателя, обращенные к Петропавловску:

*...Я по белому по свету полетал.
Лондон, Токио, Каир я повидал.
Но на дальнюю чужую красоту,
Петропавловск, я тебя не променял.
Я люблю тебя, тебя благодарю,
Моей юности суровую зарю...
Петропавловск, отчий берег, Красный яр,
Мою песню ты прими, как скромный дар.
Здесь родной мне каждый камень,
каждый дом,
Я, куда жив, всегда с тобой, Кзылжар!*
(«Красный берег»)
2005 г.

ТРИУМФ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО КАЗАХСКОГО ХОРА В МОСКВЕ

20 ноября 1928 года местная газета «Смычка» поместила информацию, которая сразу же оказалась в центре внимания горожан. На первой полосе номера крупным шрифтом было напечатано сообщение о том, что по приглашению представительства Казахской АССР (до 1936 года Казахстан являлся автономной республикой) в Москву для выступления с концертом перед делегатами сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета выезжает хор Петропавловского казахского педагогического техникума. Петропавловским студентам оказывалась честь впервые представлять национальное хоровое искусство Казахстана за пределами республики.

Между тем газетная публикация, помимо законного чувства гордости петропавловцев, вызывала и некоторое недоумение. Получилось так, что хор приглашали свои же соотечественники и вся акция носила как бы частный характер.

Однако обратимся к предыстории знаменитого события.

Казахский педагогический техникум был открыт в нашем городе в 1922 году, и тогда же началась работа по созданию национального хора - по решению республиканского правительства в казахских учебных заведениях хоровое пение вводилось в обязательном порядке. Весной следующего, 1923 года, со-

стоялись его первые, пока еще робкие выступления. Популярность хора быстро росла. Ко времени московской поездки трудно было найти человека не только в Петропавловске, но и в аулах и селах округа, который бы не восхищался или хотя бы слышал об этом коллективе. Своим успехом хор был обязан музыкальному руководителю, учителю пения Ивану Васильевичу Коцыку. К сожалению, мы располагаем об этом незаурядном человеке довольно скудными сведениями. Известно, что он родился в Варшаве в 1891 году, там же окончил духовную семинарию, а затем поступил в консерваторию на отделение теории сочинения музыкальных произведений. Однако со второго курса был отчислен. Что послужило причиной - неизвестно. Возможно, Коцык был призван в армию в период первой мировой войны. Кстати, в эти годы в Петропавловске находился 33-й запасной пехотный полк, в котором числились бывшие польские студенты.

В 1922 году, когда Иван Васильевич поступил на работу в казахский педтехникум, он уже был семейным человеком, отцом двоих детей.

Работа с народными казахскими мелодиями целиком захватила одаренного музыканта, открыв перед ним исключительную творческую перспективу. Коцык впервые в республике создал многоголосный национальный хор, который пел по нотам. Причем значительную часть репертуара составляли песни, записанные им самим во время специальных экспедиций. К 1928 году таких мелодий насчитывалось более пятидесяти.

Хоровой коллектив под руководством Коцыка вел активную концертную деятельность, однако о московских подмостках не осмеливался и мечтать. Другое дело - экскурсия в Москву. К ней начали готовиться еще в 1926 году. Собственно, вся подготовка сводилась к накоплению денег на проезд и приобретение туристических путевок. К началу 1927 года в общей кассе хора было уже 500 рублей (одна путевка стоила 60 рублей). Большую часть этой суммы составляла плата за выступления по местному радио. Но тогда поездка не состоялась: долгожданную экскурсию пришлось уступить первым выпускникам техникума.

Наступило лето 1928 года. Когда все уже было готово к отъезду, неожиданно директор техникума Абланов пригласил коллектив для беседы и сообщил потрясающую новость: сту-

денты (40 человек) поедут в Москву не просто как туристы, но прежде всего как исполнители народных песен. Время выезда будет специально согласовано с казахским представительством при ВЦИК.

Следует уточнить, что за словами «казахское представительство» стоял один конкретный человек. Это был выдающийся государственный деятель Абульхаир Искакович Досов. С 1927-го по 1930-й год Досов являлся членом президиума и постоянным представителем Казахской АССР при ВЦИК. Это он, отменяя мнения скептиков, пригласил петропавловский хор в Москву, будучи убежденным в том, что студенты техникума достойно могут представить национальное хоровое искусство Казахстана. Чтобы понять, насколько серьезным и важным лично для Досова было принятое им решение, отмечу, что накануне в Москве прошли, к сожалению, без ожидаемого успеха гастроль казахского драматического театра. Смириться с такой ситуацией Досов не мог. Тогда-то у него и возник план своеобразного рванша, и туристическая поездка петропавловского хора оказалась весьма кстати. Сделав выбор, всю организационную работу Досов взял на себя. В частности, он позаботился о льготном проезде по железной дороге для студентов, вместе с московским бюро «Советский турист» составил план экскурсий с таким расчетом, чтобы посещение Кремля совпало с датой отчетного доклада представительства Казахстана на сессии ВЦИК. По предписанию Досова хоровой коллектив должен был взять с собой в поездку не только национальные костюмы и музыкальные инструменты, но и предметы казахского быта: столик, кошму, ковры, посуду и т.д. В имитированной юрте планировалось угощать гостей национальными кушаньями. Легко представить, какой ажиотаж царил в техникуме накануне отъезда. 20 ноября, в тот самый день, когда в местной газете появилась первая информация о поездке хора в Москву, состоялся последний перед дорогой показательный концерт. В переполненном актовом зале Казахского педагогического техникума (здание бывшего Романовского училища) присутствовали представители общественных организаций и предприятий города, руководители Петропавловска и округа, преподаватели и студенты. После концерта, горячо встреченного зрителями, на сцену стали подниматься гости с напутственными пожеланиями. Прощальный вечер завершился ответным словом дирек-

тора Абланова, который, кстати, по указанию Досова должен был вместе с Коцыком сопровождать хор в поездке.

27 ноября петропавловцы прибыли в Москву. На следующий день, как и было намечено по плану, они в качестве туристов посетили Кремль. И здесь неожиданная новость повергла всех в уныние. Оказалось, что день Казахстана на сессии ВЦИК прошел 26 ноября. Как потом выяснилось, досадная оплошность произошла по вине почтовых работников, задержавших телеграмму. К счастью, на выручку хору поспешил посвященный и замысел Досова зам. председателя совнаркома РСФСР Андрей Матвеевич Лежава. Он «случайно» встретил северокаштанских туристов и пригласил их выступить с небольшим концертом в Андреевском зале во время перерыва между заседаниями сессии ВЦИК.

«Для Москвы казахский хор стал новостью, - вспомнил потом Абланов. - Его слушали с необычайным вниманием и шумным одобрением. Особый успех выпал на песни: «Биыл», «Елимай», «Ара-рай»...»

Выступление хора в Кремле явилось началом его московских гастролей, прошедших с грандиозным успехом. Став знаменитым буквально на следующее утро, хоровой коллектив пел в клубах фабрики «Красная роза», РККА, Московского военного гарнизона, Комсомола Москвы, в МГУ, перед землячеством казахских студентов и студентами узбекского рабфака, в Центральном Доме Красной Армии и Флота и т.д. Кроме концертов и насыщенной экскурсионной программы, состоялись съемки и записи хора на киностудии документальных фильмов и радиостанции имени Коминтерна.

Сам нарком просвещения А.В. Луначарский пожелал встретиться с популярным коллективом.

В этом ярком калейдоскопе московских событий, пожалуй, самым памятным для наших земляков стал вечер в Государственной Академии художественных наук. В зале присутствовали ученые, известные представители творческой интеллигенции, видные государственные деятели. Среди них - А.И. Досов, член президиума ЦИК СССР Т. Рыскулов, А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, А.М. Лежава и другие.

По традиции в начале вечера был зачитан доклад, посвященный Казахской республике. Концертную программу открыл народный артист Казахстана, композитор А.В. Затаевич, спе-

циально вызванный Досовым из Кызыл-Орды. Затаевич исполнил на пианино несколько национальных мелодий, а затем на сцену поднялся хор. Зал живо и бурно реагировал на каждую из десяти исполненных песен и долго не хотел отпускать молодых певцов.

Одним из документальных подтверждений триумфального успеха хора может служить благодарственное письмо Академии, направленное в Петропавловск. Письмо было опубликовано в газете «Смычка» за 13 апреля 1929 года.

Вот его текст:

«Комитет по изучению искусства народов СССР Государственной Академии художественных наук настоящим выражает свою глубокую благодарность хору Казахского педагогического техникума, выступавшего в Академии под управлением преподавателя И.В. Коцька. Комитет отмечает большую ценность работы хора, выразившуюся в хорошо звучащих образцах народной казахской песни, а также в интересном опыте тов. Коцька в деле переложения на многоголосие казахских народных мотивов.

Президент Государственной Академии художественных наук П.С. Коган.

Ученый секретарь О. А. Самарин.

Москва, 29 марта 1929 г.».

Блестящий успех петропавловского хора впоследствии получил отражение в литературе по истории казахской музыкальной культуры. Однако начиная с конца тридцатых годов прошлого столетия эта информация публиковалась в искаженном и урезанном виде. В ней, например, тщательно вычеркивалась роль Досова. Замечательный патриот своей родины стал жертвой сталинских репрессий. В 1938 году он был приговорен к расстрелу. Такая же участь постигла других участников и свидетелей знаменательного события - Т. Рыскулова и А. М. Лезяву.

Московские гастроли хора Казахского педтехникума принесли широкую известность его руководителю. Вскоре Коцьк был приглашен в Алматы и летом 1929 года вместе с семьей покинул Петропавловск.

Через несколько лет, в январе 1934 года, его имя появилось на афише столичного музыкального спектакля, поставленного по пьесе М. Ауэзова «Айман-Шолпан». В постановке использо-

вались казахские народные мелодии, переложенные Коцником для симфонического оркестра. Спектакль стал событием в музыкальной жизни республики. Только за один театральный сезон при полном аншлаге он был показан 102 раза. Восходящая тогда звезда оперной сцены Куляш Байсеитова за исполнение роли Айман в том же 1934 году получила звание лучшей оперной артистки республики. Музыкальная студия, осуществившая постановку, вскоре после премьеры была преобразована в Казахский музыкальный театр, ставший впоследствии Государственным театром оперы и балета имени Абая.

В июне 1934 года вышел новый музыкальный спектакль с участием Коцыка - пьеса Б. Майлина «Шуга». Она также имела огромный успех, однако неожиданно стала его последней композиторской и дирижерской работой в театре. Уехав из Алматы, Коцык в течение двух лет работал в Киргизском музыкально-драматическом театре имени М.В. Фрунзе. Дальнейший его жизненный и творческий путь неизвестен. Но каким бы он ни был, невольно приходишь к мысли о том, что звездный час судьба уготовила талантливому музыканту все-таки в нашем городе. Эту мысль подтверждает сохранившийся архивный документ: последний годовой отчет учителя пения И. И. Коцыка, составленный в мае 1929 года. За строками текста, написанного на тетрадных листках аккуратным мелким почерком, встает достигший вершины творчества, гордый и счастливый человек: «...За истекший год крепко спаянный, четко со знающий свое значение казахский хор сделал 40 выступлений, завоевав себе первенствующее значение не только в городе, но и далеко за его пределами...

Экскурсия казахского хора в Москву, где он выступал с исключительным успехом, поставила его на высоту, которой вряд ли удавалось и удастся в будущем достигнуть хорам педтехникумов нашего Союза. О чем неоднократно отмечалось в газетах Москвы и Казахстана.

Учащиеся заметно выросли в познаниях музыки и пения. Их уже не удовлетворяет прежнее исполнение песен, ибо они вкусили прелесть многоголосия, впервые введенного в нашем техникуме. А это факт исторический, имеющий значение для всего Казахстана. Факт, обогащающий мировую музыкальную сокровищницу...».

2005 г.

ИЗ ИСТОРИИ ПАРТИИ «УШ ЖУЗ»

16 февраля 1936 года местная газета «Карагандинская коммуна» (с 1932 по 1936 гг. Петропавловск являлся административным центром огромной Карагандинской области) напечатала статью под заголовком: «О борьбе с осколками контрреволюционных организаций «Уш жуз» и «Жас азамат». Причем упомянутая молодежная организация «Жас азамат» (просуществовавшая, как и партия «Уш жуз», всего несколько месяцев в годы гражданской войны) явилась лишь фасом для главного очернения и разоблачения партии «Уш жуз». То, что первый удар на официальном уровне был нанесен партии именно в Петропавловске, не стало случайностью, т.к. «Уш жуз» возникла в ноябре 1917 года на севере Казахстана, здесь и проживала большая часть ее бывших членов.

Автор статьи, второй секретарь обкома партии Айтмухамет Мусин, слыл в республике непримиримым борцом с «врагами народа», за чистоту партийных рядов. До приезда в Петропавловск в 1934 году он возглавлял комиссию по чистке партии в Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Кызыл-Ординской областях.

В чем же обвинялась партия «Уш жуз»? Автор статьи на этот вопрос отвечает: «Товарищи Мирзоян и Нурпеисов были совершенно правы, поставив вопросы дальнейшего разоблачения и очищения рядов парторганизации от алашординских осколков. В этой связи крайне необходимо остановиться и на вопросах оценки организаций, близко примыкавших в свое время к «Алаш-орде»... Это прежде всего партия «Уш жуз». Что же представляла партия «Уш жуз»? Это была махрово контрреволюционная партия, панисламистского толка. Из опубликованной в Петропавловске газеты «Уш жуз» от 24 декабря 1917 года программы этой партии, мы узнаем, что она организовывалась как партия, которая признает для себя линию «Алаша» неприемлемой. Почему? Потому что «Алаш» ориентируется на кадетов. А вот «Уш жуз» ориентируется на «духовенство Востока», на панисламизм. Хрен редьки слаще!

В своей ненависти к русскому пролетариату, к победившей пролетарской диктатуре она ни в чем не уступала контрреволюционной «Алаш-орде»....

Вот такая неожиданная и совершенно не соответствующая действительности была дана политическая оценка «Уш жуз» одной лишь только целью: привлечь к ответственности тех или так или иначе поддерживал эту партию.

В областном государственном архиве нет материалов, рассказывающих историю, идеологию и программу партии «Уш жуз». За исключением тех данных о партии, которые отражены в документах того времени. Однако и эта скудная информация напрочь опровергает лживые обвинения против «Уш жуз».

Так, протоколы Петропавловского Совдепа свидетельствуют, что партия «Уш жуз» действовала в полном согласии с местной властью. 8 января 1918 года «Уш жуз» делегировала двух членов ЦК партии: Исхака Кабекова и Кольбая Тогусова. Вскоре Тогусов был направлен в Омский губернский Совет, где занял пост комиссара земледелия и госимуществ.

Замечательным примером политического единства с Петропавловским Совдепом может служить городская манифестация, которая состоялась 1 мая 1918 года на Соборной площади. На торжество, помимо других общественных организаций отдельными колоннами явились представители трех партий коммунистов, эсеров вместе с максималистами и «Уш жуз». Такая информация была напечатана в первом номере газеты «Известия Петропавловского Совдепа».

В марте 1918 года председатель ЦК партии «Уш жуз» К. Тогусов политическим оппонентам в одной из своих публикаций прямо заявил: «Да, программа большевиков и левых социал-революционеров - наш идеал». Однако это не означало, что программа «Уш жуз» не имела своих особенностей и отличий, носивших национальный характер. Партия «Уш жуз» видела в русской революции опору и поддержку в решении своих политических задач, прежде всего в борьбе со своим главным оппонентом - партией «Алаш».

«Уш жуз» объявила войну партии «Алаш» с первого дня своего существования, но особенно ожесточенный характер она приняла тогда, когда «Уш жуз» начала сотрудничать с советской властью. «Кто поймает бандитов и изуверов - казахстанс-

ких большевиков, - говорилось в одном из воззваний плени ординцев (газета «Сары-Арка», январь 1918 г.) - пусть их место расправляется с ними... Кто из казахов осмелится стать большевиком, тот будет расстрелян на месте...». В свою очередь «Уш жуз» не менее сурово грозила своему идеологическому противнику: «Вот гнусная статья казахской умирающей буржуазии - «Алаш», строившей благополучие до сих пор на плечах казахской бедноты! Прочь, вон! Иначе будете сметены грозными руками казахской демократии! (Из воззвания председателя ЦК партии «Уш жуз» К. Тогусова).

В этом яростном противостоянии весной 1918 года партия «Уш жуз» добилась временного успеха: партия «Алаш» была объявлена контрреволюционной организацией, ее областные комитеты распущены, печатные органы закрыты. Однако добиться окончательной победы над политическим противником, имеющим широкую поддержку в Казахстане, одними официальными распоряжениями было невозможно. Требовалась еще поддержка мусульманских народных и казахских комитетов, сплошь состоявших из алаш-ординцев.

В областном музее хранятся воспоминания о бурных, накаленных до предела очередных выборах в Петропавловский мусульманский народный комитет. Их автор - непосредственный участник событий Хамит Сутюшев (брат Карима Сутюшева): «В подгорной мечети, где было предложено провести выборы, собралось около 600 человек. После долгих обсуждений собрание наметило в мусульманский комитет 20 кандидатов - все сторонники «Алаша». Однако многие были недовольны такими выборами и, с резкими упреками покинув мечеть, направились в городской кинотеатр. Здесь собралось около 3000 человек. Группа товарищей во главе с Каримом Сутюшевым, открывая собрание, крикнула в толпу: «Долой царских чиновников и прихвостней буржуазии!». Тотчас же группа рабочих кинулась задерживать Ишмахамбстова Закира и если бы их не задержали, безусловно, бы и убила. Поднялся шум, крики: «Долой царских сволочей!». В этот момент присутствующий в зале учитель, видя, что толпа не может успокоиться, начал громко читать акт из Корана. Когда звуки акта дошли до масс, крики постепенно прекратились, и слышался лишь шепот. Все встали на колени, и воцарилась тишина. После чтения из Корана выборы прошли в спокойной обстановке».

В результате повторных выборов большинство членов мусульманского комитета было представлено от партии «Уш жуз». Те же, кто остался в мечети, не примирились с итогами выборов и ждали лишь часа возмездия. И такое время для них наступило в начале июня 1918 года, в дни белочешского мятежа.

В областном архиве хранится документ, повествующий об одном из эпизодов такого возмездия. Это заявление от двух жителей Петропавловска, направленное в Акмолинскую чрезвычайную комиссию 18 июля 1921 года: «Вчера, 17 июля, мы встретили в городском саду Зафира Карабалина, который участвовал в чехословацком перевороте и арестовал известного работника партии «Уш жуз» товарища Кабекова. Кабекова мы встретили на озере Пестром и вел его до реального училища, где находился штаб генерала Волкова. По дороге Карабалин все время бил прикладом Кабекова и заставлял бежать, а сам был верхом.

Кроме этого, может дать показания Мукатай Джанибеков, которого Карабалин привязал к хвосту своей лошади, бил кнутом и скакал».

Приведенные документы свидетельствуют, что в первой половине 1918 года Петропавловск был местом жестоких схваток между сторонниками партии «Алаш» и «Уш жуз» и что последняя никак не могла быть «алаш-ординским осколком». Знал ли автор зловещей статьи, что речь идет о партиях-антиподах? Вероятнее всего, что знал, ведь тогда еще были живы многие участники упомянутых событий. Однако вся пропаганда сталинского режима, попирая исторические факты, строилась исключительно в рамках одной идеологии. Не стала исключением и публикация А.Мусина.

Объединяло же эти партии то, что обе они стали жертвой диктаторского режима. И еще. Несмотря на вражду, различие программ и лозунгов, обе партии шли к одной, главной цели - независимости Казахстана.

В отличие от «Алаша» партия «Уш жуз» имела всего лишь региональное влияние, уступая во многом в организации и численности своему сопернику. Тем не менее появление «Уш жуз» на политической арене не было случайным. Она по праву занимала только ей отведенную историей нишу. Партия «Уш жуз» возникла в разгар революционных событий в России, которые

всколыхнули весь мир. Рушились империи и колониальные режимы, небывалый размах приняло национально-освободительное движение, в самых отдаленных уголках земли рождались партии социалистического толка. Никогда ранее слово «социализм» не было так популярно. Что касается российских большевиков, то они были глубоко убеждены, что переживают капут мировой социалистической революции. Вот какой призыв опубликовала газета «Известия Петропавловского Совдепа» за 7 апреля 1918 года: «Революция началась в России, она победит во всем мире. Продержаться до ее прихода - вот задача рабочих России!».

В этой обстановке социалистические идеи захватили и часть казахской интеллигенции. В результате была создана первая социалистическая партия Казахстана. Ее полное название: «Казахская социалистическая партия Уш жуз».

В середине декабря 1917 года в Петропавловске стала выходить партийная газета «Уш жуз». Ее редактором был Шаймерден Альжанов. Еще будучи учащимся Омской фельдшерской школы, в 1913 году, Шаймерден организовал первое казахское молодежное общество «Бірлік». Одним из членов этого объединения стал Сакен Сейфуллин. Вот что он вспоминает в своей книге «Тернистый путь»: «Я познакомился с Шаймерденом, когда приехал в Омск учиться. Потом мы сошлись ближе и стали друзьями. Когда в Омске впервые была создана организация «Бірлік», мы единодушно избрали ее председателем Ш.Альжанова. Он же тогда проявил себя стойким революционером».

Сейфуллин поддерживал тесные дружеские отношения с Альжановым и в осенние дни 1917 года, когда Шаймерден принимал активное участие в организации партии «Уш жуз». О близости Сейфуллина к этой партии свидетельствует газета «Дело Сибири» (Омск) от 20 декабря 1917 года. В этом номере был опубликован список кандидатов в Государственную Думу партии «Уш жуз». В списке из 8 фамилий за №6 значится Сейфуллин Садвокас (Сакен) из Акмолинска. В дни белочешского мятежа, 17 июня 1918 года, Шаймерден был арестован и заключен в Петропавловскую тюрьму, но пробыл там недолго. Вместе с особо опасными политическими заключенными вскоре его перевели в тюрьму Омска. В декабрьские дни 1918 года

Альжанов неожиданно обретает свободу: из Омской тюрьмы его освобождают восставшие партизаны. Но счастливые дни свободы обернулись еще более суровыми условиями тюремного заточения: колчаковцы подавили восстание, Шаймерден же ждала одиночная камера и кандалы. С этого времени призывательство Колчака регулярно запрашивало начальника Омской тюрьмы о местонахождении Альжанова. Последний такой запрос был подан 5 апреля 1919 года. «Довожу до сведения, говорилось в ответном послании из тюрьмы, - что содержащийся под стражей Альжанов числится за Омской следственной комиссией и 10 апреля 1919 года отправлен в Александровскую каторжную тюрьму (г. Иркутск) Альжанов не прибыл: в пути следования партизаны отбили вагон с политическими заключенными, и Шаймерден оказался на свободе. Скрываясь в селах, он пробирается на запад, в родные места. Однажды Альжанов дал о себе знать, написав письмо в Омск. Этот шаг стал его роковой ошибкой, т.к. письмо попало в руки колчаковской контрразведки. Летом 1919 года Шаймерден снова оказался в Омской тюрьме, где вскоре был зверски убит.

Я привела данные лишь одной героической жизни члена партии «Уш жуз». К сожалению, мы мало знаем о судьбах деятелей этой организации, хотя ее история тесно переплетена с историей нашего города. Здесь трагически погибли многие представители этой партии. Все они, вписавшие героическую страницу в летопись края, достойны особой памяти североказахстанцев.

Их судьбы, как и судьбу партии «Уш жуз», еще ждут поиски и исследования краеведов.

2007 г.

АБДРАХМАН АЙТИЕВ

Март 1921 года. На территории Петропавловского уезда еще продолжается карательная операция против восставших крестьян. Это были завершающие дни опустошительной крестьянской войны, которая охватила уезд и привела к полной разрухе, голоду и эпидемиям.

В конце марта на 1-м съезде местных коммун и артелей представитель продкомитета так охарактеризовал обстановку накануне сева: «Ввиду наступления банд организационный аппарат весь поврежден... Большинство работников разогнаны, убиты и слущены в проруби. Мы не можем теперь сказать, в какую волость что требуется, какое количество семян там находится...». На пути к успешной посевной кампании возникло немало и других препятствий. Так, громившие повстанцев части Красной Армии нередко вступали в опустевшие деревни: боясь кары, сельчане покидали насиженные места и семьями уходили за пределы уезда.

Между тем посевными работами было озабочено не только уездное руководство. С не меньшим напряжением за ними следили и из Москвы. Петропавловский уезд, так же как и другие уезды Акмолинской области, относились к немногим районам голодающей тогда России, где был хлеб. Отсюда продовольственные маршруты направлялись в промышленные города страны. В августе 1920 года, едва закончив гражданскую войну, правительство России приняло решение о строительстве в срочном порядке железнодорожной линии Петропавловск-Кокчетав. Дорога должна была стать главной хлебной артерией Западной Сибири. В январе следующего, 1921 года, в результате ударных темпов работы завершилось строительство первого отрезка пути протяженностью 25 верст.

Теперь же крестьянская война прервала и хлебный поток в Россию, и строительство железной дороги. Конторы стройуча-

стков, склады с продовольствием и строительными материалами были разграблены. Многие рабочие пропали без вести, другие погибли. Сложившаяся здесь ситуация требовала чрезвычайных и срочных мер, чтобы наверстать упущенное и вернуться к строительству. Впрочем, такие же меры требовались помимо борьбы с разрухой, голодом и эпидемиями, также и с повальным падежом скота от разбушевавшейся сибирской ящерицы с небывалой преступностью, с нахлынувшим потоком беженцев, в том числе детей-сирот, которые устремились на север Казахстана в поисках куска хлеба, и с многими другими проблемами.

Особо остановлюсь на одной из них, которая хотя и не была связана с экономикой края, тем не менее требовала также беззастенчивого решения. Известно, что 26 августа 1920 года был подписан декрет ВЦИК и СНК РСФСР об образовании автономной Казахской республики. Тогда четыре уезда Акмолинской области (Атбасарский, Акмолинский, Кокчетавский и Петропавловский) временно оставались в ведении Сибревкома до окончательного решения Чрезвычайной полномочной комиссии КазЦИК по присмотру данной территории. Две главные задачи стояли перед комиссией. Во-первых, подготовить условия для проведения управленческой реформы, в результате которой Петропавловск из уездного города должен был стать административным центром губернии. Во-вторых, установить границы этой губернии с Россией.

Крестьянская война намного усложнила работу комиссии Петропавловский уезд и раньше остро нуждался в управленческих кадрах, теперь же, после гибели многих советских работников, административная реформа казалась неосуществимой. Не был решен и вопрос с северо-восточной границей республики.

Вот что сообщал в Оренбург, бывшую столицу Казахстана, посетивший наш город председатель КазЦИК Сейтгали Мендешев: «Прибыв в Петропавловск 19 марта, мы остановились на два дня для ознакомления с состоянием петропавловских уездных учреждений и с положением этого уезда вообще. Из доклада председателя уездного ревкома тов. Барлебена и секретаря укомпарта тов. Смирнова, сообщений других ответственных работников установлено следующее. Советская работа в уезде совершенно расстроена. Наладившаяся было посевная

кампания сорвана... Продовольственная работа сорвана вконец.

Работники, какие есть в Петропавловске, производят хорошее впечатление, но их очень мало. Их совершенно недостаточно не только для развертывания губернских аппаратов, но даже для правильной постановки работы в уездном масштабе. По всему видно, что без переброски работников из других губерний и областей Казахстана не обойтись».

Такая «переброска» кадров была завершена 26 апреля 1921 года, когда вышло постановление Чрезвычайной полномочной комиссии КазЦИК о приеме и организации Акмолинской губернии с административным центром в городе Петропавловске. Документ знакомил с личным составом Акмолгубревкома, о высоком авторитете которого свидетельствовали такие имена, как С. Шарипов, В. Барлебен, А. Асылбеков и другие. Председателем губревкома был назначен член КазЦИК, нарком внутренних дел республики Абдрахман Айтиев.

Как и большинство его коллег, Айтиев являлся активным участником гражданской войны, одним из ярких эпизодов которой была 80-дневная оборона города Уральска. В тот период он служил начальником особого отдела 22-й стрелковой дивизии, защищавшей город от белоказахских войск.

Город Уральск, уральские степи - это родные места Айтиева. Здесь, в ауле Сугурбай Уральской области 120 лет назад, 21 марта 1886 года, в семье кочевника родился будущий государственный деятель. Отсюда в конце 1919 года с поста председателя Лбищенского уездного ревкома Уральской области его призвали в Оренбург для участия в работе Казревкома - первого правительства республики.

Первые признаки возвращения к мирной жизни появились уже через месяц после образования Акмолинской губернии. Вновь оживилось строительство железнодорожной линии Петропавловск - Кокчетав. Снизилась преступность. Главное - возобновился постоянно возрастающий хлебный поток в Россию. Если в первых числах июня он составлял 93 тысячи пудов, то в августе - 795 тысяч пудов зерна. В то лето в Москве впервые была сформирована автомобильная экспедиция Наркомпрода по вывозу хлеба из Акмолинской губернии. В экспедицию входили 160 автомашин, мобилизованных из всех ведомств правительства РСФСР. «Это была небывалая в России на протяже-

нии всей ее истории автоперевозка грузов, - вспомнил какой-то представитель экспедиции. - Работа протекала почти круглосуточные сутки. Тянулись вереницы верблюдов, арб, медвежьи телеги, запряженные волами. Между ними поднималась пыль автомобили и тракторные поезда...» В материальном отношении архива хранится мало документов, характеризующих титанический труд председателя Акмоглубревкома. Пожалуй, главной особенностью его деятельности были постоянные корректировки в связи с новыми проблемами, которые «определяли» жизнь. Так, в начале лета в Петропавловске на фоне еще не затухших очагов тифа с мощной силой неожиданно вспыхнула эпидемия холеры. По этому поводу приведу телеграмму Айтиева от 22 июля 1921 года, направленную председателю Казахстана, ее текст скорее напоминает сводку с места боевых действий: «Город Петропавловск и его уезд признаны неблагоприятными по холере. Холера достигла громадных размеров со смертностью 50%. Для борьбы с эпидемией организован под моим председательством Чекахол, мобилизован весь военно-гражданский персонал. Оборудуется барак на 100 человек, забронирован необходимый материал, строятся водохранилища, усиленными темпами идет прививка против холеры. Закрыт въезд мешочникам из Самарской и Челябинской губерний охваченных эпидемией холеры. Уже въехавшие из этих губерний выдворены принудительными мерами. Организован санитарный отряд. Испытываем острый недостаток в медперсонале».

Но как бы ни был загружен председатель губревкома сложными делами, его ни на минуту не покидала мысль о границе. В областном государственном архиве хранится целый подшивок телеграмм, в которых значатся города Омск, Тюмень, Оренбург, Новониколасвк (ныне Новосибирск), Москва, а также многие другие документы, свидетельствующие об изнурительной и довольно долгой тяжбе, связанной с установлением границы Акмолинской губернии.

В центре пограничных споров был Айтиев. В мае 1921 года он возглавил Представительство Казахстана в Сибревкоме по определению данной границы республики. Вот о чем поведали архивные материалы, рассказывающие, в частности, об установлении границы с Ишимским уездом Тюменской губернии. В январе 1920 года ряд пограничных волостей, расположенных

ни востоке Ишимского уезда, решением Сибревкома были присоединены к Петропавловскому уезду. В мае того же года ВЦИК отменил постановление Сибревкома, и отторгнутые волости вернулись к прежнему управлению. Однако чехарда в руководстве на фоне других бедствий не могла не сказаться на настроении крестьян. Именно в этом районе Ишимского уезда 11 января 1921 года началось мощное антикоммунистическое движение, которое вскоре перекинулось на территорию Петропавловского уезда. В марте 1921 года Сибревком снова принял решение о присоединении тех же волостей (на этот раз временно) к Петропавловскому уезду для беспрепятственного преследования отступавших повстанцев. В начале мая, с установлением мира и порядка, которых в одинаковой степени жаждали теперь противоборствующие стороны, подчиняясь приказу Сибревкома, Айтиев вывел войска из Ишимского уезда. Однако дальнейшие события приняли неожиданный оборот: жители соседних приграничных волостей на своих сходах выразили желание остаться в Петропавловском уезде Акмолинской губернии.

Просьба крестьян побудила Айтиева к новым решительным действиям. Не могла председателя губревкома не тревожить и мысль о непредсказуемости событий в Ишимском уезде, граница которого находилась тогда всего в десяти километрах от Петропавловска. Тем более что в ишимских волостях, ранее охваченных восстанием, ни уездная, ни местная власть никак себя не проявляла.

Заручившись поддержкой представителей ВЦИК, Айтиев 9 июня подписал приказ, на основании которого волости Бугровская, Красноярская, Соколовская, Налобинская и Беловская были присоединены к Петропавловскому уезду. О своем решении председатель губревкома поставил в известность ВЦИК, Совнарком и КазЦИК. «Принимая во внимание настоящее население восточных волостей Ишимского уезда,- сообщалось в одной из его телеграмм, - катастрофическое положение этого района после февральского восстания, плохое обслуживание ишимскими органами в административном и хозяйственном отношениях, неработоспособность органов власти на местах, а также в целях сохранения политической стабильности административное совещание Акмогубревкома признало необходимым принять эти волости в состав губернии и водворить здесь

революционный порядок. Созданный райревком уже приступил к проведению в жизнь необходимых мероприятий».

Энергичные меры Айтиева вызвали бурную негативную реакцию в Тюмени. На следующий день после опубликования приказа в его адрес поступили сразу две срочные телеграммы. Если первая из них выражала категорический протест против ванаго председателя Тюменского губисполкома, то вторая угрожала. «О ваших захватничаниях доведено до сведения Центра, - говорилось в телеграмме. - За могущие быть недоразумения отвечать будете вы!».

Конечно, последнее слово в этом серьезном конфликте было за Москвой. А там не торопились с ответом, чем приводили стороны в состояние сильнейшего напряжения. Точка в спорном споре была поставлена лишь 9 сентября 1921 года. 10 этот день ВЦИК принял постановление о включении пяти местностей в состав Петропавловского уезда Акмолинской губернии КазАССР. Эта важная новость совпала с началом работы первого губернского съезда Советов. Открывая съезд, в своей краткой вступительной речи Айтиев отметил два положительных фактора за период деятельности губревкома, а именно установление мира и спокойствия на территории края и победу над эпидемией холеры. 15 сентября, в заключительный день заседания, поступила телеграмма съезду от строителей железнодорожной линии Петропавловск - Кокчетав, в ней сообщалось о досрочном введении в эксплуатацию рельсовой колесной проходившей до села Сухотино (станция Таинча). Таким образом, была завершена большая часть намеченного железнодорожного строительства.

Съезд избрал Айтиева председателем президиума Акмолинского губернского исполкома. 16 сентября он подписал приказ №1, в котором оговаривалась ответственность каждого члена президиума за решение тех или иных насущных задач времени. В этом документе Айтиеву вменялось руководство губернской комиссией по улучшению положения детей. Именно эта проблема, связанная с массовым непрерывным поступлением детей-сирот в Петропавловск, являлась первоочередной для председателя губисполкома. 19 сентября вышел его следующий приказ, который носил служебный характер. Вот его текст: «Отъезжая сего числа на Краевой Всеказахстанский съезд Советов в городе Оренбурге, заместителем своим

оставляю тов. Смирнова, коему предлагаю немедленно приступить в исполнение обязанностей». Никто тогда не мог предположить, включая самого Айтиева, что эта поездка станет поводом к прекращению его деятельности на североказахстанской земле. Тем не менее руководство республики посчитало целесообразным вернуть Айтиева на прежний пост наркома внутренних дел.

Непросто сложилась его дальнейшая судьба. Айтиев разделил участь многих своих соратников, коллег и друзей, тех, кого сегодня с полным правом причисляют к золотому генфонду нации. Переломным в его карьере стал 1925 год, когда на пост секретаря Казкрайкома партии был назначен Ф.И. Голощекин. Вскоре Айтиев был выведен из состава правительства республики. Далее в его послужном списке начался каскад должностей, масштабы которых из года в год стремительно сужались. Должность, которая стала последней в его жизни - учитель фабричной школы. Конечно, Айтиев не мог не знать, что означает пренебрежение к его личности, к его заслугам перед страной. А тем временем приближался 1937 год - год массовых репрессий и неминуемого трагического финала. Только судьба распорядилась по-своему: тяжело заболев, Айтиев умер 16 ноября 1936 года.

Имя Айтиева широко известно в республике, особым почтом оно окружено на его родине в Уральской области. Думаю, что его имя достойно такого же особого уважения и на севере Казахстана. Его деятельность у нас продолжалась недолго, всего полгода, однако трудно найти в истории края время более сложное, более напряженное, чем то, которое было отмечено созидательной энергией выдающегося государственного деятеля.

2006 г.

«ДОМ АБЫЛАЯ» ВЗЫВАЕТ О ПОМОЩИ

В былые времена, когда туристические группы на улицах нашего города были явлением обычным, пожалуй, ни один памятник истории не привлекал к себе такого внимания горожан и гостей Петропавловска, как этот загадочный, овеянный легендами дом. Дом Абылая. Именно так нарекла народная память это двухэтажное каменное здание со стенами необычайной толщины, сводчатыми палатами и массивной лестницей, разделяющей его на две равные половины.

Конечно, историко-архитектурный памятник не был обделен вниманием краеведов. Но странным образом их поиски приводили к взаимоисключающим выводам. Если весь этот краеведческий материал попытаться систематизировать, то мы получим приблизительно три версии о возникновении и предназначении памятника.

Версия первая. Она принадлежит историку и краеведу, автору большого и основательного труда «Город Петропавловск за 200 лет», Александру Игнатьевичу Семенову. В годы сталинских репрессий ленинградский ученый отбывал в Петропавловске с 1939 по 1955 год. Так вот, Семенов считал, что здание построено не для хана Абылая, а для его сына - хана Вали. Известно, что султан Вали венчался на ханство в Петропавловской крепости первого ноября 1782 года. После описания этих событий далее читаем в книге Семенова: «По утверждению Вали ханом на верхнем Петропавловском форштадте для него был построен каменный дом. С тех пор в Петропавловске находилась зимняя резиденция хана Среднего жуза».

По каким-то причинам такая версия не получила поддержки у наших краеведов. Зато другая информация, начисто отрицающая ханское происхождение дома, стала доминирующей.

Версия вторая. Еще в 1913 году у нас вышла в печати тоненькая книжечка под заголовком «Краткий исторический очерк города Петропавловска Акмолинской области».

Это была первая попытка изложить в хронологической последовательности исторические факты. Очерк написал также отбывавший ссылку в Петропавловске (только при другом режиме) бывший народоволец, врач по профессии Леонид Андреевич Кузнецов. В очерке впервые сообщалось, что двухэтаж-

Военный лазарет, 1913 г. (дом Абылая)

ный каменный дом - это военный лазарет, построенный в 1829 году. Действительно, в начале XX века здесь находился лазарет. Однако за точность фактов всей предшествующей истории здания Кузнецов не мог поручиться по простой причине: у него не было документов. Дело в том, что в пожаре 11 мая 1849 года сгорел весь городской архив и в распоряжении автора очерка были материалы более позднего времени.

Возможности же работать в архивах других городов у Кузнецова, конечно, не было.

Если же принять за истину его информацию, то возникает ряд вопросов.

В 1829 году весь Петропавловск размещался под горой, или в нижнем форштадте. При этом город был окружен земляным валом и рогатками. У городских ворот дежурила охрана. Особый режим Петропавловску диктовал его пограничный статус, а во второй половине двадцатых годов XIX столетия - еще и внешние обстоятельства. Именно в эти годы началось освободительное движение в казахской степи. В эти же годы в крепости велось строительство оборонительной кирпичной стены и кирпичных казарм. Можно ли предположить, что в этой тревожной обстановке на горе, за пределами города и на порядочном расстоянии от крепости, за таможней и меновым двором было задумано строительство лазарета? И это в то время, ког-

да в Петропавловске уже были два госпиталя. Один находился в крепости, другой - в подгорной части.

Однако версия о лазарете оказалась у нас самой популярной. Основным козырем у тех, кто ее поддерживал, было отсутствие каких-либо документов, подтверждающих проживание здесь хана Абылая. Действительно, таких документов быть не может, потому что не мог властелин независимого тогда Казахстана «проживать» на пограничной линии, т.е. на территории чужого государства. Другое дело - быть почетным гостем. Особенно в дни ярмарок.

Кстати, торговля в крепости была открыта по инициативе тогда еще султана Абылая. Как свидетельствуют документы в 1765 году специально для казахского хана соорудили рядом с крепостью «посольный дом». Он стоял за гостиним двором, торговыми рядами для иноземных купцов. Центр гостиним двора находился там, где сегодня проходит улица К. Сутюшева, между улицами Пушкинской и Революционной (ныне ул. Вознесенская).

Как видим, места памятника и «посольного дома» совпадают.

Версия третья. Практически ни один биограф хана Абылая не сомневается в том, что «белый дом» - это своеобразная гостиница для казахского хана. Подтверждение этой версии мы находим и в автобиографической трилогии «Школа жизни» нашего земляка Сабита Муканова: «Видишь над самым обрывом большое белос здание? - спросил меня Бакен. - Это здание известно как «белый дом Абылая». Рассказывают, что его построили и подарили Абылаю по велению русского царя... Раньше он служил караван-сараем...».

Однако такое единодушие во взглядах на историко-архитектурный памятник совсем не означает, что все тайны его разгаданы.

Так, ряд краеведов высказал предположение, что именно в этом здании останавливался Шокан Уалиханов по пути в Кокчетавский уезд, в родовое имение. Были и другие предположения, догадки, вопросы.

Только теперь все это в прошлом. А что же в настоящем?

Как это ни прискорбно, но приходится констатировать, что историко-архитектурный памятник республиканского значения

постигла та же участь, как и многие другие памятники города рангом пониже.

Долгое время здание находилось в ведении воинской части. Теперь военные ушли, и бывшее штабное помещение оказалось бесхозным. И хотя стоит оно в глубине двора, это не спасло его от разграбления.

Сегодня от памятника остались только стены. Их пока не трогают: вывозу кирпича мешают снежные заносы. Думаю, у нас есть еще немного времени, чтобы спасти безмолвного свидетеля нашего далекого прошлого от полного уничтожения. Завтра будет поздно...

2001 г.

ХАН АБЫЛАЙ В ЛЕТОПИСИ ПРИИШИМЬЯ

На территории Петропавловска в районе старого драматического театра вот уже несколько месяцев ведутся работы по восстановлению историко-архитектурного комплекса «Резиденция Абылай-хана». Возведение мемориального комплекса - это дань нашей истории, древние страницы которой уходят к восемнадцатому столетию. Памятник, несомненно, станет мощным толчком в поисках историков и краеведов новых источников знаний о далеком прошлом, хранящем в себе еще немало тайн о личности и времени Абылая.

История Петропавловской крепости, положившей начало нашему городу, неразрывно связана с именем могущественного хана Среднего жуза Абылая. В ту пору (в середине XVIII века) не было в степи более авторитетного имени, чем имя Абылай.

*... Ты многочисленных калмыков
Подчиниться себе заставил.
Ты боевой свой верный топор
Золотом украшал.
Рожью откармливая коней,
Силы ты их поднимал.
И над всей огромной степью
Дух твой грозой бушевал...*

Так писал о знаменитом хане его современник Бухар-Жанрау.

Абылай не любил посещать опоясавшие степь российскими пограничными крепостями, хотя там всегда его ожидал пышный прием. Исключением была лишь Петропавловская крепость.

Еще до начала строительных работ к Абылаю прибыла специальная делегация, чтобы получить разрешение на возведение этой крепости. Благоклонный ответ россиянам нужен был не только потому, что Абылай, будучи тогда еще султаном, решал вопросы внешней политики Среднего жуза, но и потому что его улусы кочевали по рекам Тобол и Ишим.

В октябре 1759 года, когда еще не завершилось строительство крепости, Абылай уже ходатайствует об открытии здесь торговли со степью. Причем к этому времени меновая торговля с кочевниками была налажена в Оренбурге, Орске, Омске Ялуторовске и других крепостях.

Когда однажды Россия потребовала от Абылая передать одного из его сыновей в качестве заложника, то получила твердый ответ: служить аманат будет только в Петропавловской крепости! Не менее категорично Абылай указывал в своих письмах на Петропавловскую крепость как на место вручения ему знаков ханской власти.

Можно продолжать перечень документальных фактов, подтверждающих постоянную связь с Петропавловской крепостью не только самого Абылая, но и его потомков. Об этой связи свидетельствует и овсянный легендами уникальный памятник - Дом Абылая.

Конечно, предпочтение, которое оказывал Абылай Петропавловской крепости, объяснялось ее близостью к его владениям. Чтобы достигнуть крепости, требовалось всего два дня конного пути.

Неудивительно, что Абылай был частым гостем ярмарок в Петропавловской крепости. До начала XIX века ярмарки носили международный характер и проходили с пышными торжествами: вывешивались национальные флаги, устраивались народные гулянья, организовывались праздничные обеды со взаимными посещениями знати и командования крепости и т.д. Одна из самых продолжительных ярмарок - Петропавловская. Она начиналась 25 июня и заканчивалась 1-го августа. Во вре-

мя ярмарок и не только, т.к. торговля на меновом дворе продолжалась круглый год, знатные гости проживали в специально построенной для этой цели гостинице (посольском доме).

Об участии Абылая в Петропавловских ярмарках косвенно свидетельствуют архивные материалы, а также одно из любопытных сказаний того периода, которое нередко приводят в своих работах историки. Вот строки из этого рассказа: *«Однажды, во время пира у Казбек-бия, джигиты решили подшутить над Абылаем и один из них палкой сбросил с его головы шапку. Абылай, не подняв ее, молча удалился. Спустя некоторое время, в период ярмарки в Кзылжаре, по приказу Абылая были схвачены родственники обидчиков...».*

(Р.Б. Сулейменов, В.А. Моисеев. «Из истории Казахстана XVIII века», Алма-Ата, 1988 г.)

Богатая история взаимоотношений между Абылаем и руководством крепости, казалось, должна была подвигнуть краеведов на творческие поиски и исследования. Но этого не произошло. Главным образом по идеологическим причинам. Абылай и его время не получили отражения в трудах наших краеведов. Я имею в виду публикации советского времени. Но такой труд, охватывающий данную тему, у нас все-таки есть. Правда, он не опубликован и хранится в виде экспоната в областном историко-краеведческом музее. Это научная работа «Продвижение царизма в Северный Казахстан во второй половине XVIII века». Ее автор - замечательный историк, археолог и краевед Александр Игнатьевич Семенов. Семенов - единственный в области и один из первых в республике, посвятив немалую долю своих исследований Абылаю, высоко оценил его политическую и государственную деятельность.

В своей работе ученый хану Среднего жуза отвел целую главу. Этот труд объемом в 133 страницы был задуман автором как диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, но, к сожалению, защита из-за драматических обстоятельств не состоялась. В работе Семенова описана целая галерея исторических персонажей того времени, но главная роль отведена Абылаю. Характерно, что «Продвижение царизма» было написано в самый тяжелый период Великой Отечественной войны: в 1942-1943 гг. Несмотря на давность событий, работа краеведа являлась удивительно созвучной време-

ни. Ведь для народа страны война была за свободу и независимость. Абылай же для казахского народа был олицетворением этой борьбы.

Вот какую характеристику дает Семенов Абылаю: «*Из выдающейся личностью очень интересовалась царским воеводством. Никто на сибирских линиях не проявлял к себе такого внимания царизма, как Абылай. В глазах русского правительства привлечение Абылая на свою сторону означало начало наложение колониальной опеки на всю Среднюю Орду.*

Абылай остерегались, не верили его заверениям, следовали за ним и в то же время всячески старались привлечь на свою сторону. Абылай держал себя гордо, никогда рабски не заискивал, а наоборот, давал понять, что он не намерен пресмыкаться перед царизмом. Абылай проявил огромную самостоятельность по отношению к России и до самой смерти не примирился с колониальной политикой царизма».

Являясь непримиримым защитником своих соплеменников Абылай не оставлял без последствий любые нанесенные им обиды. В этой связи Семенов подробно рассказывает о конфликте между Абылаем (тогда еще султаном Среднего жуза) и начальником гарнизона Петропавловской крепости генерал-майором Девицем. Девиц обогащался за счет торговли, грубо отбирая с помощью караульных товар у торгующих казахов. Сначала Абылаю не удавалось вернуть похищенный товар. Его заявления начальнику гарнизона оставались без ответа. Тогда султан пошел на хитрость: он предлагал Девицу одну треть украденного оставлять у себя, а остальную часть товара передавать владельцам. В этом случае пропажа всегда находилась. Однажды произошел случай, который положил конец терпению Абылая: во время торгового случая были угнаны 40 лошадей, а сопротивлявшихся хозяев ранили выстрелами из ружья. Вскоре благодаря Абылаю злоупотребления Девицы всплыли и стали известны царским чиновникам на сибирской линии от Омска до Оренбурга. Абылай обратился с письмом к командиру Сибирского корпуса Шпрингеру, а затем, не дождавшись ответа, к Оренбургскому губернатору Рейнсдорфу. В конце концов дело Девицы рассматривалось в Коллегии иностранных дел. Шприн-

гер был отстранен от должности (Девиц умер во время расследования в 1771 году), нового же командира Сибирского корпуса губернатор Рейнсдорф предупреждал: *«Сей Орды киргис-кайсаки приведены в разврат бывшим перед сим на сибирской линии покойным генерал-майором Девицем разными неприятными с ними обращениями, по причине чего они, киргисцы, от того времени при здешних границах злодействуют»*. Эпизод, приведенный Семеновым из истории торговых взаимоотношений, думаю, убедительно свидетельствует не только о том, что Абылай был активным участником торговли в Петропавловской крепости, но и зорко следил за правилами менового торгова.

Начиная с конца шестидесятих годов XVIII века все явственнее становится охлаждение Абылая к России. Этой перемене в настроении Абылая Семенов дал такое объяснение: *«В последние годы своей жизни Абылай, нагнав себя на «гуманные» способы проникновения царизма в степь, на грабительский характер военно-торговой колонизации, испытывал горькое недовольство русскими порядками и стал пренебрегать своими связями с военной администрацией. Его письма на имя русских властей сделались заносчивыми, едкими, не лишенными злой сатиры. Чувствовалось, что старик огорчился, что ему нанесли тяжелые раны»*.

На такие перемены в поведении Абылая Россия отреагировала усилением шпионажа. Причем в разведчики, которые теперь следили за каждым шагом Абылая, вербовались не только царские служащие, но и недруги из казахов. В числе других Семенов приводит тайные донесения Арапова - толмача (переводчика) Абылая и батыра Атагайского рода Кулсары. В 1771 году без ведома России Абылай был провозглашен ханом Среднего жуза. Это событие еще более обострило отношения хана с царской администрацией. Яркой тому иллюстрацией служит его переписка с губернатором Рейнсдорфом по поводу русского венчания на ханство. В начале 1779 года Рейнсдорф от имени императрицы Екатерины II пригласил Абылая в Оренбург для совершения обряда возведения в ханы и получения ханских знаков: собольей шубы, лисьей шапки и сабли. На это предложение Абылай пренебрежительно ответил, что дальше

Петропавловской крепости для этой церемонии не последним. Однако Рейнсдорф настаивал. В результате 13 мая 1779 года Абылай обратился к губернатору с письмом, которое Семенов почти полностью приводит в своей работе: «...Ваше Высочайшее восходительство писать изволили, что Петропавловская крепость состоит не в вверенной Вам губернии и потому Вы со мной свидания, яко в другой иметь не можете. Но разве та Петропавловская крепость не под властью Всемилостивейшей государыни, или Вы, оную гнушаясь, быть и хотите? Итак, прошу сие Вас в Петропавловскую крепость требование принять за благо, а в прочем состоит и по Вашей. А я кроме Петропавловской крепости никуда, и ни под каким видом ехать не могу. Мне на такое дальнее расстояние одному ехать никак не возможно. Ибо у нас того не узаконено, так как в России, чтоб брать с народа поводы и пищу. А только в обычай у нас вошло, то хотя и дальнее или ближнее бы было расстояние, имеют все наши солданы и простой народ своих собственных лошадей и запас...».

После такого ответа Рейнсдорф вынужден был доставить знаки ханской власти в Петропавловскую крепость. Но Абылай не поехал в крепость за царскими дарами, а в следующем, 1780 году перекочевал со своими аулами под Ташкент. Вся церемония возведения Абылая в ханское достоинство со стороны России ограничилась лишь вручением царской грамоты, которую в 1779 году доставил в ставку хана командующий Сибирским корпусом Огарев.

«Военная администрация почувствовала, что Абылай ускользает из поля зрения, - пишет Семенов, - что его независимое поведение идет наперекор интересам царизма. И тогда в Петербурге возник проект заговора против Абылая, поддержанный Оренбургским губернатором и сибирским командованием».

Непосредственными руководителями заговора стали Огарев и Рейнсдорф. Семенов приводит их тайную переписку, которая свидетельствует о серьезной и тщательной подготовке к свержению хана. Уже в середине 1780 года был разработан Огаревым конкретный план действий: «Первое, старшине подвластным им народом склонить к отложению совсем

от него Абылая и постановить им главнова начальника оругова, который бы был ему всегда соперником. А от нападения Абылая, когда он увидит непослушание, делать подкрепление со стороны российских войск, посылкою с Сибирской и Оренбургской линий казаков и башкирцев. А между тем, старатца приласкать и уговаривать к супротивлению весь киргиский народ, торгующий по Сибирской линии, для чего нужно иметь доверенных и надежных людей-переводчиков.

Второе, в той же Орде кочуют от Омской крепости вверх по реке Иртышу брат его Абылая, Салтамамет-солтан и племянники Урус и Иман. Оных же от этих мест отлучить так, чтобы известно не было... А всего бы удобнее было естли б и самово ево Абылая удалось сопернику в руки своя получить и взять онаго к задержанию в России, через што и вставший бы ево народ мог совсем приттить в лучшее послушание...»

Но свой коварный замысел заговорщики осуществить не успели: в марте 1781 года Рейнсдорф получил известие из Ташкента о смерти Абылая.

Я провела краткий обзор только тех страниц научного труда Семенова, которые посвящены Абылаю. Но думаю, что уже эта часть его диссертации «Продвижение царизма в Северный Казахстан во второй половине XVIII века» ставит ее в особый ряд лучших исторических работ республики. Это честный, независимый труд ученого, результатом глубоких архивных поисков которого стали открытия ранее неизвестных исторических фактов.

В заключение не могу не подчеркнуть, что, к сожалению, диссертация «Продвижение царизма», так же, как и книга Семенова «Город Петропавловск за 200 лет», широкому кругу читателей недоступна. В 1955 году, когда у Александра Игнатьевича закончился срок ссылки, которую он отбывал в нашем городе, Семенов передал эти две работы в областной историко-краеведческий музей с надеждой, что они дойдут до читателя. С тех пор прошло более полувека, уже давно нет в живых автора книг, а его работы продолжают лежать в рукописном виде в фондах музея.

2006 г.

БУХАР-ЖЫРАУ

(Оплакивание хана Абылая)

*Он заставил чтить свой закон,
Племена Церена, Эренчи
И разбил, и рассеял он.
Счастья ангелом вознесен,
Юрту белую, хана жилые,
Он поставил, дивя людей,
Не жалея булатных гвоздей.
Укрепил он шанрак ее.
А на озере Жасыл-коль
Он созвал всех беков своих,
И наполнил священной водой
Он все медные чаши их.
Оловянные кольца он вбил
И из золота посох отлил.
Был кумыс его крепок силой своей,
Он в сабе из кожи его хранил.
Из фарфоровых чаш он поил гостей.
Он украсил сиденье свое вокруг
Деревянной искусной резьбой
И покрыл позолотою свой сундук.
А всех собранных им богатств земли,
Что прислужникам вьючить уже невмочь,
Сорок тысяч верблюдов сvezти не могли.
Разводил он бесчисленные стада,
Табунами привык любоваться всегда.
Привозили дары ему на возах,
Юрта в черных была соболях,
А тундук был в ценных коврах.
О Аблай, богател твой народ,
Ты в богатых местах дал пасти ему скот,
Ты гостей принимал под сенью шатра,
Угощеньем была им мяса гора.
И ко всем твоя милость была щедра.
Так кому же зреть бога, как не тебе,
Проводившему жизнь с врагами в борьбе.*

ДОМ АБЫЛАЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ, ВЕРСИИ И ДОВОДЫ

Это здание в советский период, как всем местным краеведам давно известно, имело двойное обозначение: в списках историко-архитектурных памятников оно числилось как военный лазарет, построенный в 1829 году, в то же время упорно жила легенда о том, что это строение имеет более древнюю историю, связанную с именем Абылая.

О широком распространении такой народной молвы, пожалуй, убедительно свидетельствует статья, опубликованная в областной газете «Ленинское знамя» за 17 апреля 1982 года под заголовком «Легенда и быль о белом здании». Ее автор - историк с богатейшим опытом краеведческой работы, преподаватель Петропавловского педагогического института Михаил Иванович Бенюх (1917-1994 гг.). В своей публикации М.И. Бенюх поставил задачу развеять легенду о белом здании и, опираясь на архивные материалы, убедить читателей в том, что к архитектурному памятнику Абылай не имеет никакого отношения.

«Архивные документы указывают, - писал Михаил Иванович, - что в 1764 году Абылай, переписываясь с русской администрацией по поводу сооружения своих «хором», наметил и место для них - в семи верстах от речки Кылшакты в урочище Енгистау.

Приведенное в документе выражение «против крепости», распространенное в 18 веке как указание на местоположение объекта относительно сторон света, стало пониматься буквально - «около крепости» - и «Дом Абылая» «переместился» со степных ковыльных пространств, орошаемых тихой с широкими плессами речкой Кылшакты, на кругой ишимский берег у стен крепости святого Петра...».

Однако, несмотря на документальную аргументацию маститого краеведа, статья вызвала ряд вопросов. Например: почему же тогда возникла и живет вот уже более двухсот лет легенда о «Доме Абылая»? Не говорит автор и о различных версиях легенды, одна из которых называет «Домом Абылая» специально построенную для него гостиницу («посольский дом») в том же 1765 году. Но самое главное, ничего не говорится в

статье о том, что за несколько десятилетий до этого (в период хрущевской «оттепели») очень серьезно поднимался вопрос об этом историческом здании, и тогда краеведы пришли к совершенно иному мнению.

Первым, кто усомнился в правильности определения назначения архитектурного памятника, был историк, археолог и краевед Александр Игнатьевич Семенов.

В 1949 году, работая старшим научным сотрудником областного историко-краеведческого музея, А.И. Семенов составил первый список памятников города. При описании военного лазарета ученый обратил внимание на то, что здание неоднократно перестраивалось и имело явно мусульманское прошлое. Тогда, характеризуя лазарет, А.И. Семенов внес такой комментарий: «По преданию, в этом здании до его перестройки жил сын Абылай-хана - Валихан».

Через три года в своей книге «Город Петропавловск за 200 лет» Александр Игнатьевич уже уверенно пишет о том, что двухэтажный каменный дом принадлежал хану Вали в качестве зимней резиденции. Примечательно, что книга А.И. Семенова хотя и не была издана, но прошла проверку многих ученых республики и не вызвала нареканий по данному поводу.

Версия А.И. Семенова была поддержана многими краеведами Казахстана, в том числе и директором Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея Константином Сергеевичем Ушковым. В своей статье «Этапы истории» («Ленинское знамя» за 5 января 1968 года) К.С. Ушков пишет: «На верхнем предместье города для Валихана был построен каменный дом. До 1821 года это была его зимняя резиденция». Эта версия о памятнике и сегодня популярна среди ученых республики. Свидетельством тому может служить последняя книга известного историка и краеведа Виля Зайнуловича Галиева «Библиотеки и культурная жизнь Казахстана в 19-20 веках» (Алмагы, 2005 г.). В разделе, посвященном истории Петропавловска, есть такие строки автора: «Здесь 1 ноября 1782 года был совершен торжественный обряд утверждения султана Валиханом. В верхнем предместье ему построили каменный дом, в нем и находилась зимняя резиденция хана».

Из книги А.И. Семенова мы можем сделать вывод, что место для строительства ханского дома было выбрано не случайно: в этом районе города, на территории нынешней ули-

цы Карима Сутюшева (ее дореволюционное название — Караванная) между улицами Пушкинской и Вознесенской находился меновой двор. Здесь велась торговля с кочевниками. По сложившемуся обычаю меновой или гостиный двор строился вместе с гостиницей и мечетью. Еще до сегодняшнего дня живут предания о существовавших в этой черте города мечети и мусульманском кладбище (на месте 1-го Кузнечного переулка).

Таковы итоги исследований республиканского памятника архитектуры за советский период. К сожалению, они основывались главным образом на легендах и воспоминаниях, так как в результате пожара в Петропавловске в 1849 году все документы на каменный дом в верхнем предместье города были утрачены.

В начале 2006 года началась новая жизнь памятника: по инициативе бывшего акима области Таира Мансурова были развернуты реставрационные работы по восстановлению важного исторического объекта. Целью руководителя региона, надо думать, являлось воздание должного памяти истории, и прежде всего - имени великого Абылая. Однако решение акима не всеми было принято однозначно. В первую очередь смущало название строительного комплекса: «Резиденция хана Абылая». Признание наличия резиденции хана в Петропавловске означало коренной переворот всей истории абылаевского периода. Достаточно напомнить, что большинство историков республики считает, что начиная с 40-х годов 18 века Абылай вообще не посещал российские крепости, и только единицы ученых признают, что хан навещал ярмарки в Петропавловске.

Кроме того, дом, построенный Абылау в 1765 году, никак не мог стать «резиденцией хана», поскольку в то время он был еще султаном. Как известно, Абылай венчался на ханство в Туркестане в 1771 году, причем втайне от России. Но самое главное - петропавловская «резиденция» коренным образом меняет весь облик и характеристику хана - неистового борца за независимость Казахстана, осторожного политика, ведущего тайную дипломатию против России.

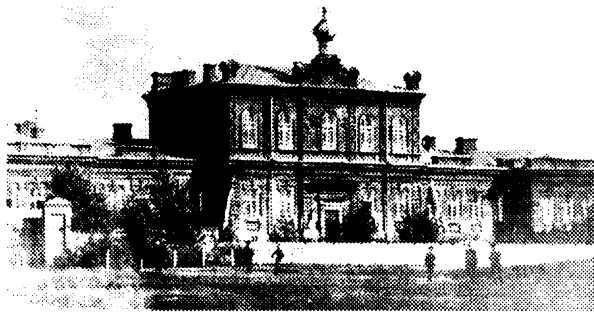
Можно ли представить властного, свободолюбивого Абылая в резиденции, обозреваемой военными чиновниками Петропавловской крепости? Причем в такой резиденции, которая находилась бы на территории Российской Империи и отделяла

бы хана от своего народа тогдашней десятиверстовой порочной полосой? Конечно, Россия старалась «приручить» хана, но если бы даже ему построили золотой дворец на чужой территории, Абылай не вошел бы в него. Да и как бы Абылай владел в глазах своих соплеменников - степняков, находившихся по сути дела, в российской военной крепости, как если бы он оказался при первом же волнении или восстании в степи безжалостно под защиту своей покровительницы - российской императрицы? Думается, что ему, военному стратегу, привыкшему к родной степи и широте просторов, было бы не по душе находиться среди ограниченного березовыми рощами и многочисленными солеными озерами пространства крайних северных регионов Казахстана.

Мы не знаем, как возникла идея о «резиденции», удивило лишь то, что с опровержением такого факта в истории страны среди ученых мужей выступил лишь один человек - профессор Северо-Казахстанского государственного университета им. Мамаша Козыбасва Заркын Сыздыкович Тайшибай. В своем интервью республиканской газете «Туркестан» (на казахском языке) от 18 января 2007 года, говоря о месторасположении «Дома Абылая», З.С. Тайшибай, ссылаясь на архивные материалы, привел следующие факты: «Осенью 1765 года в 250 км от Петропавловска на берегу реки Кышлакты, в местечке Жанакыстау, по специальному проекту Абылаю построили четыре здания. Схема-план этого сооружения у нас в руках. Пять комнат, каждая жилая комната составляет 38,2 кв.м, 28,4 кв.м - кабинет, такая же площадь гостиного дома и бани... Проект составил, утвердил и одобрил начальник Сибирской линии И Шпрингер. В последующие годы больше дома для султана Абылая не строили».

Мы привели эту выдержку из интервью, чтобы сравнить ее с аргументами М.И. Бенюха. Как видим, они полностью совпадают. Таковы версии и доводы об истории этого ставшего знаменитым памятника. Остается вспомнить лишь старый латинский девиз: «Temporis filia veritas» (Истина - дочь времени). Рано или поздно история все расставит по своим местам, а скрытое и непонятное для нас сегодня так или иначе станет явным.

2008 г.

**ЯРОСЛАВ ГАШЕК
В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ**

«ЗДЕСЬ МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА»

30 апреля исполнилось 125 лет со дня рождения чешского писателя Ярослава Гашека, автора знаменитого романа «Похождения бравого солдата Швейка». По единодушному мнению литературных критиков, жизнь писателя была не менее гениальна, чем его творчество. При этом самые лучшие, яркие и счастливые годы он провел в России. Это были 5 незабываемых лет: с 1915-го по 1920 год.

Есть в российской биографии писателя и петропавловская страница. Не случайно одна из улиц нашего города носит его имя. А всего каких-то 20 лет назад прохожие Петропавловска могли обозревать мемориальную доску на доме по улице Пушкинской с такой надписью:

«В этом здании в ноябре 1919 года жил и работал крупнейший чешский писатель-коммунист Ярослав Гашек». Какие же пути дороги привели уроженца Праги в далёкий Петропавловск?

Началом такого пути стал чешский город Будейвицы. Здесь, в феврале 1915 года, в период первой мировой войны, был сформирован 91-й чешский пехотный полк, в котором начал воинскую службу писатель.

Я. Гашек, как и многие чехи, всячески сопротивлялся призыву в армию. В те годы Чехия находилась под властью Австрии и жила надеждой на освобождение от национального гнета с помощью русских штыков. Но выражению писателя, «умирать на поле брани за своих поработителей могли только идиоты». Я. Гашека долго разыскивала призывная комиссия, когда же он под конвоем был доставлен в мобилизационный пункт, то заявил врачам, что у него «размягчение мозга».

Потом он симулировал ревматизм и лечился в военном госпитале несколько месяцев, придумывая другие болезни, и вообще «валял дурака». «В конце концов, - вспоминает писатель,

Я. Гашек

- меня, наверное, расстреляли бы, если бы я не изъявил добровольного желания идти на фронт». Теперь перед Гашеком стояла задача поскорее сдаться в плен русским. Первая такая попытка завершилась анекдотичной историей в духе приключений храброго солдата Швейка. Однажды Я. Гашек, исполнявший обязанности связиста роты, вблизи линии фронта натолкнулся на группу русских солдат. Гашек быстро поднял руки и на чистом русском языке крикнул, что готов сдаться в плен. Но тут произошло неожиданное: русские также подняли руки и стали проситься в плен, проклиная войну и тяжелые условия на позициях. Несколько минут противники стояли друг против друга с поднятыми руками. Между тем русских пленных становилось все больше и больше. Пришлось уступить большинству.

Возвращение Гашека во главе пленных (около 300 человек) вызвало панику в командном пункте. Командир полка решил, что русские прорвали фронт, и бежал, за ним последовало и командование бригады. Когда же обстановка прояснилась, Гашека провозгласили героем, наградили серебряной медалью и двухнедельным отпуском.

Но писатель вместо отпуска отправился на передовую и 24 сентября 1915 года в бою у села Харупан, в 100 километрах от Львова, вместе с другом Страшлинкой, перешел границу. В этом бою 91-й полк потерял 135 солдат убитыми, 285 ранеными и 509 пропавшими без вести.

В начале июня 1916 года из ворот Тощкого лагеря для военнопленных торжественно, с трехцветным чешским знаменем, вышла колонна чешских и словацких добровольцев. Они направились в Киев, где формировались чехословацкие полки легионеров, входивших теперь в состав российской армии. В числе добровольцев – Ярослав Гашек. Чехословацкие воинские части отличались в бою особым героизмом, численность их постоянно росла. Приказом по 1-му стрелковому полку имени Яна Гуса от 21 октября 1916 года за заслуги в бою под Тернополем Я. Гашек был награжден Георгиевским крестом IV степени.

Октябрьская революция резко изменила тактику и стратегию корпуса, который к этому времени уже насчитывал до 40 тысяч легионеров. Его руководство объявило себя частью французской армии и перешло на сторону контрреволюции.

18 февраля 1918 года Национальный совет корпуса заключил договор о нейтралитете с немецким командованием и следовательно фактически без боя, Киев, где ранее была установлена советская власть. Эти события потрясли Гашека. Он самовольно покидает корпус и отправляется в Москву, в военный комиссариат, чтобы понять, что происходит и какую ему занять позицию.

Москва встретила писателя многочисленными митингами на которых обсуждался один из актуальных вопросов времени об участии иностранцев в русской революции. Так случилось, что 12 марта 1918 года Гашек дважды слушал речь Ленина призывавшего иностранных граждан поддержать советскую власть, которая должна стать началом победы пролетариата во всем мире.

О том, какое впечатление произвело на писателя выступление Владимира Ильича, можно судить по тому, что уже через две недели он стал членом чехословацкой секции РКП (б) в Москве. В листовке, которая была напечатана в эти дни, «К всем чехословакам» Гашек писал: «Мы должны остаться здесь!.. Мы – потомки таборитов, первых в Европе социалистов-коммунистов. Наше место здесь, а не на Западе! Мы должны помочь России».

Порвав с корпусом, Гашек обратился к его руководству с официальным письмом: «Настоящим сообщая, что я не согласен с политикой Чехословацкого Национального совета и с отъездом нашего войска во Францию. Сим заявляю, что я выбываю из чешского войска...»

Примечательно, что Гашека поддерживали многие чехи и словаки в России, в том числе и те, которые находились в нашем городе. В годы первой и гражданской войн чешская речь часто звучала на улицах Петропавловска. Здесь располагались резервные воинские чехословацкие части, сформированные из бывших военнопленных. Весной 1918 года в Петропавловске была организована чешская фракция при Международной социал-демократической организации. Об этом свидетельствует информация, напечатанная в местной газете «Известия Петропавловского Совдепа». Эта же газета не раз публиковала сообщения о концертах чехословацкого духового оркестра. Вот что было напечатано в «Известиях...» за 11 мая 1918 года: «Сегодня в Народном театре состоится концерт чехословацкого оркестра 6-го стрелкового полка, сражавшегося в рядах рус-

ских революционных войск против немецко-гайдамацких отрядов. Участвует весь оркестр в составе 60 человек. Судя по первому концерту, данному оркестром в городском парке, в первый день Пасхи, выступление обещает быть очень удачным и разнообразным».

Через 20 дней после этой публикации в Петропавловске была свергнута советская власть в результате чехословацкого мятежа. Но вот что любопытно: во вновь издаваемой газете «Приишимье» продолжали печататься сообщения и восторженные отзывы о концертах чехословацкого оркестра. О судьбе же чешских социал-демократов газета умалчивала.

Выход Гашека из чешского войска вызвал яростное негодование командования корпуса. Ведь Гашек был не простым легионером: в Чехии его знали как талантливого писателя-сатирика. Он продолжал публиковать юморески, рассказы, фельетоны и т.д. в России в чешских изданиях.

Командование корпуса находилось уже в Омске, когда было принято решение об «измене» Гашека. Вскоре после падения здесь советской власти председатель полевого суда подписал ордер на его арест: «Ярослава Гашека, бывшего добровольца 1-го чехословацкого полка имени Яна Гуса, редактора газеты «Чехослована» в Киеве, члена редакции газеты социал-демократов «Походень» («Факел») в Москве, организатора красноармейского отряда в Самаре, обвиняемого в многократной измене государственным интересам чехословацкой нации. Всем участникам чехословацкого движения строжайше приказывается арестовать Я. Гашека, где и когда бы он ни появился, и под усиленной охраной доставить в полевой суд чехословацкого войска».

В тот момент, когда подписан был ордер на арест писателя, Гашек, один на вражеской территории, пробирался нехожеными тропами к своим. Его неблизкий, полный опасности и фантастических приключений путь лежал из Самары, где хозяйничали «белые», в Симбирск, в Реввоенсовет Восточного фронта. Однажды в дороге Гашек столкнулся с белогвардейским патрулем и лишь чудом избежал ареста, представившись полумным сыном немецкого колониста из Туркестана.

В первых числах сентября 1918 года, едва державшийся на ногах, он наконец предстал перед членами Реввоенсовета, заявив о горячем желании служить русской революции. Гашек был

убежден, что революционный огонь России обязательно перекинется на другие страны и принесет свободу народам мира, в том числе и его родной Чехии. Об этом говорил В.И. Ленин

В октябре 1918 года писатель облачился в красноармейскую форму только что сформированной в Симбирске 5-й Красной Армии. Трудно назвать все должности и общественные нагрузки, которые исполнял Гашек, пройдя боевой путь 4-й Армии от Волги до Байкала: редактор и издатель армейских газет, печатавшихся на многих языках мира, начальник интернационального отделения Политотдела Армии, секретарь комитета коммунистов-интернационалистов, заместитель начальника Политотдела, журналист, лектор и т.д.

Сам Я. Гашек о своей армейской службе в письме к другу писал: «От Симбирска до Иркутска я шел с армией, таща на своих плечах уйму разных серьезных партийных и административных обязанностей... Если бы я пожелал рассказать и описать, какие «должности» занимал, то мне, признаться, не хватило бы того небольшого запаса бумаги, который остался у нас... Я не ропщу – все это необходимо для революции».

Характерно, что Гашек легко вписался в красноармейскую среду, нередко повторяя, что Россия стала его второй родиной. Бойцы Армии его уважительно называли на русский манер «Ярослав Осипович». Впервые в жизни, будучи журналистом и редактором, Гашек начал писать на русском языке. Первой такой публикацией стал фельетон «Дневник уфимского буржуа», напечатанный в феврале 1919 года в армейской газете «Новый путь». Наконец, Гашек встретил и полюбил русскую девушку, работницу типографии, Шуру Львову, которая впоследствии стала его женой.

Несмотря на невероятную загруженность в работе, писателя неизменно отличало неистощимое чувство юмора, заражающее весельем окружающих. Вот что вспоминает командир батальона интернационального полка Матэ Залка: «... в присутствии Гашека оставаться мрачным было невозможно. Он рассказывал, а мы, кругом стоящие, смеялись, хохотали или просто ржали, надрываясь от смеха. Разговор Гашека – сплошной поток остроумнейших положений».

Среди публикаций писателя особое место занимают рассказы о великом сибирском походе 5-й Армии. Они написаны с большой гордостью и любовью. В одном из таких рассказов

упоминается и наш город («Белые о Пятой Армии»), освобожденный от колчаковских войск в конце октября 1919 года. 14 ноября части 5-й Армии вошли в столицу Колчака – город Омск. За неделю до этого события по случаю второй годовщины Октябрьской революции в Петропавловске на Соборной площади состоялись торжественный митинг и военный парад. Парад принимал сам командарм М.Н. Тухачевский. Праздничный день, который завершился банкетом, собрал в нашем городе многих представителей командования Армии, руководителей и журналистов Политотдела, включая Ярослава Гашека.

Между тем, когда на площади нашего города звучал победный салют, поезд с оборудованием и рядовыми сотрудниками Политотдела находился еще на подступах к Челябинску. Движению мешали брошенные вагоны, разрушенные пути, паника и неразбериха на вокзалах. 14 ноября агитационный поезд вышел из Челябинска. Его путь лежал в Омск. «Мы добирались из Челябинска до Омска не то две, не то три недели. Пути были забиты. Больше стояли, чем ехали...», - вспоминала Надежда Вишнякова, заведующая информационным сектором Политотдела.

Достоверно известно, что поезд прибыл в Омск 3 декабря 1919 года. Таким образом, на посещение Петропавловска Гашеку, который в этот период занимал должность начальника интернационального отделения Политотдела, как минимум была отведена неделя. Двигаясь на восток, Политотдел следовал за наступающей Армией, поочередно останавливаясь в Омске, Новониколаевске, Красноярске и Иркутске. Последний город стал местом завершения боевого пути 5-й Армии.

Осенью 1920 года в Иркутске состоялась официальная регистрация брака Ярослава Гашека и Александры Гавриловны Львовой. Той же осенью, после женитьбы, Гашек получил настойчивое приглашение от чешских коммунистов вернуться на родину. В декабре 1920 года супружеская пара была уже в Праге, и тут выяснилось, что политическая обстановка в стране резко изменилась. Коммунисты, друзья писателя, оказались в тюрьмах. Здесь он столкнулся с откровенной враждой и мучительным одиночеством.

От тяжелых мыслей писателя спасла его творческая работа. Статьи, фельетоны, юморески, рассказы Гашека непрерывно печатались в газетах и журналах Чехии. В начале 1921 года он

приступил к работе над давно задуманным романом «Положение бравого солдата Швейка во время мировой войны».

Писатель Иван Ольбрахт так охарактеризовал этот последний период творчества Я. Гашека: «Он снова смеется над целым светом. И только над одним – нет, над своим омским прошлым. Это было его лучшее прошлое».

Умер Я. Гашек в маленьком городке юго-восточной Чехии 3 января 1923 года, не дожив и до 40 лет.

2008 г

**ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КРАЕВЕД,
ИСТОРИК И АРХЕОЛОГ**

А.И. СЕМЕНОВ

**ЕГО ПУБЛИКАЦИИ
В ГАЗЕТЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА**

Александр Игнатьевич Семенов. Это имя у нас фактически забыто, о нем знают разве что узкий круг краеведов да сотрудники областного краеведческого музея. Между тем Семенов является автором фундаментального труда «Город Петропавловск за 200 лет (1752-1952 гг.)». Замечательный краевед, историк и археолог жил в нашем городе, отбывая ссылку, с 1939-го по 1953 год. Кроме книги о Петропавловске, ему принадлежит немало других краеведческих работ, в том числе статьи, напечатанные в местной газете «Ленинское знамя».

Весной 1941 года Александр Игнатьевич впервые задумал опубликовать на страницах газеты историю Петропавловска, используя неизвестные ранее архивные документы. Летопись города автор хотел изложить в виде серии очерков. Однако осуществить свой замысел он не успел: началась Великая Отечественная война. Газета напечатала лишь четыре его статьи, которые охватывают события всего нескольких десятилетий: от середины 18 века и до начала следующего столетия. К сожалению, это единственный опубликованный материал Семенова, посвященный истории Петропавловска (книга «Город Петропавловск за 200 лет» в рукописном виде хранится в фондах областного краеведческого музея).

**А.И. Семенов (третий справа в третьем ряду)
среди преподавателей и выпускников
Учительского института, 1942 г.**

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО ГОРОДА

Как строилась Петропавловская крепость

От редакции: «...Предлагаемым очерком мы начинаем печатать серию материалов из истории нашего города. Они проливают свет на то, как проходила колонизация русским царизмом Казахстана, в каких тяжелых условиях гнета экономического и политического жили в мрачные времена господства помещиков и капиталистов трудящиеся Северного Казахстана. Первый очерк заведующего кафедрой истории Петропавловского учительского института рассказывает, как строилась Петропавловская военная крепость, которая и послужила началом строительства нашего города.

Путь за Камень (так называли в старину Урал) в лесную сибирскую сторону для задавленного нуждой и крепостным гнетом русского крестьянина определился вслед за первыми дружинами завоевателей. Вольная колонизация Сибири шла мощным потоком. Беглые крестьяне селились по низовьям Тобола, Ишима.

От столицы царства сибирского - Тобольска - исходило другое колонизационное движение - военное, под руководством царских воевод. Под предлогом «сбережения» русских селений от набегов степняков воеводы составляли пехотные части из городских жителей, обучали их военному делу и направляли на юг в степь - строить новые крепостцы.

Извилистая линия небольших крепостей к началу 18 века протянулась на 985 верст - от слободы Чернолуцкой на Иртыше (в 40 километрах севернее Омска) до крепости Звериноголовой на Тоболе. К этой линии добавили два длинных конца - один вверх по Иртышу, где при Петре I было выстроено 5 крепостей, самая южная из них - Усть-Камногорская, а другой - по рекам Уралу и Ую (приток Тобола), где в 30-40 гг. 18 века были построены укрепления. Казахские степи оказались охваченными полукольцом крепостей и форпостов.

Военное начальство находило, что северный участок этого полукольца - от Тобола до Иртыша - слишком вдаётся вовнутрь Сибири и его нужно выпрямить, укоротить. Сибирский губернатор Сухарев предлагал в 1743 году сократить длину северного участка более чем вдвое, до 426 верст. Проект Су-

харева диктовался соображениями внешнего порядка. Источниковые домогательства Джунгарии об уничтожении русских и ыргызских крепостей заставили царское правительство подумать о создании удобных коммуникаций из внутренних губерний на Иртышскую линию.

В 1745 году в Сибирь впервые на постоянные квартиры были посланы 5 полков под начальством генерал-майора Киндермана. Этот энергичный генерал предложил свой проект Новой линии от Звериноголовой до Омска. Киндерман лично осмотрел трассу будущих укреплений. Она не всюду была пригодна для заселения: то отсутствовала пресная вода, то годный к строительству лес. Но Киндерман больше всего был заинтересован в уменьшении длины линии, полагая, что от этого сократятся и расходы на ее содержание. По указанию Киндермана, уже после его смерти, в 1752 году началось строительство Новой линии длиной в 565 верст. Надо было соорудить 11 крепостей, 11 редута и 42 маяка. Строительство развернулось одновременно по всем участкам.

Петропавловскую крепость начали строить на высоком правом берегу Ишима в середине июля 1752 года. Очевидно, день ее закладки совпал с днем празднования святых апостолов Петра и Павла - 9 июля нового стиля (по календарю 18 века). Выбранное местоположение Петропавловской крепости было самым лучшим на всей Новой линии. Неподалеку от крепости находился годный к строительству лес, рядом протекала река Ишим, богатая в то время рыбой. От старой укрепленной линии, проходившей через Коркину слободу (ныне город Ишим), Новая линия прошла южнее на 150 верст.

По сравнению с другими укреплениями Новой линии крепость в глазах военных людей оказалась «обетованным» жилищем. Из-за нее шли постоянные пререкания между линейными начальниками. Каждый хотел расположиться со своей частью на Ишиме. Капитан Языков доносил, что по его линейной дистанции от Лебяжьей крепости до Иртыша «в крепостях и некоторых редутах лошади от запаха и солёности воды не пьют. А хотя там колодцы и имеются, тоию в них вода не только, чтоб лошадей поить, но и людям в пищу с нуждою достает, а в случае за малостью оной и снег тают».

Безводье было бичом Новой линии. Из-за него приходилось позднее переносить часть укреплений на новые места, отчего

произошло сокращение длины линии с 565 до 548 верст. Начальники крепостей слали частые рапорты командующему Сибирским корпусом о переводе их частей в Петропавловск. Шла глухая борьба за свежую ишимскую воду... Командующий корпусом бригадир Фрауендорф сомневался в возможности обеспечения гарнизонов хорошей водой. В отношении крепости Николаевской и пяти смежных с нею редутов он отозвался не колеблясь: «достатка в доброте воды получить ненадежно, ибо вода в озерах из года в год хуже становится, так, что оную в пищу людям и скотине крайнюю нуждою употребляют».

Постройка Петропавловской крепости производилась руками солдат и крестьян. Начальником строительства в первый год был поручик Трейблут. Для производства работ ему было дано 113 солдат и 184 выписных казака (выписными казаками назывались зачисленные в казаки сибирские крестьяне). Крепость сделали шестиугольной с 6-ю бастионами. К лету 1753 года она была обнесена деревянной стеной с четырьмя башнями. У ворот для защиты от конницы поставили рогатки и надолбы (столбы). Внутри крепости соорудили штабной и офицерский дома, 8 казарм, конюшню, 2 провиантских магазина, пороховой погреб. Снаружи, под горою, построили лазарет. К январю 1756 года были готовы все 6 бастионов, дополнительно еще выстроили 2 офицерских дома и 12 казарм. Снаружи в надолбах поставили 2 конюшни и амбары.

Первые годы существования крепости едва не омрачились печальной историей, придуманной недалеким и трусливым начальством. Начальство бредило нападениями казахов на линию и постоянно напоминало линейным командирам о предосторожности. На самом же деле казахи вели себя очень мирно. Пока их не трогали, они избегали столкновений с русскими гарнизонами. Некоторые казахские старшины, в расчете на подарки, делали ложные донесения русскому командованию о якобы предстоящем нападении враждебных им улусов на русских. После одного такого сообщения командующий корпусом бригадир Крафт в 1755 году додумался до следующего решения. Он предложил линейным командирам все казенные строения, лежащие вне укреплений, перенести вовнутрь их, а частные постройки «вовсе без остатку ломать». По всей Новой линии, от Тобола до Иртыша, началось уничтожение частных

жилиц. Такая же участь ожидала и Петропавловскую крепость. Вблизи нее, на горе и под горой, находилось 82 частных дома где жили семьи нижних военных чинов, служители и маркизаны (продавцы вина), всего 397 человек.

Командир Петропавловского гарнизона подполковник Моллер, несмотря на строгий приказ Крафта, проявил достаточно благоразумие и не решился уничтожить частные строения. Невозможно было перенести и наружные казенные строения в крепость. Она была тесна и в нее не вмещались стоявшие снаружи три конюшни и лазарет. Моллер доносил Крафту: «Хотя объявленное частное строение и вовсе сломать подлежало, точно тех людей 397 человек в одну крепость в стоящие казармы уместить никак невозможно. Да и к тому же и опасно по такому многолюдству, от беспрестанного печения хлебов и варки пищи, печи кои из глины биты, не могут своей пропорции сдерживать». Моллер придумал иной выход. Он обнес надолбами наружные строения. Крафт согласился с его мероприятиями, но предупредил: «будущею весною в наилучшую предосторожность несомненно около всего того за крепостью имеющегося жилья надолбами, рогатками и палисадом так укрепить и обнести, чтоб оное, по внезапном неприятельском приближении, опасности подвержено не было».

В 1765 году были начаты земляные работы вокруг крепости: сооружение рва и вала. Работы велись только в летнее время и были закончены через несколько лет. На этих работах употреблялись ссыльные колодники. В 1769 году их находилось в крепости 167 человек, а в 1772 году - 197.

Окончательно крепость отстроили к концу 70-х годов 18 века. Строительство заурядной крепости из земли и дерева растянулось на 25 лет. Это обстоятельство говорит само за себя. Не было, видимо, опасности со стороны казахских степей. Петропавловская крепость была нужна царизму не столько для обороны границ, сколько для наступления на степь. В 18 веке царизм не смог этого осуществить. Постоянные войны в Европе, напряженные отношения с Китаем не создавали благоприятной обстановки для новых захватов. Развернутое наступление на казахские степи осуществлялось позднее, уже в 19 веке.

А.Семенов,
заведующий кафедрой истории Петропавловского
учительского института, 20 мая 1941 г.

ВОЕННЫЙ БЫТ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Неосведомленный читатель, знакомясь с описанием строительных работ в Петропавловской крепости, мог представить, что перед ним раскрывается жизнь большого первоклассного укрепления. В его описании встретим всю терминологию фортификационного искусства, данную знаменитым строителем французских крепостей Вобаном. Фланги, фасы, куртины, бастионы, платформы, брустверы, гласисы, полигоны - кажется, полный набор крепостного строительства. Невольно представляешь крепость другого вида...

На самом деле построенная в виде шестиконечной звезды, обнесенная деревянными стенами с деревянными же башнями крепость не имела страшного вида и жернова ее пушек выдвигались лишь кое-где. На шестом году своего существования крепость располагала пятью пушками, и уверенность в боевых достоинствах этой артиллерии у командиров отсутствовала. Пушки, привезенные со старых ишимских форпостов, попадались чугунные и медные с разнокалиберными ядрами. Специалистов по стрельбе не доставало. Присланный в 1756 году из Тобольска для обучения стрельбе канонир Медведев не добился никакого эффекта в повышении качества незадачливых артиллеристов.

Внутренний вид крепости представлял бледную, однообразную картину. Похожие друг на друга как два близнеца, одноэтажные деревянные дома с крышами, обложенными дерном, или, в лучшем случае, обитыми дранкой, служили казармами. Дома офицеров по виду мало отличались от них. Один дом был приспособлен под тюрьму. Здесь же находился штаб одного из драгунских полков. В центре крепости помещалась небольшая площадь, где происходили награждения и наказания солдат.

В 1757 году в крепости несли службу 265 драгун и 35 выписных казаков. Свообразную категорию войск составляли выписные казаки - насильно зачисленные в военный разряд сибирские крестьяне. Оторванные от своего хозяйства и семейств, они находились бессменно на линии по пяти, а иные по десяти и свыше лет. Командир Сибирского корпуса Фраундорф в 1758 году дал им такую характеристику: «От их долговременного

на линиях бытия и по дальному от домов своих отлучению платьем и обувью весьма обносились, а у многих и лошади поносили. И за такую скудность и безодежность их не токмо и разезды, но и в пешие караулы употреблять невозможно. Оставшие ж в домах их жены и дети за их отлучкою остаются без всякого призрения и приходят во всеовершенное разорение и нищету. И когда из оных казаков кому случится выйти из службы в отставку, то принуждены будут с женами своими и детьми ходить по миру».

Что оставалось делать оборванному, кругом обиженному крестьянину? Был один выход - бежать, бежать с проклятой линии. Уже в 1757 году побеги стали массовым явлением. Иной раз выписные казаки убегали группами по 20-30 человек. Что бы разрядить обстановку, начальство вынуждено было значительную часть казаков отпустить домой под предлогом немощности по линиям опасности.

Долгое время не могло наладиться в крепости мало-мальски сносное житье. Чувствовался острый недостаток продовольствия. Испытывали нужду в пище особенно до 1759 года, до начала торговли с казахами. Пробовали вести хлебопашество на линии, но оно оказалось таким нерациональным, что собираемый хлеб обходился не дешевле казенного хлеба из Тобольска.

Солдаты и выписные казаки выполняли все хозяйственные вопросы. Возка дров, сенокос, строительство чередовались с военным учением и крепостной службой. Подчас солдат обязывали выполнять непосильные работы. Так, Военная коллегия в 1758 году предложила по всей Новой линии вырезать полосой в две сажени дерн, чтобы не допустить пожара травы и сена от огня, идущего со степи. Каждый солдат должен был вырезать в течение одного лета, наряду с другими неотложными работами, свыше 600 квадратных сажень дерна. Малейшее неповиновение солдат вызывало грозный суд начальников. В рапортах командиров крепости отмечается, что тюрьма переполнена заключенными. Гренадер Перфильев за ложное показание в 1757 году был наказан «гонением шпичуртен (березовых хлыстов) через тысячу человек шесть раз» в присутствии всей крепостной команды. Но так как в крепости не было тысячи солдат, то его гоняли через 125 человек 48 раз!

Познакомимся с портретами начальствующих лиц Петропавловской крепости. Гарнизонные начальники менялись довольно часто. За первые 20 лет их сменилось 11 человек. Все они люди, случайно заброшенные по долгу службы в степь. Больше всего, свыше 5 лет, пробыл в крепости генерал-майор Девиц (1766-1771гг.). Он оставил о себе дурную славу. Открыто брал взятки от казахских феодалов, обижал казахов-бедняков, отнимал у них лошадей и создал неблагоприятные отношения со степью. Оренбургский губернатор Рейсдорф считал, что казахи были Девицем «приведены в разврат разными неприятными с ними его обращениями».

Другой гарнизонный начальник, полковник Лесток (1760 г.) занялся торговлей, сделал ее чуть ли не своей монополией. Под разными предлогами он запрещал вести торговлю с казахами российским купцам, не давал им переводчиков, а больше всех вел торговлю сам. Лесток выменивал у казахов лошадей за бесценок и перепродавал их для нужд войск.

К типам взяточника и торгового дельца добавим еще третий портрет начальника, прежде всего заинтересованного в личном комфорте. Таким был генерал-майор Станиславский (1772-1773 гг.). Вместо того чтобы заняться достройкой крепости, он отвлекал рабочую силу для обустройства своей квартиры, личной бани и других собственных строений.

Беспросветна была на линиях жизнь офицерства. Люди скучали, не знали чем заняться. Среди них, отяжелевших от безделья и пьянства, попадались натуры «романтического» склада. Поручик Биницкий, в 1778 году остановясь проездом в доме священника Лебяжьей крепости Земляницына, вскружил голову поповской дочке. Отец жаловался потом командующему корпусом: «...он, Биницкий, подговоря дочь мою родную Анну, увез воровски». Оскорбленного отца не столько беспокоила дочь, сколько то, что «во время утечки одной дочери моей снедено из дома моего 5 рублей серебряных». Прося о возврате дочери, Земляницын по своей пастырской привычке требовал взыскать с Биницкого издержки за его «прогоны» во время погони за беглянкой. Неизвестно, взысканы ли были «прогоны» с Биницкого, но дочка к отцу не вернулась.

Май 1941 г.

ГРАЖДАНСКИЙ БЫТ ПЕТРОПАВЛОВСКА В XVIII ВЕКЕ

Газета продолжает знакомить наших читателей с очерками известного историка, краеведа и археолога Александра Игнатьевича Семенова из серии материалов по истории нашего города, опубликованных в местной печати 65 лет тому назад (об этом см. «Перспектив» №27 (128) за 7 июля 2006 г.). В этот период Александр Игнатьевич заведовал кафедрой истории СССР Петропавловского учительского института. Предлагаем вашему вниманию очерк Александра СЕМЕНОВА.

Новая линия от Тобола до Иртыша прошла по ненаселенной местности. До постройки первых крепостей и редутов на ней не было ни одного поселения. В зимнее время, ближе к лесам, здесь находились казахские кочевья. Теперь их оттеснили в степь. Военные люди, заброшенные на Линию, сначала были единственными ее обитателями. Принимались некоторые меры и к привлечению гражданского населения. Указ 1752 года предлагал желающим «всякого чина людям» селиться в прилинейном районе. Но вольная колонизация стопорилась. С одной стороны, мешали этому ограничения. Например, крестьяне могли селиться не ближе сорока верст к Линии, и обязательно целыми деревнями, а не однодворками. С другой стороны, военная обстановка Линии, распространявшаяся и на гражданское население, не располагала к поселению выходцев из городов – мастеровых людей.

Один лишь неизменный завсегдатай российской колонизации - купец, торговец - лез напролом, почувствовав легкую наживу. До тех пор пока торговля не производилась с казахами (до 1759 года), пажива всецело выжималась из военных людей. В торговом обороте ходил единственный товар - водка. С нее начинается история гражданской колонизации Новой линии. В 1753 году тобольский купец Постников первый проложил дорогу водке во вновь сооруженные крепости. На тракте у Коркиной слободы (ныне город Ишим) он построил винокурный завод. Сюда и стекались линейные маркитанты - грязный сброд, спекулировавший водкой, - за пополнением бочонков, развозившихся по всем воинским командам. Водку продавали втридо-

рога против отпускной цены, на что военное начальство жаловалось в Петербург. Но мер к искоренению спекуляции оно не принимало.

Колоритная фигура винозаводчика с его агентурой - маркигантами - играла главную роль на раннем этапе колонизации Северного Казахстана. После открытия торговли с казахами на Линии практиковались винные откупы. Среди линейных откупщиков были курские купцы братья Голиковы. Один из них, Иван, за злоупотребления был посажен в тюрьму, но потом его освободили. Вскоре после освобождения он попал на открытие памятника Петру I в Петербурге. Желая искупить свою вину, Голиков упал на колени перед бронзовой фигурой «Медного всадника» и поклялся остаток своей жизни посвятить изучению истории петровского времени и напечатать книгу об императоре. Свое обещание Голиков выполнил. Он выпустил 30 объемных томов «Деяний Петра Великого». За этот подвиг Павел I наградил его чином надворного советника.

Крестьянская колонизация прилинейных районов проходила медленно. Строения крестьян, поселявшихся однодворниками ближе сорока верст к Линии, уничтожались. Так, в 1759 году были сломаны все крестьянские избы на Ишиме вблизи Петропавловска.

Неохотно шел на Линию и мастеровой люд. В 1766 году Сенат предложил сибирскому губернатору Чичерину приложить «старание к перечислению во вновь заведенные крепости потребного числа мастеровых людей из числа охотников, обнадежа их освобождением от всех податей на 5 лет». Но эта льгота не привлекла желающих, и поэтому сенатский указ оговаривал: «Если же охотников не будет, то пополнить крепости мастеровыми из числа находящихся в Тобольске и других городах излишними».

Военная атмосфера Линии, замедлявшая приток гражданского населения, с особой силой чувствовалась в самом Петропавловске. Как в главной крепости Линии, здесь все подчинялось военным властям, которые были вершителями судеб купеческого и ремесленного люда. Ничто не проходило мимо военного начальства. Надо ли куда выехать, что-либо продать, решить какие-нибудь другие проблемы - обязательно обращайтесь к коменданту крепости.

Петропавловск считался пограничным пунктом, и никому был прегражден доступ за границу, в степь. Люди, появившиеся в степной стороне, куда они ходили ловить рыбу или собирать хмель, наказывались кнутом в присутствии всего населения крепости.

Хотя с внешней стороны Петропавловск не казался грозной крепостью, но внутри его жизнь шла на военный манер. Жизнь подгорного форштадта (предместья) нормировалась барабанным боем. Форштадт размещался вдоль речного берега и имел только одну улицу. Снаружи он был укреплен рогатками и надолбами (столбами). Предместье имело двое проезжих ворот: юга-западные, называвшиеся «степными», и северные «орские». На ночь ворота запирались и охранялись. Через Ишим у орских ворот в 1752 году был построен мост. Рядом с ним в 1757 году выстроили второй мост для ускорения проезда большого коше (кочевья) джунгарских калмыков, принявших русское подданство и направлявшихся от верховья Иртыша на нижнюю Волгу. Население предместья росло малозаметно. В 1755 году в Петропавловске было 82 дома и 397 жителей, в 1771 году - 172 дома и 914 жителей, в 1803 году - около 200 домов и свыше 1100 жителей.

Помимо нижнего (подгорного) форштадта, вблизи крепости, на горе, у торговой площади, вырос верхний форштадт. В нем находился посольский дом, где военачальники принимали казахских султанов и старшин.

В 1772 году в верхнем форштадте разрешили постройку новой, более просторной, деревянной церкви. Ее строительство мотивировалось тем, что народ в праздничные дни не вмещался в старую церковь.

В 1782 году из государственного казначейства было отпущено 20000 рублей на строительство четырех мечетей по Оренбургской и Сибирским линиям. Строительство одной из них завершилось в Петропавловске в нижнем форштадте в 1794 году.

В 1765 году в крепости была открыта гарнизонная школа для обучения детей военнослужащих и отставных солдат. Школа рассчитывалась на 100 детей, но она не укомплектовывалась: в 1767 году в ней числилось только 56 учеников. Кипучая торговая жизнь в Петропавловске понудила начальство в 1786 году

учредить гражданскую почту. До этого существовала только военная почта, ездившая по Новой линии. Об учреждении почты уведомили главный московский почтамт. Он установил точное расписание отправки почты, и с тех пор петропавловский житель мог посылать письма по дальним адресам.

Население Петропавловска не блистало культурностью. Сюда стекались искатели легкой наживы и разные неудачники. Положительно воздействовали на приведение форштадта в более благоустроенный вид лишь казанские и касимовские татары, поселившиеся здесь в конце XVIII века.

Медицинская помощь отсутствовала. Наблюдались постоянные падежи скота от сибирской язвы. Предохранительным средством от «сибирки» считался дым так называемого «дровяного огня», который происходил от трения дерева. Этот огонь разводился в берестовых кострах и через такое курево перегоняли скот. Когда уже скот заболел, образовавшиеся опухоли прокалывали и к ранам прикладывали табак и нашатырь - два тогдашних универсальных средства от всех болезней.

Медленный приток населения в Ишимскую степь известный географ Шцекотов в 1804 году объяснял наличием сухой и соленой земли, мало насыщаемой дождями, большим падежом лошадей и рогатого скота, частыми повреждениями полей и сенокосов от пасущегося скота, а также недостатком в хорошей воде.

Какими странными кажутся нам эти рассуждения одного из лучших географов начала XIX века!

Кто бы теперь мог подумать, что «сибирка» и отсутствие изгородей на полях когда-то помешали развитию оседлой жизни в степи?

1941 г.

МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ

В декабре 1759 года, спустя семь лет после возведения Петропавловской крепости, при ходатайстве султана Среднего жузу Абылая, открылась первая ярмарка, определившая судьбу будущего города. Город вырос на торговле. Причем до середины XIX века рыночные отношения в Петропавловске, как и во всем среднеазиатском регионе, носили преимущественно меновой характер. Предлагаем вниманию читателей один из исторических очерков известного ученого и краеведа А.И. Семенова, посвященный развитию и особенностям меновой торговли в нашем городе. (Статья была опубликована в местной печати в мае 1941 года.)

В истории Петропавловска торговля занимает преобладающее значение. К концу XVIII века, по сравнению с другими азиатскими городами, Петропавловск не знал себе соперников. Обладая в то время небольшим населением в 1000 человек, он вел торговлю через посредство других купцов. Цветущая торговля имела свои теневые стороны. Еще в середине девятнадцатого века наезжали зарвавшиеся негодяи, и взамен бумажных денег они расплачивались с казахами пестрыми этикетками с товаров текстильных фабрик. Что же было в XVIII веке? Сибирские линии кишели торгашами и темными личностями. Вначале военное начальство без Петербурга не разрешало торговлю и не предпринимало ни одного серьезного шага в этом направлении. Когда на Новую линию в 1753 году на постоянные квартиры прибыли два драгунских полка, то обеспечить их полным довольствием позабыли. Солдаты терпели голод. Казахи предлагали открыть «сатовку» (меновую торговлю). Она могла бы снабдить гарнизон мясом. Но начальство не разрешило сатовать. Раз из Петербурга нет указаний, значит, и торговли на Линии нет. Было дано предписание: направлять казахов для сатовки на Иртыш, в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости, где торг был разрешен. А ехать туда - не рукой подать, даже для привычных к дальним переездам казахов.

Однако население Петропавловска прибегало к тайным сатовкам. В 1758 году на сатовке были пойманы 4 солдата и трое вольных. Они, по лаконичному приказу командира корпуса, получили за сатовку «наижесточайший штраф: - регулярных (т.е. солдат) батожьем, а нерегулярных плетью нещадно бить». Грозный окрик командующего коснулся и выменянных това-

ров: «а высатованные вещи - одного барана употребить в гошпиталь, больным на пищу, одну ветхую шубу, одну телячью кожу, да баранью маленькую овчинку и охочим людям с вольного торгу по настоящей цене продать». Стоило ли командиру корпуса из-за поношенной одежды нещадно бить своих солдат? Обноски выменяны были, как установило следствие, на собственную муку сатовавших.

Между тем необходимость торговли вытекала из практики военной жизни в степи. Казенный провиант поступал из Тобольска с запозданием. Надо было искать выход из продовольственного затруднения. Этот выход, очевидно, нашли бы не скоро, если б не случились сложные внешнеполитические обстоятельства. Китайцы после разгрома в 1758 году Джунгарии всячески старались привлечь казахов на свою сторону и охотно вели с ними торговлю. Появление Китая на степном горизонте встревожило Россию. Для привлечения казахов к России решили в 1759 году открыть торг в Петропавловске. Командир корпуса Фраусендорф в объявлении об открытии торга писал так: «чтоб они с имеющимися у них товарами, со скотом, лошадьми и пленными калмычатками для той сатовки в Петропавловск присзжали без всякого опасения».

В Петропавловск хлынуло купечество из Тобольска, Тюмени, Тары. Позднее появились казанские и тульские купцы. Русские купцы продавали главным образом материи: сукна разных цветов, холст, выбойку, а также чугунные котлы, таганы, юфть и в незначительном количестве - сахар. В 60-х годах XVIII века бухарские и ташкентские купцы привозили восточные ткани: шелк, бязь, бархат. Казахи продавали лошадей, быков, баранов, пушнину, невольников.

Цены были стихийными. Пуд говядины покупали за 40 копеек, барана - за 20 копеек, а ржаную муку продавали казахам по 90 копеек за пуд. Торговля за деньги была незначительной, больше преобладал обмен.

Купец сам устанавливал желательный для него эквивалент. За 7 аршин синего сукна купец получал лошадь, в другом случае за 3 аршина того же сукна - тоже лошадь. Насколько был выгоден обмен для купца, можно судить по такому соотношению: 25 аршин сукна стоили в то время 75 копеек, а лошадь - 12-15 рублей. В этом обмене не было никакого норматива. Все зависело от ловкости и сметливости купца. Воротилами рынка

были сибирские купцы. Они действовали дружно. Не покупали скот у казахов сразу, а затягивали торг на несколько дней, чтобы сбить цену. Казахи прибывали на торг караванами. Когда караван подходил к рынку, в крепости били в барабаны, и на рыночную площадь выстраивался караул. Под барабанный бой стекались русские купцы и выкладывали свои товары. Скот, который казахи не успели променять, оставляли на ночь пастись вблизи рынка. Количество сатовавших казахов значительно возросло. За три месяца 1772 года их было 1700 человек. Российских купцов в первые годы торговли собиралось одновременно 30-35 человек. Торговля невольниками не ограничивалась. Каждый мог их покупать и продавать. Царское правительство, желая блеснуть своей «гуманностью», объясняло допуск такой варварской торговли непоправимой бедностью казахов. Только в 1825 году была запрещена продажа невольников, но и то не всех. Из-за недостатка в Сибири женщин по-прежнему разрешалось покупать у кочевников детей женского пола.

В 1777 году в Петропавловске было продано 69 человек, в 1779 - 21 человек. В основном продавались «калмыки» и «калмычки». Цена калмыка колебалась от 65 до 160 рублей, калмычки - от 65 до 173 рублей. Среди проданных были «саконец», он пошел за 150 рублей, и «персиянин», купленный за 120 рублей. Невольников меняли на лошадей, сукно, шелк. Терский купец Шихов выменял «девку 25 лет» за сермяжный зипун, а «бабу 45 лет» купил за 12 рублей.

Петропавловск быстро обогнал по торговле другие крепости. Географически он удобно стоял по отношению к степи. С открытием здесь торговли начался ее упадок на Иртыше. В 1777 году Петропавловск выменял степных товаров на 60759 рублей 64 копейки, а 4 иртышских крепости (Усть-Каменогорская, Семипалатинская, Ямышевская и Омская) выменяли все вместе на 51881 рубль 50 копеек.

Успешный рост Петропавловского торга вызывал обострения с прежними хозяевами степной торговли - Семипалатинской и Ямышевской крепостями. Колыванское областное правление, в ведении которого находился торг по Иртышу, ставило преграды Петропавловской торговле. Тобольский губернатор Кашкин во время объезда по губернии наблюдал, как Колыванское правление не пропускало среднеазиатских купцов в

Петропавловск, а предлагало против их воли торговать в Семипалатинской крепости.

Сибирские администраторы, надзиравшие за степной торговлей, приходили к заключению, что она не дает надлежащей пользы государству. Иркутский губернатор Якобий, проезжая по линиям, заметил, что по таможням царит беспорядок и «торговля предоставлена для обогащения одних только жителей». Якобий видел причину торговых убытков государства в тайных сатовках. В 1782 году последовал указ Сената об учреждении таможенной цены и стражи на сибирских линиях в целях прекращения потасного провоза товаров через границу, а в 1790 году был опубликован другой указ о том, чтоб «выменянный у киргиз-кайсаков скот и лошадей, во отвращение тайных промыслов, клеймить железными таврами». Эти указы проводились в жизнь не спеша. Для разнужданного и оголтелого мошенничества имелись неприкрытые лазейки. Наступила пора обеднения степи. Царизм считал более легкой задачей наложить ярмо на обнищавших людей. Русский же купец имел в степи непринужденную свободу, он помогал правительству завершить насильственную колонизацию.

Однако было бы неправильно представлять, что российская колонизация степи имела одни только отрицательные стороны. Она принесла для степи и пользу. Во-первых, пример преимущества оседлой жизни перед кочевой. Во-вторых, разнообразие готовых изделий, в-третьих, земледелие и многое другое. Эти положительные стороны колонизации воспринимались казаками. Казахи силами русских строят для себя первые бревенчатые дома, заводят рыболовные снасти, сеют пшеницу. Письменные сношения с русским начальством требовали наличия грамотных людей. В степь пробиваются проблески грамотности. По сравнению с варварскими набегам джунгар на казахскую степь, российская колонизация выделялась некоторой организованностью и сдерживалась военной дисциплиной. Она не была настолько губительной для казахского народа, как набеги джунгар, уводивших с собой все живое в плен. У царизма во второй половине XVIII века накопился уже достаточный колонизаторский опыт. Действовать одними методами убийств и разбоя считалось уже неуместным.

Май 1941 г.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

На территории Северного Казахстана до середины XVIII века жило редкое кочевое население. На месте города Петропавловска находилось урочище Кызыл-Жар, где в зимнее время размещались казахские кочевья.

12 июля 1752 г. была основана Петропавловская крепость - главное укрепление на новой Ишимской линии, построенной от реки Тобол до реки Ишим. Эта линия взяла под защиту новых подданных России - казахов Среднего жуза, страдавших от нападений джунгар. Появление русских укреплений в Ишимской степи остановило разбойничьи нападения джунгар.

Первоначально Петропавловская крепость была обнесена деревянной стеной в форме шестиконечной звезды. Но к 1770 году вместо стены был сооружен земляной вал высотой в три с половиной метра. Вокруг вала шел ров с водой, а за ровом были вкопаны надолбы и рогатки. На валу стояло от 6 до 12 пушек. Крепость была небольшой, ее ширина сначала равнялась 150, а потом 300 метрам. Здесь находились деревянные постройки, в земле были выкопаны пороховые погреба.

На горе, вблизи крепости, располагалось верхнее предместье, состоявшее в начале XIX века из 100 дворов. Большинство жилых построек находилось под горой, на нижнем предместье. В подгорье находился и петропавловский торг, на который съезжались московские, казанские, уфимские, сибирские купцы, а также купцы Ташкента, Бухары, Коканда и Западного Китая. Сюда шли длинные караванные пути из Средней Азии и Западного Китая. Караванная торговля - это только меньшая часть петропавловской торговли. Более значительная торговля шла с казахской степью. Казахи пригоняли на продажу скот, феодалы продавали на рынке невольников.

Торговля велась по преимуществу меновая. Она давала русским купцам непомерные барыши. За чугунные котлы, таганы и глиняные чашки купцы выменивали у казахов лошадей и баранов. Лошадь выменивалась за 3-7 аршин сукна или за котел и таган, или за 80 глиняных чашек. Невольничий торг существовал в Петропавловске до 1861 года. В 1826 г. работорговля была ограничена, разрешалось лишь продавать и покупать детей женского пола.

Царское правительство стремилось сделать из Петропавловска политический центр Среднего жуза. В этих целях 1 ноября 1782 г. в крепости совершили торжественный обряд утверждения Вали-султана ханом Среднего жуза. На верхнем предместье для Вали-хана был построен каменный дом. До 1821 г., когда ханская власть в Среднем жузе была уничтожена, в Петропавловске находилась зимняя резиденция хана.

Несмотря на теневые стороны политики царизма в казахской степи и на грабительские действия неизменных спутников колонизации - купцов, военных начальников и промышленников, русское влияние на степь имело большое прогрессивное значение. Вблизи новой Ишимской линии кочевало несколько казахских родов. Казахи познакомились с русскими мастеровыми людьми, с сибирскими крестьянами, поселенными на линии. От них они заимствовали земледелие, огородничество, заготовку сена, вязку сетей для ловли рыбы. Через петропавловский торг казахи выменивали предметы хозяйственного обихода русской выделки. В 1762 г. русские солдаты построили для казахских феодалов в степи деревянные дома русского типа, и они стали образцом для зимних жилых построек казахов. В 1876 г. в Петропавловске была открыта школа для казахов с преподаванием на русском и казахском языках. Петропавловск с XVIII века играл цивилизующую роль для северных и североказахстанских степей.

В 1807 г. Петропавловск, ранее считавшийся крепостью, был возведен в положение города. Весь XIX и начало XX века - время торгового роста города. В середине XIX века через Петропавловск ежегодно ввозилось товаров более чем на миллион рублей (по тогдашнему денежному курсу) и вывозилось более чем на 900 тысяч рублей. В Петропавловске появилось свое многочисленное купечество. Хозяевами города стали купцы.

В 1895 г. через Петропавловск прошел великий сибирский железнодорожный путь. Открылась дорога в казахские степи иностранным капиталистам. Вместе с русскими купцами в городе стали хозяйничать американские, английские и германские торговцы. Представители иностранных фирм на месте закупали продукты животноводства. Из Петропавловска в Америку отправляли козьи шкурки, кожи, конский волос, бараньи кишки, в Лондон - баранину, масло, дичь, в Бельгию - кожи, в Германию - кожи и бараньи кишки. Часть этих продуктов в

обработанном виде (кожевенные изделия) поступали из Америки и Бельгии в степь. Иностранные капиталисты выручали на этом огромные прибыли.

Царизм превратил Петропавловск в место политической ссылки. Сюда были сосланы в 1826-1857 гг. гвардейские и армейские офицеры за сочувствие движению декабристов. Позднее здесь находились польские революционеры - участники восстаний 1830-1831 гг. и 1863 г., потом народники, а с начала 1900 годов - революционеры из рядов рабочего класса.

Большое значение имел Петропавловск в революционном движении русского и казахского народов. В 1896 г. на станции были открыты железнодорожные мастерские и в Петропавловске появился промышленный пролетариат. В 1902 году при депо возник социал-демократический кружок, который потом вырос в социал-демократическую организацию. Значительная революционная работа развернулась в 1906-1907 гг., когда во главе революционного движения в Петропавловске стал выдающийся большевик В. В. Куйбышев.

После свержения царизма петропавловские большевики во главе с талантливым организатором т. Дубыниным поднимают массы на борьбу с буржуазией. 22 ноября (по старому стилю) 1917 г. в Петропавловске устанавливается советская власть. Петропавловский Совет в течение декабря 1917 - мая 1918 гг. провел ряд революционных мероприятий - национализировал частные заводы, отобрал у домовладельцев крупные дома, наложил контрибуцию на местных капиталистов и конфисковал имущество иностранных торговых фирм.

Первые шаги советской власти в Петропавловске были нарушены контрреволюционным мятежом чехословаков. 1 июня 1918 года Петропавловск оказался в руках чехословаков и белоказаков. 10 июня того же года были расстреляны 22 члена Петропавловского комитета партии и горсовета. Среди расстрелянных был и т. Дубынин. Временно Петропавловск, как и весь Северный Казахстан, был отторгнут от Советской России. Сначала здесь хозяйничали белоказаки, а с конца 1918 г. - белобандиты Колчака. 30 октября 1919 г. Красная Армия нанесла колчаковской армии сокрушительный удар под Петропавловском. Город был освобожден. Началось мирное советское строительство.

1952 г.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА

В начале XX века в железнодорожном депо образовалась первая в городе революционная рабочая организация - социал-демократический кружок, основанный в 1902 году рабочими, политическими ссыльными Федуллиным и Фигиным. Из кружка выросла деповская социал-демократическая организация.

В 1904 году в Петропавловске возникла вторая социал-демократическая организация - городская, ядро которой составила группа железнодорожных рабочих.

В обеих организациях были большевики и меньшевики. Большевики имели перевес в депо, в городе же было меньшевистское засилье. Из-за отсутствия опытного руководителя и идейного разброда, вносимого меньшевиками, петропавловские социал-демократические организации не развернули массовой революционной борьбы в 1905 году. Значительная работа началась в 1906 году, когда во главе ее встал выдающийся большевик-организатор В.В. Куйбышев. По поручению Омской партийной организации В.В. Куйбышев возглавил революционное движение в Петропавловске.

В.В. Куйбышев организовал ряд стачек в депо и на кожевенных заводах. Под его руководством проходили революционные митинги и демонстрации. По предложению В.В. Куйбышева рабочие-железнодорожники создали боевую дружину для борьбы с царизмом в составе 60 человек. Куйбышев выступал на многочисленных партийных и рабочих собраниях, громил неудачные вылазки меньшевиков, уничтожал их влияние среди рабочих. В мае 1907 года при участии Куйбышева в Петропавловске начала издаваться большевистская газета «Степная жизнь», закрытая после выхода третьего номера по распоряжению степного генерал-губернатора. В 1907 году Куйбышев попал в ссылку, но и оттуда он не прерывал связи с петропавловскими большевиками. В 1908 году он прислал им письмо, в котором советовал, как вести революционную работу в обстановке глубокого подполья.

Еще летом 1906 года в результате упорной борьбы с меньшевиками Куйбышев объединил деповскую и городскую орга-

низации в одну. Был избран партийный комитет, который и руководил работой на железной дороге и в городе. К сентябрю 1906 года Петропавловская организация насчитывала 147 человек.

К концу 1907 года Петропавловская организация РСДРП оказалась разгромленной. Карательные экспедиции по Сибирской железной дороге вырвали из ее рядов активных большевиков. В 1909 году работа социал-демократической организации в Петропавловске прекратилась.

После Ленского расстрела наступило оживление в революционной работе в Петропавловске. В 1912 году при депо были восстановлена социал-демократическая организация, сумевшая восстановить связь с Омским комитетом партии.

Для революционной борьбы имело большое значение открытие в Петропавловске в 1915 году консервного завода. На нем перед Февральской революцией работало около 1000 человек. Наличие в городе значительной рабочей прослойки и революционно настроенных солдат местного гарнизона помогло быстрой развязке событий в дни Февральской революции.

Петропавловские большевики с первых дней революции развернули усиленную агитацию, направленную против предательства меньшевиков и эсеров. Большевики подготовили трудящиеся массы к первомайской демонстрации 1917 года, которая развернулась в невиданное для Петропавловска шествие свыше двух тысяч участников под лозунгами: «Вся власть - Советам!», «Долой войну!». Это было первое крупное выступление трудящихся города из организованных большевиками в 1917 году.

В июне 1917 года в Петропавловск прибыла с фронта группа большевиков во главе с энергичным организатором Дубыниным. Дубынин создает новый городской партийный комитет, однородный по своему большевистскому составу.

Партийный комитет летом 1917 года проделал большую работу. Из рабочих консервного завода и железной дороги был организован отряд Красной гвардии. Велась беспощадная борьба с меньшевиками и эсерами. Комитет располагал кадрами пропагандистов.

На петропавловских предприятиях в начале сентября 1917 года за подписью Дубынина появилось большевистское воз-

звание, которое призывало рабочих и солдат тесней сплотиться вокруг Совета, отозвать из него всех эсеров и меньшевиков и вместо них избрать большевиков.

По всей стране нарастали решающие революционные события. Петропавловские большевики в предоктябрьские дни пресекали контрреволюционные вылазки буржуазии и соглашателей. По предложению большевиков городской Совет 19 октября телеграфно уведомил своего депутата, избранного на II Всероссийский съезд Советов, о том, чтобы он голосовал за переход власти к Советам.

По получении известий об Октябрьской революции в Петрограде на крупных предприятиях города состоялись собрания рабочих и служащих. На собраниях огромным большинством выносились резолюции о передаче власти Советам.

Оплот местной контрреволюции - городская дума выступила против Октябрьской революции. Она приняла эсеровскую резолюцию, осуждающую выступление большевиков в Петрограде. В ответ на эту вылазку врага, исполняя волю трудящихся, городской Совет 22 ноября (5 декабря) торжественно объявил об установлении советской власти в Петропавловске.

Началась работа по проведению в жизнь первых декретов советской власти.

Работа молодой советской власти в Петропавловске была нарушена 1 июня 1918 года контрреволюционным мятежом чехословаков и белоказаков. В течение 17 месяцев в городе хозяйничали белогвардейцы. Они расстреляли Дубынина и многих партийных и советских работников.

Петропавловск при белых был центром формирования и подготовки колчаковских дивизий. В городе находились главные колчаковские штабы генералов и атаманов - Анненкова, Катанаева, Волкова, Шайтанова, карателя Ванягина и другие. Под горой, в каменном доме (где теперь столовая), располагался штаб известного бандита, атамана Анненкова.

В кошмарное время расстрелов и тюрем среди рабочих находились бесстрашные люди, готовые защищать до конца интересы трудящихся. Нельзя не отметить героической стачки петропавловских печатников, продолжавшейся с 31 августа 1918 года по 1 февраля 1919 года.

Небольшая группа большевиков, уцелевшая от расстрелов, при колчаковщине ушла в подполье и оттуда руководила организацией сопротивления Колчаку в городе и уезде. Широко разветвленная сеть колчаковской контрразведки напала на след петропавловских большевиков-подпольщиков. Большинство из них было арестовано и весной 1919 года расстреляно. Это были тт. Ааз, Лещинский, Назначило, Бондаренко, Комаров и другие.

Недовольство народных масс диктатурой Колчака невозможно было подавить расстрелами. В тылу белогвардейцев вспыхнули многочисленные восстания.

26 апреля 1919 года части Красной Армии под руководством М.В. Фрунзе нанесли решающий удар Колчаку под Уфой. Белая армия стала быстро откатываться назад. Красная Армия вступила в Сибирь и в конце октября 1919 года подошла к Петропавловску.

После упорных боев враг был разбит и к вечеру 30 октября Петропавловск был очищен от белых.

Перед Петропавловском открылись большие перспективы социалистического строительства.

1952 г.

СОВЕТСКИЙ ПЕТРОПАВЛОВСК

В советском строительстве на долю Петропавловска выпали ответственные задачи. Уже в конце 1919 года, когда части Красной Армии из Северного Казахстана выбивали последнюю белую нечисть, Петропавловск приступил к отправке хлеба в Москву и Петроград, ощущавшие в ней нужду. 7 февраля 1920 года в Омске получили телеграмму В.И. Ленина: «Настоящим предписываю... отправлять ежедневно центру не менее трех маршрутов до конца месяца». Со станции Петропавловск отправлялся хлеб, вывезенный из четырех уездов Омской губернии. Большевики Петропавловска точно выполняли задание В.И. Ленина. Хлеб бесперебойно поступал в голодающие промышленные центры.

В связи с хлебозаготовками в ноябре 1929 года Центральный Комитет РКП (б) командировал в Западную Сибирь М.И. Калинина. 21 ноября 1920 года товарищ Калинин выступил на расширенном заседании Петропавловского Совета. В то время разрешается вопрос о включении Петропавловска в состав Казахской республики. Товарищ Калинин поставил перед местными советскими работниками задачу завоевания доверия казахского народа к Советской власти.

В тяжелый 1920 год петропавловским рабочим удалось одержать крупную победу на трудовом фронте. После значительного перерыва был снова пущен в ход консервный завод. Еще в дни хозяйничанья Колчака по его приказу этот завод вместе с рабочими был вывезен в г. Верхнеудинск, где он попал в «ведение» блского генерал-атамана Семенова. В феврале 1920 года ввиду вступления советских войск в Забайкалье Семенов отдал распоряжение спешно вывезти завод в Маньчжурию. Но благодаря бдительности рабочих туда ничего не было отправлено. Свыше 50 вагонов заводского оборудования и материалов прибыли обратно в Петропавловск. За четыре месяца рабочие восстановили завод.

26 апреля 1921 года Петропавловск вошел в состав Казахской республики как административный центр Акмолинской губернии.

К концу восстановительного периода в Петропавловске не осталось и следов хозяйственной разрухи. Хозяйство, которое

досталось городу от дореволюционного времени, уже не соответствовало растущим потребностям Петропавловска.

Начало периода социалистической индустриализации для Петропавловска ознаменовалось обновлением и расширением его старых предприятий. С 1926 года значительно увеличилась нагрузка консервного завода. Были переоборудованы механический, пимокатный и кожевенный заводы. Развернулось значительное жилищное строительство. За железнодорожной линией вырос рабочий поселок.

В сентябре 1934 года по решению ЦК ВКП(б) в Казахстан прибыл С.М. Киров для оказания помощи в организации уборки урожая и хлебосдачи. 26 сентября 1934 года товарищ Киров приехал в Петропавловск и в тот же день на заседании бюро обкома партии выступил с обстоятельной речью о хлебоуборке и хлебозаготовках. Товарищ Киров дал ценнейшие указания по работе местным партийным и советским организациям.

Вернувшись в Ленинград, товарищ Киров продолжал интересоваться Казахстаном. Когда ему стало известно о досрочном выполнении хлебозаготовок в Карагандинской области (Петропавловск был в то время ее административным центром), он прислал обкому партии и облисполкому следующую телеграмму: «Поздравляю с выполнением годового плана хлебосдачи. Не сомневаюсь, что сделаете все для выполнения государственных поставок отстающими МТС», колхозами, единоличниками, а также сделаете все к уборке хлебов с минимальными потерями. Киров.».

В предвоенные годы широко развернулось на предприятиях города стахановское движение. На механическом заводе кузнецы Монастыршин и Изматриков выполняли нормы на 418 процентов, а на пимокатном заводе стирщики Джумабаев и Маслов давали за смену почти по пять норм. «Мирная жизнь советского народа была нарушена разбойничьим нападением гитлеровской Германии на нашу Родину. Петропавловск оказался в глубоком тылу. Промышленность города в основном переключалась на помощь фронту.

Трудовой подъем петропавловцев во время войны неоднократно отмечался партией и правительством. Мясокомбинат и ТЭЦ за производственные победы получили переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. В военные

годы трулящиеся Петропавловска получили от И.В. Сталина восемь телеграмм, в которых выражалась благодарность Красной Армии за сбор средств для военных нужд.

К концу войны стахановское движение охватило все предприятия города. На одном из эвакуированных заводов т. Мироничева при изготовлении одной трудоемкой детали выполнила задание на 1.568 процентов. Молодая фрезеровщица т. Абдухалыкова превысила задание в 35 раз. Стахановец т. Федулов, применив на фрезерном станке дополнительное приспособление, добился выполнения норм почти на 4.400 процентов. Бригада слесарей-сборщиков в составе тт. Мительмана, Гарбуза и Малышева дала за смену 92 нормы.

За годы Советской власти в Петропавловске были построены мощный мясокомбинат всесоюзного значения (на базе консервного завода), крупная теплоэлектроцентраль, завод малолитражных двигателей, хромовый, весовой, пивоваренный, кирпичный заводы, валяльно-обувная, швейная, махорочная фабрики, спиртокомбинат, механизированные мельницы-заводы. Выстроены также многочисленные здания школ, техникумов, больниц, клубов. Запущено 25 погонных километров улиц и въездов в город.

В настоящее время Петропавловск является большим промышленным городом. В нем находится 20 фабрик и заводов, помимо многочисленных мастерских разных производственных артелей. Промышленность города в 1951 году выпустила продукции вдвое больше, чем в 1946 году. Государственный план производительности труда за 1951 год выполнен на 106,6 процента. В 1951 году 1.883 рабочих выполнили каждый более полутора годовых норм.

Петропавловск является и культурным центром. В нем имеются учительский институт, 13 техникумов, специальных школ и училищ, 9 средних, 14 семилетних и 15 начальных школ, 90 различных культурно-просветительных учреждений (клубы, библиотеки, красные уголки и пр.). Библиотечный фонд города насчитывает до 350 тысяч книг. Город хорошо обеспечен электроэнергией. Заново переоборудованный водопровод отпущает в чегыре раза больше воды, чем в довоенное время. По городу проходят три автобусные линии и, кроме того, имеется регулярное движение поездов по городской ветке, выстроенной

в годы войны. Ежегодно отстраивается до 300-400 домов. Город сильно разросся, занял территорию в два раза больше, чем до революции.

В городе имеются драматический театр, цирк (единственный в Казахстане), несколько кинотеатров.

Дальнейшее развитие Петропавловска еще значительнее поднимет его социалистическую культуру.

1952 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

В нынешнем году на территории Северо-Казахстанской области были проведены рекогносцировочные археологические работы. Обследовались памятники древней материальной культуры: старые городища, курганы, насыпи.

Для создания общего представления о далеком прошлом Северного Казахстана пользуются археологическим материалом раскопок и исследований на смежных территориях. Исследования в нашей области должны восполнить ряд пробелов в истории древних людей Западно-Сибирской низменности, которая еще слабо изучена.

Как выяснилось, наша область располагает значительным числом археологических памятников. Разнообразие типов курганов, могильников и городищ позволяет установить их принадлежность к определенному историческому периоду. Обнаруженные перед войной в с. Петерфельд Петропавловского района на глубине 18 метров остатки очага (угли и расколотые кости) указывают на наличие палеолитической стоянки. Неолитические находки встречаются на берегах Ишима и в г. Петропавловске. Бронзовый век (II-I тысячелетие до н. э.) представлен курганными погребениями в Пресновском, Ленинском, Петропавловском и других районах. От скифо-сарматского времени (с VI века до н. э. по V век н.э.) остались курганы в северных районах области. Материальная культура шибирских (сибирских) племен VI-XII веков сохранилась в городищах и курганах в районах, прилегающих к Ишиму. Татаро-монгольское время (XIII-XVII века) запечатлелось в многочисленных могильниках и курганах в северной и западной частях области.

Наличие в Северном Казахстане памятников последовательно появляющихся культур, начиная от каменного века и до поздних татарских, джунгарских и казахских поселений, помогает разработке вопросов происхождения народов южной части Западно-Сибирской низменности.

Историческая наука на основе археологических данных устанавливает, что древнейшие люди Западно-Сибирской низменности имели европеоидный облик. Тюркские и монгольские черты населения Западной Сибири появились в сравнительно позднее время. Шибирские племена являлись древним населением низменности. В VI-VII веках они подверглись относительно слабому тюркскому влиянию, а в XIII веке южная группа их слилась с завоевателями-монголами.

Незначительные земляные работы, которые удалось провести нынче, установили, что все обследованные курганы подверглись ограблению еще в давние времена. Это хорошо видно на кургане, расположенном на берегу озера Половинного (в 4 км от с.Ганькина). Насыпь его представляет слой земли, перемешанной с остатками предметов, положенных с покойником (костяные стрелы, колчан, меч). Деревянный настил, сделанный поверх могильной ямы, разобран при ограблении, остались лишь следы его. Курган у с.Затон и два кургана во дворе Мамлютской средней школы тоже были разорены в древнее время.

Из Омской области через Полудинский, Петропавловский, Мамлютский, Пресновский районы в Кустанайскую область и далее в Западный Казахстан тянется цепь полушаровых оплывших курганов. Эти курганы следует отнести к первым векам нашей эры.

Помимо полушаровых курганов скифо-сарматского типа, расположенных вдоль р.Ишим, имеются курганы мелких размеров, диаметром от 4 до 8 метров, овальной формы, относящиеся к VII-XII векам, а также круглые небольшие курганы еще более позднего времени (XIII-XVII века).

Изучение этих поздних курганов дает возможность установить районы расселения сибирских татар, джунгар и казахов в XVI-XVII веках. Есть ошибочное мнение, что казахи являлись новопришельцами в Северном Казахстане, что они появились здесь только в середине XVIII века, одновременно с рус-

скими. На основании археологических данных уже можно говорить, что казахи жили на территории Северного Казахстана в первой половине XVII века, а возможно, и еще раньше.

Археологические исследования нынешнего года, заключающиеся в регистрации археологических памятников и в небольших предварительных раскопках, установили наличие значительного числа древних курганов в Северном Казахстане и разнообразие древних культур.

Изучение древних памятников в Северном Казахстане раскрывает ряд важных исторических вопросов. Прежде всего опровергается распространенное мнение, что в наших степях жили только кочевники. Остатки городищ свидетельствуют, что уже в эпоху бронзы и в начале нашей эры здесь жило оседлое население. В одном из курганов I-IV века под Петропавловском был обнаружен клевец - орудие для обработки жерновов. Это указывает, что жители местности занимались земледелием. Предметы материальной культуры, найденные в курганах, указывают на связи Северного Казахстана с Алтаем, Южным Уралом и Северным Кавказом в так называемое скифское время.

Археологические работы помогают полнее воссоздать страницы древней истории Северного Казахстана.

1952 г.

1752† 2002

250

ПЕТРОПАВЛОВСК

СОДЕРЖАНИЕ

Петропавловск торговый	5

ЛЮДИ И ГОДЫ

Автор главной книги о прошлом Северного Казахстана	16
Он ценил и любил людей	23
Летописец града Петра и Павла	26
Книга, не оправдавшая надежд	29
Первый почетный гражданин	32
Посвятивший себя служению людям	36
Вся жизнь - подвиг	42
Первый в Казахстане	47
Две судьбы	52
Выдающийся врач и организатор	58
Агроном Вацлав Лещинский	69
Идеальный директор	75
О чем рассказала старая фотография	82
Жить иначе она не могла... ..	84
Фотографии из семейного альбома.....	89

В ГОДЫ

РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ

«Марсельеза» - против гимна «Боже, царя храни»	94
Дело Шпринбаха	97
Дубынин в Петропавловске	99
Жизнь, отданная революции	103
Люди вечной юности	108
Документы рассказывают... ..	113
По следам одной публикации	126
Прасковья и Настя	129
Он звал людей к миру и любви... ..	134
Ставший легендой при жизни	137
Скорбные дни 1921 года	140
Павел Давыдович Жигор	153
«Наши симпатии... в сторону реформ»	157
Первая газета Петропавловска: «Степная жизнь» - другая версия	160

ИСТОРИЯ ПРОФСОЮЗОВ

...И вспыхнула стачка	168
Первые профсоюзы в Петропавловске	171
Из истории профсоюза учителей Петропавловска	178
Из истории профсоюзного движения петропавловских печатников	184
Несколько страниц из архивного фонда Залманова	189

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Петропавловский Краснознаменный полк	196
Партизан Смольников	200
Балибардины	203
Всегда на переднем крае	207
Писатель-фронтовик из поколения победителей	209
Поезд ведет женская паровозная бригада	215
Подвиг санитарки Родионовой	221

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА

Драма Вознесенского собора	226
Дом невесты	230
Трагическая ночь	232
Дом, открытый для души	235
... Объявлен на военном положении	238
«Октябрины» вместо крестин	241
О чем рассказали метрические книги	244
Главный восстановитель храма	249
Стоит в степи на берегу Ишима мой город, с детства сердцу дорогой	254

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

Праздник в казачьей станице	260
Из истории сибирского казачества	265

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СЫНОВЬЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Короткая и яркая судьба	
Здесь родной мне каждый камень, каждый дом.....	
Триумф Петропавловского казахского хора в Москве	
Из истории партии «Уш жуз»	
Абдрахман Айтиев	
«Дом Абылая» вызывает о помощи	
Хан Абылай в летописи Приишимья	
Бухар-жырау (Оплакивание хана Абылая)	
Дом Абылая: историография, версии и доводы	

ЯРОСЛАВ ГАШЕК В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

«Здесь моя вторая родина»	

А. И. СЕМЕНОВ

Из истории нашего города	
Военный быт Петропавловской крепости	
Гражданский быт Петропавловска в XVIII веке	
Меновая торговля	
Страницы прошлого	
Революционное прошлое Петропавловска	
Советский Петропавловск	
Археологические исследования в Северном Казахстане	

